АЛЕВТИНА РАССКАЗОВА
КОРЕЙСКАЯ ГЕЙША
история Екатерины Бэйли

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Когда Катя – обычная девушка-хабаровчанка – приняла решение работать в Южной Корее в качестве хостесс, она и представить себе не могла, как круто в этот момент изменилась вся ее жизнь. Нелепая случайность, приведшая в корейскую тюремную камеру; депортация; возвращение обратно в Корею; предательство любимого человека – все это и многое другое выпало ей преодолеть на долгом и трудном пути к обретению простого женского счастья. Все описанные события исключительно достоверны. Совпадения не случайны.

- Алевтина Рассказова
  -
  - ПРОЛОГ
  - ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
    - Глава 1
    - Глава 2
    - Глава 3
    - Глава 4
    - Глава 5
    - Глава 6
    - Глава 7
    - Глава 8
    - Глава 9
  - ЧАСТЬ ВТОРАЯ
    - Глава 1
    - Глава 2
    - Глава 3
    - Глава 4
    - Глава 5
    - Глава 6
    - Глава 7
    - Глава 8
    - Глава 9
  - ЭПИЛОГ

Алевтина Рассказова
ХОСТЕСС
История Бэйли Екатерины

Вы меня знаете, вы меня видели: на улице, в метро, в автобусе или магазине, а может даже и в самолете. Но обычно вы проходили мимо и не обращали на меня никакого внимания. Возможно лишь потому, что вы просто не знали меня, да и не стремились узнать.

Вполне вероятно, что кто-то из вас уже сейчас, заранее, любит меня, а кто-то презирает. Кто-то завидует или наоборот – насмехается… Все верно, ведь я – бывшая «хостесс» (что в глазах некоторых «просвещенных» ставит меня в один ряд с представительницами «древнейшей профессии»), а теперь – эмигрантка. Но, прежде всего я чья-то дочь, жена, сестра и подруга, которая не нужна своей стране, как впрочем, не нужна и чужой. Скорее всего, так же как вы.

Да, мы с вами все очень разные, но кое в чем мы очень похожи. Мы все – живые люди. Мы – судьбы. Мы – непрочитанные книги никому не известных авторов. И я очень хочу, чтобы вы узнали меня. Меня – настоящую. Поэтому сегодня, впервые, я расскажу вам о себе всё. Абсолютно всё.

Однако если вы не готовы поверить мне, – не тратьте зря деньги и купите книжку с анекдотами или с очередной выдуманной историей. Быть может

так вам будет проще жить…

Bailey Ekaterina

В жизни самых обычных людей происходят настолько необыкновенные события, что их не смог бы придумать даже самый большой выдумщик и фантазёр! Поэтому нам, писателям, остается только самая малость: найти подобного человека и поделиться с Вами его историей.

Что, в общем-то, я и делаю.

Ваша Алевтина Рассказова

Имена и фамилии большинства участников событий и некоторые из названий сознательно изменены автором для того, чтобы затруднить идентификацию личности главной героини, а также людей, находившихся рядом с ней в различные периоды ее жизни и ставших героями этой книги, даже не подозревая об этом. События и факты, а также их интерпретация изложены исключительно в авторском видении, и без претензии на истину в последней инстанции. Читатель волен считать их вымыслом или правдой ровно в той мере, в какой ему самому этого хочется.

Некоторые из описанных здесь персонажей, читая книгу, могут «узнать» себя или свои поступки, но они вряд ли будут «узнаны» окружающими их людьми. Если только сами не захотят быть узнанными и не признают себя в них публично. А уж за это автор не может нести никакой ответственности, извините. Поэтому предлагает читателю хорошенько подумать, прежде чем начать публично озвучивать «настоящее» имя автора, главной героини или кого-то из упомянутых здесь личностей, – «А оно Вам ДЕЙСТВИТЕЛЬНО надо? Ведь Вы можете и ошибаться». К тому же на самом-то деле важны не столько личности, сколько события, которые могли произойти с любым из нас. Не так ли?

ПРОЛОГ

Может, что-то и снилось. Не помню.

Проснулась от того, что сверху на меня навалилось «нечто». Чмокнуло в носик, в щечки… и замерло. Я открыла глаза и увидела сияющее лицо мужа.

До сих пор не верится, что мы, наконец, вместе! Прошло восемь месяцев со дня нашей последней встречи, хотя могло быть и хуже.

Я встала, оделась и пошла варить себе кофе.

– Ты завтракал?

– Да, печенье съел.

Что печенье, я уже и сама догадалась по разноцветным крошкам на дне тарелки.

Радует, что он у меня не привередливый, все ест. А то пришлось бы с утра пораньше гамбургеры варганить.

– Блины с собой взял?

– Нет пока, – муж стоял на кухне уже одетый, и про блины, похоже, забыл.

Почему-то из всего, что я готовила, фаршированные блинчики и борщ запали ему в душу глубже всего. Что, собственно, странно, потому как что такое свекла они (я имею в виду американцев, это на тот случай, если кто-нибудь из вас еще не догадался, что мой муж – из их числа) вообще не знают. То есть меня буквально так и спросили: «Это такая, которая растет как огурцы?». «Нет», – отвечаю, – «это которая как морковка, только круглая и бордовая».

Ну и понятно, что, так как и овощ это неизвестный, и цвет необычный, то есть его они в большинстве своем побаиваются. Так что можно считать, что в вопросе еды мне с мужем повезло.

Я положила коробочку с блинами мужу в рюкзак, чмокнула на прощанье и пошла пить кофе и проверять электронную почту.

Вот так, еще месяц назад я была в Хабаровске с минус двадцать за окном, а теперь я – в Лас-Вегасе, и при плюс двадцати. И это – в феврале-то! Господи, как же я летом здесь находиться буду!?

Начался новый день, хотя ничем особенным он, скорее всего, отличаться от предыдущего не будет. Я здесь еще не работаю, и даже не учусь, так как пока что у нас не было времени оформить все необходимые документы для смены статуса визы. Все это будет, но позже.

Никак не могу дождаться, когда смогу уже работать. Все-таки долго без дела сидеть я не могу. Да и учиться тоже надо, все-таки

двадцать пять лет – не шутки, пора бы и образованием обзавестись!

Проверила почту. От мамы письмо: брату поставили диагноз – артрит (Боже, это в его-то годы! Как же он дальше жить будет!?); трубу на кухне опять прорвало – вызвали слесаря (ага, снова неделю ждать, пока дошкандыбает!); плату за проезд опять поднимают (а, чтоб им всем!).

И вот так всегда! Ну почему каждый раз, как я уезжаю, дома возникает куча проблем? Или это мне кажется, потому что когда я там, эти проблемы касаются меня лично, а когда я далеко, это вроде как и не совсем лично, но все равно неприятно?

Я много думала, почему столько наших девчонок уезжает из России кто куда, и сейчас, кажется, поняла.

Когда мы далеко от дома, все наши российские проблемы остаются на плечах наших родственников. Ну, прорвало трубу…, – и что я могу?! Могу, например, денег выслать. А вот звонить по сто пятьдесят раз на дню слесарям, ругаться, выслушивать мат в ответ, ждать с утра до вечера их дома, отмывать полы от кусков грязи и ржавчины…? Нет уж, увольте, – никак не могу, уж это вы сами!

Это я, конечно, утрирую, но в целом, в общем-то, с этого и началось мое мытарство, – с побега от бытовых проблем, от вечной нехватки денег и… с поиска чего-то нового. Хотя и говорят, что везде хорошо, где нас нет, но мы всегда надеемся на лучшее «а вдруг?!».

Вообще, почему так много девчонок и молодых женщин едут в Корею, Японию, Европу и так далее для работы «хостесс»? Пока я работала в Корее, а потом и просто жила там с мужем, я познакомилась с десятками девушек и выслушала кучу их жизненных историй и ответов на вопрос «почему».

Вы сами-то никогда над этим не задумывались? И как?… Ну, тогда приготовьтесь.

Перво-наперво, сразу разобью стереотип номер один: что туда едут, так сказать, «отбросы общества» или сплошь девицы «легкого поведения». Среди моих знакомых не было ни одной «падшей женщины», зато были: инженер (высшее техническое образование), учитель иностранных языков (высшее педагогическое образование), учитель физкультуры (тоже «вышка», но, сами понимаете, – физкультурная), несколько дочерей педагогов и учителей, медсестра (закончила мед. училище), повар, бухгалтер… ну, и так далее. Всех их объединяло только то, что они что-то делают, а не сидят в уголочке и не горюют о своей нелегкой судьбинушке.

Одна моя близкая подруга с отличием окончила техникум по

специальности «помощник юриста». После этого она отчаянно пыталась найти работу, которой обучена, но без опыта ее никуда не брали. Закончилось все тем, что ее взяли в риэлтерскую контору на должность секретаря с зарплатой в пятьдесят долларов, но при условии, что в «трудовую» запишут, будто она работала юристом. И так как Лене (именно так зовут мою подругу) нужна была эта самая запись в «трудовой», – она согласилась работать за копейки. Даже я, не имея никакого специального образования и работая продавцом видеокассет, получала больше.

Как вы понимаете, на такую зарплату прожить невозможно. Даже в провинции.

Так что Лена промучилась так год и уехала в Корею работать «хостесс». Делает это ее «плохой»? Не думаю.

Сейчас Лена живет в Японии, второй год учится в колледже и работает. Зарабатывает – дай Бог каждому. И будьте уверены: закончив колледж, она получит и хорошую работу, и жизнь, которой достойна.

У вас все еще есть вопросы, почему она поехала работать «хостесс»? Да потому, что в своей стране она была никому не нужна: ни с образованием, ни без него!

Многие другие женщины ехали в Корею, чтобы прокормить ребенка: папа, как водится, запил/загулял/бросил, а на зарплату учителя/врача прожить невозможно. И чья вина в том, что учителя и медработники у нас получают меньше, чем торговки семечками? Уж точно не их!

Некоторые приезжали, чтобы выйти замуж. Стоит ли их за это осуждать? Не знаю, вам решать. Однако в России нормальных мужчин катастрофически не хватает.

К примеру, мой брат обзавелся женой и сыном, когда ему едва исполнилось семнадцать лет. Вы скажете: «Ужас!». А я отвечу, что тех, кто в голове имеет чуть больше одной извилины, девчонки «разбирают» очень быстро. Так что попробуй-ка найти нормального парня старше двадцати и неженатого!

Счастья же и нормальной семьи хочется всем: чтобы и муж был, и ребенок, и дом – полная чаша. Или если не семьи, то хотя бы любимого человека, которому не надо будет после 22—00 бежать домой, чтобы жена, не дай Бог, ничего не заподозрила.

Уж и не знаю, может, это только мне так везло, но лично мне всегда попадались только «женатики». А на очень уж молодых парней, которым по российским законам еще и алкоголь в магазинах не имеют права продавать, и которые пока еще не женаты, меня, девятнадцатилетнюю девушку, как-то не тянуло. Уж извините.

Некоторые приезжали в Корею, чтобы просто заработать денег: на учебу, квартиру или машину. Ну и что?! Желание это вполне понятное. Мои родители, к примеру, тоже не могли платить по тысяче долларов в год за мой институт.

Я и сама как раз таки из тех, кто приехал на учебу зарабатывать. Но не просто учебу, – я хотела непременно в Австралии учиться. Уж не знаю чем, но эта страна меня привлекала уж-ж-жасно! Хотя нет – вру, – знаю чем. Я просто очень хотела учиться за границей, а в Австралии были самые приемлемые цены на учебу. Учиться в России мне расхотелось после того, как я насмотрелась на своих «образованных» и безработных подруг. Конечно, не все, получив образование, не могут устроиться по специальности, но, согласитесь, таких слишком уж много.

По моим расчетам, за два года работы «хостесс» я смогла бы накопить сумму, достаточную для первого года обучения. А уже там, в Австралии, нашла бы работу и, учась, накопила на следующий.

Да, не скрою, я всегда хотела жить за границей. К тому же моя мама, побывав в Америке, Канаде и Японии (она провела несколько лет, трудясь рыбообработчицей на плавбазах, которые арендовались иностранными компаниями, вот и смогла хоть одним глазком мир повидать) «загорелась» желанием выдать меня замуж за иностранца. Она долго уговаривала меня поместить объявление на сайте знакомств и я, наконец, сдалась. Действительно, наверное, можно было бы попробовать познакомиться с каким-нибудь «Джоном» по Интернету, чтобы в один прекрасный день сделать ручкой «бывай, Родина, – адьюс!». Однако уже через месяц я поняла, что в моем случае это – бесполезно.

Если бы мне было лет тридцать или сорок, и я бы уже перестала лелеять надежду найти «чистую и светлую любовь», тогда да – это реальный шанс «обзавестись семьей». Но мне-то было девятнадцать! И мне такой способ казался кощунственным и слишком уж неромантичным.

Я мечтала встретить того единственного, который предназначен небесами. Русский, американец, турок или еще кто, – все равно! Лишь бы любимый.

В России он мне не встретился. Только и всего.

Но я – романтик! Я хотела настоящего чувства, и я его получила. Правда, все оказалось не так просто, как в сказке про Золушку. Ведь жизнь – штука непредсказуемая. И за минуту счастья приходится платить часами, а то и месяцами разочарований и несбывшихся надежд.

«Чтобы добраться до рая, нужно для начала умереть». Вот и моему сердцу пришлось «умереть» дважды, прежде чем я добралась до своего «рая».

Следуй за мной, мой неведомый спутник, и я расскажу тебе кто такие «хостесс», кто такая я, и возможно даже, кто такой ты сам…

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

Да, кстати, зовут меня Катя. Раз уж я решила рассказать вам свою историю, то не мешало бы, наверное, и представиться. И когда все это началось, мне только-только исполнилось девятнадцать лет. Э-эх, давно же это было!

Раньше я часто слышала от знакомых девчонок, что можно поехать в Корею или Японию и заработать неплохие деньги, развлекая местных своей «русской красотой», песнями, плясками и прочим. Я очень долго взвешивала все «за» и «за» (аргументов «против» почему-то не находилось) и, наконец, решилась.

Хотя я слышала и несколько неприятных историй, в которые попадали наши девушки, но большей частью они были связаны с Китаем, а не с Японией, в которую собиралась поехать я. Поэтому я сделала несколько фотографий, загранпаспорт и отнесла все это в фирму. Меня обещали устроить на работу в хороший клуб в Японии. Правда, когда виза была уже в паспорте, и я пришла подписывать контракт – выяснилось, что еду я не в Японию, а в Корею. Ну, Корея так Корея, хрен редьки не слаще.

Перед отъездом я раздобыла телефоны российского консульства в Сеуле, купила самое необходимое (неизменную «Мастер и Маргарита», пару дисков с российской музыкой да батон копченой колбасы) и поехала в аэропорт. Билеты мне оплатила фирма, с собой было некоторое количество свободно конвертируемой валюты, так что чувствовала я себя более-менее уверенно. К тому же, ехала я от «проверенной» компании и в их репутации, как и в собственном будущем не сомневалась.

Со мной летели еще двое. Первая девушка была невысокого роста и не слишком-то броской внешности. Она всю дорогу молчала. Вторая же, по имени Света, была полной противоположностью первой: высокая, худющая, с острыми чертами лица. Она сразу же показалась мне ну сли-и-ишком уж разговорчивой и бойкой девицей, чем категорически не понравилась. Уж и не знаю почему, но не симпатизировала я никогда болтливым людям, и все тут! Однако, как вскоре выяснилось, ее напористость и привычка «переть напролом» в Корее были весьма и весьма полезны.

Мы сошли с трапа самолета в аэропорту «Кимпо». Тогда еще не был отстроен международный «Инчен», но даже этот, в сравнении с нашим местным международным терминалом нам показался «ОГО-ГО!».

Мы без проблем прошли таможню и эмиграционный

контроль, и пошли на выход. Нас встречал полноватый кореец с табличкой с названием нашей фирмы в руках.

– Привет! – почти без акцента сказал он и добавил, уже по-английски. – Летс гоу!

Мы пошли следом, вернее – побежали, волоча за собой пудовые чемоданы, так как этот отрезок пути он, видимо, проделывал тысячу раз, и ради нас притормаживать не собирался.

– Ну и хамло! Хоть бы с чемоданами помог! – сказала Светка тихо, на тот случай, если кореец все-таки понимал по-русски.

– Ага! Прям щас, разбежится, и поможет!

Я, не привыкшая к рыцарским манерам еще с России, не рассчитывала на них и там.

Мы дошли до стоянки и стали чего-то ждать.

Девчонки сразу же кинулись искать сигареты и жадно курить. Мало того, что в самолете курить нельзя, так ведь надо же попробовать, как оно, курить за бугром! А вдруг как-то иначе, чем у нас? Оказалось – нет, не иначе… но все равно – приятно.

Минут через десять к нам подошла старенькая кореянка и стала нас разглядывать, жестикулировать и, как нам казалось, ругаться. Как потом выяснилось, она не ругалась, – просто это у них язык такой: иной раз не поймешь, то ли они ругаются, то ли подавились, то ли о погоде говорят. После прослушивания этой непонятной речи толстенький кореец, коего звали мистер Ли, сообщил, что меня и Светку «мама» берет, а вот вторую, тихоню, он повезет в другой клуб.

Мы принялись возмущаться, что мол, только вместе поедем! Но мистер Ли наотрез отказался что-либо обсуждать и заявил, что в «мамином» клубе все высокие, и она совершенно не подходит клубу по росту. Мы, конечно, расстроились, но нас утешили тем, что едем мы, по крайней мере, все в один город.

В общем, погрузились все в микроавтобус и поехали. Ехали долго, часов пять. Наконец сонный мистер Ли сказал, что уже почти приехали.

Мы стали оглядываться по сторонам. Что ж, вроде неплохо: город немаленький, все искрится от ярких вывесок, кругом оживление и веселье… Но только мы все едем, …и едем,… и все никак не останавливаемся…

Вот уж и высотки все проехали, и яркие огоньки…, поля рисовые пошли. Тут мы уже всерьез стали беспокоиться.

Ли тем временем свернул на какую-то проселочную дорогу и по краям стали видны маленькие домики, больше напоминающие наши «свои» дома.

Наконец машина остановилась. Мы огляделись: улочка с четырьмя клубами, парочка домов-бараков, парочка ресторанов.

Да-а, негусто.

– Какого…??? Мы где вообще? – по голосу Светки я поняла, что госпожа Паника наступает. Она завертела головой в поисках Ли.

– Почему мы здесь, что это за деревня?! – ее голос начал срываться почти на крик.

Кореец мельком взглянул на нее и спокойно так отвечает:

– А вы тут работать будете. Сейчас «мама» покажет вам квартиру, отдохнете и пойдете смотреть клуб.

После этого он молча открыл перед нами дверцу, вытащил наши со Светкой чемоданы на улицу, так же – молча – уселся обратно в машину, и… был таков.

Должна заметить, что наши паспорта он отдал «маме» еще в аэропорту, объяснив это тем, что их нужно будет сдавать для получения эмиграционной карточки. Так что, сами понимаете: бежать нам некуда и срыва – ноль. Ну да ладно.

Подошла старенькая кореянка, открыла перед нами двери в постройку, больше напоминавшую сарайчик, и показала, чтобы мы втащили внутрь чемоданы.

– Простите, а как нам вас называть? – спросила я по-английски.

– «Мама», – ответила она и улыбнулась.

«Ничего, улыбка, вроде, добрая. Авось пронесет и все будет нормально», – промелькнула слабая надежда.

– Нет, ну а все-таки, как вас зовут? – настаивала я, так как называть чужую тетю «мамой» у меня язык не поворачивался.

– «Мама»! Кинчан*а*!

«Хм, и что еще за «Кинчан*а*»? Фамилия, что ли, такая?» – думаю. Оказалось, что не фамилия. И даже не имя. По-корейски «кинчан*а*» значит: «нет проблем».

Ладно, думаю, «мама» так «мама». Мне все равно.

По-английски она почти не понимала. Во всяком случае, если и понимала, то очень и очень плохо. А уж изъяснялась она на нем вообще ужасно! Но со временем мы научились понимать почти все из того, что она хотела нам сказать.

Притащив ящик лапши, «мама» оставила нас одних.

Мы со Светкой осмотрели свое жилище. Н-да, кухня замызгана жирными пятнами, тараканчики бегают толпами, кругом – пыль, грязь… Ладно, идем дальше. О, три комнаты, – уже лучше! Вошли в первую: здесь чисто, кровать «полуторка», ящик пластиковый для белья, зеркало, комод. Во второй стояла еще одна кровать, такой же комод… в общем, – дубликат первой. Третья комната была пустая. Кроме конструкции для сушки белья и вешалки там ничего не было.

«Видимо, гардеробная», – подумала я, и, перетащив в нее свой чемодан, принялась распаковываться.

– Ты что делаешь? С ума сошла?! Мы ни на минуту здесь не останемся! Ни на один день! Ты посмотри, куда нас завезли. Это же дыра какая-то! Я ехала в ХОРОШИЙ КЛУБ, а не в деревню Кукуево! Да у нас уборщицы лучше живут! – у Светки в глазах стояли слезы.

Из ее рассказов я поняла, что она из «приличной» семьи: папа – капитан, мама – бухгалтер, у самой Светки высшее техническое образование. На мой вопрос о том, а какого, собственно, рожна ее в Корею понесло, если у нее дома вроде все так прям в шоколаде с вафелькой, она ответила как-то уклончиво: обстановку сменить. Я еще удивилась тогда: «Ну, – думаю, – я могу понять: в соседний город к бабушке или в Москву на крайний случай, но чтобы вот так – в чужую страну, да от хорошей жизни!? Нет, что-то здесь не то. Ну да дело это не мое, захочет – сама расскажет».

В общем, плохо Светке было, – видно невооруженным взглядом. Мне-то еще ладно, я в маленьком городке полжизни провела, с дачей, посадкой картошки, горячей водой по праздникам, – так что мне не привыкать. А вот ей плохо было, это точно.

– Света! Не хочу тебя расстраивать, но ты подумай логично: за нас уже клуб деньги заплатил как минимум за месяц. Нас никто раньше месяца отсюда не заберет. Может, если мы будем хорошо работать, зарекомендуем себя, нас переведут в хорошее место. А сейчас пока об этом и думать нечего! Ну, оглянись, здесь не так уж и плохо. Мы тут все отмоем, таракашек потравим – даже миленько будет! Ну?! Что слезы лить? Мы не русские, что ли!? Где наши пропадали!? Да мы везде выживем и еще во-о-о-о как заживем!

Вроде немного помогло. Я и ее успокоила, и даже себя… немного. Говорила все это, а сама думала: «Ну, какие деньги можно тут заработать?! Что смеяться? По-моему, нам тут еще самим придется местным жителям помогать». Тем не менее, Светка, кажется, успокоилась, и мы принялись распаковываться.

Сначала решили, что уборку начнем утром, но все ж таки не утерпели и стали убираться сразу.

Так, от тараканов надо срочно избавляться! Эта гадость ни дай Бог ночью в ухо залезет, или в еду куда-нибудь! Бр-р-р!

Фантазия у меня, предупрежу сразу, очень бурная, и все ужасы того, что могут натворить тараканы, предстали пред моим взором в полном цвете. Поэтому полночи мы провели за уборкой, и лишь после этого приняли душ. Тараканами решили заняться чуть позже, когда выберемся в магазин и купим специальные

ловушки для них.

Да, кстати, душ тоже заслуживает отдельного описания.

Представьте себе: маленькая комнатка; пол залит бетоном; такие же стены; из одной стены торчит кран и душ; в других стенах по двери (одна ведет в спальню, вторая – в гардероб, третья – на задний дворик, размером метр на полтора) и… много-много плесени везде, куда хватает взгляда! Чудненько, правда!? Нам тоже понравилось.

Незаметно наступило утро.

«Мама» пришла около полудня и повела нас кушать. С ней приплелась еще одна женщина лет сорока. Себя она представила как «Мадам». Все-таки проблемы у них с фантазией!

Вот, китайцы у нас, которые в России работают, – молодцы! Они понимают, что Суньхачай мы не запомним, вот и называют себя: Петя, Вася и т. д. Все по-разному. А эти только и знают себе: «мама» да «мадам». Ну да ладно, – их дело.

Пришли в ресторан. Они что-то там заказали. У нас ничего не спрашивали.

Сидим, ждем…

Через пять минут принесли гору листьев зеленого салата, сырые кусочки бекона, кучу каких-то салатиков и сковородку с плоской крышкой без ручки. Сковородку поставили на огонь, прямо посреди стола, и выложили на нее куски свинины.

Мы молча наблюдали. Что делать с этим дальше, где вилки, где хлеб… и как вообще себя вести – понятия не имели.

Еще через минуту нам принесли металлические палочки и показали, что ими нужно взять мясо, уложить его на листик зелени, сверху положить каких-нибудь салатиков и все это – свернуть трубочкой. Получившийся рулетик можно кушать.

Звучит процедура вроде бы просто. Но проблема состояла в том, что не только металлическими (а ними есть гораздо сложнее, чем деревянными!), но и вообще – никакими – палочками есть мы еще не умели. Так что это выглядело форменным издевательством: пахнет-то вкусно, но пока все это в рот попадет… – желудок к позвоночнику от голода прилипнет!

Вторая «кака» этого обеда состояла в том, что принесенная еда была абсолютно без соли! Некоторое время помучившись, мы не выдержали и попросили соль (о такой роскоши как вилки и хлеб мы боялись даже подумать). Хозяйка ресторанчика долго над нами смеялась, но солонку все-таки принесла.

После «обеда» мы пошли в магазин одежды для танцовщиц.

Для справки: до этого момента мы понятия не имели, что нам придется танцевать в бикини. Это, конечно, смущало. И если бы в конечном итоге танец превращался бы в заурядный стриптиз, то

мы бы просто не вышли на работу и поехали обратно в Россию. Уж что-что, но ЭТУ границу я бы переступить не смогла. За любые деньги.

В магазине перед нами засуетилась его хозяйка, предлагая то один, то другой комплектик блестящих бикини. Я выбрала один из них и ушла в примерочную. Вышла, посмотрела в зеркало, – мне не понравилось: грудь вульгарно выпирала, словно я певичка дешевого кабаре.

А кореянкам кажется, напротив очень даже приглянулось:

– Очень хорошо! Грудь красивая! – Та, что была хозяйкой магазина, все похлопывала меня по попе да по груди и восхищенно прицокивала языком.

В конце концов, я психанула, отбросила от себя ее руку, и, буркнув «беру этот», вылетела из магазина. Позже мы узнали, что у этой женщины-продавца есть прозвище, которое очень ей подходило – «Лезбиянка». Именно так – через «з». С тех пор мы так ее между собой и называли.

По приходу домой я вырезала из чашек лифа весь поролон, чтобы грудь как бы «тонула» в образовавшихся пространствах, а не «вылезала» где-то в районе ушей. Видимо, вся эта куча поролона была рассчитана на плоскогрудых, в большинстве своем, кореянок.

Вечером мы со Светкой сходили в магазин, накупили овощей, потушили их и наконец-то нормально поели. С хлебом, колбасой и сладким чаем.

Вдруг Света засмеялась.

– Ты чего? – спросила я, прихлебывая чай.

– Вот ты скажи мне, зачем я, – взрослая девушка, с высшим образованием, из нормальной семьи, у которой и с деньгами особых проблем нет – сюда приехала!? Задницей в бикини перед мужиками крутить? Ну, зачем, а!?

– А правда, зачем? Для смены обстановки уж как-то слишком круто. Хотя, скажем прямо, цель достигнута. Обстановка оч-чень, мягко говоря, иная.

Света тяжело вздохнула:

– Я с мужем развелась. У нас серьезные проблемы были, и мне надо было уехать. Вот я и подумала: здесь меня точно никто доставать не будет. – Она опять вздохнула и уткнулась в кружку.

– Понимаю… – только и смогла проговорить я.

А что тут еще скажешь? Ну не объяснять же человеку, что слишком часто наши проблемы не решаются так легко.

– Кроме моих родителей никто не знает, где я. Даже подружки не знают. Я всем сказала, что в Нижний Новгород поехала к родственникам. Меня бы не поняли, если б я правду

сказала.

Я подумала, что, пожалуй, тоже такого решения не понимаю, но промолчала. Чужая душа потемки. Откуда я знаю, что у нее за муж там? Может он псих какой?

Оказалось, что если и не псих, то, по крайней мере, буйный: побил ее пару раз. После одной такой бойни она на одно ухо слышит плохо. Так что она, может быть, правильно сделала, что уехала. Все-таки новые ощущения многое заставляют забыть и на многое взглянуть по-новому.

Пять вечера. В дверь постучали:

– Мама! Откройте!

Я открыла дверь. Перед нами стояла все та же «мама» – хозяйка клуба.

– Собирайтесь. Шесть. Клуб. Работа.

Из ее разрозненных слов на жутком английском удалось понять, что работать мы будем с шести. О'кей, – с шести, так с шести.

Мы оделись, накрасились. Около шести она вернулась и все вместе мы пошли в клуб.

– «Стерео», – прочитала я вывеску. – Значит, работать будем в «Стерео». Ясно.

Ничего, конечно, не ясно, но хоть с названием определились.

Внутри обстановка оказалась более, чем скромной. Небольшая сценка для танцовщиц, штук пятнадцать столов в четыре ряда, кресла, бар. В углу за столиком сидело около шести девушек непонятной национальности. Как потом оказалось – филиппинки. Все они были одеты в мини-платья, которые едва прикрывали их женские достоинства. Недостатки прикрыть ними было просто невозможно. Только одна из них была худенькой, все остальные – довольно упитанные.

Нас посадили за столик. Ровно в шесть часов одна из девушек поднялась и прошла в раздевалку за сценой. Через минуту она оттуда вышла, но уже в бикини. По лесенке поднялась на сцену.

Не могу сказать, чего именно я ожидала. Но, наверное, не совсем этого. Я, не имевшая никакой танцевальной подготовки, кроме дискотечной, и элементарного врожденного чувства ритма, была, тем не менее, поражена. На мой взгляд, эта девушка едва двигалась. Шажок влево, шажок вправо; два назад, два вперед. Вот и весь ее арсенал!

– И это все? А как же… в контракте ведь написано – танцовщица. Я, кстати, на бальные танцы ходила. Я думала, мы танцевать будем, как положено. – Свету, видимо, тоже сильно удивили ленивые телодвижения филиппинки.

– Блин, а я боялась. Думала, надо мной смеяться будут. Так

мы им покажем, а, Свет!?

– Тю, блин, конечно! – она, похоже, тоже была рада, что мы будем выглядеть «на уровне», по сравнению с этими девушками. Все-таки дух конкуренции еще пока никто не отменял.

Дошла очередь и до меня. Скажу честно: страшно было до жути! Да и стыдно тоже.

Во-первых, все-таки перед кучей незнакомого народа танцевать в бикини, да еще и на ярко освещенной сцене, – это требует недюжинной отваги.

Во-вторых, я мужчин вообще всегда стеснялась, а тут мне танцевать перед ними было нужно. Так уж вышло, что я девушка «поздняя» и до этого у меня почти не было опыта подобного общения с мальчиками. Так что для меня это было похоже скорее не на танец, а на ночной кошмар.

Но, слава Богу, пока что в клубе мужчин не было. Я переоделась и вышла на сцену. Зажала гордость в кулак, запихала ее подальше и станцевала так, как будто от этого зависела моя жизнь. Танцевала скорее для себя, потому что кроме Светки и «мамы» больше никто не обращал на меня внимания.

«Отплясав» две песни, я передала эстафету Свете. Она тоже постаралась выложиться на все сто. Мы потом друг друга похвалили, прочувствовали собственную возвращающуюся гордость и вопросительно посмотрели на «маму».

– Очень хорошо, – она улыбалась.

Ну, слава те…, вроде обошлось.

После того, как мы оттанцевали, к нам подошла женщина, тоже там работавшая, и тоже одобрительно улыбнулась и похвалила.

Вообще, помимо хозяйки там было еще две женщины лет сорока-пятидесяти, работавших официантками-разводилами (догадайтесь, как они себя нам представили? Точно – «МАМА»!), одна женщина-посудница, две кореянки-хостесс лет тридцати-сорока и ди-джей.

Сперва я не могла понять: почему такие взрослые женщины работают в клубах? Объяснение этому оказалось простым. Дело в том, что подобные заведения – семейный бизнес, и ничего другого эти женщины делать попросту не умеют.

Нашему «Стерео» в том году исполнилось шестнадцать лет. А до этого хозяева держали клуб в другом городе.

Я, кстати, узнала немного и историю Эй-тауна (место, куда нас привезли, называется Америка-таун, сокращенно – Эй-таун). Делюсь.

Эй-таун, как и многие подобные ему деревеньки был построен возле военной американской базы. Военнослужащих

командируют туда в среднем на год. Мужики, как правило, не могут привезти с собой жен и детей, даже если таковые имеются. И естественно по нормальным женщинам они скучают (сами понимаете, женщин-военных не много, а если и есть, то их моральный облик весьма далек от принятых норм).

Пятнадцать лет назад в Эй-тауне работали только кореянки и в основном занимались они проституцией. С тех пор многое изменилось, экономика Южной Кореи заметно улучшилась и секс-услуги стали нелегальными. Лично мне так и не удалось отыскать настоящей местной проститутки, хотя я и слышала, что где-то в центре Кунсана (того самого, с огоньками, который мы так безнадежно проехали в самом начале) есть «Красный Квартал». Но, чего не видела – того не видела, поэтому и утверждать не буду.

И когда проституция стала нелегальной, корейцы придумали, как продолжать зарабатывать деньги на скучающих американцах более-менее законным способом. Они понастроили клубов размером с наши кафешки, понабрали симпатичных и не очень (там все прокатывает) девчонок и объяснили суть: если клиент хочет поговорить (только поговорить, остальное там было строжайше запрещено, по крайней мере – официально) с девушкой, то он должен купить ей сок, цена которому десять долларов. Девушке с этого перепадает от полутора до пяти долларов, в зависимости от национальности. Филиппинки получали меньше всех – полтора. Русские – от двух до трех. Кореянки, соответственно, – пять. Такая вот дискриминация. Нам, можно сказать, еще повезло – «мама» платила нам по три тысячи вон с каждого стакана сока (одна тысяча вон равнялась тогда одному доллару). А вот девчонкам, которых привезли в наш же клуб, но месяцем позже, платили уже не по три, а по две с половиной тысячи вон. По какой такой причине, – не знаю.

В среднем мы должны были выпивать сок за десять-пятнадцать минут. Если мы вдруг забывались и пили сок дольше, одна из «мам», проходя мимо, ненавязчиво так давала неслабый тычок в бок.

Вот примерно в этом и заключалась наша работа в клубе. Да, еще нужно было танцевать, когда приходила твоя очередь. Ну, это – само собой.

В целом, если подумать, – неслабо так! За десять минут болтовни грабить людей на десять баксов! Но дело тут вот в чем: парни платили такие деньги не просто за болтовню, а за возможность познакомиться с девушкой и, если уж совсем повезет, – завести постоянную подружку. И так как в «тауне» работало в общей сложности всего около трехсот девушек, а

парней на базе было около трех тысяч, то с помощью нетрудных математических вычислений вы поймете, почему они не жалели денег на болтовню.

Девчонки парней находили себе там моментально. Конечно, ведь среди них конкуренция огромная, вот ребята и стараются: один другого обходительней, ухаживают все красиво, обещают горы золотые и луну с неба в придачу! Ну, как тут не влюбиться!? Как голову не потерять?!

Клуб пока был пуст, клиентов еще не было. Вдруг дверь распахнулась, и вошел первый посетитель. Росту он был маленького, внешне похож на еврея, но рыжий.

Он бухнулся в кресло за соседним столиком и поздоровался:

– Хеллоу, меня зовут Джерамайя, а вас как?

Мы представились.

– Вы новенькие?

– Первый день.

– Я вам вот что скажу, – произнес он заплетающимся языком (парень был явно «под мухой», и неслабой). – Не верьте никому…!

Тут его речь прервала одна из «мам» криком: «Покупай сок или не разговаривай с ними!»

Поначалу я не поняла, о каком соке идет речь и в чем причина столь грубого отношения к клиенту, но виду не подала. На всякий случай.

Тем временем Джерамайя оббежал вокруг стола и присел на корточки возле Светы:

– Здесь все врут: американцы, корейцы… Никому не верьте! Никому!

«Мамашка» принялась гоняться за ним вокруг стола, грозя кулаком, а он – со смехом убегать.

– А тебе верить можно? – с серьезным, насколько это было возможно в данной ситуации, лицом спросила я.

Он на секунду задумался.

– Мне – тоже нельзя… Я вообще – плохой, – На этом Джерамайя как-то сразу загрустил, и под крики кореянок вышел на улицу.

Мы посмеялись, но особого значения его словам не придали.

Новости о вновь прибывших девчонках всегда распространяются по городку со скоростью звука. Поэтому в тот же вечер наш клуб был переполнен. Яблоку негде было упасть!

Вот еще минуту назад клуб был пуст, но тут завалила толпа и враз заполнила собой все имеющееся пространство. Как волна цунами, ей Богу! Описать весь наш ужас перед этой шумной, прыгающей под тяжелый рок, и уже слегка подвыпившей толпой

очень сложно. Мы с трудом понимали, что вообще происходит.

Американцы очень сильно отличаются от русских. И дело не только в одежде, но и в жестах, лицах, поведении. Например, наши никогда не будут прыгать под музыку, пока не «накатят» грамм по двести-триста. А этим – все равно: прыгают себе и прыгают, гогочут, да пьют потихоньку. Мы же как-то больше привыкли к застолью, посиделкам, болтовне под водочку… ну а потом уже и к танцам да к «мордобитию»…Да и не только это, вообще, – все в них было как-то по-другому, иначе, чем у наших.

В первый момент мы совсем было растерялись, и не знали, что же нам с ними делать. Никто ведь толком и не объяснил: а в чем, собственно, заключается наша работа?

Но слишком долго находиться в неведении нам не позволили. Как только в клубе появились первые, после визита Джерамайя, посетители, к нам подошла «мадам» и уверенно повела к одному из столиков. Усадила нас к паре американцев и приказала: «Разговаривайте». Интересно, – о чем?

Ну, мне-то еще как-никак проще, я английский хотя бы на уровне школы знала. А вот Светка – немецкий изучала. Весь вечер я проработала переводчиком, хотя и сама еще плохо понимала чужую речь. Как ни крути, но изучала я именно «английский» язык, а не «американский», а это – очень разные вещи. От британского английского, коему учат нас в школе, американский отличается тем, что состоит, в основном, из сленга и отсутствия какой бы то ни было грамматики.

– Здравствуйте, меня зовут Катя, – промычала я, чувствуя себя снова школьницей.

– Как? Кача? – переспросил парень, на вид лет двадцати пяти-тридцати.

– Ка-тя, – повторила я по слогам.

– Катья? – снова спросил он. – А я – Джон!

– Очень приятно, – я согласилась на то, чтобы меня называли «Катья». Ну, в самом-то деле, не бить же мне его, если не может он выговорить такое простое, на мой взгляд, имя. Кстати, у большинства американцев возникают сложности при переходе с согласной на мягкую букву «я», – они всё время пытаются дополнительно смягчить согласный звук. Вот и получается у них вместо Кати – Катья, вместо Ани – Анья, ну и так далее.

– Ты недавно приехала?

– Да, сегодня мой первый день в этом клубе.

– Нравится? – спросил Джон.

– Пока не знаю. Наверное, не очень.

Нет, ну что за вопрос!? Я тут без году неделя, откуда я могу знать, нравится мне здесь или нет!? Не определилась я еще!

Мы болтали о пустяках: откуда я, он, сколько лет, женат ли, дети есть? Да, один ребенок, разведен, сам из Орегона. Из Хабаровска, не замужем, детей пятеро. Как, пятеро!? Шучу, – нет детей.

Через пару минут после нашего со Светкой приземления за столик подошла «мадам» и спросила парней, купят ли они нам сок.

– Да, конечно, – ответили они хором. Ну, хоть это радует, не зря мучаемся.

О том, чтобы получать удовольствие от беседы пока что не было и речи. Музыка орала так, что я не слышала собственного голоса, плюс мой английский (он же – американский) тогда еще был далек от совершенства.

Светка и «ее» американец сидели, уткнувшись в англо-русский словарь и, видимо, говорили о том же, о чем и мы с Джоном: дети, родина, возраст.

Нам принесли соки: стаканчики граммов на сто с неизвестным содержимым. Я попробовала: на вкус – вроде как апельсиновый с персиком, но на дне еще плещется что-то красное, и вся эта смесь отдает каким-то алкоголем. В первый день работы нам, видимо, решили плеснуть в сок немного алкоголя, – для храбрости. Потом мы попросили «маму» не делать больше этого. А то так и спиться было не долго.

Мне такой дорогой сок пить было жалко, ну прямо рука не поднималась, поэтому и цедила я его минут пятнадцать, пока не подошла «мадам» и не пихнула меня в бок.

– Пей быстрее! – прошипела она на ухо.

Я от такой бесцеремонности чуть не поперхнулась. Да уж, отношение к нам, скажу прямо, было не ахти. Я допила сок, и «мадам» тут же спросила парней, не хотят ли они купить нам еще.

Их хватило на три сока каждой из нас. Мы поговорили еще о России, целях нашей поездки в Корею и т. п. Парни попросили наши телефоны, которых у нас, конечно, не было и ушли, пообещав прийти на следующий день.

За вечер мы «насобирали» примерно по пятнадцать соков, заработав в дополнение к основной зарплате «за танцы» примерно по 45 долларов каждая. Что ж, для начала неплохо.

Мы жутко нервничали, ведь не каждый день знакомишься сразу со столькими парнями, да еще и американцами. Но все они задавали одни и те же вопросы и получали одни и те же ответы. И к концу вечера голова гудела от повторяющихся «как-зовут-ты-откуда-сколько-лет-ты-замужем-дети-есть?».

Домой мы вернулись около часу ночи и еще долго обсуждали первые впечатления. Светка твердо решила за месяц вызубрить

английский. Приступить решила немедленно. Она записала основные фразы, повторила по пять раз «перед сном» и положила листок под подушку. Чтобы уж наверняка запомнилось.

Утром мы пошли искать телефон, чтобы позвонить домой. Отыскали автомат. Зашли в магазин и купили карточку для международных звонков. А вот как звонить – понятия не имели. И автомат с кучей кнопочек и карточка были на корейском.

Мы стояли, почесывая репы, когда увидели невдалеке девушку.

– Она русская, точно тебе говорю! Давай у нее спросим, как звонить! – стала настойчиво предлагать Света.

– Девушка! Вы нам не поможете? Мы не знаем, как позвонить в Россию, – обратилась я.

Девушка была высокая, стройная, симпатичная. Одета была в майку, джинсы и кепку на коротко стриженой голове.

– Да, конечно. Вы новенькие? Где работаете? – спросила она. Голос был у нее приятный, низкий.

– Мы вчера приехали. В «Стерео» работаем, – ответила Света за нас двоих.

– «Стерео»? Ну, неплохой клуб. Правда, наших девчонок там нет, всех увезли на днях. Бедные вы, скучно, наверное, одним-то?

– Ну, плохо тем, что объяснить толком некому, что к чему. А что до клуба… и чем же он так хорош? По-моему, дыра-дырой, – высказала свои сомнения моя подруга.

– Да нет, с виду он, конечно, замызганный, но американосы туда ходят. Они рок любят, а «Стерео» – это рок-бар. Так что деньги у вас более-менее будут. Главное – уши не слишком развешивайте. Врать-то они все мастаки: наобещают с три короба, а девчонки им верят. Вы ведь сюда за бабками ехали? Вот и разводите их, как только можете! На шоппинги там, жрачку, подарки… – улыбнулась она.

Улыбка получилась какой-то усталой: то ли ночь выдалась слишком длинная, то ли по жизни она вся такая «уставшая», – не понять.

– Ладно, сами как-нибудь во всем разберетесь. А звонить вот как, смотрите. Снимаете трубку, нажимаете красную кнопочку, кореянка начинает трещать по-своему. Вводите вот этот номер с карточки, потом опять красную кнопку, потом этот номер, решетка, номер телефона, и опять решетку… Понятно? – девушка посмотрела на нас выжидающе.

Мы переглянулись:

– Да вроде. Спасибо!

– Ну, давайте, свидимся еще, таун маленький. Я в «Парадайсе» работаю, если что. Пока! – она махнула рукой на

прощание и вскоре скрылась за поворотом.

Меня не покидало странное ощущение, что за ночь городок будто бы вымер. Одиннадцать утра, а на улице – никого!

– Куда все подевались? Ничего не понимаю, – я повернулась к Светке, ожидая «понимания» от нее, но она уже набирала номер и тыкала красную кнопочку. – Свет, ты б матери не описывала все в ярких красках. Говори, что все отлично, а то она там с ума сойдет, – искренне посоветовала я.

– Да ты что! Она сюда первым же рейсом примчится, если узнает, в каких мы тут условиях живем! Ни в коем случае! – замахала руками она и стала ждать ответа в трубке.

Я пошла в соседнюю кабинку. Набрала номер. Мама ответила сразу же: видать, «сидела» на телефоне, ожидая моего звонка.

– Доча! Как ты там? Как доехала? Все нормально? – кричала она в трубку.

– Мам, ты не кричи, я слышу! У меня все хорошо, доехала нормально. Клуб замечательный. Квартира трехкомнатная, обстановка отличная. Нас кормят нормально. Все хорошо, – врать, конечно, нехорошо, но кое-что из сказанного все-таки было похоже на правду.

– Ну, слава Богу! Я так волновалась, а что ты вчера не позвонила?

– Я не смогла. Мы только приехали, как нас кушать повели, потом – в магазин. Пока распаковались – уже поздно было.

– Ну ладно. Не трать карточку. Лучше звони понемногу, но чаще. Я хоть знать буду, что ты жива-здорова, – в мамином голосе слышалось облегчение. А на мои глаза наворачивались предательские слезы. Так далеко от дома, родных и близких я никогда еще не была.

– Хорошо, я на днях позвоню. Ты не волнуйся, у меня, правда, все отлично. Целую! Всем привет!

– Ладно, Котенок, всего тебе хорошего!

Я повесила трубку. Слезы уже лились градом. Повернулась к Светке, – та тоже рыдала крокодильими слезами.

– Ты как? – спросила я.

– Ны… ны… нормально.

– А чего ревешь тогда!? – спросила я и утерла слезы. Сначала себе, потом ей.

– Себя жалко! Они там борщ варят, а тут даже свеклы нет! И хлеба черного нет! И колбасы вареной не-е-ет! Гыыыы…

Я ее понимала,… очень хорошо понимала. Хлеб скоро закончится, колбаса тоже. В магазине из того, что хоть как-то напоминает русскую еду, были только овощи и курица. Даже окорочков куриных, и то – не было! Только целые тушки. Что

будем делать, как жить?

– Ладно, пошли, чего тут стоять, народ соплями пугать? – я взяла ее под ручку и стала буксировать в сторону дома.

Мы проходили мимо магазина Лезбиянки, когда в окне мелькнула знакомая мне откуда-то физиономия.

– Светка, ну-ка стой! По-моему там, в магазине, моя знакомая! – я не могла вспомнить, где точно я ее видела, но лицо мне было явно знакомо. Внешность для России у нее запоминающаяся (мама ее была явно азиатских кровей, вот и она, видимо, в нее пошла), но здесь, в Корее, она за «свою» легко проходила.

Мы зашли в магазин, и тут меня осенило: «Да я же видела ее в своей школе!»

– Привет! – поздоровалась я с девчонками, придирчиво осматривавшими верхние половинки бикини.

Одна, которая показалась знакомой, была примерно моего возраста, ну, может года на два-три постарше. Вторую девушку, выглядевшую гораздо старше меня, я видела в первый раз.

– О! Вот это да! Так я ж тебя знаю! Мы в одну школу ходили, и ты года на три меня младше, – откликнулась моя знакомая незнакомка. – Я – Таня, – представилась она первой.

– Слушай, это же надо – так далеко от дома встретить знакомые лица! – обрадовалась я и тоже представилась. – Меня Катя зовут, а это – Света. Мы вчера только приехали. А вы когда?

Я все еще не могла поверить! Ну, надо же!? Ходили в одну школу, жили, скорее всего, тоже рядом, и встретились тут, в Корее, в местных Дубках! Да уж, как говорится: «неисповедимы пути твои, Господи!»

– А нас утром привезли. Вот, пришли бикини выбирать, – ответила Таня и продолжила крутить в руках блестящий веселенький топ. Потрогав поролон на чашечках, она повеселела. – Ишь, как здорово! У меня хоть грудь наконец-то появится! А то с моим минус первым, ушитым, только в бикини и танцевать перед мужиками! – звонко рассмеялась она.

Похоже, местный колорит ее нисколько не смущал. Все-то ей весело было! Я поначалу удивилась, а потом порадовалась. Ведь когда рядом с тобой оптимист – это всегда плюс!

– Да, а мне что делать!? Как я свой третий сюда запихаю? – протянула соседка Татьяны.

– А-а-а… это ничего! Ты дома поролон вырежи. Нормально будет. Я так же сделала, – посоветовала я, памятуя свой вчерашний визит сюда же.

– А чёй-то эта тетенька меня всё трогает? – спросила Таня и покосилась на Лезбиянку.

– А ты ей по рукам дай. Похоже, это у нее механическое, – засмеялась я.

– Девчонки, а вы где живете? Может, в гости к нам зайдете сегодня? – почти хором предложили наши новые знакомые.

– Да можно. Мы-то тут рядом. Следующая дверь отсюда. А вы где? – уточнила Света.

– А мы тоже неподалеку, внизу, – ответила Таня и точно описала дорогу до их дома.

Оказалось, что он – в сорока секундах пешком от нашего.

Что сказать, тут все – рядом. Весь таун можно было обойти прогулочным шагом минут за тридцать.

– Ну, все, к трем мы придем. Ждите в гости! – пообещала я.

Мы вернулись домой, пообедали, переоделись и накрасились для работы.

Потом сходили к девчонкам, – поболтать и поделиться первыми впечатлениями.

Они тоже оказались в Корее в первый раз и тоже понятия не имели, в чем, собственно, эта самая работа заключается. Квартирка у них оказалась однокомнатная, вместо кровати – матрас на полу да пара одеял. Так мы поняли, что нам еще можно сказать повезло, и условия для жизни могли оказаться гораздо хуже.

А еще девчонки нас удивили условиями, поставленные им их «мамой» и «папой». Первое: после работы никуда не выходить. Их предупредили, что будут проверять, и если их не окажется дома – штраф сто долларов (и это при зарплате в пятьсот плюс деньги с соков, – грабеж средь бела дня!). Далее, никаких мужиков дома, иначе – тоже штраф, и в том же размере. Днем из дома выходить также было нежелательно.

Нам таких условий пока не ставили, но, возможно, все еще было впереди.

Мы поболтали еще немного о том, о сем, и пошли на работу.

Глава 2

Прошла неделя.

Работа вроде бы удавалась, мы обзавелись постоянными клиентами и постепенно начали ко всему привыкать. Нас регулярно стали приглашать пообедать в центре Кунсана, на прогулки в парках и т. д. Еще через неделю мы даже и не думали о том, чтобы проситься в другой клуб, и, тем более, город.

У меня появился ухажер, которому я тоже очень симпатизировала. Звали его – Джейсон. За Светкой ухаживал его друг – Кларк. Все вместе мы несколько раз съездили в центр: покушать, погулять и порезвиться на игральных автоматах.

Через пару дней после приезда «мама» все-таки сказала нам, что после работы мы должны находиться дома, но про штрафы ничего не упоминала. Мы не решались ослушаться и встречались с парнями только днем и за пределами квартиры.

Со временем мы познакомились с девчонками и из других клубов. От них узнавали особенности нашей работы и обменивались впечатлениями.

В целом, все было неплохо. У нас появилось много друзей и знакомых, а через какое-то время мы все-таки решились на походы по вечеринкам после работы и начали, наконец, радоваться жизни вдали от дома.

Через две недели после нашего приезда в клуб привезли еще двоих девчонок. Юлю и Вику. Обе были очень симпатичные блондинки, стройные, среднего роста. Вика была на полгода младше меня, а Юле тогда было лет двадцать пять, но может и меньше. У Юли уже был ребенок, и приехала она, с ее слов, заработать деньги на квартиру и на обеспечение ребенка. Мужа не было.

Сначала их обеих устроили в клуб в другой город. Американцев там не было, и работали они преимущественно с корейцами. Я слышала, что в корейских клубах девочки зарабатывают много больше, но и работать там сложнее. Хотя, кому как.

Помимо всего прочего, в корейский клуб могут позволить себе пойти далеко не все корейцы, а только достаточно обеспеченные, поэтому и чаевые девчонки получали неплохие. Система оплаты там тоже другая: девочки получали чаевые «со стола» (а это что-то около двадцати долларов).

Юле с Викой больше нравилось работать с корейцами. Те гораздо спокойнее в «гулянках» и под рок не бесятся. Поэтому сначала девчонки американцев побаивались, да и языка они

совсем не знали. К тому же сама идея «развлекаловки» клиентов за сок, с которого они получали бы по три доллара, их не привлекала. Они наотрез отказывались самостоятельно подходить к клиентам и знакомиться, так что первое время не обошлось без грозных окриков со стороны «мамы».

Девчонки явно хотели, чтобы их перевели обратно в корейский клуб, но этого так и не случилось.

Прошел месяц.

Жизнь в тауне наладилась, и мы даже стали привыкать к сверх-острой корейской пище, постоянной жуткой влажности от бесконечных рисовых полей и веселым вечеринкам на выходных.

Я по-прежнему встречалась с Джейсоном. Мне казалось, что я влюбилась в него, а он – в меня. Все было очень романтично и красиво, прямо так, как мечталось в детстве…

Как-то раз я, Джейсон, Света и Кларк поехали в Кунсан. Эти поездки стали обычным делом. Мы пообедали в пиццерии, и пошли прогуляться. Проходя мимо цветочного магазина, Джейсон потянул меня внутрь.

– Я знаю, ты лилии любишь. Выбери какую-нибудь. Мне бы хотелось, чтобы у тебя было приятное напоминание обо мне, когда я не рядом.

Я посмотрела на корзину, полную цветов и потянула один. Оказалось, что посередине цветок раздваивался, образуя как бы два бутона.

– Кать, возьми другой. Плохая примета. Как на похороны, ей Богу, – с тревогой в голосе попросила Света.

Я заупрямилась:

– Я не верю в приметы. Чему быть – того не миновать, – и взяла именно этот, двойной.

– Ну, смотри, я тебя предупредила, – предостерегла меня Светка, с некоторой обидой в голосе.

Позже я об этом вспомнила. Кто знает, возможно, некоторые приметы не врут?!

Однажды в пятницу мы как обычно вышли на работу. Весь рабочий персонал пребывал в каком-то странном возбуждении, все что-то бурно обсуждали. Как только мы вошли, нас отвели в складскую комнату.

Одна из «мам», которая более-менее могла изъясняться по-английски, выглядела очень взволнованной:

– Сегодня надо быть очень осторожными! Будет проверка эмиграционной службы. Пока все нормально, но как только я скажу, – сразу уходите от клиентов!

– Почему? – не поняли мы.

– Потому, что по контракту вы – танцовщицы. Соки – нелегальный бизнес. Вам можно только танцевать. Разговаривать с клиентами – нельзя. Если спросят – никаких соков!

Мы стояли ошеломленные. Оказывается, мы целый месяц нелегально «пили соки»! Абсурд самой фразы вызывает смех. Ну что, спрашивается, плохого в том, чтобы развлекать людей разговорами, попивая при этом сок? Но, факт – вещь упрямая.

– После работы из дома – ни шагу! Все поняли? – она смотрела на нас выжидающе.

– Да, конечно, – мы заверили, что все поняли и после работы будем дома.

Вечер прошел нормально, никакой «эмигрэшки» так и не было, из чего мы сделали вывод, что тревога была ложная. Эх, если бы я только знала…

Под конец рабочего дня зашел Джейсон, позвал меня и купил сок. Я присела к нему.

– Мы сегодня устраиваем вечеринку в отеле «Вестерн». Девчонки из «Парадайса» будут, Кларк, другие пацаны. Придешь? – с надеждой спросил он.

– Я не знаю, «мама» говорит, что будет проверка эмиграционной службы. Я не знаю, смогу ли. Но я постараюсь, – мне казалось, что раз эмигрэшки в клубе не было, то проверка отменилась. Я не видела особых причин для беспокойства.

После работы мы направились домой. По дороге я встретила пару девчонок из других клубов. Спросила, слышно ли что о проверке. Все сказали, что такое бывает: предупреждают, что будет проверка, но так никто и не приходит. После этих слов я окончательно успокоилась, подождала дома почти час, чтоб уж наверняка, и пошла на стоянку такси.

В «Вестерн» я приехала около половины второго ночи. В номере, где проходила вечеринка, уже собралось довольно много народу. Ребята все подобрались веселые: мы играли в карты, пили пиво, рассказывали смешные истории из жизни.

К четырем часам все разбрелись по своим номерам, и мы с Джейсоном остались наедине. Я решила задержаться еще на пару часов, пока не рассветет, и только потом вернуться домой.

Мне не хотелось торопить события с моим молодым человеком, и он к этому отнесся с пониманием. Мы просто лежали в обнимку и дремали, когда услышали настойчивый стук в дверь.

Джейсон подскочил:

– Кто там?!

– Откройте! Эмиграционная полиция.

Я почувствовала, как кровь отхлынула от моего лица, рук,

сердца и убежала куда-то, далеко-далеко. Все вокруг замерло, как в стоп-кадре. Меня словно мешком по голове ударили. Все тчк. Пропало тчк.

Джейсон схватил меня за руку и затолкал за дверь в ванной. Я стояла, затаив дыхание. Послышался звук открывающейся двери, следом шаги.

– Вы в номере один? – послышалось издалека на ломаном английском.

– Да.

– Нам нужно осмотреть номер, – добавил незнакомый голос. – Разрешите!?

– Да, конечно, – ответил Джейсон.

Я слышала шорох ног по комнате, по коридору… Шаги приближались.

Начала открываться дверь ванной комнаты, где стояла я.

Лицо корейца. Прямо передо мной. Не сказав мне ни слова, он развернулся и вышел. Прятаться дальше было бессмысленно. Я вышла из ванной.

– Покажите документы, – обратился ко мне один из трех корейцев, стоящих в комнате.

– У меня с собой нет документов. Мой паспорт находится у хозяйки клуба, где я работаю, – промямлила я, стоя на ватных от ужаса ногах.

Жесткий взгляд, кивок головой в мою сторону:

– Собирайтесь.

Пока я собирала вещи, они ходили по номеру и что-то искали: проверили мусорное ведро в ванной, в комнате; собрали простыни с кровати; зачем-то заглянули в унитаз… Я не могла понять, что они хотели там найти, но мне было и не до этого.

– Куда вы ее ведете? – заволновался Джейсон.

– Не волнуйтесь. Все будет в порядке. Нам только необходимо проверить ее документы и связаться с менеджером, – вполне, как мне тогда показалось, добродушно ответили ему.

Я собрала сумку, хотя с собой у меня была самая малость: фотографии, которые отдал мне Джейсон накануне, пачка сигарет, косметика, жевательная резинка и записная книжка. Из номера с собой пришлось прихватить шампунь и кондиционер для волос, так как что-то подсказывало мне, что дома я окажусь еще ох как нескоро.

На меня надели наручники, и повели вниз. Мой бойфренд так и стоял, как вкопанный, посередине комнаты. Сделать он все равно ничего не мог.

Меня довели до микроавтобуса с зарешеченными окнами. Внутри сидели еще две девушки. Вид у всех был более чем

мрачный.

– Влипли, блин, – протянула одна. Я ее не знала.

– Я – Лера. А тебя как? – спросила другая.

– Катя, – ответила я, хотя, казалось, что сил не было даже на это.

– Меня – Яна, – присоединилась к разговору еще одна. – Ты из какого клуба?

– «Стерео», – я отвечала механически, словно на автопилоте. В голове ощущалась полная пустота.

На время мы замолчали, так как привели еще двоих девчонок. Господи, сколько же их там?!

Этих я уже знала. Они были у нас в номере, на вечеринке. Догулялись, блин!

И ведь предупреждали же! Нет, и как можно было такой тупой уродиться???!!! Господи, дай мозгов!

Мы сидели молча. На всех – наручники.

– Вы шутите?! Зачем наручники? Мы что, убили кого? – обратилась к полицейскому одна из тех, кого привели последними. Звали ее Ира, ее подругу – Настя.

– Приедем в офис – снимем, – отрезал кореец и захлопнул дверь.

Ехали мы часа два. Куда, – понятия не имели. Все молчали. Каждая думала о своем и в то же время об одном и том же: «Что с нами будет?».

– Депортируют, как пить дать, – словно читая мысли других, грустно произнесла Ирка.

– За что? – не поняла я.

– А за все хорошее! Сейчас в Корее Суперкубок по футболу. Страну чистят от нелегалов. Так что особо разбираться не будут, – ответила она.

Еще лучше! Месяц как приехала, и – на тебе!

Ну, что ж, за собственную глупость надо платить. Как всегда. Ничего нового.

Мы подъехали к трехэтажному зданию офисного типа. Нас отвели на второй этаж. Пришла женщина, которая нас обыскала, забрали зажигалки, маникюрные принадлежности и отвела в камеру. Там уже сидела одна филиппинка.

Итого, нас оказалось шестеро идиоток, догадавшихся уйти из дома после работы в дни проверок.

Я огляделась: на полу – куча одеял, в одном углу – телевизор на тумбочке, на стене – полка с книгами на корейском, в другом углу – отделенная стенами туалетная комната. В туалете – душ, торчащий из стены в полуметре от пола, таз для мытья, унитаз, кусок мыла, туалетная бумага. Горячей воды не было.

От основного офиса нас отделяла массивная железная дверь. Еще имелось два окна: одно маленькое, на самом верху, через него были видны лишь барашки облаков; другое – на полстены, оно выходило на соседнюю камеру. Там сидели два азиата. Судя по внешнему виду – китайцы или северные корейцы.

Мы разместились на полу и стали ждать.

– Интересно, долго они нас будут так держать!? – не выдержала Лерка. – Два часа уже прошло!

– Да Бог его знает? Наверное, допрашивать будут. Я об этом знаю не больше, чем ты, – огрызнулась Настя. Нервы уже у всех были на пределе.

Спустя час дверь со скрежетом отворилась.

– Здравствуйте, – по-русски, довольно чисто произнес вошедший мужчина. Внешностью похож на корейца, но вполне мог оказаться и из России. – Я – переводчик. Меня позвали объяснить вам, что вы находитесь в офисе эмиграционной службы. Вас не отпустят, пока не выяснят, по каким причинам вы оказались в отелях. Мы сообщим о вашем задержании вашим менеджерам, и они привезут вам необходимые вещи. Так как сегодня суббота и все работники, кроме охраны, отдыхают, вас не будут допрашивать до понедельника. Вопросы есть?

– Как до понедельника?! Да вы что! А что же дальше?! Сколько нас тут держать будут?! Нам нужно позвонить домой! – вопросы посыпались на него градом. Мы были ошеломлены тем, что нам предстоит провести в «офисе» несколько дней. Хотя это и не было тюрьмой, но камера – она и в Антарктиде камера.

– Что ж, позвонить домой, конечно, не получится, но звонок по Корее организовать можно, – милостиво разрешил он.

Переводчик вышел на несколько минут, а когда вернулся, сообщил:

– По одной вас будут уводить, чтобы позвонить.

Когда до меня, наконец, дошла очередь, я разрывалась между желанием позвонить Джейсону и необходимостью извещения менеджера. Но для начала решила набрать номер офиса фирмы.

– Алло, я слушаю, – послышался голос мистера Кима. В фирме «главным боссом» был он, а Ли был всего лишь его помощником.

– Здравствуйте. Это Катя из «Стерео». Я в эмиграционной полиции, помимо меня еще двое от вашей фирмы. Вы можете приехать?

– Да, конечно. Когда вас забрали? – в голосе я не слышала особого удивления. Видимо, – не впервой.

– Сегодня рано утром. Сказали, что до понедельника нас точно продержат, – упавшим голосом добавила я.

– Хорошо, я в понедельник приеду, – ответил мистер Ким и положил трубку.

Да-а, разговор с менеджером настроения не улучшил. Так и осталось непонятным, сможет ли он чем-то помочь.

Я набрала номер Джейсона, молясь, чтобы он оказался дома. Трубку сняли сразу.

– Алло, – в голосе слышалось беспокойство.

– Привет, это я. Я в эмиграционной полиции. Пока не знаю, сколько нас тут продержат, но не один день, – быстро проговорила я.

– С вами нормально обращаются? Я могу чем-то помочь? – спросил он.

– Я пока ничего не знаю. Обращаются нормально, но до понедельника новостей не будет. Я постараюсь позвонить еще раз.

– Хорошо. Как только что-то будет известно – сообщи мне. И если хоть что-то понадобится…

– Да, да, я знаю. Ну, все, меня уже торопят. Пока, – я заметила нетерпеливый жест сидящего рядом охранника, мол, – завязывай, и поспешила закончить разговор.

– Пока, – попрощался Джейсон, и я повесила трубку.

Меня отвели обратно в камеру.

Девчонки вовсю обсуждали свои разговоры с любимыми, менеджерами, подругами. В тауне нас потеряли. Никто не знал, куда мы пропали, хотя все, конечно, догадывались.

– Я Киму звонила, – сказала я.

Лера и Яна смотрели на меня выжидательно. Они тоже были от компании Кима (хотя из Хабаровска в Корею их отправляла другая турфирма, не та, от которой приехала я), но пока еще звонить не ходили.

– Ну, и что говорит? – нетерпеливо потребовали они.

– Да ничего толкового. В понедельник приедет, – грустно ответила я.

– Ну что ж, тогда можно обустраиваться. Два дня нам тут точно сидеть! – мрачно подвела итог Лера.

«Хорошо, если только два», – подумала я, но промолчала.

А ведь переводчик сказал, что еще и допрашивать будут. Да, похоже, что и впрямь, можно обустраиваться. Хотя, что тут обустраивать, если вещей никаких нет?

Мы распределили, где кто будет спать, поделили одеяла: получилось по два на каждого, – на одном спать, другим укрываться. Решили принять душ.

Дверь в туалет и, соответственно, ванную была стеклянная. В сторону двери, снаружи, смотрит камера. Это что же получается,

они нас видят? Я отошла вглубь ванной, чтобы проверить, видно ли нас в камеру. Вроде бы нет. А даже если и да, что теперь, – не мыться, что ли? Вода была холодной, поэтому помылись все с крейсерской скоростью.

Вскоре открылось маленькое окошко в двери, и мы заметили знакомый металлический короб, в котором обычно развозят еду. Обрадовались все чрезвычайно, так как был уже вечер, а мы с прошлого дня так ничего и не ели.

Через окошко на пол поставили кучу тарелок, дали палочки и ложки. Мы с нетерпением сняли пленку со всех тарелок, и в нос ударил резкий запах. Не могу сказать, что он был приятный, но все же это был запах еды.

Ложки предназначались для каши, внешне напоминавшей манную (точно я так никогда и не узнала, что это было на самом деле, но явно не она). Также нам принесли разные салатики, жареные яйца и молоко в картонных коробках. «Манку» я попробовала, но съесть так и не смогла. Во-первых, это была все-таки не манка, а во-вторых, даже если бы это была и она – я с детства ее не любила. Яйца съели все, салатики только те, которые были более-менее съедобными. Молоко, к счастью, пили не все, так что тут мне повезло – хоть им напилась до отвала.

После того, как поели, мы собрали посуду и поставили на пол возле окошка. Вскоре подошел охранник и стал забирать пустые тарелки.

– Извините, – обратилась к охраннику Яна, – а можно нам покурить?

Из всех нас не курили только Ира да филиппинка. Уши «пухли» страшно. Мало того, что обычно я выкуривала по пачке в день, так еще и такой стресс пережить! Мне уже казалось, что за сигарету убить все-таки можно. Думаю, остальные считали так же.

– Можно, – на удивление всем нам ответил охранник.

Мы кинулись к сумкам и достали сигареты.

Ах, насколько было бы все проще, если б нам оставили зажигалки! Через решетку парень по очереди поднес нам зажигалку и затем ушел.

Тот, кто не курит – никогда не поймет, а кто курит, тому и объяснять не надо. Проклятый дым показался нам райским облаком! На мгновение мы забыли обо всем.

Нехотя затушив бычки, мы стали думать, чем бы заняться. Решили посмотреть телевизор. Отыскали канал на английском и попали на фильм «День сурка».

– Ничего так комедия. Может на нем и остановимся? – предложила Настя.

Посмотрев фильм, легли спать. Я ворочалась на неудобной лежанке и пыталась представить, что нас ждет. Скорее всего, нас просто допросят и отпустят. Все-таки ничего криминального мы не совершили: не украли, не убили, и даже не дебоширили. За что же нас депортировать? Мне и в голову не приходило, что мы – нежеланные гости в этой стране и что для них мы, можно сказать, – отбросы общества, нелюди, «быдло».

– Насть, ты спишь? – услышала я Иркин шепот.

– По-моему, тут пока никто не спит. В голову всякая гадость лезет: нары, туалет по расписанию и шитье простыней в местной колонии, – пробубнила Яна.

– Да не, до этого вряд ли дойдет, – с сомнением в голосе возразила Настя.

– Вряд ли?! Что значит вряд ли?! Какие нары?! Вы с ума все посходили? Да нас на следующей же неделе отправят домой! – громко заявила Ира.

– Так ты думаешь, что нас все-таки депортируют? – с надеждой на отрицательный ответ пискнула из своего угла я.

– Ну конечно, это даже без вопросов, – уверенно подтвердила она.

– А мы с моим Томом жениться собираемся. Даже не знаю, как теперь быть. Наверное, придется в России расписываться, – с тоской протянула Настя.

– Да мы с Ником тоже, ток теперь я уж и не знаю как, – добавила Ира.

Обе подруги, как они рассказали, проработали в тауне почти год. Встречались со своими парнями около полугода и собирались жениться.

Мы в шутку называли между собой таун городом невест, так как очень часто работа девчонок именно этим и заканчивалась, – замужеством.

Настя с Ирой жили со своими женихами в трехкомнатной квартире. Конечно, их «мама» этого не одобряла, но они умудрялись держать свои отношения в тайне, и бизнес от этого не страдал.

– Девчонки, а вас где взяли? Вас же вроде в «Вестерне» не было? – обратилась я к Лере с Яной.

– Мы в другом отеле были, в Кунсане, – за двоих ответила Лера.

– Тоже со своими пацанами?

– Не совсем. Мы с корейцами были. Нас «мамашка» продала.

– А вы че, прям так, взяли и пошли? Вас припугнули чем-то или просто денег решили подзаработать? – не унималась я.

– И то и другое, – несколько раздраженно буркнула Лерка. –

У меня мать дома больная, мне деньги на ее лечение высылать надо. А тут «мамашка» и говорит: «Не пойдете – отправлю в Россию»… Ну и что мне оставалось? – уже без раздражения спросила она, ожидая от нас хоть какой-то поддержки.

Никто ничего не ответил. Здесь каждый сам выбирает, сколько зарабатывать и как.

Я знаю, в России плохая репутация у девчонок, которые работают в Корее или Японии, но далеко не все занимаются там проституцией. Я бы даже сказала, что это – большая редкость. И среди моих близких знакомых (именно близких, а не так – шапочных) не было ни одной, кто занимался бы ЭТИМ.

Во-первых (я смею надеяться именно – во-первых!), все-таки русские девушки не такие распущенные, как, скажем, филиппинки. Если последних чуть не с появлением первых признаков растущей груди пытаются выдать замуж или пристроить к богатому любовнику сами родители, то в России мамы обычно все-таки учат дочерей, что до замужества лучше себя «хранить». Конечно, из всего населения России может от силы один процент себя «хранит», но все-таки мы понимаем, что спать со всеми подряд – это аморально.

Во-вторых, за нами «мамы» и «папы» клубов присматривали. Рисковать клубом решались только самые жадные из них. Пару раз и нам со Светкой предлагали «подзаработать» вне стен «Стерео», а однажды даже угрожали отправкой домой. Но мы сразу поняли, что они блефуют, и на «подработку» такую не согласились.

В-третьих, таун – город маленький. Новость о том, что в таком-то клубе «девки снимаются» разлетелась бы со скоростью ракеты, и американцы просто перестали бы туда ходить. А они, как ни крути – приносят основной доход хозяевам клубов. Так что хотите – верьте, хотите – нет, но таких, как Лера и Яна, в Корее – единицы. Я это называю даже не проституцией, а глупостью и жадностью.

С горем пополам мне удалось уснуть. Ночью я без конца просыпалась и долго не могла понять, где нахожусь.

Наступил новый день, но для нас почти ничего не изменилось. Всё та же камера, всё те же лица.

Чтобы хоть как-то «убить» время, мы рассказывали друг другу истории своих жизней, вспоминали смешные ситуации на работе, травили анекдоты и пели песни. В общем, развлекали сами себя как могли.

Хорошо, что у каждой из нас нашлись кое-какие средства гигиены: у меня был с собой шампунь и кондиционер, которые я

прихватила из номера отеля, когда собиралась, у Иры – крем, а Насте разрешили взять с собой маленькие «кусачки» для маникюра. Иначе нам бы еще до-о-лго пришлось ходить с шелушащейся от холодной воды кожей, отросшими как попало ногтями и всклокоченными грязными волосами.

Нам принесли завтрак: яичница, салатики, супчик из морской капусты. Супчик вонял так, что мы все поспешили закрыть его обратно пленкой и убрать подальше.

После завтрака нам снова разрешили выкурить по сигарете.

– Ирка, ты ж не куришь? Будь другом, подкури, а потом нам отдай, – попросила я.

Одной сигаретой никто не накуривался, и моя идея всем понравилась. Позже мы приобщили к нашему обману и филиппинку.

– Девчонки, ну чем заняться!? А то уже мозги закипают от безделья! – застонала я.

– Ну, иди вон Библию полистай. Тебе, как преступнице, не мешало бы узнать, в какой из кругов ада ты попадешь. Жаль только, Библия на корейском. Но ничего, времени у нас тут навалом, так что осилишь заодно и корейскую грамоту! – с издевкой предложила Ира.

Я глянула на нее хмуро, но к полке с книгами все-таки прошла. Авось повезет, и найду что-нибудь на английском. Я долго рылась и перебирала книги, но так ничего и не нашла. Однако я заметила, что во всех книгах первые три-четыре страницы пустые. Недолго думая я выдрала их и понесла к своей «лежанке».

– Ты чего удумала!? А если они увидят, что ты государственное имущество портишь? – спросила Ирка безразлично, но с легкой иронией.

– Ну, подумаешь, значит – депортируют быстрее, пока все не перепортила. Я просила у них бумагу и ручку. Вместо ручки дали фломастер, а вместо бумаги – ничего не дали. Так что сами виноваты.

– Но это ж Библия! КОРЕЙСКАЯ! – округлив глаза и с интонацией алкоголика, на глазах у которого разбили бутылку водки, воскликнула она.

– О да! Ужас! Гореть мне в корейском аду, синим пламенем! – было в самую пору шутить, вот мы и развлекались черным юмором, как могли.

Я взяла листочки, аккуратно разорвала их на тридцать шесть частей и принялась разрисовывать. Через час все было готово.

– Кто в дурака будет? – громко и радостно спросила я.

Все сбились в кучку, кроме филиппинки.

– Блин, жалко мне ее, девчонки. Мы-то хоть друг друга понимаем. А ей каково? Сидит себе там одна, в углу… – тихо сказала Настя.

– Да, действительно, ей, наверное, хуже всего приходится. Но, извините, что мы можем ей предложить? Научить в дурака резаться? Да она ни в жизнь не запомнит. Это, во-первых. Во-вторых, как ты ей объяснишь, что такое «козырь»? Лично в моем словарном запасе таких высокопарных слов на английском нет, – ответила я.

– Э-эй, тебя как зовут? – обратилась Яна к девушке по-английски.

– Мария, – удивленно и едва слышно представилась филиппинка. Она так привыкла к своему одиночеству, что кажется, испугалась нашего внезапного интереса.

– Ты как, в порядке?

– Да-да, спасибо. У меня все о'кей, – торопливо закивала головой и заулыбалась она.

– Хочешь в карты поиграть? Ты игры знаешь какие-нибудь?

– Нет, я не умею. Да все о'кей, вы за меня не волнуйтесь.

– Ну ладно, о'кей так о'кей, – пожали плечами мы и раздали самодельные карты.

Сыграли несколько партий в дурака, потом Ира предложила сыграть в тысячу.

– Да ну, это долго, – протянула Лера.

– А ты что, торопишься куда? У тебя, может, свидание с кем, или на работу бежать надо? – съязвила Ирка.

– Ладно. Давай в тысячу, – расстроено буркнула Лерка и уткнула подбородок в колени.

От вечного сидения на полу седалищный нерв начинал отниматься и мы все время ерзали, пересаживались, садились на корточки, делали разминку.

Теперь мы поняли, почему все кореянки отличаются такой плоской конструкцией мягкого места, – от постоянного сидения на жестком полу.

– Слушайте, мне надоело играть. Я пойду, телевизор посмотрю, – сказала вдруг Настя.

Она включила телевизор и стала искать канал на английском. Через пару минут нашла.

Шел «День сурка». Опять. Мы все рассмеялись.

– Да, не велик выбор. Там еще есть канал жрачки. Он хоть и на английском, но так как там просто постоянно что-то готовят – можно посмотреть. Хоть вспомнить, что такое нормальная еда, – предложила Яна.

Настя переключила на канал еды. Бойкий парнишка готовил

что-то божественное. Руки порхали над баночками с приправами, тарелочками с соусами и отменными кусками стейка. Мы уставились на телевизор, как зачарованные.

– Кто-нибудь, – дайте салфеточку, по-моему, я слюной футболку запачкала, – со взглядом очумевшего от «дихлофоса» таракана промямлила Лерка.

– Кончились, я все на свою майку истратила. Девки, не издевайтесь, а!? – жалобно попросила я.

Мы решили, чем так мучиться, уж лучше посмотреть «День сурка» еще раз. Потом пообедали, покурили (теперь уже по полторы сигареты: спасибо Ире и Марии), еще поиграли в карты, поужинали, поболтали перед сном и легли спать. Так прошел еще один день.

Завтра начинался понедельник – день допросов.

Глава 3

Где-то внизу живота явственно чувствуется тугой узел напряжения, скопившегося от невыносимого ожидания последних дней. Мы все ужасно переволновались, помня о том, что сегодня нас начнут допрашивать, и еще неизвестно, чем эти допросы для нас закончатся.

И в то же самое время в глубине души каждая из нас надеялась, что ее либо отпустят работать дальше, либо просто отправят домой. По сравнению с перспективой провести долгие годы в камере, даже принудительная высылка на Родину казалась нам не столь уж страшной. После двух дней, проведенных здесь, нам уже было все равно: куда и как. Лишь бы на свободу!

Я до сих пор, когда вижу в кино заключенных, сразу же вспоминаю свои размышления того периода: «Ладно еще, когда ты знаешь, что через год или два тебя выпустят, – можно жить и ждать, когда это произойдет. А вот как себя чувствуют те, которые сели на всю жизнь? Зачем они живут?! Чего ждут?! Чуда, что может быть когда-нибудь и их отпустят? Можно ли жить, имея лишь призрачную надежду на свободу?! Мне казалось, что – нет. По крайней мере, я бы – не смогла».

Вот такие грустные мысли меня посещали.

Да-а, вот кому здесь раздолье, – тому, кто любит пофилософствовать о смысле бытия. Похоже, что тюрьма – лучшее место для подобных размышлений. Обычно у нас не хватает на них времени. Здесь же время – единственное, что у нас осталось.

Но, не буду больше нагружать вас своей философской белибердой, а вернусь к моей истории.

– Девчонки, смотрите, не проболтайтесь про соки! Если они узнают, что мы еще и соки пили, – начнется разбирательство. «Мамашек»-«папашек» клубных да менеджеров начнут таскать по судам, а нас вообще отсюда не выпустят, – серьезно начала Ира. – А вы, – она обратилась к Лере с Яной, – не вздумайте признаться, что с корейцами за бабки ходили. Скажете, что они – ваши знакомые. Позвали побухать. Все ясно?

Ира с Настей пробыли в Корее дольше всех нас и, соответственно, знали о местных особенностях куда больше нашего. Вот мы и старались прислушиваться к их советам.

– Во всем остальном – лучше не врать, а то не дай Бог сами запутаетесь, – весомо добавила Настя.

– Ладно, уж, – поняли, – понуро закивали девчонки.

Раздался скрежет замков, дверь отворилась, и вошли двое

охранников.

– Валериа Говрилова, – громко, старательно выговаривая незнакомые слова по бумажке, огласил один из них, – и Ирина Паноева.

Девочки встали и направились к выходу.

– Ни пуха! – хором крикнули мы.

– К черту! – ответили нам дружно, в один голос.

Их не было около часу. Когда вернулись – на обоих лица не было.

– Как вы? Как все прошло? Что спрашивали? Вы нормально? – засыпали мы их вопросами.

– Янка, мы попали. Там корейцы были, с которыми мы ездили. Их тоже допрашивали, – упавшим голосом сообщила подружке Лера. – Отпираться бесполезно. Они уже во всем признались: и сколько «мамашке» заплатили, и сколько нам… Я все рассказала.

– Ой, б…ть! Ну, попали! – в ужасе прошептала Яна.

– Яна Сысоева и Анастасия Кобанова! Пошли, – охранник сурово взглянул на наш бурный обмен информацией и требовательно позвал на выход следующую партию «смертничков».

– Ни пуха, – уже с меньшим энтузиазмом напутствовали мы.

– Да к черту! – нервно отозвались Яна с Настей.

Я поняла, что из-за Леры с Яной у нас у всех еще могут возникнуть проблемы. Раз эти двое были с корейцами за деньги, то с чего им верить остальным!? Наверняка они думают, что все мы именно проституцией в Корее и занимаемся.

Я бросилась к Ире и скомандовала:

– Рассказывай!

– Да капец! С чего начать-то…? – вид у нее был растерянный. Было такое ощущение, что она под асфальтовым катком побывала. – Сперва кореец через переводчика спрашивал, с какой целью я была в гостинице и кем мне приходится Ник. Когда я сказала, что мы жениться собираемся, он стал расспрашивать о нашей интимной жизни: сколько раз за ночь мы занимались любовью, сколько раз в неделю, как часто он и я кончали… Когда я спросила, зачем ему это надо знать, он ответил,… не поверишь, – ТАК ОН УЗНАЕТ, ЛЮБИМ МЫ ДРУГ ДРУГА ИЛИ НЕТ! – перейдя в последней фразе на крик, закончила рассказ Ира.

У меня на глаза навернулись слезы. Я представляю, каково было ей: вот так, запросто, взять и выпотрошить перед каким-то говнюком все самое ценное и дорогое, все личное и глубоко интимное, принадлежащее только им двоим; превратить

воспоминания о близости с любимым человеком в банальную похабщину в угоду этим моральным уродам с искаженным восприятием ценностей… Мне стало тошно. Физически тошно.

Ира отдышалась, уняла дрожь в руках и продолжила уже спокойнее:

– Спрашивал, как долго мы встречались. Про соки спрашивал несколько раз в разных формулировках: все запутать пытался. Еще спрашивал, сможет ли Ник приехать, чтобы подтвердить мои слова. Я позвонила своему, но он говорит, что у них учения начались и приехать не сможет, – база закрыта. Вот, собственно, и все, – с тяжелым вздохом закончила она.

– Ты не расстраивайся. Самое худшее уже позади. Жаль, конечно, что Ник не приедет. Но все равно все будет хорошо! Ты как, нормально? – я продолжала произносить «правильные» слова, хотя и понимала, что они ничем не помогут. Ей сейчас очень тяжело, и единственное, что могло бы помочь – это встреча с любимым человеком. Но он не приедет.

Ира ничего больше не сказала, и притихла, свернувшись в комочек на одеяле.

От дикого волнения меня начала колотить дрожь. Пальцы рук заледенели, ногти приобрели лиловый оттенок. У меня всегда так бывает, когда сильно волнуюсь.

На душе было гадко и хотелось выть. Не подумайте, что это метафора, – мне и в самом деле хотелось задрать голову и завыть от тоски и отчаяния, как воют волки в холодную ночь.

Очередной скрежет замка. Открывается дверь.

Сердце стукнуло и провалилось.

Вошли Яна с Настей. Позади них топтались охранники.

– Екатерина Гладкова и Мария Мугос.

Я еле как доволокла ноги до двери: слушаться они не хотели.

«Господи помоги! Господи помоги! Господи помоги! Господи-помоги-господи-помоги-господи-помоги…!» В голове настойчивым молоточком стучала лишь эта фраза-заклинание.

Нас провели по коридору в комнату, напоминающую офис солидной компании. Меня посадили в один конец помещения, Марию – в другой.

– Хотите кофе, сигарету? – вежливо поинтересовался переводчик.

– Да, пожалуйста. И то и другое, – ответила я благодарно.

Мужчина принес мне кофе в картонном стаканчике и дал сигарету. Я с жадностью прикурила и отпила кофе. Напряжение, кажется, понемногу стало отпускать.

– Ваше полное имя, дата рождения, – произнес он. Все это время он лишь переводил вопросы, задаваемые полицейским,

сидящим за столом напротив меня.

– Екатерина Алексеевна Гладкова. Шестнадцатое июня тысяча девятьсот восемьдесят первого года.

– Где вы работаете?

– Город Кунсан. Америка-таун. Клуб «Стерео», – чеканила я без запинки.

– Как долго вы там проработали?

– Один месяц, – вздохнув, ответила я.

Переводчик посмотрел на меня с нескрываемым удивлением, но промолчал.

– Кем вам приходится Джейсон Шеппард? – задал он очередной вопрос.

Теперь уже настала моя очередь удивляться: «откуда он знает его имя?».

Но потом я вспомнила, что при осмотре номера его также просили предъявить документы и переписали все данные в протокол.

– Он мой друг.

– Вы встречались? Он ваш парень?

– Да, мы встречались.

– Как долго?

– Около трех недель.

– У вас были сексуальные отношения?

– Нет, не было.

Я отвечала спокойно, без пауз и лишних эмоций. Благо, после рассказа Ирины я уже была готова к подобным вопросам.

– А почему не было?

– Я не хотела торопиться.

– Но он же вам нравился? Так почему не было? – настаивал он на своем. Похоже, им очень хотелось услышать подробности нашей интимной жизни. А вот фиг вам! Я не собиралась выдумывать того, чего не было, только затем, чтобы потешить их нездоровое любопытство.

– Меня мама учила, что до свадьбы себя хранить надо. Вот поэтому и не было, – ответила я. Надеюсь, они не заметили иронии в моем голосе.

– И ваш парень не возражал?! – он даже не пытался скрыть недоверия.

– Не, он у меня джентльмен.

– И у вас ни разу не было секса?! – полицейский, как и переводчик, все еще отказывался мне верить.

– Не было, – упорно стояла я на своем. – Вы ведь простыни из номера именно для этого забрали, – чтобы проверить, был у нас секс или не было. Зачем еще и меня по сто раз об этом

спрашиваете?! – не выдержала я.

– Ну ладно, ладно… Вы утверждаете, что с Джейсоном у вас были серьезные отношения. Как часто вы встречались? Что делали?

– В парк ходили гулять, обедали в ресторане, просто так по Кунсану гуляли… – принялась перечислять я.

– А он вам подарки делал? – прервал меня полисмен.

– Ам-м… цветы дарил, – после секундной паузы выдала я.

– И это – все? – протянул он разочарованно. – Ни ценных подарков, ни денег он вам не дарил?

Ах, вон к чему он клонит! Пытается прознать, встречалась я с Джейсоном просто так, аль за дорогие подарки да за деньги. Ну-ну…

– Нет, ничего ценнее цветов не дарил. Но они краси-и-и-ивые были, ужас! Лилии. Я люблю лилии, – я уже не могла удержаться от сарказма.

Тут что-то всплыло в моей памяти, мозги зашевелились активнее, еще активнее: лилии, лилии… что-то такое, связанное с ними… Боже, ну да! Ведь я вытянула из корзины лилию с двумя цветками, а Светка сказала, что это – плохая примета! Вот черт! Права была. Яркая вспышка воспоминаний пронеслась в моем сознании, и я «уплыла» в события недельной давности.

Вот мы гуляем по Кунсану. Я периодически подношу цветок к лицу и вдыхаю немного резковатый, но абсолютно неповторимый, особенный запах лилий. Джейсон держит меня за руку и шепчет какие-то глупости, приятные и понятные лишь нам двоим… В моей голове проносились наши встречи, прогулки, чувства, возникшие так неожиданно и поглотившие меня целиком.

– Значит, подарков он вам не делал. А на работе он вам выпивку покупал? – был задан очередной вопрос, но я его даже не заметила, «уплыв» туда, где мне было так хорошо.

– Прошу прощения! – сквозь дымку воспоминаний до меня, наконец, донесся голос переводчика, заметно повысившего тон.

Я «вынырнула» в реальность:

– Да, извините. Что вы сказали?

– Покупал ли ваш друг выпивку вам на работе? – переспросил он.

– Нет, я вообще редко пью, а на работе – тем более.

– У вас есть совместные фотографии?

– Да, но у меня забрали их. При аресте, – напомнила я.

– Одну минутку, – переводчик извинился и отошел.

Полисмен остался сидеть на месте, продолжая разглядывать меня с откровенным презрением.

«Не верит, – подумала я. – Ну и ладно, я здесь не для

отпускания грехов».

Переводчик вернулся минут через пять с бумажным пакетом. Вскрыл его и извлек на свет мои вещи: кошелек, фотографии, блокнот.

– Эти фотографии? – спросил переводчик и посмотрел на меня.

– Да, эти.

Он стал просматривать фотографии: вот мы в Кунсане, в парке, в «Стерео». Я неожиданно вспомнила, что на одной из фотографий мы сидим за столом, и передо мной стоит сок. Вот черт!

Естественно, он обратил внимание именно на нее.

– Что это за напиток? – спросил он сухо.

– Коктейль. Мы ходили в бар до работы, и я выпила коктейль. Праздник был.

– А что в коктейле, какой это был бар и что за праздник?

– Коктейль обычный: сок, немного ликера и что-то еще. Название бара не помню. А праздник был – Первое Сентября, – с ходу соврала я, не моргнув и глазом.

– Это вы до работы сфотографированы или после?

– До.

Хм, и к чему это он клонит? – пока не понимала я.

– А вы всегда так по-вечернему одеваетесь средь бела дня? – с интонацией «ага, попалась!» уточнил переводчик.

– Нет, только по праздникам. Первое сентября – большой праздник в России, – с улыбкой «меня так просто не проймешь» отрезала я.

Лицо полисмена, когда переводчик передал ему мой ответ, еще заметнее исказилось злостью и презрением, а глаза – еще больше сузились.

– Вы можете попросить своего друга приехать, чтобы он подтвердил ваши слова? – спросил он.

– Я могу позвонить, но не уверенна, что он сможет приехать, – я была почти уверена, что он не приедет. Ведь Ник сказал уже Ире, что у них начались учения и с базы никого не выпускают.

Но на всякий случай решила уточнить:

– А где мы вообще находимся? Куда ему ехать-то, если он все-таки сможет?

– Ченджу.

– Скажите,… нас депортируют? – волнуясь и слегка запинаясь, я задала и самый главный, давно мучивший всех нас вопрос.

– Да. Пока что не могу сказать точно, – сможете вы

впоследствии вернуться в Корею или нет, но что депортируют – это точно. Так что если ваш друг приедет, пусть привезет ваши вещи.

Сердце, похоже, ухнуло куда-то вниз, да так там и осталось.

Негнущимися пальцами я набрала привычный номер.

– Алло? – немедленно откликнулись в трубке.

– Привет, это я. Меня сейчас допрашивают и, похоже, нужно чтобы ты приехал. Это важно. Ты сможешь? – скороговоркой выпалила я, втайне надеясь, что он все-таки сможет вырваться и приедет.

– Да, конечно. Куда нужно ехать? – с готовностью откликнулся Джейсон.

– Ченджу. Я точно не знаю, где это. Мне тут девочки сказали, что у вас учения. Я думала, что база закрыта, – с волнением уточнила я.

– Я приеду завтра. Никаких учений сейчас нет. Ты в порядке?

– Да. То есть, не очень… меня депортируют, – последние слова я буквально выдавила из себя по капле. Почему-то даже произносить их было страшно, больно и физически трудно.

– Как? Это точно? Но почему?! – он уже почти кричал в трубку.

– Они ничего не объяснили. У меня к тебе просьба: зайди к Свете и забери все мои вещи, – добавила я.

– Хорошо, я съезжу к ней сегодня, – грустно пообещал Джейсон. – Мне очень жаль, что так вышло. Я обещаю, все будет хорошо! – добавил он, пытаясь хоть как-то подбодрить меня.

– Да, конечно. И спасибо, что согласился приехать. Для меня это очень важно, поверь, – голос начал предательски дрожать, глаза защипало от подступающих слез. – До завтра, – выдохнула я.

– До завтра, – эхом отозвался он.

Смысл происходящего, наконец, начал доходить до меня со всей своей очевидностью: завтра будет наша последняя с Джейсоном встреча. Моя сказка на этом закончилась. Я уеду от него навсегда!

Слезы полились по щекам, и я не могла больше держать эмоции под контролем.

От нахлынувшей боли я согнулась пополам и зарыдала. Меня охватило отчаяние: впервые за много лет я наконец-то была счастлива, но все это вот-вот закончится. Господи, ну почему все должно было прекратиться, едва начавшись!? За что, Господи-и-и!!!???

Я почувствовала на плече чью-то руку.

– Не плачьте. Вполне возможно, что все еще образуется, –

сочувственно произнес переводчик.

– Он приедет. Завтра, – собрав волю в кулак и стараясь больше не плакать, слегка запинаясь, проговорила я. – Но ничего уже не образуется. Ни-че-го… У вас еще есть вопросы ко мне?

– Нет, можете идти, – разрешил кореец и подозвал взглядом охранника.

Меня привели обратно в камеру.

Когда дверь открыли, девчонки бросились ко мне с расспросами:

– Что с тобой? Ты чего плачешь? Твой приедет?

Я не могла заставить себя отвечать. Мне хотелось одного: поскорее забиться в угол и уснуть. Однако я понимала, что так просто они от меня не отстанут. Придется ответить.

– Завтра приедет. Нас точно депортируют, но они не сказали, сможем мы вернуться сюда или нет, – кое-как промямлила я.

– А как же он приедет, если у них учения? – искренне удивилась Ира.

– Нет никаких учений, – отрезала я. Было ясно, что их парни либо бояться ехать в корейскую полицию, либо просто не хотят.

Мне было немного жаль их разочаровывать, но я сказала правду. В данный момент по-настоящему мне было жалко только себя, и плевать я хотела на остальных.

С одной стороны, меня радовало, что Джейсон все-таки приедет, и завтра я его увижу. Ура! Он не струсил и он – не подонок! Два раза – ура!

С другой стороны, я понимала, что это – наша последняя встреча. Да, нам было очень хорошо вместе, все шло к красивому хэппи-энду, но… до ареста мы даже близко не подошли к тому, чтобы заговорить о нашем совместном будущем. Мы думали, что у нас еще будет для этого время. Теперь же у нас нет ни времени, ни будущего.

Для меня наши отношения были первым сильным и значимым чувством. И хотя до Джейсона у меня уже были мужчины, но ни к кому из них я не испытывала настолько сильных эмоций. Мне нравилось в нем все: внешность, смех, чувство юмора, манера ухаживать, внимание к моим желаниям… Думаю, что впервые в жизни я встретила настоящую любовь.

В тот день, когда я поняла, что ее у меня забрали, мне стало так холодно и одиноко, как никогда. Лучше бы я и не встречала ее вовсе. Тогда бы мне не было так больно.

Вокруг была какая-то суета, всхлипывания, но я никак не реагировала на происходящее. Сквозь полудрему я слышала, как кто-то из девчонок просит сотовый, куда-то звонит,… потом принесли обед, унесли тарелки… А я все лежала и думала о том,

как жить мне дальше и чем я буду заниматься по приезду домой.

К вечеру я более-менее отошла. Мне по-прежнему было плохо на душе, но все же предвкушение встречи с Джейсоном взяло верх, и я нашла в себе силы рассказать девочкам о моем допросе поподробнее.

Ира и Настя были сильно расстроены поведением своих парней. Я даже не пыталась представить себя на их месте: не смогла бы.

Мы вяло перекидывались фразами, – силы из нас словно высосали.

К вечеру решили посмотреть телевизор. По привычке отыскали канал на английском. Зазвучали знакомые слова, замелькали знакомые кадры…

– Да они что, издеваются!? – услышала я голос Леры. Нам снова показывали «День сурка».

Мы переглянулись и расхохотались:

– Ну, точно – день сурка! Каждый день одна и та же еда, стены и даже фильм! – чуть не катаясь по полу в приступе смеха, грозящего перейти в истерический, выдавила я.

Если кто не помнит: главный герой фильма переживал один и тот же день снова и снова. Не менялось ничего, только он сам.

Со временем мы успокоились и переключились на канал «Еда» (кое-кто даже начал записывать рецепты). Потом от нечего делать решили сделать зарядку, приняли по очереди душ и отправились спать.

Я долго не могла уснуть, ворочаясь от переизбытка мыслей и эмоций.

Я представляла себе нашу с Джейсоном встречу. Что он скажет? Как себя поведет? Что скажу я?… Хотя, а что тут скажешь?! Все кончено, это и так ясно.

Впоследствии оказалось, что все не столь однозначно.

Я проснулась рано, приняла душ и стала ждать.

Время не просто остановилось: такое ощущение было, что стрелки шагают в обратную сторону. Прошло не более часа (в моем собственном измерении – как минимум сутки), когда дверь в камеру открылась.

– Екатерина Гладкова. Пройдемте, – скомандовал охранник.

Я подскочила и поторопилась на выход. Сердце билось со скоростью шагов бегуна на стометровке. Может это сон?

Меня провели в знакомый офис. Джейсон стоял передо мной. Я бросилась ему на шею и прошептала:

– Ущипни меня! Ты, правда, здесь? – на глаза накатывались предательские слезы.

– Здесь я, здесь, – с улыбкой ответил он.

– Спасибо, что приехал, я так рада! – с благодарностью сказала я и добавила, спохватившись. – Ни слова про соки!

Джейсон взглянул на меня и кивнул в знак понимания.

– Садитесь, – скомандовал переводчик по-английски.

– Ваше имя, дата рождения, где работаете? – спросил он.

– Джейсон Бредли Шеппард, тысяча девятьсот семьдесят девятого года рождения, двадцать первого сентября. Работаю на военной американской базе в Кунсане, – ответил Джейсон.

– Вы были в гостинице «Вестерн» с Гладковой Екатериной?

– Да, я.

– Кем она вам приходится?

– Она моя невеста.

– Вы имеете в виду – подруга? – уточнил переводчик.

– Нет, именно невеста. Мы собираемся пожениться, – добавил Джейсон.

Я посмотрела на него с непониманием. Что он такое говорит?! Он перехватил мой взгляд и прошептал на ухо: «Мы ведь поженимся? Ты не против?»

Во рту у меня пересохло. Может, все-таки мне это снится? Во всяком случае, ощущения были именно такие. Нереальность происходящего меня пугала и я все щипала себя украдкой за ладошку.

– Да, конечно, – заплетающимся языком произнесла я. Соображала я также плохо, как и говорила.

Переводчик тем временем задавал вопросы о наших взаимоотношениях: как часто встречались, где, когда, про секс. Слава Богу, Джейсон ответил на все вопросы так же, как и я. Под конец ему дали подписать какую-то бумагу. Я с интересом посмотрела, что это.

Выглядела бумага примерно как бланк заявления в милицию о краже: имя, фамилия, дата рождения, текст. Единственное, что зацепило мое внимание, была графа «является ли Екатерина Гладкова проституткой?» и варианты ответа – «да» или «нет». Джейсон поставил галочку напротив «нет» и расписался.

– А что теперь? Мы можем ехать? – спросил Джейсон. Он, видимо, решил, что, получив ответ, что я не проститутка, они извинятся передо мной, и мы сможем уехать. Ага, размечтался!

– Нет. Невесту вашу отправят в Россию, но позже. Пока она побудет у нас, до решения всех вопросов с менеджером о ее нарушениях, – с довольной ухмылкой произнес кореец.

– Какие такие нарушения?! Я же приехал, все объяснил! Неужели тот факт, что мы хотим пожениться, ничего не меняет? – с непониманием вопрошал мой неожиданный жених.

– Она нарушила правила нахождения в Корее и контракт, в

котором говорится, что она может ночевать только в отведенном хозяйкой клуба помещении. Это – во-первых. Во-вторых, она не имеет права на общение с клиентами вне стен клуба, – отчеканил он как по заученному.

– Так что, по-вашему, она должна сидеть в четырех стенах и вообще никуда не выходить? – возмутился Джейсон.

– По контракту она танцовщица. Это ее работа. И она здесь по рабочей визе. Это значит, что в Корее она имеет право только на работу, а не на развлечения и любовные романы. Хотите – женитесь в России, – с улыбкой гиены отрезал он. – У вас есть пять минут. Потом вы должны покинуть наш офис. Спасибо за сотрудничество.

На несколько минут, показавшихся секундами, нас оставили наедине.

– Катя, мне очень жаль, что так вышло. Это я виноват…, – начал Джейсон.

– Да нет, я сама виновата, предупреждали ведь. Послушай, я понимаю, что такая ситуация… Спасибо, конечно, что попытался меня выгородить, но про женитьбу не обязательно было говорить, – прервала его я, хотя и надеялась в душе, что эти слова не были сказаны лишь для того, чтобы защитить меня.

– Вообще-то я серьезно. Я узнал, мне нужно сделать паспорт и приехать в Россию. Я клянусь, что месяца через два мы уже увидимся, – со счастливой улыбкой пообещал он.

– Правда?! Я так рада! Я буду ждать! – я обняла его за шею и зажмурилась от счастья.

– Вот тут я вещи привез. Света все собрала, даже деньги от «мамы» передала за соки, – произнес Джейсон, указав на большую сумку.

– Спасибо огромное, а то мне даже переодеться не во что было.

К нам направлялся охранник. Мы поняли, что время истекло.

– Скоро увидимся, не скучай. Я взял у Светы твой телефон в Хабаровске. Она, кстати, звонила твоей маме и передала, что с тобой все в порядке. Я позвоню, как только ты приедешь домой. Ты только сообщи мне, когда будешь дома.

– Хорошо. Ну, до встречи. Пока, – сказала я на прощанье, и охранник указал Джейсону на выход.

Я смотрела ему вслед. Мне очень хотелось, чтобы он обернулся, и чтобы я смогла увидеть в его взгляде немое «обещаю, все будет хорошо», но он так и не обернулся. Я отбросила в сторону странное чувство тревоги и зашагала, подхватив сумку, за охранником. Мне разрешили взять что-нибудь из вещей с собой в камеру.

Я, счастливая и окрыленная, перебирала собственные вещи. Боже, никогда еще я не была ТАК рада собственному барахлу. Переодеться в чистые вещи казалось мне верхом блаженства.

Выбрав несколько футболок, трико, свитер и несколько комплектов белья я пошла обратно в камеру. За мной закрыли дверь.

– Ну, как? Как все прошло? – с нетерпением в голосе спрашивали девочки.

– Мне предложение сделали! Руки и сердца! Ну, ни романтично ли, прямо в тюрьме!? – со счастливым смехом ответила я.

– Да ты что?! Серьезно? А вы что, собирались? – на меня смотрели пятеро вытянувшихся от удивления лиц, отказываясь верить своим ушам.

– Нет, не собирались. Сказал, что в Россию приедет через пару месяцев, – меня прямо распирало от счастья, которым хотелось поделиться буквально со всеми.

Я в подробностях расписала нашу встречу. Девчонки сели возле меня в кружок и кто с радостью, кто с тоской слушали.

День пролетел более-менее незаметно. Я, правда, снова долго не могла уснуть, но на сей раз уже от приятного возбуждения после такого неожиданного поворота событий. В голове был полный сумбур: лицо мамы, когда я сообщу ей такую новость, свадьба, совместная жизнь с любимым человеком…

Наконец, я заснула со счастливой улыбкой на устах.

На следующий день ближе к обеду меня снова позвали на выход.

«Что на сей раз? – с тревогой думала я. – Неужели опять допрос?!»

Я прошла вслед за охранником по уже знакомому коридору. Все в том же офисе меня ждали «мама» из «Стерео» и ее сын – диджей.

В первую секунду я испугалась, что они начнут ругать меня, поучать, высказывать свое мнение о моем маленьком запасе серого вещества, и даже приготовилась защищаться. Но как оказалось, они пришли совсем не за этим.

– Катя, – обняв меня за плечи, произнесла старая кореянка, – ну как же ты так?!

Похоже, я зря испугалась, – никто здесь не собирался обвинять меня в чем бы то ни было.

– Простите, я так перед вами виновата. Я знаю, вы предупреждали. Глупая я, простите! – не переставая, извинялась я.

Я действительно чувствовала себя очень виноватой перед этими людьми: из-за меня у них наверняка возникла куча проблем.

– Да ничего страшного. Ты про соки ничего не говорила? – с волнением спросила «мама».

– Нет, ничего не сказала, – успокоила я их.

– Ладно. Про зарплату не волнуйся, тебе менеджер все заплатит. Джейсон деньги передал?

– Да, вчера приезжал, все передал. Большое спасибо.

– Мама штраф заплатила, две тысячи долларов, – вклинился в разговор ее сын.

Ого, ничего себе! И после этого она меня еще и утешает?!

– Мне очень жаль, – выдавила я. А что еще можно сказать на это?

– Вас скоро домой отправят. Заботься о себе, – успокаивала меня «мама».

– Спасибо за все, – ответила я искренне и мы попрощались.

Эта встреча меня очень удивила. Меньше всего я ожидала увидеть здесь «маму», да еще и так хорошо ко мне относящуюся. Учитывая, сколько проблем я им доставила, огромный штраф и прочую головную боль, – это было за гранью моего понимания.

В состоянии некоторого шока я вернулась в камеру и рассказала девчонкам о моих посетителях.

– Вот это да! – была реакция девчонок. – Интересно, а наши приедут?

– Может быть, вы-то дольше моего проработали. Да и кто-то же должен вам вещи привезти, – предположила я.

И действительно, на следующий день к девочкам тоже приехали хозяева их клубов и привезли вещи.

Впоследствии оказалось, что тех корейцев, которые «продали» Леру и Яну ожидали серьезные проблемы. Их клуб закрыли, а им самим предстоял суд за сутенерство. «Папа» этого клуба умер от инфаркта спустя два месяца после инцидента, не дотянув немного до начала слушаний.

Я узнала обо всем этом от своей подруги Светы уже в Хабаровске.

На следующий день к нам приехал менеджер. Определенности относительно нашего ближайшего будущего эта встреча не добавила. Ясно было только одно: всех нас депортируют. Но вот когда, – не известно.

Основная проблема была связана с Лерой и Яной: пока не разберутся с хозяевами их клуба, всех нас не отпустят. Сколько времени на это уйдет? Недели?! Месяцы?! Мы не знали.

Высылать нас без этих двоих полицейские не собирались.

Почему? Просто им лень было сопровождать нас в аэропорт дважды.

Прошло ровно две недели, пока нас вместе с вещами не погрузили наконец-то в микроавтобус, надев предварительно наручники, и не повезли в Сеул.

Через несколько часов путешествия мы притормозили около одноэтажного здания с решетками на окнах.

Меня отвели в маленькую комнатку, где уже ждал менеджер.

– Через два дня вы полетите домой. Здесь зарплата за месяц, – он протянул мне пачку корейских купюр.

Я была потрясена! Учитывая уплаченные за меня штрафы, я не ожидала получить вообще никаких денег.

– Большое спасибо! – сказала я с благодарностью. – А почему нас только через два дня домой отправят?

– Потому что рейсов на Хабаровск нет до послезавтра, – ответил он.

Ну что ж, логично.

– Понятно. Спасибо за все и извините, что я так сглупила.

– Ладно, бывает. Пока, Катя, – попрощался Ким.

– До свидания, – произнесла я и вышла.

Нас поместили в камеру (Боже, опять? Когда же это кончится?!). К тому моменту в ней уже находились две женщины, а помещение было раза в четыре меньше, чем предыдущее наше пристанище.

Выданные одеяла воняли за километр, как из солдатской казармы. Не скажу, чтобы я была близко знакома с солдатской казармой, но ассоциации почему-то были именно такие.

Стены камеры были очень грязными и сплошь испещренными надписями на разных языках. Казалось, что они тоже воняли.

Вонь была везде! Казалось, она лезла под одежду, проникала в легкие и пропитывала собой все тело. Насквозь.

– Господи, лучше бы нас в Ченджу эти два дня додержали, – застонала Ира.

М-да, впечатление она производила действительно угнетающее.

– Да вы устраивайтесь, не стойте. Вы откуда? – подала голос одна из женщин. На вид ей было около сорока.

– Из Хабаровска и из Новосибирска. А вы? – спросила Настя.

– Узбекистан. Пять лет нелегалкой тут прожила, – с тоской ответила она.

Она очень хорошо говорила по-русски, абсолютно без какого-либо акцента.

– И как вам удалось так долго здесь продержаться? – очумело осведомилась я.

Поймите мое удивление: я-то здесь находилась вполне легально, и то двух месяцев не смогла продержаться.

– А у нас там проверки редко были. В моей деревне иностранцев толком и не было, а я на кухне в ресторане работала, и никому особенно не мешала. Просто месяц назад пьяная разбушевалась, вот меня и арестовали. А когда документы проверили – отправили в эмигрэшку, – пояснила она.

– Поня-ятно, – задумчиво протянула я. Оказывается, и в сорок лет мозгов бывает слишком мало. Это ж надо додуматься, чтобы, будучи нелегалкой, «бушевать по пьянке» в чужой стране! М-да, наш народ везде найдет, как отличиться. Что русские, что узбеки, – разницы нет. Все мы вышли из СССР, и менталитет у нас у всех схожий.

– У меня там квартирка была. Съемная. Хорошая такая, – продолжила свой рассказ «дебоширка». – Я и мебель в нее купила. Теперь все корейцам достанется… Б…ь! – смачно припечатала она.

– А я – из Монголии, – подала голос вторая женщина. Эта помоложе будет, – на вид лет тридцати пяти, не больше. – Я на фабрике здесь работала. Виза кончилась, а тут проверка.

В ее речи хоть и чувствовался легкий акцент, но все равно ее русский был почти идеален. Господи, откуда только она его знает!?

Мы расселись по углам и стали болтать о том – о сем.

– И как на фабрике вам работалось? – продолжила расспрашивать я монголку.

– Тяжело, – вздохнула она. – Не женский это труд. Я на мебельной работала. Все время пылью древесной дышишь. Кашель появляется, поясница отваливается. А вы-то сюда как попали? – заинтересовано уточнила она.

– А мы хостесс работали. Проверка была, а мы в отелях кто с кем, – отчиталась за всех Ира.

Женщины оказались разговорчивыми, и вечер пролетел незаметно.

В отличие от предыдущего места заточения, кормить нас здесь никто не собирался, – в этом здании кормежка в принципе не была предусмотрена. Ни для кого. Поэтому нам пришлось договариваться с охранниками и через них заказывать еду в соседнем кафе. Так что хорошо, что у всех у нас были с собой деньги. Страшно представить, что было бы, если бы оных у нас не оказалось.

Оставшиеся до перелета домой часы текли раздражающе медленно. Вот хуже всего это: ждать и догонять.

Но рано или поздно все кончается. Наступил день отлета.

Едва войдя в аэропорт, мы обратились к нашим соглядатаям чуть ли не хором:

– Нам нужно деньги поменять: воны на доллары.

Ни в одном обменнике Хабаровска корейскую валюту не принимают и, соответственно, наша просьба была вполне объяснима.

– Нельзя, – вяло отмахнулся кореец.

– Как… нельзя? – растеряно пробормотали мы.

– В России поменяете, – достаточно раздраженно буркнул второй сопровождающий нас полицейский.

– Нет, в России не принимают! Нам здесь нужно поменять, – настаивали мы.

– А мне – все равно! Нельзя! – твердо стоял он на своем.

Ну, все! Их упрямство меня достало, и я бухнула чемоданом об пол:

– Мы никуда не пойдем, пока не поменяем. Хоть волоком нас отсюда тащите!

Вообще-то я редко выхожу из себя, но после всего того, что мы пережили за последнее время, еще и перспектива вместо денег привезти домой никому не нужные «фантики»?! Это уже слишком! Так что сами понимаете, – настроена я была крайне решительно.

Девчонки дружно меня поддержали и так же демонстративно побросали сумки на пол. Охранники грозно на нас посмотрели, но, увидев, что настроены мы решительно, все-таки согласились.

Мы радостно, чуть не вприпрыжку, понеслись за ними, но, подходя к окошку «Обмен валют», затормозили:

– Эй, народ, а как мы бабки поменяем, если нам паспорта еще не отдали? – попыталась уточнить я.

Мы решили еще раз обратиться к охранникам:

– Дайте нам паспорта. Пожа-а-алуйста! На время, только деньги поменять.

– Паспорта вам отдадут в России ваши милиционеры. Давайте деньги сюда, я поменяю, – протянул руку один из них.

Мы быстренько посовещались, но делать-то – нечего. Так что отдали ему всё, запомнив, кто – сколько и стали ждать. Через несколько минут нам принесли доллары и повели на самолет. Как раз только что объявили посадку на Хабаровский рейс.

Ира и Настя улетали в Новосибирск в тот же день, но их вылет был чуть позже нашего. Прощаясь, мы обменялись адресами и телефонами, поплакали на дорожку и пообещали друг другу не теряться из виду. За эти две недели мы все стали очень близки друг другу.

Посовещавшись с русскими стюардессами через переводчика,

охранники передали им наши паспорта и отчалили восвояси.

Наконец, мы оказались в самолете, таком родном и до боли «российском».

– Господи, аж не верится, что домой летим! – воскликнула Лерка с радостью.

– И правда, скорее бы уж домой попасть, – согласилась я. Мне не терпелось увидеть маму и брата. За эти два месяца я соскучилась по ним смертельно.

Глава 4

Через два с половиной часа мы увидели огни Хабаровска. Почему-то именно в этот момент мне вдруг резко захотелось обратно, в Корею. Я захотела вернуться к Джейсону, к друзьям, к Светке, в клуб…

– Блин, вроде еще два часа назад так домой хотелось! А сейчас как глянула на родные болотца, так сразу назад потянуло, – задумчиво пробормотала Яна.

«Мысли она читает, что ли?» – удивилась я.

Думаю, все мы привязались к Корее. Но если уж говорить совсем откровенно, то не совсем к Корее, а к той беззаботной жизни, которая была у нас там.

Сейчас же мы возвращались домой: к каждодневным проблемам и повсеместному хамству; к зарплате, которой едва хватает на самое скромное пропитание; к злым продавцам и платным пакетам в «супермаркетах»; к забитым автобусам и непозволительной роскоши пользования такси; к грубым сантехникам и недовольным паспортисткам.

Тем не менее, мы с нетерпением ждали встречи с близкими. И, в общем-то, были рады возвращению домой.

Мы вышли из самолета и направились к зданию терминала. Нас провожала одна из стюардесс, неся в руках паспорта.

– С этими разберись, – бросила она одному из дежурных, протянув документы.

– Ну, пройдемте, – скомандовал он, и мы посеменили следом. – Вот, берите бумагу и пишите объяснительную, почему вас депортировали.

– То есть как? Все с самого начала? Где взяли и за что? – не поняла Яна.

– Да на кой мне ваше «где» и «за что»?! Ну, напишите, что за нарушение паспортного режима, – нетерпеливо пояснил он.

Мы нацарапали объяснительные и отдали дежурному. Он пробежал глазами исписанные листочки и выдал нам паспорта.

Пройдя паспортный контроль и получив сумки, мы потянулись на выход.

Странно, но меня никто не встречал. Я в растерянности огляделась: ни-ко-го!

Вот так новости! И что мне делать? Рублей на дорогу у меня не было, а пункт обмена давно закрыт. Я решила подождать Леру с Яной:

– Девчонки, вас кто-нибудь встречает? – спросила я.

– Вон, менеджер из нашей фирмы, – Лера кивнула головой в

сторону полноватой женщины, направлявшейся в нашу сторону. – Повезло, что хотя бы она здесь.

– Ну, здравствуйте, лягушки-путешественницы, – с иронией поздоровалась подошедшая женщина. – Как вам «кутузка» корейская?

– Лучше и не спрашивайте, – виновато промямлила Янка.

– Та-ак, а это у нас кто? – обратилась она ко мне.

– Я – Катя. Но я не от вашей фирмы.

– Знаю, что не от моей. Ладно, все местные?

– Да, все.

– Тогда – за мной! По дороге все и обсудим, – женщина она была боевая, решительная.

Заметно приободрившись, как бы «подпитавшись» ее решительностью, мы бодренько потопали следом.

Загрузившись со всеми пожитками в старенький японский микроавтобус, мы тронулись в сторону города.

– Объясняю. То, что вас депортировали, – грустно. Но не смертельно. И это еще не значит, что в Корею вы больше не вернетесь. Делаете так: идете в ЗАГС, подаете документы на смену имени и фамилии. Через месяц получаете новый паспорт. Потом идете ко мне, и я вас отправляю обратно в Корею. Понятно? – закончила она свое краткое объяснение.

У меня аж челюсть отвисла.

– Как? А разве это можно: поменять и имя, и фамилию? Как же это? – мне не верилось, что проблема решается так легко.

– Как, как?! Да обыкновенно! Сейчас у нас в стране все можно, даже фамилию экс-президента можно взять, если угодно, – со смехом ответила она.

– А как же наши отпечатки пальцев? Нас же там поведут в эмигрэшку для получения карточки и регистрации. Наши-то отпечатки в компьютере! – продолжала сомневаться я.

– Ничего страшного. Мы это уже проходили. Потом подробнее объясню. Пока все понятно? Вот и действуйте! – подвела она итог.

Мы задали еще несколько уточняющих вопросов по срокам и необходимым документам, и распрощались, пообещав друг другу созвониться.

Я стояла перед подъездной дверью. С улицы было видно, что свет горит в зале и на кухне. Скорее всего, и мама, и брат дома, но сегодня они меня не ждут. Иначе бы обязательно встретили в аэропорту.

Я подхватила чемодан и зашла в подъезд. Сердце громко ухало. Мне не терпелось увидеть родные лица. Позвонив в дверь, уже через секунду я услышала топот несущихся ног.

– Кто там? – раздался из-за двери радостно-настороженный голос младшего брата.

– Это я. Открывай!

Дверь распахнулась, и Сергей обнял меня за плечи.

– Ну, слава Богу! – выдохнул он с облегчением.

Тут же на меня набросилась с поцелуями мама, и мы обе расплакались.

Наконец, уняв немного эмоции и вытерев слезы, я перетащила сумку в зал, и тут же направилась в ванную. Пока мама готовила ужин, я отмывалась.

Проторчав под душем около часа, я вышла оттуда розовощекая и пахучая, как майская роза.

На столе призывно расположились наваристый ярко-бордовый борщ со сметанкой, мой любимый черный хлеб и солененькая селедочка, м-м! Все еще не веря своему счастью, мой желудок нетерпеливо заурчал.

– Боже, как я хочу есть! Как я хочу НОРМАЛЬНО поесть! – с воплем бросилась я к столу.

– Нет, это прямо невезение какое-то, – начала мама.

– Уфу, – с набитым ртом согласилась я, – по дфуфому и не нафафешь!

– Да я не о том! То есть, оно-то, конечно, не повезло. Я так волновалась за тебя, думала с ума сойду: где ты да что с тобой. Хорошо, хоть Света позвонила! Но я вот о чем: самолеты из Кореи летают два раза в неделю. Как Света позвонила и сказала, что ты скоро приедешь, я тебя уже пять раз в аэропорт ездила встречать. Сегодня в первый раз не поехала. Думала, что ты все-таки заранее позвонишь из Сеула, и не поехала. А ты раз, и именно в этот день и приехала!… Катюша, я так рада, что с тобой все нормально! Я так переживала, так переживала!

– Да, дурдом получился. Я сама там чуть с ума не сошла, – согласилась я. – Мам, я, наверное, замуж скоро выйду, – выпалила я тут же, без предварительного перехода.

– То есть как?! За Джейсона?! И когда же вы это решили? – ошарашено смотрела на меня мама.

– Давай я расскажу тебе все по порядку, – предложила я. – Только мне сперва позвонить надо, – я вспомнила, что скоро Джейсону нужно будет уходить на работу, поэтому побежала к телефону.

Набрав номер, услышала любимый голос:

– Алло, это я. Перезвони мне домой, о’кей?

– Да-да, сейчас, – отозвался он и через минуту перезвонил.

– Доехала нормально? Я так переживал, даже позвонил пару раз тебе домой. Наверное, твоя мама ответила. Я спросил «дома

ли Катя». Мне ответили «нет», а больше я по-русски ничего и не знаю. Как ты?

– Да все нормально. Я скучаю по тебе.

– Я тоже. Но ничего, я скоро приеду, – попытался подбодрить меня он.

– Да, было бы хорошо. Ты в «Стерео» заходил?

– Да, все по тебе скучают и очень волнуются. Я завтра туда съезжу и передам Свете, что ты дома.

– Хорошо, спасибо.

– Ну, мне на работу пора. Я тебе завтра позвоню, хорошо?

– Да, конечно. Ну, пока, – попрощалась я и положила трубку.

Я вернулась к маме на кухню и начала обещанный рассказ. На него у меня ушло часа два, не меньше.

Несколько раз мы начинали плакать, раз десять выходили на балкон для перекура, продолжая разговор и там… В паре мест даже посмеялись. До слёз.

Когда я дошла до конца повествования, мама вздохнула:

– Ну что ж, посмотрим. Если приедет – хорошо. А насчет свадьбы, – там видно будет.

Разговаривали мы долго, и спать легли только под утро. При соприкосновении моего измученного и уставшего тельца с любимым матрацем, а головы – с подушкой, я поверила в рай. Вот он, этот самый рай, – прямо на земле! Это когда можно спать не на полу, на тонком покрывальце, а на кровати с любимой подушкой и под пуховым одеялом.

Я утонула во всей этой мягкости и отключилась. Почти на 20 часов.

Проснувшись, я рассказала маме о том, что посоветовала мне менеджер накануне.

Мы долго думали, подавать документы на смену фамилии или нет. С одной стороны, я ждала приезда Джейсона, и смена паспорта была бы совсем не кстати. С другой – я была не слишком-то уверена, что он сможет так скоро приехать ко мне, как обещал.

– Ну, подожди с месяц, и если он так и не сможет приехать – подавай документы, – посоветовала мне мама.

На том и порешили.

С утра пораньше я побежала в Интернет-кафе проверить почту. Меня ожидали четыре письма от Джейсона. Он писал, что очень за меня волнуется, рассказывал о моих подругах из «Стерео», о том, как за меня все переживали, и о том, что скоро он приедет и все у нас будет хорошо.

Я ответила на все четыре письма и вернулась домой.

Вечером он снова позвонил:

– Привет! Я тебе письмо отправила. Ничего особенного, просто соскучилась.

– Я знаю. Я уже получил и тоже ответил. Ходил в «Стерео». Света сказала, что позвонит тебе сегодня. Она не звонила?

– Нет пока. Ты что-нибудь узнавал о поездке сюда? – поинтересовалась я.

– Да. Но дело в том, что я не уверен, что смогу взять отпуск раньше, чем через три месяца, – ответил он.

Я загрустила.

– Понятно… Мне тут подсказали вариант, при котором, возможно, я сама смогу приехать в Корею. Но на это уйдет пара месяцев.

Раз уж его приезд так надолго откладывается, то придется мне воспользоваться советом и заняться-таки сменой фамилии.

– Это было бы здорово! А как? – спросил Джейсон.

Я объяснила.

– Отлично! Ну ладно, напиши мне, если узнаешь что нового. У меня карточка кончается. Я тебе через пару дней позвоню.

– Хорошо, я напишу. Целую.

– Пока.

Я повесила трубку и призадумалась.

Так, значит, будем менять фамилию. А что для этого нужно?!

Я нашла справочник телефонов и позвонила в ЗАГС своего района:

– Здравствуйте. Подскажите, пожалуйста, я могу у вас подать документы на смену фамилии? – поинтересовалась я.

– Да. В любой день, кроме понедельника и выходных, – короткой скороговоркой «выплюнули» ответ и бросили трубку.

Я посмотрела на календарь. Сегодня суббота. Придется ждать до вторника.

В воскресенье Джейсон не позвонил, но я получила от него пару писем по Интернету.

В одном из них меня несколько озадачили слова, смысл которых до меня никак не доходил. Вот они: «Что бы там ни говорили мои друзья, я приеду. Ты мне очень нужна».

Я рассказала об этом маме, но она лишь развела в ответ руками:

– Не знаю, что он имел в виду. Но мне это уже не нравится… Выходит, друзья отговаривают его от поездки сюда!? – нахмурилась она.

Я, конечно, расстроилась, но виду старалась не подавать, успокаивая саму себя тем, что он меня любит и на половине пути уже не остановится.

Вечером позвонила Света. Она очень обрадовалась, что я, наконец, дома, получила зарплату в полном объеме и, возможно, даже еще вернусь в Корею. Также она добавила, что накануне Джейсон приходил в клуб, и еще раз сказал ей, что собирается ехать в Россию.

Я была рада услышать, что он подтвердил свое обещание и перед моей подругой. Значит, зря я расстраивалась, – все у нас будет хорошо!

Во вторник я взяла паспорт и пошла в ЗАГС. Заполняя бланк на смену фамилии, я впервые задумалась: «И какое же имя и фамилию мне взять? Ведь „как вы лодку назовете, так она и поплывет“».

Вариант «Ада Миронова», всплывший откуда-то из подсознания, показался мне достаточно благозвучным и вполне приемлемым. Отчество я решила оставить прежним. В качестве причины замены указала: «хочу носить фамилию бабушки». Разумеется, никто и не собирался проверять, действительно ли моя бабушка носит такую фамилию (или, может, она носила такую фамилию в девичестве). А что до имени, то здесь я объяснила причину так: «имя „Екатерина“ считаю неблагозвучным».

Хм, имя свое, вообще-то, я считаю вполне даже «благозвучным», но другой достаточно веской причины я придумать так и не смогла, а в «шаблоне/подсказке» указана была именно эта.

Я отдала заявление хмурой тетеньке в приемной. Она, просмотрев мои документы, строго поинтересовалась:

– И чем это «Екатерина» так неблагозвучна?

Только тут я заметила, что на бэйджике у нее значится «Екатерина Строкова» и, как бы извиняясь за невольный «наезд» на красивое имя, сочла нужным пояснить подробнее:

– Да ничем, просто причины, по которым я хочу поменять имя и фамилию, – личные, и я не хотела бы их раскрывать. Вот и написала, не задумываясь, то, что в шаблоне было указано.

Она еще раз перепроверила мои документы, поставила в паспорте штамп «Подлежит обмену», и сообщила, что ждать придется около месяца.

– А побыстрее никак нельзя? – с надеждой спросила я. – Мне срочно нужно.

– Ну, не знаю даже, – пожала женщина плечами, – можно попробовать, наверное.

Я поняла, как именно «можно попробовать», вложила в паспорт двести рублей и протянула ей снова:

– Вы проверьте данные еще раз, вдруг что-то не так

записали, – сладко протянула я.

Легким движением пальцев гражданка Строкова незаметно вытащила купюры и вернула мне паспорт обратно:

– Приходите через неделю, – улыбнулась она почти ласково.

Я поблагодарила ее от всей души и побежала домой.

Так, начало положено. Совсем скоро у меня будут новые документы, и я смогу вернуться в Корею. Я была на седьмом небе от счастья!

Джейсон позвонил только в четверг. Голос его каким-то неуловимым образом изменился. Он по-прежнему заверял меня, что приедет, как только сможет, но делал это уже без особого энтузиазма. Вроде бы и слова были все те же, а скребущее чувство, что «что-то не так» меня не покидало.

Тогда я решила позвонить Свете и уточнить обстановку.

Она рассказала, что вчера Джейсон опять приходил в «Стерео». Он все так же говорил всем, что хочет поехать в Россию, но вот выглядел при этом мрачнее обычного. Еще она заметила, что он долго разговаривал о чем-то с одной из девушек, привезенных в клуб вскоре после нас со Светкой. Правда при этом ничего предосудительного в их поведении она не заметила.

Я в свою очередь порадовала Свету тем, что подала документы на смену фамилии, и возможно совсем скоро мы с ней встретимся снова.

В ожидании замены документов время тянулось невыносимо долго. Я каждый день ждала, что мне вот-вот позвонят и сообщат, что все готово, поэтому без особой надобности старалась не выходить из дома надолго. Но они все не звонили и не звонили…

Такое бесплодное ожидание каждый день, неделю за неделей, ужасно выматывало. Единственное, что поддерживало во мне силы и веру в то, что все еще будет хорошо, – общение с Джейсоном.

Я жила от звонка до звонка. Я существовала в промежутках между нашими письмами. Я не могла больше думать ни о чем другом, кроме как о нем и о том, что ждет нас впереди…

У меня напрочь пропали сон и аппетит. Я сидела на кухне ночи напролет, выкуривая одну сигарету за другой и поглощая литрами наикрепчайший кофе. Утром я шла в Интернет-кафе, где в сотый раз перечитывала письма Джейсона. В каждом из них были одни и те же слова, которые поддерживали во мне надежду: «я люблю тебя», «я скоро приеду», и «все будет хорошо, ты просто верь мне». Днем я несколько часов спала, а вечером снова начинала ждать его звонка.

Мама на тот момент не работала. Несколько месяцев назад она перенесла небольшую операцию, после которой неожиданно

возникли осложнения, и ей самой часто нужна была моя помощь и поддержка.

Она всегда находилась рядом, стараясь хоть как-то подбодрить и успокоить меня, но это почти не помогало. Я безумно боялась, что Джейсон разлюбит меня, находясь так долго и так далеко, и от этого навязчивого страха меня ничто не могло отвлечь.

Так прошло две или три недели после возвращения домой.

И тут как-то вечером мне позвонила Света. Я посмотрела на часы: странно, сейчас она должна быть еще на работе.

– Кать, я даже не знаю, как тебе сказать. Может все и нормально, – тебе решать. В общем, нам тут три дня назад девок новых привезли. Одна – Инна – симпатичная такая… – начала она издалека. – Так вот, твой Джейсон ей сегодня два сока купил, – голос у Светы был очень расстроенный, и даже какой-то виноватый. – Ты только не расстраивайся раньше времени, может он просто так, – чуть не плача добавила она.

– Свет, ты что, серьезно?! – я была просто в шоке. Горло сжало невидимой рукой, а в глазах предательски защипало.

– Не, ну надо же, гад, какой! Ты из-за него две недели в эмигрэшке просидела, столько всего натерпелась…, а он!? Я глазам своим поверить не могла! – начала она распаляться, пытаясь хоть как-то смягчить только что сообщенную новость.

– Понятно. Ладно, Свет, спасибо, что позвонила. Держи меня в курсе дела, – выдавила я.

– Хорошо. Ты только не принимай близко к сердцу, может все не так плохо. Просто я подумала, что ты должна об этом знать… Я еще позвоню, – сказала она и повесила трубку.

По стенке я бессильно сползла на пол. «Неужели это правда? Вот так, просто? Спустя каких-то пару недель?!» – вяло думала я.

Ко мне подбежала мама и стала расспрашивать, что случилось. Я кое-как рассказала о Светином звонке.

– Вот так-так… А, все они такие! Мужиков нельзя надолго одних оставлять, тут же к другой побегут!… Мда-а, не надолго его великой любви хватило, – вздохнув, резюмировала она.

Я доползла до своей комнаты и зарыдала в подушку. Неужели это возможно, – вот так скоро все взять и перечеркнуть? Я не могла, я не хотела в это поверить!

Через два часа раздался телефонный звонок.

– Катя, тебя Джейсон, – крикнула мне мама, неся трубку.

– Алло, – чужим голосом произнесла я.

– Привет. Как ты? – спросил он, ничего не заметив.

– Мне Света звонила, – ответила я.

– И что она говорит?

– Ты с Инной долго разговаривал и купил ей два сока.

– Да я просто так! Они новенькие, вот мне и захотелось им чем-то помочь, – оправдывался он.

– Ты мне не звонил, потому что карточки не было. Ты сказал, что денег нет. А на соки ты двадцать баксов нашел?! – со злостью почти выкрикнула я.

– Да нам вчера только зарплату дали, а карточку я еще не успел купить, – оправдывался он. – Извини, я не знал, что ты так на это обидишься. Я больше никому и никогда не буду покупать соков! Обещаю! – с жаром заверил меня Джейсон.

– Пожалуйста, не покупай больше.

– Хорошо. А как с документами? – сменил он тему.

– Новое свидетельство о рождении получила. Подала документы на паспорт, но он только через две недели будет готов.

– Понятно. Ну, я тебе на днях позвоню. Не скучай там. Пока.

Я попрощалась и повесила трубку.

Дни снова потянулись невообразимо медленно.

Я все ждала и ждала звонка от Джейсона, но он все не звонил.

Пару раз я позвонила сама, но его сосед по комнате неизменно отвечал, что Джейсона нет дома.

Через пять дней после нашего последнего разговора я, как обычно, пришла в Интернет-кафе проверить почту. Меня ждало письмо Джейсона. Первое за эти дни, и очень-очень короткое: «Мне очень жаль, но я не смогу быть с тобой. Я много думал о наших отношениях и принял такое решение. Все произошло слишком быстро. Я сожалею, что стал причиной всех твоих проблем, но нам лучше перестать общаться. Прости меня. Джейсон».

Я медленно поднялась со стула и вышла на улицу.

Все вокруг стало нереальным и каким-то расплывчатым. Я была словно под наркозом. Мимо медленно протекала толпа, машины, время… Все в этом мире исказилось и потеряло прежнее значение.

Слезы текли из глаз сами собой, оставляя мокрые дорожки на щеках. На лице же не отражалось никаких эмоций. Оно окаменело.

Я пересекла дорогу. Странно: машины истерически сигналят, визжат тормоза… Но мне – все равно. Мне все – безразлично. И если бы я в тот момент умерла, то все равно ничего бы не почувствовала.

У меня словно что-то отняли, какой-то внутренний стержень. Меня сломали и растоптали. А потом выбросили. Как надоевшую игрушку.

Я добралась до площади Ленина и села на скамейку.

Было сложно понять, от чего именно мне было так больно.

Была ли я влюблена? Не знаю. Может быть. Не это главное.

Меня обманули. Я чувствовала себя ребенком, которому Дед Мороз принес на Новый Год долгожданный подарок. Тот, которого так долго ждала, и о котором так сладко мечталось. Но вдруг пришел какой-то злой мальчишка и подарок этот отобрал. И нет его больше у меня. И нет больше ощущения счастья, переполнявшего меня минутой раньше. Осталась только боль.

Но что за чувство вызывало во мне такую невыносимую боль?

Была ли это обида на мальчика? Или это была злость на себя за то, что упустила, что не уберегла? Или это было отчаяние от того, что так глупо попалась? Что не смогла все предвидеть и предугадать, чтобы хоть как-то обезопасить себя от злого мальчишки? Что не разглядела в нем сразу врага?

Я достала из сумочки блокнот. В него я записывала понравившиеся фразы из книг. Иногда мне это помогало: перечитывая чужие, но мудрые мысли, а зачастую и банальные, прописные, истины я чувствовала себя чуточку мудрее.

Хотя, какая к черту мудрость в мои годы! Я только-только начинала накапливать свой жизненный опыт, который, как известно, приходит с годами. Мне еще столько всего нужно будет узнать, понять, осмыслить; столько собственных ошибок предстоит совершить и столько шишек набить…

«Чему быть – того не миновать» и «Что ни делается, все – к лучшему». Вот две аксиомы, которые помогали мне во всем и всегда. Главное – верить. Верить, и продолжать надеяться на лучшее. Когда пропадает вера – пропадает и желание жить. И по большому счету даже не важно, во что верить, лишь бы надежда не пропадала. Тогда не пропадет и желание жить.

Я перечитывала знакомые цитаты, пытаясь вернуть себе веру. Ну, или хотя бы надежду.

Неожиданно я наткнулась на фразу, о которой уже и сама позабыла. Я припомнила, когда записала ее: в тот день я впервые пришла на фирму подавать документы для работы в Корее.

У меня сжалось сердце. Вот уж правду говорят: «Будь осторожен в своих желаниях, – иногда они исполняются».

Мне было восемнадцать с половиной, и все мои подруги уже имели какой-то опыт тесного общения с мужчинами, а мне все как-то было не до этого. И вот однажды я решила, что пора бы и мне влюбиться, как другие. После этого у меня случилась-таки парочка ничего не значащих для меня романов, но вот влюбиться мне так и не удалось.

Тогда-то я и сделала эту запись в блокноте: «Я начинаю

сомневаться, что могу любить. Я не могу открыться, не могу принять чужого человека, его душу в себя. Господи, дай мне прочувствовать, что это такое. Хоть на один день я хочу полюбить».

Струна, сдерживающая боль, эмоции, резко оборвалась. Я зарыдала в голос: «Зачем?! Ну, зачем я об этом попросила?».

– Значит, так было нужно, – ответила другая я. – Ведь чему быть – того не миновать.

– Отвали! – огрызнулась я самой себе и поднялась со скамейки. – Оставь свои философские бредни для более уместного случая. Не видишь, хреново мне?!

На этом диспут оборвался.

Привычка разговаривать самой с собой появилась у меня давно. Ведь когда так нужен близкий друг, которому ты можешь довериться, а под рукой его нет, кто может его заменить? Конечно – вы сами! Ведь никому кроме вас самих вы не интересны настолько, чтобы он мог часами выслушивать ваши бредни и давать при этом ценные советы.

Глава 5

Я продолжала заниматься сменой документов. И изо всех сил старалась не думать больше о Джейсоне. Хотя пару раз, когда была не слишком трезвой, я не смогла сдержаться и набирала его номер. Естественно, сосед неизменно отвечал, что его нет дома.

На следующий день было самой за себя стыдно: «Ну, и зачем звонила?! И что бы ты сказала, если бы он все-таки взял трубку?! Ага, сказать-то нечего!»

Иногда звонила Света и сообщала новости. В том числе и такие: «Джейсон стал встречаться с девушкой из другого клуба».

Мне было больно и неприятно слышать это. В конце концов, я попросила Свету ничего мне о нем больше не рассказывать. Никогда.

Спустя два месяца у меня на руках было два новых паспорта: российский и заграничный.

На дворе была уже середина декабря: Амур давно закован в лед, дороги – как стекло, постоянно дует колючий, пронизывающий насквозь ветер…, и очень хочется вернуться туда, где потеплее.

Я сделала пару фотографий и отправилась в знакомую уже фирму сдавать документы на визу. Объяснила, что хочу поехать в тот же город и в тот же клуб. Женщина, работавшая там, при мне уточнила такую возможность у мистера Кима по телефону, и сообщила, что он готов взять меня обратно. Мне пообещали, что виза будет готова примерно через месяц.

Я не устраивалась на работу по возвращении из Кореи, поэтому деньги, на которые нам пришлось жить всей семьей (мама ведь тоже сидела дома из-за проблем со здоровьем), заканчивались с катастрофической скоростью.

И когда еще через месяц мне сообщили, что виза еще не готова, я поняла, что пришла пора искать работу в Хабаровске. Пролистав газету объявлений, я устроилась продавцом в отдел по продаже видео– и аудио-продукции. Работа была не пыльная, да к тому же – недалеко от дома. Ничего такого «супер» я и не искала, так как знала, что здесь я не надолго, и скоро вернусь в Корею. Для меня это стало идеей фикс. Я не могла больше думать ни о чем другом.

В середине января мне позвонила Таня, та самая, с которой я училась в одной школе:

– Привет! – обрадовалась я, узнав ее голос. – А ты где? Откуда звонишь?

– Я в Хабаровске. Вчера вернулась. Давай встретимся, –

предложила она.

Мы договорились о встрече и через пару часов уже обнимались и смеялись посреди улицы.

– Пошли ко мне! Тут недалеко, – болтать на улице было как-то не очень комфортно, вот я и предложила зайти к нам, прикупив по дороге пивка.

Таня рассказала, что они с подругой, с которой вместе работали, решили не продлевать контракт до целого года, а остановиться на шести месяцах.

Их «мама» пообещала сделать им приглашения на работу от себя, и таким образом «отвертеться» от ежемесячных комиссионных менеджеру. Это позволило бы увеличить их зарплату почти вдвое. Девчонки согласились, поэтому и оказались сейчас дома.

Мы долго говорили: я рассказала ей о депортации, о Джейсоне, о смене фамилии и об ожидании со дня на день готовых документов.

– А как у тебя на личном фронте? – поинтересовалась я.

– Да, встречаюсь тут с одним. Предлагает пожениться. «Люблю, куплю и полетим», – все как обычно. Посмотрим. Мне он оч-чень нравится, но – сама понимаешь. Они же такие: сказать все, что угодно могут, а вот сделать…

По задумчивости во взгляде я поняла, что парень ей действительно далеко не безразличен.

– А сколько ему лет?

– Двадцать три… И детей – трое, можешь себе представить!?

Я застонала:

– Ох, ни фига себе! И когда ж это он успел их столько настрогать? Или он в Африке жил, где про средства защиты никто никогда не слышал? – засмеялась я.

– Кать, ты ж сама знаешь, у них это – нормальное явление. Кого ни спросишь, – в двадцать с небольшим все уже разведены, детей куча и алименты. И чем думают, – непонятно! – фыркнула Танька.

– Это как раз таки и понятно, чем думают, – грустно вздохнула я.

Краткая справка: проанализировав свои личные наблюдения, я сделала вывод, что молодые люди в Америке, как правило, очень рано женятся. По крайней мере – в первый раз.

Да, официальная статистика утверждает: в развитых странах средний возраст впервые вступающих в брак неуклонно растет, так как молодежь предпочитает сначала получить образование, сделать карьеру, и уже после этого начинать серьезные отношения и обзаводиться детьми. И я думаю, что эта статистика

верна. Но лишь отчасти, и отражает она скорее то, что происходит в высшем и верхнем уровне среднего класса. Все остальные же, по крайней мере, в Америке обзаводятся семьями и детьми очень рано. Почему? Да от нечего делать!

Представьте: школа уже окончена, а в бары и клубы еще не пускают. И алкоголь еще не продают. И чем можно заняться молодому американцу в свободное от работы время? Правильно – только сексом (этим им почему-то можно свободно заниматься и до достижения двадцати одного года, в отличие от всего остального), и, как правило, – со своими же бывшими одноклассницами, которые также мучаются от безделья.

Но потом наступает момент, когда они становятся совершеннолетними и понимают, что с семейной жизнью поторопились. Ведь в мире есть еще столько всего интересного и веселого: вечеринки, выпивка, доступные девушки и прочее! Именно после двадцати одного года многие из них и разводятся. Вот такой пердимонокль! А вы говорите – пуританская Америка, пуританская Америка…

Мы с Танюхой повздыхали еще немного о том – о сем (за разговорами время незаметно подобралось к отметке «хорошенько за полночь») и улеглись спать.

Очень скоро мы сделались лучшими подругами. Нам всегда было о чем поговорить. В Таньке мне очень нравился ее неиссякаемый энтузиазм и оптимизм. За все время нашей дружбы я видела ее плачущей, от силы может раза два. Ее внутренняя стойкость меня вдохновляла.

Даже когда ее бойфренд сообщил ей примерно в тех же словах, что и мне когда-то Джейсон, что «он ее не достоин и ей следует его забыть», Таня не потеряла оптимизма.

Конечно, что-то или кто-то на время в ней сдалось. Но лишь на время.

Как-то раз, сразу после ее разрыва с женихом, мы сидели у меня на кухне и разговаривали о нас – таких несчастных, и о них – таких неверных:

– Да чтобы я еще хоть раз повелась на их вранье!? Я их поняла: американцу соврать, – как два пальца об асфальт! Для них сказанное «люблю» еще совершенно ничего не значит! – в сердцах высказывала Таня наболевшее. – Все, решено: буду теперь так же, как они, поступать. Не хотят по-хорошему, – будет по-плохому. На бабки буду разводить, врать буду на каждом шагу…

– А ты знаешь, и то – верно! Мы туда за деньгами едем, вот и будем на них зарабатывать! – согласилась я.

Мы торжественно поклялись друг другу, что вот прямо с этого самого момента, сию минуту перестаем верить мужикам и

становимся «стервами». Самыми что ни на есть стервозными стервами!

Для начала своего превращения в «стерву» я собрала все фотографии, где была запечатлена вместе с Джейсоном, и порвала их на мелкие кусочки. Мне полегчало.

– Все, Танюха! Начинаем новую жизнь!

За это мы и выпили.

Постепенно проходили дни, недели…

Визу я так и не получила: то наш Новый Год, то корейский, то китайский. Мне лишь сообщали каждый раз, что скоро, ну прямо со дня на день, все будет готово.

Достаточно быстро выяснилось, что и у Тани не все гладко с документами: «мама» так и не смогла сделать ей приглашение, как обещала. А так как старая виза еще не закончилась, но въехать по ней в Корею она не могла из-за отсутствия какого-то там штампика, то, недолго думая, она тоже решила поменять себе имя и фамилию.

Так что через месяц Таня подала документы в ту же фирму, что и я.

У меня же с визой по-прежнему была тишина. Я сильно переживала по этому поводу, бесконечно ругалась с девчонками-менеджерами, но результатов это не приносило. Лишь обещания, обещания, обещания…

В марте наконец-то выяснилось, что мы с Таней попали в одну группу. То есть ехать в Корею мы будем вместе. Как так вышло, что между подачей наших документов было два месяца разницы, а попали мы в одну группу – непонятно. Но факт остается фактом.

Весна тем временем набирала обороты.

Однажды мы с Танькой решили выбраться куда-нибудь, чтобы развеяться хоть немного. Пошли на местную дискотеку. Проведя там часа полтора, мы поняли, что надо уходить.

Обкуренные подростки, – наглые парни, считающие, что, покупая стакан пива для тебя, они получают взамен если не всю твою жизнь, то, по крайней мере – совместный вечер в сауне; пьяные девицы, вешающиеся на всех подряд, без разбора; повальное хамство и отсутствие элементарной вежливости… Все это подавляло. Что ни говори, а американцы хоть и врут безбожно, но, по крайней мере, они не смешивают девушек с дерьмом.

Конечно, не все русские мужчины такие, но в тот вечер других нам как-то не попалось. А может, мы просто место выбрали неудачное. Но, так или иначе, ни в бары, ни на

дискотеки в Хабаровске мы больше не ходили.

Как-то я сидела на работе, скучала из-за отсутствия покупателей и читала книжку.

– Ну и чего мы тут сидим?! А работать, – кто будет? – послышался знакомый голос.

Я подняла голову:

– Здорово! Ты каким ветром сюда? – спросила я Таньку. Хотя нет, ответ я и так знала. Если она пришла, значит, есть новости с фирмы. По ее лицу мне на миг показалось, что новости эти – плохие.

– Не томи, а? – заискивающе попросила я.

– Да ни фига! Отказали, – со скорбным лицом пробормотала она.

– Как… отказали? Совсем?! – оторопела я.

– Да шучу я! Все, через неделю отчаливаем! – со смехом «раскололась» она.

Я вылетела из-за прилавка и обняла ее что было силы:

– Слава Богу! Ну, наконец-то! – я не могла поверить в такое счастье.

Прошло уже полгода с того дня, как я вернулась в Россию. Дома, конечно, хорошо, но в Корею меня тянуло так, словно там не просто медом намазано, а разлито литров сто этого самого меда!

Мы, естественно, отметили получение визы и стали собирать чемоданы.

Внешне я была радостной и спокойной, но в душе все равно переживала: и из-за моих отпечатков в эмигрэшке, и из-за того, что, скорее всего, снова увижусь с Джейсоном. При воспоминании о нем сердце по-прежнему сжималось. Я снова и снова представляла себе нашу возможную встречу: как она пройдет, что мы скажем друг другу, увидимся ли вообще…?

Помимо меня и Тани в нашей группе было еще две девушки. С ними я пока знакома не была, но мне это было и не к чему. Девчонок везли в тот же город, но вот в какой клуб, – было еще неизвестно. Что касается меня, то здесь я знала точно: работать я буду в «Стерео».

Настал день отъезда.

Я основательно к нему подготовилась: мы с мамой заранее нашили мне кучу бикини, заказали в ателье несколько выходных платьев и закупили все необходимое для жизни в Корее.

Меня снова провожали мама с братом. Они были расстроены, а я – до неприличия счастлива.

В аэропорту я присоединилась к компании из нашего

русского менеджера, Тани и еще одной, незнакомой мне девушки. До моего прихода они о чем-то озабоченно переговаривались.

– Так, одна барышня, кажется, решила не ехать, – увидев меня, подвела итог менеджер.

Мы огляделись: кругом было полно девушек, таких же, как мы, едущих на заработки в Корею, но «нашей» среди них не оказалось.

Заполнив таможенную декларацию и сдав чемоданы в багаж, мы прощались с родными:

– Кать, ты больше так не глупи, ладно, – попросила меня мама.

– О чем ты говоришь?! Мне двух недель в местной эмигрэшке «во», как хватило! – успокоила я ее.

– Ну, пока! Не скучай там без нас, – напутствовал брат.

– Не буду, – искренне пообещала я и обняла их обоих.

Четвертая девушка так и не появилась, и мы отправились на посадку без нее.

Перелет прошел отлично. Правда, сначала я немного переживала, что меня узнают прямо в аэропорту и тут же отправят обратно в Россию. Но, видимо, коротко остриженные и радикально перекрашенные специально для этой цели волосы сыграли свою роль, и я прошла пограничный контроль, так никем и не узнанная.

Нас встречал Ли:

– Добро пожаловать обратно! – радушно поприветствовал он нас, и добавил уже знакомое «Летс гоу!».

И снова долгий переезд, знакомые огни Кунсана и бесконечные рисовые поля…

В дороге Ли постоянно куда-то звонил и, как мне казалось, жутко ругался. Но нет, – как оказалось, мне это не показалось, извиняюсь за тавтологию.

Не доехав немного до Америка-тауна, мы остановились в каком-то жилом квартале Кунсана. Нам предложили выйти и проследовать за Ли.

Зайдя в незнакомый нам дом, мы оказались лицом к лицу с немолодой парой корейцев: мужчиной и женщиной лет сорока-пятидесяти.

Мы с девчонками расселись по диванам и стали ждать. Корейцы принялись о чем-то эмоционально переговариваться.

В какой-то момент я заметила, что они как-то слишком уж часто на меня поглядывают и тычут в мою сторону пальцем. У меня по спине пробежали мурашки: «Что на сей раз?». Бурные переговоры длились около часа. Наконец, нам скомандовали идти за Ли.

– Есть проблемы? – на всякий случай решила уточнить я.

– Тебя в «Стерео» обещали устроить? – вопросом на вопрос ответил Ли.

– Да. А что?

– Нельзя, – промычал Ли.

– Что значит нельзя?! – не поняла я.

– «Маме» «Ориенталя» пообещали трех девушек. Она уже заплатила, а третья в аэропорт не явилась. Придется тебе вместо нее в «Ориентале» работать, – ошарашил меня он.

Ничего себе, – проблемка! Меня такой поворот событий не устраивал совершенно.

Во-первых, я хотела работать только в «Стерео». Я чувствовала себя виноватой перед «мамой», да и мне там просто нравилось. Во-вторых, я знала, что в «Ориенталь» ходят только корейцы, а с ними мне работать не хотелось. Нет, я ничего не имела против корейцев в целом, но Кунсан – город портовый, и контингент в подобных клубах собирался ему подстать: сплошь грубые, неотесанные рыболовы. К тому же туда, куда ходят корейцы, обычно не ходят американцы. А такая перспектива меня совершенно не вдохновляла:

– Нет, – отрезала я. – Делай что хочешь, но я буду работать только в «Стерео».

– Пойми, – нельзя!

– Звони Киму, пусть он улаживает этот вопрос.

Ли ничего не ответил и сел за руль. Через пятнадцать минут мы прибыли в таун. На въезде меня встречали «мама», «папа» и Светка. Я выскочила из машины и по очереди всех обняла:

– «Мама», меня в «Ориенталь» продают! Сделайте что-нибудь! – взмолилась я, обращаясь к старой кореянке.

– Ах, как же так! – запричитала она и чуть не бегом направилась к Ли.

Они долго совещались, ругались и, наконец, сообщили:

– Тебе придется немного поработать в «Ориентале». Как только им привезут третью девушку, – мы тебя заберем.

– Но как долго? Я не хочу у них работать! Я хочу только в «Стерео», – простонала я.

– Это не надолго. Но так надо, – ответила она расстроено.

Я попросила Свету быть на связи и в случае изменений тут же мне о них сообщать. Она провела меня до дома, где жила «мама» «Ориенталя», и где временно поселили нас, и ушла к себе.

Я сидела в комнате чужого и неприятного мне дома. «Мама» «Ориенталя» обратилась ко мне:

– Почему ты не хочешь у меня работать? Я тебе не нравлюсь?!

– Я работала в «Стерео» и мне нравится там, – коротко

ответила я.

Она выругалась матом и оставила нас одних. Через час прибежала Светка и сообщила, что «папа» «Стерео» очень зол. Он сказал, что если я хоть день проработаю в «Ориентале», то меня не возьмут обратно.

– Как же так?! «Мама» сказала одно, «папа» – другое! А мне что делать? – не понимала я.

– Хватай чемодан и пошли. «Мамашка» ваша спит? – спросила она.

– Спит.

Я, как могла тихо, вытащила чемодан, и мы бросились к дому «Стерео». Позади тут же послышались возня и ругань. За нами следом бежала «мама» «Ориенталя»:

– Сейчас же вернитесь! Я вас обеих в Россию верну! – кричала она вдогонку.

Мы, не оборачиваясь, мчались изо всех сил, волоча за собой мой тридцатикилограммовый чемодан. Где-то на середине пути кореянка от нас отстала.

Из-за горизонта уже поднималось усталое солнце.

Зайдя домой, мы увидели «маму» и «папу» «Стерео», и рядом – Ли. Все выглядели очень уставшими и злыми.

– Мне Света сказала, что «папа» меня обратно не возьмет, если я в «Ориентале» хоть день проработаю, – объяснила я свое появление.

«Мама» усмехнулась:

– Да нет, ничего подобного.

Я устало села на стул:

– Так что мне делать?

– Жить будешь здесь, – ответила она, – но поработать дня три в «Ориентале» все-таки придется.

Я вздохнула: «Ну, хоть так, – ладно». Было уже семь утра и больше всего на свете мне сейчас хотелось спать. «Мама» с «папой» и Ли ушли, а я без сил бухнулась на кровать и тут же уснула.

К обеду я встала с опухшими глазами и лопнувшими от стресса капиллярами на скулах. «М-да, давненько я так паршиво не выглядела… В самый раз для этого чертового клуба видок!» – злорадно заметила я, оглядывая себя в зеркало.

Из спальни я направилась на кухню выпить кофе.

В кресле сидела девица в одних трусах и курила:

– Здорово! Ты – Катя?

Я кивнула в ответ.

– Я про тебя много слышала. Светка тут всем уши уже прожужжала: Катя – то, Катя – се! Давно хотелось познакомиться.

Меня Инна зовут.

– Очень приятно, – ответила я, и оглядела ее уже с интересом: смуглая кожа, карие глаза… Чуть полновата, на мой взгляд, но в целом – достаточно милая. Значит, это с ней Джейсон разговаривал тогда и покупал ей соки!? Правда, ничем эти разговоры так и не закончились, но все равно было любопытно узнать, что же такого он в ней нашел.

– Я тут поправилась – ужас! Пятнадцать кило набрала за полгода, – вдруг пожаловалась она, видимо почувствовав, что я с интересом поглядываю на ее фигуру.

– Так есть надо меньше и спортом заниматься, – не удержалась я от сарказма и попыталась поддеть «экс-соперницу».

– Знаю, – вздохнула Инна, кажется, так и не заметив моей попытки. – Я ведь сама – учитель физкультуры по образованию… Мне силы воли не хватает, – с улыбкой призналась она.

Несмотря на первоначально негативный настрой по отношению к ней, в целом, она мне понравилась: открытая, общительная, без комплексов.

Следом за нами проснулись и остальные девчонки. Вику и Юлю я уже немного знала, а с остальными тремя встретилась впервые.

Одну из них звали Наташей: высокая, стройная блондинка, до безобразия напоминающая куклу Барби. Огромные голубые глаза на круглом лице дополняли общую приторно-слащавую картинку. Вторая звалась Валей: длинные рыжие волосы и не очень красивое лицо. Обе они были молчуньями, и узнать их поближе мне так и не удалось. Третью звали Леной: блондинка с короткими волосами, стройная, высокая, очень веселая и общительная. Она мне понравилась сразу.

Нет, это еще не та Лена, которая проживает в Японии. С той Леной мы не работали вместе, хотя она тоже побывала в Корее.

Пообщавшись с девчонками, я стала собираться на работу. Брюки в клубах носить нам не разрешали, именно поэтому я и остановила свой выбор на них. Переодевшись, я пошла в «Ориенталь». Таня и вторая девушка, приехавшая вчера вместе с нами, уже были там.

– Привет. Ты как? – тихонько поинтересовалась подруга.

– Да нормально. Сказали, что жить буду в «Стерео», а работать – пока здесь.

– Понятно.

Вдруг ко мне подошла «мама» «Ориенталя» и небрежно бросила:

– Иди в свой «Стерео». Ты свободна.

Я радостно брякнула «спасибо» и побежала в свой родной

клуб.

Чуть не высадив двери головой, вихрем влетела внутрь. «Мама» смотрела на меня весело: видимо, они обо всем уже договорились.

Я плюхнулась в свободное кресло около Светки:

– Все! Меня отпустили! – радостно объявила я.

– Отлично. Сразу бы так.

– И не говори! Вечно у меня все не как у людей. Все через пятую точку! – засмеялась я.

– Все хорошо, что хорошо кончается. Правильно?

– Так точно, товарищ начальник! – настроение было отличное, хотелось шутить и балагурить без остановки. Как раз такой настрой и был, в общем-то, нужен для нашей работы.

Постепенно клуб начал заполняться посетителями.

За время, которое прошло с моего последнего дня работы, я многое поняла и достаточно сильно изменилась.

Во-первых, я, наконец, поняла, как устроен таун: здесь все врут. Все это знают, но это уже никого не смущает. Во-вторых, я перестала панически бояться общения с парнями и старалась просто завести приятную беседу. К тому же я решила для себя, что больше не буду задавать избитые вопросы и все время придумывала новые, неожиданные.

– Привет. Как поживаешь? Могу я присесть? – спросила я у первого вошедшего клиента.

– Да, конечно. Как тебя зовут? – спросил мой собеседник лет тридцати пяти.

– Кэт. Называй меня Кэт, – я решила, что у «новой» меня должно быть и новое имя. На «Аду» я упорно не отзывалась (слишком уж непривычно оно звучало), а вот «Кэт» – в самый раз. Да и недалеко от моего настоящего имени.

Я спрашивала всякую ерунду, что угодно, но только не порядком уже надоевшие всем: «откуда ты? сколько лет? женат?». После пяти минут вопросов типа: «Поешь ли ты в душе? Самое необычное место засыпания в пьяном виде? Знает ли он хоть один рецепт блюда из лука и хлеба?», народ начинал по-настоящему веселиться и вспоминать забавные случаи из жизни.

Народу в тот день было много, и только часа через два я заметила, что в клубе есть и один мой знакомый. Знала его я плохо, он приходил всего пару раз, но нам всегда было о чем поговорить. Звали его Санни, и он был старше меня на одиннадцать лет.

Я решила подойти поздороваться:

– Привет! Вот так люди! – обрадовано сказала я. Я действительно была рада увидеть кого-то, с кем познакомилась

полгода назад. Правда, то, что он был еще здесь, меня удивило: обычно американцы заключали контракт на работу в Корее только на один год, а после этого переводились в какое-нибудь более приличное место.

– О-о-о, привет, а ты когда вернулась!? Я слышал, что ты больше не вернешься, – он, как и я, был явно рад меня увидеть. – А тебе Света мой электронный адрес не передавала? – спросил он.

– Не-ет… Может, забыла? – предположила я.

Санни купил мне несколько соков, пока мы разговаривали, и пообещал зайти через неделю. Мы тепло распрощались и я, воспользовавшись минутной свободой, подошла к Свете:

– Санни заходил. Ты его видела? – спросила я.

– Какой такой Санни?! – она смотрела на меня с явным непониманием.

– Ну, лысый такой, высокий, – напомнила я.

– А-а-а, этот. Да, он спрашивал как-то про тебя… Слушай, я забыла передать тебе его е-мэйл! – наконец-то вспомнила Светка. – Прости.

– Да ладно – проехали. Ну, не буду отвлекать, – сказала я и отправилась искать себе новую «жертву».

В целом, вечер прошел отлично. В первый после возвращения день работа явно шла хорошо: я обзавелась новыми знакомыми и была действительно рада своему возвращению. Так что настроение у меня было превосходное.

Домой мы пришли около полуночи и как обычно, еще долго болтали и делились впечатлениями от прошедшего дня.

Света, Инна и Лена дома не ночевали. Ленка в эту ночь как обычно умотала на вечеринку. Светка уже несколько месяцев жила с парнем, которого звали Майкл. Она была в него влюблена по уши, но парень никаких обещаний ей не давал и замуж не звал. Отношения у них были открытые, без всякой там романтической болтовни, хотя Света и надеялась на лучшее. Инна тоже жила в отдельной квартире с американцем, которого чаще всего мы называли не «Инкин бойфренд», а «фашист».

Дело в том, что у Инны была дочка, страдающая проблемами с сердцем. Что там у нее было точно – не знаю, но девочке требовался особый уход, санатории и, соответственно, деньги. А бойфренд Инны не только не помогал ей деньгами, но еще и сидел у нее на шее. Инна покупала ему еду и одежду, стирала, убирала и готовила. В общем, не хостесс, а какая-то жена декабриста. Может из-за этого бойфренда, которому она верила так глупо и безоговорочно, и прилепилось к Инке прозвище «Деревня»? Скорее всего.

Девчонки очень злились на Инну за то, что вместо дочери она

тратит деньги на какого-то «козла», но на их едкие замечания она никогда не обижалась. В целом, девушка она была хорошая, добрая. Но ведь одной добротой сыт не будешь! Хотя я, конечно, не вправе кого-либо осуждать. Возможно, навешай мне кто-нибудь лапшу на уши так же, как ей, и я поступала бы так же. Но так как своей порцией лапши я уже «накушалась» и твердо решила стать стервой, то подобной ситуации я бы уже не допустила.

Однажды Инне ее «фашист» рассказал, что платит бывшей жене огромные алименты на троих детей и зарплаты получает – пятьдесят долларов. Ха! Никто, кроме Инны в жизни бы ему не поверил! А она – сразу же повелась, и принялась жалеть его еще больше.

Когда я это услышала, то прибавила себе жизни лет на пять, посмеявшись от души! Жаль только, что «прокурила» я уже лет десять, а так бы, глядишь, прожила лет до ста.

После работы мы решили приготовить что-нибудь на ужин. А то в животах одни только соки булькали.

Я заглянула в холодильник: пустота. Морозилка же была до отказа забита какими-то коричневыми пакетами.

– А это что?! – с недоумением спросила я, достала один из пакетов и принялась разглядывать.

– Это «Деревни». Американцам во время учений пайки выдают, только они их не едят. А она – собирает, хочет дочке посылкой отослать. Там то ли шоколадки, то ли конфеты. Я толком не знаю, но боюсь, что если они даже с голодухижрать *это* не хотят, то вряд ли *оно* будет полезно ребенку, – объяснила Юля.

Я прочитала надпись на одном пакете: арахисовая паста. Другой оказался разнообразнее: M amp;M и Snickers. Это меня развеселило. Нет, ну разве догадался бы кто-нибудь из американцев заморозить шоколадки и арахисовую пасту, чтобы потом детей своих ими угощать?! Уму непостижимо!

Я засунула пакеты обратно в морозилку и отправилась в магазин. На сей раз, денег с собой у меня не было (последние, из тех, что я заработала полгода назад и еще не успела проесть в Хабаровске, пришлось оставить маме с братом, так что приехала я с пустым кошельком), но я знала, что там можно взять продукты в долг. Я купила кое-каких овощей для салата, хлеб, расписалась в «книге кредита» и потопала домой.

Кругом сновал народ: русские, филиппинки, американцы-контрактники (обычным военным запрещалось находиться на улице во время комендантского часа – с часу ночи до пяти утра – и они, как правило, там и не появлялись). Все куда-то спешили:

кто на вечеринки, кто домой, кто к бойфрендам. После полуночи жизнь в тауне только начиналась. Я же сегодня больше никуда не спешила.

Так прошел мой второй «первый рабочий день» в Южной Корее.

Проснулась я около одиннадцати от настойчивого стука в дверь.

– Кто там, – услышала я голос кого-то из девчонок.

– Это Таня, из «Ориенталя».

Я обрадовано подскочила и выбежала на кухню.

В кресле сидела Ленка. На ней почему-то было надето бикини.

Я открыла входную дверь и впустила подругу.

– Привет всем! – как всегда весело поздоровалась она. – Я не поняла, это ты *все еще* в бикини или *уже*!? – обратилась она к Лене.

Ленка как-то странно заулыбалась, пролепетала «все еще» и тут мы поняли: пьяна мать, пьяна! Мы рассмеялись и уточнили, где ее носило всю ночь.

– Да меня корейцы покушать позвали. С нами еще девчонки из «Р.О.» были. Мы в ресторан ходили. Там «бульдоги» с рисом кушали… А еще там было много па-а-априки, – со счастливой улыбкой протянула она. И так она смешно сказала это слово «па-а-а-прика», что после этого мы так и стали ее называть – «Паприка».

Вообще придумывать всякие прозвища друг другу было там обычным делом. Имена девчонок часто повторялись: всяких Юль, Лен, Оль и Ань там было пруд пруди. Вот, чтобы не путаться, мы и придумывали друг другу прозвища.

На удивление, за все годы, проведенные в тауне, мне не встретилось больше ни одной Кати. Возможно, именно поэтому у меня так и не появилось своего прозвища.

Мы еще покуражились немного над «Паприкой» за ее затяжную гулянку и выпихнули в комнату отсыпаться.

– Как у вас там работа? Не сказали, когда вам третью привезут? – спросила я у Таньки.

– Работа как работа: одни «коряки». А девчонку через два дня обещают привезти… Ду-урдом! Ты же корейцев знаешь, – сами пиво ящиками хлещут и нам предлагают. А нам и соки пить надо, и пиво. И ведь пока все пиво не выпьем, – они не уйдут. Вчера пришли одни, заказали три ящика. Их четверо и нас столько же, – замучились пить. Уже на пол сливали, по щиколотку налили, а они еще ящик заказали. Я думала, – лопну! – с искренним

возмущением рассказывала она.

– Вот-вот, поэтому я и не хотела в корейском клубе работать. Как голова-то? – с сочувствием поинтересовалась я.

– Да как-как!? Лучше бы сдохла вчера! На одни таблетки после этой Кореи работать будешь!… Чай есть? – спросила она с надеждой.

– Чая нет. Кофе будешь?

– Не, я кофе не пью, ты же знаешь. Сто раз уже говорила, а ты все равно предлагаешь. Воды давай.

Я протянула стакан.

– Я чего пришла-то? Меня тут на обед «костюмер» один позвал. Ниче так мужик. Мы встречаемся в два в «Мама-ресторане». Приходи, вроде как случайно. Хоть поешь по-человечески, – предложила она.

Для справки, о каком таком «костюмере» шла речь: просто «customer» (с рязанским акцентом произносится почти как «костюмер») – в переводе с английского и означает «клиент», вот мы и называли частенько наших постоянных клиентов «костюмерами».

– Да неудобно как-то, – засомневалась я.

– Неудобно какать стоя! Все остальное – нормально, так что приходи.

– Ну ладно. Я тебя тоже как-нибудь «нечаянно» приглашу, – засмеялась я.

Мы на время распрощались. В два часа я решила прогуляться и, так уж вышло, совершенно случайно проходила мимо «Мама-ресторана» (он на самом деле именно так незамысловато и назывался). Танька махнула мне рукой, и я зашла внутрь.

Она представила меня парню лет тридцати. Внешность он имел неброскую, и чем-то даже был похож на «ботаника». Потому Танька и сказала, что мужик он неплохой, – обычно такого, как он, «развести» на что угодно можно.

Мы поболтали с ним, заодно и покушали. Затем парень заплатил за обед и мы, поблагодарив его от всей души, распрощались.

– Некрасиво, наверное, получилось, – почесав затылок, предположила я, – хороший вроде парень, а мы его почти на тридцатник развели.

– Ага, все они хорошие! С ними по-другому нельзя. Мы же, кажется, решили, что сюда деньги приехали зарабатывать?! Вот и давай зарабатывать, а не сопли жевать!

Совесть нас, конечно, мучила, но желание нормально поесть мучило еще больше, а денег на это не было. Поэтому где-то с месяц мы так и питались. Ну, если не каждый день, то, по

крайней мере, достаточно часто. То я предупреждала Таньку, куда прийти, то она меня. Мы старались выручать друг друга, как могли.

Через месяц, когда мы получили первую зарплату, надобность в таких уловках отпала.

Как-то утром к нам в дверь постучали. Я выползла, потирая глаза и разгоняя остатки сна, и открыла дверь. На пороге стоял мистер Ли.

– В эмигрэшку надо ехать, карточку делать и регистрацию, – объяснил он свое появление.

Я мысленно похолодела: там будут отпечатки брать, а мои-то пальчики уже засвечены!

Я сказала об этом Ли.

Он, недослушав, перебил:

– Все будет о'кей! Отпечатки проверяют, только если ты попадешься на чем-то. А так у них и без того работы хватает. Знаешь, сколько девчонок каждый день к ним приходит? Ну, не проверять же их всех без разбора?!

Я немного успокоилась.

Мы приехали в эмигрэшку Кунсана, и я мысленно порадовалась, что здесь меня не знают в лицо. Как и полагалось, у меня взяли отпечатки, записали данные и через пятнадцать минут выдали карточку иностранки.

Где-то с недельку после этого я все-таки боялась, что вот сейчас придут строгие дядечки и арестуют меня снова, но ничего такого не происходило. Постепенно мандраж, связанный с эмигрэшкой, у меня прошел.

Однажды вечером, возвращаясь с работы, я случайно наткнулась на Джерамайю. Почему-то его я была особенно рада видеть. Прав он оказался тогда, когда предупреждал нас, что никому верить нельзя.

– Привет! – хлопнула я его по плечу.

Джерамайя навел резкость в очах и, спустя минуту, узнал меня.

– Привет! – обрадовался он. – Ты вернулась?! Я слышал, тебя депортировали. Ну, рад, что все обошлось.

– Я тоже. А ты опять пьяный? – со смехом спросила я.

– Не-а, я всегда пьяный, – пошатываясь, уточнил он. – Помнишь, я тебе говорил: не верь никому!

– Говорил-говорил. Ну, что поделаешь, – теперь больше не буду.

Я обняла его на прощанье и пошла домой.

Дома я застала Юлю с Викой, надевающих трико и майки. Они явно куда-то собирались.

– А вы куда это, на ночь глядя? – спросила я.

– Да мы тут недалеко тыкву видели. Она вроде ничейная, растет на обочине. Решили кашу тыквенную сварить. Но, если нас арестуют, значит, у тыквы хозяин все-таки есть, имейте в виду, – серьезно предупредила Юля, и они скрылись в ночи.

Ко мне в гости после их ухода пришла Танька, и мы проболтали всю ночь. Так что легендарное возвращение «тыквоискателей» мы не проспали.

Вернулись девчонки только на рассвете. Без тыквы и хорошо «навеселе».

– А где же тыква? – с иронией спросила моя подруга.

– А мы до нее не дошли-и-и, – пропела Вика, – нас на вечеринку по дороге пригласи-и-или.

– Все ясно. Значит, каши не будет, – подытожила я.

Мы разбрелись по койкам, а Танюха вернулась к себе. Да-а, что ни говори, а жизнь в тауне была, – не соскучишься!

Со Светой мы виделись только на работе. Целыми днями она пропадала у бойфренда.

Они с Майклом снимали дом напополам с еще одной парой. Соседку ее звали Оля, но иначе как «Идеальная» никто из нас ее не называл.

И ведь было за что, скажу я вам! Внешность – чуть ли не голливудская: спортивная фигура, прекрасное «классическое» лицо, белые ровные зубы, длинные каштановые волосы… Светка мне про нее все уши прожужжала: Оля то, Оля се, Оля умница, Оля красавица, Оля деньги умеет зарабатывать.

Наконец, она решила нас познакомить и пригласила Олю зайти к нам перед работой.

Хоть мне и говорили, что деваха она красивая, но я все равно оторопела. Действительно, внешность у нее была просто идеальная!

– Привет-привет! – с восхитительной улыбкой пропела она. – Мне Света про тебя столько рассказывала! Рада познакомиться.

– Я тоже. Взаимно. Света мне про тебя тоже много рассказывала, – ответила я, но взаимности реально почему-то не испытывала.

Уж и не знаю, что тут сработало. То ли интуиция, то ли обычная женская зависть к такой красотище проснулась, но Оля мне почему-то сразу не понравилась. По ней было видно, что слова из известной сказки: «Свет мой, зеркальце, скажи…», знакомы ей не понаслышке. Позже я убедилась в правильности своего первого впечатления: за все время я так и не услышала от нее ни одного хорошего слова, ни об одной из знакомых девушек.

– Слышала про твою историю с Джейсоном. Если честно, урод

еще тот! С ним девушка из нашего клуба встречалась, – бросила потом. Идиот идиотом!

Видимо, таким образом она решила меня поддержать, но мне вдруг стало неприятно. Все-таки этот человек был в свое время мне небезразличен.

– Ясно. Но мне не очень хочется вспоминать о нем, так что давай, – не будем, – предложила я.

Разговор как-то не клеился, поэтому я быстренько попрощалась, переоделась уже для работы и вышла на улицу.

Сегодня пятница, значит, народу в клубе будет много. По дороге я решила зайти в местный ресторанчик, – выпить кофе. Зайдя внутрь, очень удивилась, обнаружив полное помещение девчонок из разных клубов. Как оказалось, каждый день здесь собирались русские девушки и делились друг с другом информацией. В этом ресторане можно было, например, узнать, кто из твоих «костюмеров» ходит в другие клубы и покупает соки другим девчонкам. Или кто из них женат, но факт этот тщательно скрывает. Ну и так далее. Я тут же почерпнула для себя много интересного. Оказалось, что парочка моих постоянных клиентов отчаянно вешают лапшу на уши не только мне, но и еще двоим-троим девчонкам. Ну, что и требовалось, собственно, доказать.

Когда я пришла на работу, меня уже ждал Санни.

– Привет, рада тебя видеть, – чмокнув его в щечку, с улыбкой поздоровалась я.

– Я тоже. Как прошла неделя?

– Нормально.

Мы поболтали о разных пустяках, потом Санни пригласил меня пообедать в субботу в Кунсане и спросил, бывала ли я в «Валентайн-пицце». Пришлось соврать, что никогда там не была.

Беда в том, что это был единственный ресторан европейского типа и все американцы приглашали девушек только туда. Но расстраивать парня мне не хотелось, вот я и согласилась на очередной обед в этом популярнейшем местечке.

Вечер выдался насыщенным, и к его окончанию меня пригласили пообедать в той же самой пиццерии еще двое парней. Одному пришлось отказать, а второму я назначила встречу на воскресенье. Запись, что ни говори, как к дантисту. Не запутаться бы!

Ухажеров у меня было несколько, но всех их я держала пока на равной дистанции, – присматривалась. Я не стремилась найти себе мужа, мне был нужен просто мужчина. Но такой, который смог бы держать наши отношения в секрете, и был бы не слишком жадным. Я твердо решила заработать денег на учебу за границей, а верить сказкам о красивой жизни в Америке было равносильно

русской рулетке.

В результате у меня на примете оказались трое: Санни, Тони и Брук.

О Санни я уже немного рассказала, расскажу теперь об остальных.

Тони был симпатичным и милым пилотом. Всегда добродушный и отзывчивый, старше меня на пять лет.

Брук был мужчиной лет тридцати восьми, очень добрый и щедрый. Все наши девчонки его просто обожали! Он регулярно приносил с базы еду на всех нас, возил на пикники всем табором, а в день зарплаты всем девчонкам покупал по соку.

Брук был отличным собеседником и вообще всем хорош, но… душа к нему не лежала. Тони также со временем отпал. Сам. Видимо, слишком долго я выбирала.

Но я особо и не расстраивалась. Ведь как только у девушки появлялся бойфренд, новость об этом разлеталась со скоростью истребителя. А кому захочется тратить время и деньги на девушку, у которой уже кто-то есть?! Соответственно, другие «костюмеры» быстро переставали к ней приходить. Так что отсутствие бойфренда я с лихвой компенсировала деньгами, которые зарабатывала на соках.

В итоге из троих кандидатов остался один Санни. С ним я и собиралась встретиться в «Валентайн-пицце» на следующий день. Он не был красавцем, но меня в нем привлекало хорошее чувство юмора и умение поддержать беседу.

Назавтра мы проболтали часа три, гуляя по улицам Кунсана:

– У тебя, наверное, от ухажеров отбоя нет, – спросил он ближе к концу встречи, улыбаясь.

– Ну, не скажу, что отбоя нет, но ухажеры, конечно, есть. У меня работа такая, сам понимаешь, – не стала врать я.

– У меня друг есть, – Чарли. Может у тебя есть подруга свободная? Он хороший парень, только с девушками не везет, – сменил он тему.

– Есть подруга. Давай встретимся на той неделе и пообедаем все вместе, – предложила я.

Мы договорились о встрече на следующей неделе, и я рассказала, где работает Таня и как она выглядит. Санни ответил, что он познакомит своего друга с ней в следующую пятницу и после этого зайдет ко мне. Мы попрощались, и я вернулась домой.

Глава 6

Как-то утром к нам домой зашел ди-джей «Стерео» и сказал всем собираться.

– А куда и зачем? – спросила я у девчонок.

– Здрас-сти! Каждый месяц – медосмотр, – напомнила Юля. Она, видимо, позабыла, что в первую мою поездку до медосмотра я просто «не дожила».

Мы быстро приняли душ и оделись. В местной поликлинике собрался, кажется, весь таун. Народу было, – человек сто пятьдесят! Всем нам нужно было пройти гинеколога, сдать флюорографию и кровь на СПИД. Вся процедура заняла в общей сложности часа три.

Через неделю по тауну прогремела новость, что троих филиппинок и одну русскую отправили домой с сифилисом и еще одну филиппинку с ВИЧ инфекцией.

Вообще-то такое встречалось здесь нечасто. Американцы, как только приезжают, – сразу же проходят медосмотр. Нам же, девчонкам, без справки о том, что СПИДа в крови не обнаружено даже визу в Корею не дадут. Так что откуда занесло сюда сифилис, а уж тем более СПИД – представить сложно. Может, от корейцев каким-то ветром надуло?!

Мы, хотя и не сомневались, что ничем *таким* не болеем, справки получали с облегчением. Если кто-то хоть раз сдавал кровь на ВИЧ-инфекцию, то прекрасно знает: вот вроде и неоткуда ему взяться, а все равно – страшно: мало ли что…

Однажды нас со Светкой позвали на «пати» («вечеринку» то бишь, если по-русски). Причем не на одну, а сразу на три. Майкла поставили на ночное дежурство, так что Светка после работы была свободна, – вот мы и решили погулять.

Едва дождавшись окончания работы и приняв душ, мы побежали на ближайшую «пати».

В крохотной двухкомнатной квартирке народу набилось, – человек тридцать! Народ сидел – кто где: на полу, на креслах, на столах. Кое-кто даже лежал на полу в туалете.

Не успели мы зайти, как нам налили по стакану какой-то кокосовой бурды. Мы выпили, немного расслабились и стали знакомиться с теми, кто был еще в состоянии это сделать. Обменявшись номерами с потенциальными клиентами, решили идти на следующую тусовку. Было часа три ночи.

Мы шли по дорожке к следующему дому, когда на горизонте появилась Ленка.

– Паприка, а ты откуда такая красивая? – спросила я у

изрядно выпившей «коллеги».

Ленка развернулась, чтобы показать, откуда она шла, но не устояла и упала на землю, прямо лицом вниз. К сожалению, подхватить ее мы не успели. Тут из-за угла выскочил какой-то американец:

– Ой! Как же она так!? Я отведу ее домой, вы не волнуйтесь, – пробормотал он и взвалил Паприку на плечо.

Мы ее осмотрели: чудо, но лицо осталось «в живых».

– Ну, надо же, – протянула я задумчиво, – была б трезвая, все лицо бы разворотила. А пьяным – хоть бы что!

– Эй, ты хоть знаешь, куда нести? – решила уточнить Светка у незнакомца.

– Да, знаю, в «Стерео», – с готовностью ответил он.

– Ладно, иди тогда, – мы проводили его взглядом, и, убедившись, что Паприку несут в нужном направлении, пошли дальше.

Не буду больше утомлять вас описанием нашего дальнейшего гуляния той ночью, так как ничего интересного там, в общем-то, не происходило. Скажу только, что мы успели побывать на всех трех «пати» и время провели отлично. На работе мы почти не пили, так что иногда «проветриться» подобным образом было нам даже полезно.

Домой мы пришли только в девять утра и сразу завалились спать.

Как-то в один из скучных будних дней, когда военная база была закрыта в связи с учениями, и американцев не выпускали, мы со Светкой, не зная чем занять себя после работы, решили отправиться в гости к девчонкам из «Ориенталя».

Танька с Мирандой (той самой, из-за опоздания которой в аэропорт меня чуть было не упекли в злополучный «Ориенталь»; кстати, на самом деле «Миранда» по паспорту была обычной Машей, но ей это имя действительно казалось неблагозвучным, вот она и «сменила» его на другое) с большим аппетитом уминали лапшу. В квартире у них стоял какой-то странный непередаваемый запах.

– У вас что, скунс сдох? – поморщилась я. – Чем так воняет?

– Это нам «мама» мешок кимчи и ящик лапши притащила. Будете? – предложили они.

– Будем, – согласились мы со Светкой и присоединились к трапезе.

Дома у нас у самих была и лапша, и кимчи, но на халяву, как водится, и уксус слаще.

К тому времени мы уже почти привыкли к корейской кухне и

ее специфическому запаху. В большинстве случаев их блюда жутко воняли, но на вкус оказывалась вполне даже ничего.

После еды мы отвалились от так называемого стола: деревянный круг на четырех ножках, высотой по пятнадцать сантиметров. Сидеть за ним можно было только на полу.

– Я поняла, для чего у корейцев такие столики маленькие, – пробормотала я, отвалившись от стола пузом кверху.

– И для чего же? – заинтересовалась Света.

– А дабы не надо было лишний раз шевелиться, чтобы от стола отойти, когда объешься. Сразу на пол лечь можно. Для удобства переваривания всего съеденного и выпитого, – периодически икая от обжорства, ответила я.

Мы дружно посмеялись над идиотизмом объяснения и стали думать, чем бы заняться еще.

Ту мы заметили, что Лейла – узбечка, работавшая с Танькой и Мирандой, внимательно изучает огромный плакат обнаженной девицы, висящий на стене.

– Лейла, тебе мужиков тут, что ли, не хватает? – поинтересовалась Танька. Ирония была в том, что Лейла до сих пор оставалась, похоже, единственной девственницей во всем тауне. Уж так ее родители в Узбекистане воспитали, что до замужества – ни дай Бог!

– Дуры! – засмеялась она. – Я вот думаю, – может, погадаем?

– И как? – заинтересованно вытянув шеи, хором поинтересовались мы.

– Как обычно – тарелкой, – ответила она.

– А поподробнее…?

Лейла сняла со стены плакат, перевернула его изображением вниз и положила на стол. Нашла где-то маркер и стала водить им по бумаге. Сверху в одну строку написала алфавит, по центру – цифры (от нуля до девяти), посередине листа – гробик нарисовала. По углам от гробика приписала «Ад» и «Рай», а по бокам – «Здравствуйте» и «До свидания».

У нас мурашки по коже побежали от такого зрелища.

– А это… как сказать, черная магия, что ли? – робко спросила я.

– Да нет. Просто гадание.

– А-а, – меня терзали смутные сомнения, но еще больше – любопытство.

Ну, признайтесь, кто из вас хотя бы раз в жизни не сходил к гадалке? Ой, вот только врать не надо, ладно!

– Так, мне нужно два добровольца, – скомандовала она.

Для начала я решила просто посмотреть, что из всего этого выйдет, и уж потом принимать решение об участии. «А вдруг кого

прям в этом месте, да поглотит Ад? – В голове тут же пронеслась жуткая картина: языки пламени, вырвавшиеся из разверзшейся пропасти Ада, схватили меня за руки за ноги, и потащили вниз… Стоп! Просто смотрим. Фантазии приказано уняться».

– Я пас, – трусливо улыбаясь, отказалась я.

– Ладно, че делать надо? – согласилась на эксперимент Света.

Второй «пионэркой» стала Миранда.

Лейла объяснила, что нужно держать пальцы одной руки на тарелке, перевернутой дном вверх, и лежащей на изображении гробика. Она же будет вызывать «духа тьмы».

– А почему обязательно тьмы, почему не света? – шепотом спросила я.

– Темные быстрее приходят. И попрошу не ржать! Они смеха не любят, – строго добавила она.

Я попыталась представить себе, как может выглядеть этот самый «дух тьмы». Получилось нечто неопределенное. Но вот что значит: смеха не любит? Что за бред!? И в чем эта нелюбовь может у него выражаться? Тут я не удержалась и истерически хохотнула. Следом засмеялась Светка и все остальные. Мы не могли успокоиться минут двадцать. Наконец, просмеявшись, девчонки вернули пальцы на тарелку.

– Мы вызываем «дух тьмы». Приди к нам. Поговори с нами, – загробным голосом вещала Лейла. Она повторяла эту фразу снова и снова, а я с трудом сдерживала смех. Пару раз даже пришлось выйти в соседнюю комнату: при свете свечи, в полумраке, лица девчонок выглядели до комичности серьезными и сосредоточенными.

Прошло уже двадцать минут, но так ничего и не произошло.

– Миранда, ты сегодня, случайно, не пила? – с подозрением посмотрела на нее Лейла.

– Да че я там выпила? Пять бутылок пива всего-то! – возмутилась она.

– Так, понятно. Иди отседа. Танька, давай ты! – распорядилась она.

Танька долго не сопротивлялась и присела рядом.

И снова послышалось «приди к нам» и прочее. На сей раз слишком долго упрашивать «духа» не пришлось. Неожиданно, тарелка сдвинулась.

Я почувствовала, как лицо у меня непроизвольно вытянулось, но вскоре засомневалась:

– Танька, это ты двигаешь? – прошептала я.

– Нет! – так же – шепотом – ответила моя позеленевшая от страха подруга.

– Ты здесь? Поздоровайся с нами, – продолжала тем

временем Лейла.

Тарелка медленно поползла в сторону надписи «Здравствуйте», затем вернулась обратно – к гробику.

– Как тебя зовут? – продолжила она все тем же замогильным голосом.

Тарелка с нарисованной на ней стрелкой поплыла к алфавиту: «Ч», «И», «Х», «Е».

– Очень приятно, Чихе, – почтительно поздоровалась с «духом» наша «гадалка».

Она задала еще некоторые вопросы о Чихе: откуда она, сколько лет, хорошо ли ей там, где она сейчас и лишь после этого обратилась к нам:

– Кто хочет вопросы задать? – спросила она шепотом.

Все молчали.

– Ладно, тогда я. Чихе, скажи мне, когда я выйду замуж?

Тарелка задвигалась в сторону цифр: «2», «4».

– У меня будут дети? Если да, то сколько?

– «3»

Мы захихикали:

– Ни фига ты, Лейла, плодовитая!

– Кончайте ржать! – шикнула она на нас.

– А ты не ори! – так же шепотом огрызнулась Танька.

Лейла тут же заулыбалась, – интересно, как это можно: шепотом, и орать?

– У меня есть скрытые таланты?

– «Да». «Царица».

Мы от такого ответа просто покатились со смеху.

Убедившись, что мы наконец-то успокоились, Лейла все-таки уточнила:

– Ты шутишь?

– «Да».

Следующий вопрос задавала уже Таня:

– А какие у меня скрытые таланты? Если есть, конечно.

– «Художница»

Я приподняла бровь, – «Однако!». Таня и в самом деле довольно неплохо рисовала.

Когда я, наконец, «созрела» и заменила у тарелки Таню, то тоже решила спросить о своем скрытом таланте. Скажу прямо, в моем случае Чихе оказалась большой шутницей:

– «Вязальщица», – ответила она.

Я обиделась. Понимаю, что глупо обижаться на какую-то дурацкую тарелку, но все же…

– А как будут звать моего мужа?

– «Вася»

Этим ответом она меня доконала. Я поняла, что на мои вопросы отвечать серьезно никто не собирается, и стала спрашивать обо всем подряд, вплоть до того, чем ее «там» сейчас кормят, лишь бы хоть как-то убить время.

Мы изрядно веселились болтливостью Чихе, но вдруг, тарелка сама по себе дернулась и резко стала указывать стрелкой на буквы. «Больно. Отпустите».

Мы быстренько попрощались и перевернули тарелку, как сказала нам Лейла. В шоке, разглядывая друг друга, мы пытались понять причину столь резкого ухода.

Тут кто-то заметил, что начинает светать. Надо же, мы и не заметили, как наступило утро.

От сидения на полу с вытянутой рукой все тело ныло. Мы устало распрощались и побрели со Светкой домой.

– Не, жутковато, конечно, но интересно.

– Угу, – согласилась я, – надо будет как-нибудь еще раз попробовать. Хочу понять, как это работает.

Многое тогда для меня осталось непонятным, но вот в том, что никто из девчонок тарелку не двигал, я абсолютно не сомневалась.

Мы потом часто еще так «гадали». И хотя со временем все поняли, что будущее свое от «духов» мы так и не узнаем, коротать одинокие ночи в их компании было куда как интереснее.

Наступила пятница, военную базу открыли.

Мы все уже соскучились по американцам и с нетерпением ждали их появления в клубах. Мне же еще были интересны и результаты смотрин: понравился ли Тане Чарли и наоборот.

Первым в «Стерео» пришел Брук, и мы оба начали получать удовольствие от очередной завязавшейся беседы: он рассказывал мне об Италии. Эта страна была его любимым коньком, и о ней он мог говорить часами.

Краем глаза я отметила, что в клубе появился Санни с каким-то долговязым парнишкой, но виду, что заметила его, не подала.

Еще около часа я слушала рассказы о чудесном итальянском вине, о пасте, о том, как прекрасен Рим и прочее, прочее, прочее…

Когда Брук, наконец, ушел, я смогла подойти к Санни и его спутнику:

– Привет, – по-русски сказала я. Слова «привет», «пока» и «красивая» знали все американцы.

– Привет. Это Чарлитто, или просто Чарли, – представил своего друга Санни.

– Очень приятно. Ну и как, в «Ориенталь» ходили? – с

хитрецой во взгляде, заговорщически поинтересовалась я.

– Да. Договорились с Таней на завтра, в два часа на остановке. Ты же придешь?

– Да, конечно.

Я расспросила их про учения: чем они занимались и трудно ли это.

Оказалось, что учения – это импровизированная война. По двенадцать часов в день они работали. Периодически завывала сирена, им приходилось надевать противогазы и притворяться ранеными, убитыми, ну и так далее.

Санни не повезло: его почти сразу «убили». Я очень смеялась, когда он рассказал, что отказался идти пешком в госпиталь, куда полагалось топать всем убитым, объяснив это тем, что он, все-таки, убит, и потому идти уже никуда не может. Сослуживцы оценили находчивость «трупа» и сами отвезли его в госпиталь на джипе.

Санни смешил меня рассказами об учениях, а Чарли добавлял иногда что-то и от себя.

В целом, Чарли мне понравился: скромный, интересный молодой человек, и тоже с чувством юмора. Я подумала, что завтра у нас с Танькой должно получиться неплохое свидание.

Парни пробыли в «Стерео» около двух часов и ушли.

Я подошла к другому своему знакомому и продолжила работу. Через несколько минут дверь отворилась, и вошли Джейсон с Кларком. Мое сердце остановилось ровно на секунду, и… спокойно забилось дальше.

А я с облегчением поняла: «переболела». И улыбнулась самой себе одобрительно. У меня не осталось к нему ни злости, ни ненависти, ни любви, ни притяжения. Мое сердце наконец-то избавилось от всего того, что я когда-то испытывала к нему.

Признаться честно, я очень боялась увидеть Джейсона снова. Я не знала, как отреагирую, боялась, что прощу его, если он вдруг об этом попросит. Но – нет. Мое сердце замерло лишь на одну секунду, просто чтобы дать знак: все прошло, страница перевернута и закрыта.

Я нашла взглядом Свету: она смотрела то на меня, то на Джейсона широко распахнутыми глазами, и в ее взгляде читалось немое: «Ты как?». Я весело ей подмигнула и продолжила разговор со своим собеседником. Минут через пятнадцать я освободилась.

Света уже сидела возле Кларка.

Я подошла к ним и села рядом с Джейсоном:

– Привет. Как дела? – спросила я так, словно он был не ДЖЕЙСОНОМ, а простым «костюмером».

– Н-нормально, – слегка поперхнувшись от неожиданности,

ответил он.

К нам подошла «мадам» и поставила передо мной сок. По-моему, она даже не спрашивала желания Джейсона. Учитывая нашу историю, о которой знали почти все присутствующие в клубе, она решила, что спрашивать его не имеет смысла.

Джейсон молча расплатился и закурил.

– Встречаешься с кем-нибудь? – спросила я, хотя и знала, что нет.

– Нет.

– Насколько я слышала, она тебя бросила, – ухмыльнулась я.

– А ты откуда знаешь?

– Проснись! Мы в тауне, – напомнила я.

– Ну да. А ты?

– Пока нет. Не хочу тратить свое время на кого попало. Да, кстати, еще раз спасибо, что приехал тогда в эмигрэшку и сказал, что мы жениться собирались. Хоть это и не помогло, но, знаю, – ты очень старался. Даже я поверила, – серьезно сказала я и встала. – Прощай. Надеюсь, я тебя больше здесь не увижу, – я развернулась и направилась к барной стойке.

Джейсон испарился вместе со своим другом еще до того, как я успела до нее дойти.

Ко мне тут же подошла Света:

– Ты как, в порядке? – сочувственно спросила она.

– Свет, веришь – нет!? Вот даже не екнуло нигде! Как будто с чужим человеком разговаривала. Мне даже самой не верится.

– Че, правда что ли!? – не поверила она. – Совсем нигде? Даже ни капельки!?

– Не-а, – помотала я головой.

Мы переглянулись и засмеялись.

Вот так прошла моя «болезнь». Опухоль вырезана и выброшена, все – можно свободно жить дальше! Ура!

От радости я выбежала на танцплощадку и стала танцевать, закрыв глаза и позабыв обо всем на свете. Обычно мы не танцевали на площадке, – только на мини-сцене и в бикини, но мне просто захотелось оторваться. Радость переполняла меня, и мне хотелось поделиться ею с окружающими!

И филиппинки, и кореянки, и американцы уставились на меня с нескрываемым удивлением и не могли понять: то ли я пьяная, то ли неожиданно с ума сошла? Одна «мама», кажется, поняла все правильно, и смотрела на меня, улыбаясь.

Вскоре ко мне подошла «мадам» и сказала, что мне купил сок «во-о-он тот парень» и мне пора бы вернуться к работе. Жизнь продолжалась…

В субботу, как и договорились, я и Таня ждали наших «ухажеров» на остановке. Они приехали минут на десять раньше, но мы уже сидели на скамейке, покуривая.

– Бросай курить! Это же так вредно! – вместо приветствия сказал Санни.

– Ага, а еще вредно дышать нашим воздухом с выхлопными газами, есть овощи с пестицидами, ходить под окнами и вообще жить, – возразила я, гася сигарету. Санни сам никогда не курил, поэтому постоянно пытался отучить от этой привычки и меня.

Мы загрузились в такси и поехали в Кунсан, в привычную харчевню «Валентайн-пицца».

Мы с Танькой заказали спагетти, ребята – пиццу. Еда была хоть и немного поднадоевшая, но все равно – вкусная.

Поев, мы решили прогуляться по парку скульптур. Место было очень красивое, хотя подниматься к нему приходилось метров сто в горку. Мы с Таней – отчаянные курильщики – по дороге чуть не умерли! Тем не менее, никто из нас не сожалел о прогулке. Место действительно было замечательное: прозрачный, чуть солоноватый, с привкусом моря, воздух, кружево теней от множества деревьев…

Я любовалась городом, глядя на него сверху.

– Кэт, я спросить хотел… Мы с Чарли давно все собираемся снять квартиру в тауне. Ты не знаешь, кто-нибудь сдает? – начал Санни издалека.

Я посмотрела на него внимательно. Видимо, на моем лице что-то такое отразилось, так как он тут же спохватился:

– Ты не подумай чего… просто база маленькая, и живем мы в крошечных комнатах по двое. Осточертело одно и то же каждый день видеть. Мы хотим снять двух или трехкомнатный дом, чтобы друзей иногда приглашать по выходным, барбекю устраивать, – пояснил он.

Я ухмыльнулась про себя: «Ага, как же, девять месяцев прожил, и – нормально, а тут вдруг, за четыре месяца до отъезда, решил наконец-то хату снимать?! Так что можешь хоть три часа мне рассказывать, какие маленькие квартиры на базе, – все равно не поверю! Ну да ладно, мне-то что…».

Но ему вместо всего этого ответила просто:

– Я не знаю, но могу узнать. Уверена, это не будет проблемой.

И тут же уточнила у Тани, не знает ли она, кто занимается квартирами.

– Знаю. Тетка, которая магазинчик одежды держит, – она сдает. А кому надо?

– Ну, кому?! Угадай с трех раз, – закатила я глаза.

– Ясно. Быстренько они намылились! Ну да пускай снимают, нам-то что!? – пожала она плечами.

До начала работы оставался уже какой-то час, и мы решили возвращаться. Я сказала Санни куда подойти, чтобы спросить о квартире, поблагодарила за обед, и мы распрощались.

Народу было еще не слишком много, когда в клуб зашли двое молодых корейцев. Одного я немного знала, он работал ди-джеем в клубе по соседству, а второй был мне незнаком. Они сели за столик и, заказав пиво, стали оглядываться по сторонам, рассматривая девушек. Уж не знаю почему, но через минуту меня позвали к их столику и принесли сок. Это было странным, ведь обычно я не пользовалась популярностью у корейцев, так как имела короткие и темные волосы.

Кореянки никак не могли обесцветиться до блондинок, как ни старались, – волосы у них были настолько жесткие и темные, что ни одна краска не брала. Поэтому корейцы предпочитали блондинок наших, почти натуральных, и желательно длинноволосых: для них это было экзотикой.

Тем не менее, позвали именно меня, и посадили возле незнакомого корейца. Я про себя даже выругалась: «Черт, суббота – американцев будет куча, а мне придется сидеть с корейцем, которого я даже понимать не буду весь вечер, ведь я до сих пор не знаю корейского».

В виде исключения с корейцами нам разрешали пить, так как если они предлагают выпить, а ты – отказываешься, то тем самым наносишь ему страшное оскорбление.

Он налил мне в стакан пива, я отхлебнула. Да-а, гадость – редкостная, но придется давиться.

– Меня Стив зовут, а тебя как? – спросил он на хорошем английском. Я аж поперхнулась от неожиданности! Все-таки для этих краев – это нонсенс, когда кореец так чисто говорит по-английски.

– Кэт. А ты откуда?

– Я из Сеула, но четыре года прожил в Нью-Йорке, – учился, – улыбнулся он вежливо.

– Тогда понятно. У тебя отличный английский, без акцента, – я не стала добавлять, что и внешне, пожалуй, он тоже заметно отличался от обычного корейца: одеждой, улыбкой, манерами. Во всем его облике чувствовалось влияние западной культуры.

Мы разговорились.

Выяснилось, что он живет в Сеуле, где и служит в армии, сюда приехал – навестить друзей. Стив отлично знал историю, которая всегда была мне интересна, и мог долго и занимательно

рассказывать о Корее и об Америке. Кроме того, он живо интересовался Россией, ее историей и современностью, а также делился своими впечатлениями о прожитых в Нью-Йорке годах.

Парнем он оказался весьма интересным, и проболтали мы достаточно долго: за все время он купил мне соков десять, так что часа два я с ним точно просидела. Американцы приходили и уходили, но мне и тут было интересно, так что я никуда уже не рвалась.

Вы не подумайте только, что я расистка или еще что, раз делаю такой акцент на его национальности. Просто мы работали в деревне, и если к нам и приходили корейцы, то контингент был еще тот: прямо с рисовых полей, потные и грязные, они сразу шли в клуб.

Однажды один такой «водокачка» (не знаю почему, но русские в тауне корейцев-работяг именно этим словом называли) полез ко мне, хотел, видимо, проверить грудь на предмет «настоящести». Я ничего не сказала. Молча стряхнула с себя его «граблю», подошла к «маме» и заявила, что если она не хочет скандала, то на будущее лучше меня к подобным типам не садить. Другие девчонки из клуба иногда все же терпели подобные выходки, так как такие корейцы и чаевые давали щедрые и соки покупали хорошо, но мне они были противны до тошноты.

Ну да я отвлеклась.

Тут к Стиву наклонился его друг, все это время молчавший, и что-то сказал. Немного посовещавшись, они позвали «маму» и спросили, сколько стоит мой «тикет».

«Тикетами» называли выкуп девчонок из клубов на время. Это не означало, что так клиенты платили за секс: просто во время «тикета» мы спокойно могли уйти с работы и пойти по другим клубам, в ресторан, на вечеринку, …ну, то есть куда угодно.

Я обрадовалась до одури!

Во-первых, прошло больше месяца со дня моего приезда, а выходного у меня пока еще не было. Во-вторых, я ни разу не была в других клубах. Да и вообще «тикета» у меня еще ни разу не было.

Меня выкупили за двести баксов, хотя до конца рабочего дня оставалось всего три часа. Я быстренько переоделась и, счастливая, проследовала за Стивеном к выходу. Его друг минутой раньше ушел навестить свою русскую подругу.

– Куда пойдем? – озабоченно поинтересовалась я.

– Куда пожелаешь! – улыбнулся он.

Недолго думая, я потащила его в клуб напротив. Мне очень хотелось посмотреть, как оно, – в других клубах: как танцуют, как

ведут себя, кто к ним ходит.

Клуб назывался «Янг Иллэвен». Отчего такое странное название – «Молодой 11» – я так и не поняла, но местечко оказалось уютное.

Мы сели за столик: Стив заказал виски с колой, а я, после долгих колебаний, решилась попробовать джин с тоником. Как только нам принесли выпивку, в клуб вошли Санни и Чарли.

«Вот черт!» – подумала я. При виде меня на их лицах отразилось явное недоумение.

Санни подошел, и как ни в чем не бывало, поздоровался. Не задавая лишних вопросов, он сел в сторонке и принялся поглядывать на нас оттуда.

– Это твой бойфренд? – спросил Стив.

– Нет, просто знакомый, – отмахнулась я.

Он внимательно посмотрел на Санни, потом на меня, но больше ничего не сказал. Однако в его поведении сразу же появилась некоторая скованность и напряженность.

Тогда я решила как-то развеять обстановку и предложила тост за знакомство.

Следующие полчаса я излучала само обаяние и изо всех сил старалась дать ему почувствовать, что других мужчин в этом клубе для меня просто нет. Благодаря этому Стив как-то вроде оттаял, возобновил разговор и опять стал веселым. Еще через полчаса я предложила ему пойти в другое место.

Мы вышли и, пройдя секунд двадцать, оказались в другом клубе – «Р.О.». Снова заказали коктейли.

Вдруг он взял мою руку в свою и принялся внимательно изучать.

– Ты умеешь читать будущее по руке?

– Почти все корейцы знают азы хиромантии, я – тоже – улыбнулся он.

– Ну так расскажи мне! Что меня ждет? – я сгорала от нетерпения.

– Не скажу.

– Почему? Ну пожалуйста, расскажи!

Он тяжело вздохнул и покачал головой, но потом все-таки сдался:

– У тебя будет два брака, во втором браке – двое детей: мальчик и девочка. К старости ты станешь богатой, может даже знаменитой. Вообще, жизнь у тебя интересная будет, – с улыбкой добавил он.

– И ты не хотел мне говорить?! Почему? – не понимала я.

– Ну, если бы брак у тебя был один, я б на тебе, может, женился.

Я закатила глаза и рассмеялась:

– Ну, ты даешь! Оригинально ухаживаешь, ничего не скажешь… три часа как знакомы, а ты уже о женитьбе речь заводишь!

Он усмехнулся и стал рассказывать какую-то очередную армейскую историю.

Почувствовав на спине чей-то пристальный взгляд, я обернулась. За мной снова наблюдал Санни.

Через пару минут я, извинившись, отправилась в туалет и, проходя мимо него, наклонилась и тихо попросила не ходить больше за мной по пятам. Когда я вышла из уборной, их с Чарли уже не было.

Мы со Стивом прошли еще по нескольким барам, пока они не начали закрываться.

Затем отыскали друга Стива с его русской девушкой и стали размышлять, чем занять себя дальше. Для начала решили поехать в Кунсан перекусить, а заодно и подумать над дальнейшей программой.

В ресторане нас отвели в отдельную комнатку, где стоял низкий стол и на полу валялись подушки для сидения. Парни заказали «сангепсаль» (то самое блюдо, которым нас потчевали «мама» и «мадам» в самый первый день нашего со Светой приезда в Корею): свежий бекон, листья салата, кимчи и куча корейских салатиков. В качестве выпивки там была только «соджу» – корейская водка. Несмотря на то, что этот алкогольный напиток крепостью значительно уступает русской водке, «соджу» имеет одно неприятное свойство: «вырубает» он неожиданно, словно снайпер.

Парни оказались веселые, вторая девушка – тоже, так что вечер проходил приятно и непринужденно. Часам к трем парни захотели перебраться куда-нибудь, где поудобнее, и предложили снять номер в гостинице. От столь заманчивого предложения я категорически отказалась и, по-моему, чуть не упала в обморок, едва услышав слово «отель».

Стив, видя такую мою реакцию, тоже отказался от идеи с гостиницей и предложил просто гулять. Мы вышли на улицу. Он явно не хотел расставаться так скоро, но к вечеру ему уже нужно было быть в Сеуле. Поэтому вскоре мы обменялись электронными адресами и распрощались.

Через два дня он прислал мне букет роз. Тогда я еще не знала, что можно заказывать букеты через Интернет и его цветы оказались очень приятной неожиданностью для меня.

Поначалу Стив каждый день присылал мне письма, но со временем наша переписка сошла на нет: он никак не мог

освободиться и приехать, я тоже не могла навещать его,… впрочем, я, кажется, и не собиралась. Так наши отношения завершились, не успев толком начаться.

Вы, возможно, удивитесь такому обилию персонажей за столь короткий промежуток моей жизни, но моя работа и в самом деле заключала в себе великое множество знакомств. В этом была ее особенность. Я же рассказываю вам лишь о тех, кто оставил в моей памяти наиболее значимые следы.

Я никогда не была «вертихвосткой», но любой «хостесс» приходится научиться вести себя так, чтобы парни нуждались в общении с ней, имея надежду на некое «продолжение», и в то же время держать их всех на расстоянии. Как правило, если парень не становился твоим бойфрендом, то через месяц, максимум – два, он пропадал с твоего горизонта. Ведь никто не хочет быть обманутым и чувствовать себя лишь ходячим кошелечком с ушками.

Одна из недель в плане заработка выдалась особенно неудачной. По какому-то поводу всем военным на базе дали подряд четыре дня выходных, и, как нам показалось, вся база без остатка уехала в более крупный город – Осан. В тауне почти никого не осталось и в клуб, соответственно, никто не заходил. Поэтому в очередной тихий вечер мы сидели, вяло переговариваясь между собой.

Неожиданно дверь распахнулась, и вошел кореец, которого мы очень хорошо знали, но, слава Богу, пока лишь понаслышке. Как его звали по-настоящему, мы не знали, но сам себя он называл весьма оригинально: «Ди Каприо». Надо заметить, что ни в одном месте я не нашла у него ни малейшего внешнего сходства с известным актером. Местный же «Ди Каприо» был знаменит исключительно своим буйным характером: все слышали, что он большой любитель распускать руки.

Мы замерли. Я подходить к нему не собиралась и сидела на месте, как приклеенная. Светка подумала немного, и с решительным: – Хрен с ним, я пойду! – поднялась и направилась к корейцу.

Сначала все шло нормально: «Ди Каприо» купил ей несколько соков, себе пива, и они мирно разговаривали…

Вдруг я услышала, как Светка вскрикнула за моей спиной, затем раздался звук шлепка и крики. Я повернулась и увидела свою подругу на полу. Закрывая руками то лицо, то живот она пыталась увернуться от сыпавшихся градом ударов. «Ди Каприо» бил ее ногами.

Дальнейшее я не помню, – память моя иногда мне очень

помогает, аккуратно вырезая из сознания некоторые особенно неприятные моменты.

Вот и сейчас я пришла в себя только тогда, когда мы оказались в гардеробной, где обычно переодевались для танцев. Светка стояла рядом: бледная, с уже начинающими проявляться синяками, но крови, слава Богу, видно нигде не было.

Я услышала звук разбившегося стекла и поняла, что витрин у нас больше нет. Осторожно выглянула из укрытия: «Ди Каприо» схватил с барной стойки поднос со стаканами и зашвырнул его в последнее оставшееся в живых зеркало во всю стену. Больше бить там было нечего.

Наконец, наши ди-джей и «папа» почти ласковым и где-то даже заискивающим тоном уговорили его покинуть клуб. Полицию так никто и не вызвал. Причина столь странного их поведения заключалась в том, что «Ди Каприо» был членом какой-то мафиозной группировки. Ну, или, во всяком случае, они нас так уверяли.

На этом наш рабочий день закончился. Как только он исчез из поля зрения, мы побежали домой, заперлись на все замки и выпили по рюмочке, чтобы успокоиться. Света рассказала, что они спокойно разговаривали, когда кореец вдруг схватил ее за грудь, сильно сдавил и начал крутить. От неожиданной боли моя подруга дала ему пощечину. Вот из-за этого «Ди Каприо» и разворотил нам весь клуб. Оказалось, что этим она смертельно его оскорбила: оплеуха от женщины – это само по себе страшное унижение для корейца, а тут оно было еще и прилюдным!

Немного придя в себя, Света быстро собралась и ушла к Майклу.

Я заварила себе лапшу.

Девчонки обалдело продолжали обсуждать произошедшее, – перепугались мы не на шутку. Разумеется, все мы очень хорошо ее понимали и хором хвалили за мужество: «Нечего руки распускать!», «Пусть знают наших!», ну и тому подобное.

Только мы, наконец, успокоились, как я услышала где-то поблизости голос «Ди Каприо».

– Девки, по-моему, он сюда идет! – вскрикнула я.

Мы прислушались: пьяный и не на шутку разгневанный голос приближался.

По-моему, в тот момент мы могли бы услышать даже гулко стучащие сердца друг друга.

Шаги замерли совсем близко, – мы отпрянули от входа и замерли… Дзинь!!! Стекло в двери разлетелось на мелкие кусочки. Оставшиеся в ней решетки еще придавали нам некоторой уверенности, но в душе мы уже понимали, что под

таким решительным напором наша крепость долго не продержится.

– Скорее к задней двери! – приняла я мгновенное решение, и мы бросились в ванную.

В тот момент, когда «Ди Каприо» разбивал дверь, «Деревня» принимала душ. Она выскочила из кабинки и, в чем мать родила, спряталась за вешалкой с одеждой.

– Скорее наружу! – крикнула ей Вика, лихорадочно открывая запасной выход.

Девчонки, вдоволь наматерившиеся в свое время на эту дверь, выходившую на улицу прямо из ванной, сейчас были счастливы от того, что она все-таки есть.

Но, увы, ничего хорошего нас за ней не ждало: пятачок метр на полтора, окруженный бетонным двухметровым ограждением, плавно переходившим в крыши соседних домов. Мы замерли и с ужасом стали ждать: взломает взбешенный «Ди Каприо» входную дверь или нет? Вика в это время каким-то чудом смогла залезть на ограждение.

Через несколько минут мы снова услышали голоса, на сей раз уже «мамы» и «папы», и, наконец, все стихло. Внутрь нашей квартиры так никто и не вошел.

Мы тихонько вползли обратно в дом, откопали из-под кучи одежды «Деревню» и выглянули на кухню: стекла в двери не было, как не было и окна, – одни решетки остались. Я посмотрела на стаканчик с лапшой: внутри поблескивала кучка осколков.

Я вздохнула, подумав о том, что это была последняя упаковка лапши в этом доме, и взялась подметать пол.

– Не, вот козел, а? – все еще пребывая в шоке, пробормотала Инка-»Деревня».

– Нда-а, веселая ночка, ничего не скажешь, – подтвердила Юля.

Прошло уже минут двадцать с начала приведения разрушенного жилища в порядок, как вдруг мы снова услышали голос «Ди Каприо», но уже, слава Богу, где-то вдалеке. Я выглянула наружу: возле клуба «Оскар» стоял ОН и бил какую-то девушку коленом в живот.

Мимо проходил американский патруль, но никто не вмешался: по Уставу не положено.

– Скоты! Никто даже полицию не вызовет, – со злостью сказала я.

– Ага, дураков нема! Сегодня его в полицию заберут, а завтра он весь таун спалит, – глядя на меня, хмуро ответила Юля, – вот никто связываться и не хочет. А че, все равно он завтра проспится, всем забашляет, и дело с концом! Вот с полицией

никому и нет охоты возиться.

– Все равно – идиотизм! – возмущалась Инка. – Хотя, кореянок он по-любому бить не будет, а русские – на хер никому не нужны. Нас хоть убей – никому дела не будет!

Надо же, как в воду, зараза, глядела! Но тогда мы об этом еще не догадывались.

На следующий день нам поставили новые стекла. Казалось, что прошедшая ночь была каким-то кошмаром.

Вечером к нам зашла мама:

– Света, тебе придется извиниться, – сказала она Светке, забежавшей в квартиру перед работой.

– Это еще за что? Он меня побил, и я же еще и извиняться должна?! – от неожиданности и абсурда подобного заявления мы сидели, открыв рты.

– Если не извинишься, у нас будут серьезные проблемы. Ты его оскорбила. Нельзя было его по лицу бить. Придется извиниться, – с нажимом повторила она.

Света, ничего не сказав, вышла из кухни и стала собираться на работу. В тот же вечер она извинилась перед человеком, который жестоко избил ее накануне.

Глава 7

Приближался день моего рождения. Я пригласила всех своих, из «Стерео», некоторых девчонок из других клубов и Таню, а из американцев – только Джерамайю и Санни. К сожалению, последний – неожиданно отпал, так как его отправили в командировку.

Я закупила кое-какие продукты и приготовила «Оливье», курочку и картошку. Стол был небогатым, но все были так или иначе рады, потому как готовить всем было вечно некогда, а уж тем более – русскую еду.

Компания у нас подобралась веселая: шутки, тосты и анекдоты не прекращались. Вскоре приехал Джерамайя с чудным букетом цветов.

Честно говоря, от него я совсем этого не ожидала. Он никогда не пробовал за мной ухаживать и, насколько я поняла, у него в другом городе была девушка, тоже русская, которая ему очень нравилась. Видимо просто парня так воспитывали, что на День Рождения к девушке надо идти с цветами. Хотя, в общем-то, у них это не принято.

Мы выпили еще немного шампанского, и пошли на работу.

У нас в запасе оставалось минут десять, и по дороге мы решили зайти выпить кофе и послушать местные сплетни.

Мы расслабленно смаковали кофеек, как вдруг краем уха кто-то уловил слово «зарезал» и уточнил у знакомых девчонок, что случилось.

– Да девочку русскую кореец зарезал из ревности. То ли она ему с американцем изменила, то ли просто так приревновал… Теперь уж кто его знает!? Короче, насмерть, – с готовностью просветила нас одна из девушек.

Мы переглянулись, вспомнив недавние Инкины пророчества.

Я представила как паршиво, наверное, ее родителям сейчас. Вот так живешь себе и думаешь, что твой ребенок находится за границей и очень счастлив, а он приезжает однажды домой, но уже не в удобном кресле первого класса самолета, а в гулком и неудобном цинковом гробу. Грустно, одним словом…

Наступила пятница.

Санни вернулся из командировки и сразу же пришел в «Стерео»:

– Мне очень жаль, что пропустил твой день рождения. Как все прошло? – спросил он.

– Нормально. Девичник был, можно сказать.

– Какие-нибудь новости были, пока я отсутствовал?

– Да нет, все как обычно, – Света просила нас не говорить никому об ее избиении.

– А мы с Чарли, кажется, хорошую квартирку нашли. Хочешь, пойдем завтра, посмотришь, – предложил он.

– Ладно, завтра я свободна, – согласилась я.

На следующий день мы опять встретились вчетвером: я, Санни, Таня и Чарли.

Пообедали в одном из многочисленных ресторанов тауна, и пошли смотреть квартиру. Она была расположена вдалеке от клубов, в спокойном райончике.

Квартира была двухкомнатная. Ванных комнат также было две, хотя унитаз присутствовал только в одной из них. Из мебели были только диван и кровать. Но в целом квартирка была неплохой.

Мы квартиру одобрили, сказав, что в тауне лучше и не найти. Тут главное было найти «сухую», так как из-за влажности от нескончаемых рисовых полей в большинстве домов везде на стенах буйным цветом колосилась плесень.

Парни пообещали хозяйке, что подумают и дадут ответ через неделю.

Пожалуй, мне тоже настало время крепко задуматься. Наши отношения с Санни давно топтались на одном месте, и мне явно пора было принимать хоть какое-то решение.

Я засела на кухне у нас дома, взвешивая все «за» и «против».

Санни мне нравился, хотя я и не могу сказать, что испытывала к нему нечто «волшебное», срывающее «башню». Я размышляла так: «Парень он вроде бы неплохой. Не красавец, но оно и к лучшему, – бабы особенно вешаться не будут. И не жадный, что – плюс. К тому же он – достаточно взрослый, чтобы не забивать мне голову дурацкими обещаниями…».

Тут пришла от своего бойфренда Светка:

– Ты чего это? – хмуря брови, напустилась она. Видимо, вид меня – «притихшей», что вообще-то само по себе – редкость, а уж тем более – «думающей», не на шутку ее взволновал.

Я подняла голову:

– Знаешь, я, наверное, буду с Санни встречаться, – сказала спокойно.

Света присела на краешек скамейки, видимо, чтобы не упасть:

– То есть как?! А почему?

– А почему бы и нет? – вопросом на вопрос ответила я. – Он вроде – ничего, не врет особо, гор золотых не обещает. Как человек – тоже хороший… Лучших вариантов я пока не вижу, а там – посмотрим.

Она уселась поудобнее:

– Ну, вообще-то ты права. Пока тебя не было, он тут часто о тебе вспоминал, и дифирамбы все пел: Катя и умная, и красивая, и то, и се… Так что может это и вариант.

– Да ладно, что умная и красивая – это дело вкуса, на любителя, так сказать. Но, по крайней мере, он не похож на тех парней, что будут звать тебя замуж, лишь бы только под юбку залезть. Как у этой… как ее там?

– Ты про Наташку что ли?! Из «Иглз»?

– Ага, та самая, – вспомнила я девушку, чей парень предлагал ей, а одновременно и еще трем девушкам пожениться. Естественно, друг о друге девчонки не знали. Парень же смышленым оказался, и чтобы ни у кого из них не возникло сомнений, он всем им приносил заявления на брак для подписи, и говорил, что они вот-вот поедут в Сеул расписываться. Представьте себе их шок, когда вся правда случайно вылезла наружу!

– Кать, а ты к нему хоть что-нибудь чувствуешь? – протянула Светка так жалобно, как будто я только что саму себя на смерть через повешение приговорила.

– Ну-у, он мне нравится как человек. Мне с ним интересно. А если ты про фейерверк эмоций и фонтан чувств, то – нет, этого нет… Пока нет, – добавила я, чуть подумав.

– Ну, смотри сама. Хотя мне он тоже нравится, – хороший парень.

Я снова задумалась, но потом вспомнила кое-что, о чем давно хотела спросить:

– Свет, а наша Наташка часто бухает? Я сегодня пришла со встречи с Санни, а она меня увидела и бегом к раковине – стакан ополаскивать. Ну, я ж не совсем дура, по ней и так видно, что она нетрезвая, – уточнила я почти шепотом.

– Вообще-то – бывает. А что, сильно пьяная? – с оттенком брезгливости спросила она.

Вообще-то вы не подумайте, что мы там все такие трезвенники, и никогда не пили. Пили, и еще как, но в основном после работы. Если и выпивали «до», то чуть-чуть – для поднятия настроения, и так, чтобы ни дай Бог «мама» не заметила.

– Ну, шатает слегка, – заметила я.

Светка, со свойственным ей боевым настроем двинулась в спальню девчонок. Открыв дверь, мы замерли: Натаха сидела на кровати, с трудом фокусируя взгляд на вошедших.

– Мать твою за ногу! – выругалась Света. – Как ты на работу-то пойдешь?!

На работу в тот день Наташа никак не пошла. Мы ее

буквально приволокли.

«Мама», кинув на нее взгляд, скомандовала тащить обратно домой, что мы и сделали. Во всеуслышание хозяйка клуба объявила, что за подобные выходки нас будут штрафовать. С Наташкиной зарплаты сняли сто баксов.

– Честно говоря, правильно сделала. Надо было хоть немного башкой думать, – поддержала Света «мамину» жесткость.

– Точно. Я понимаю, если бы она заболела, а так… – согласилась и я.

Больничных нам, разумеется, не давали и работу разрешали пропускать, только если температура – под сорок. Да и то – в эти редкие дни кто-нибудь из кореянок каждый час обязательно прибегал к нам домой – проверять, не симулируем ли.

Что такое нашло на тихую, спокойную красавицу Наташку мы так и не узнали. Наша «Барби» ушла в страшный запой, из которого ни наши уговоры, ни угрозы «мамы», что ее вышлют в Россию, не помогали. О причинах же подобного поведения она не распространялась.

Однажды утром, проснувшись, я услышала ругань на кухне и решила посмотреть, что приключилось у нас на этот раз. Открыв двери, я чуть не упала, сбитая с ног тяжелым духом рвоты.

– Какого черта?! Что за вонь? – заорала я, зажав нос.

– А это красавишна наша во сне облеваться изволили, – пояснила Юля раздраженно. – И как еще сама не захлебнулась?!

Я осторожно заглянула в спальню девочек. Наташа лежала на полу на куче одеял, а в районе головы разлилось пятно с содержимым ее вчерашнего обеда.

– Ядрен-матрен! И вы с ней вот так всю ночь спали?! Как вы сами-то не задохнулись? – удивилась я.

– А вот так!… И долго нам с ней еще мучиться? – устало поинтересовалась Вика неизвестно у кого.

– Надо «мамане» говорить. Толку в клубе от нее все равно никакого, а за прогулы она уже столько должна, что и зарплаты не хватит.

На следующий день Наташу, а заодно и ее подружку – Валю – увезли. Валя, в отличие от Наташи, не пила, но дохода клубу все равно не приносила.

Через несколько дней нам привезли новых девчонок.

Эти были из Узбекистана. Одну звали Рита, другую – Ира. Рита была высокой красивой девушкой, Ира же – имела скромную, но весьма приятную внешность, была хорошо образована и начитана. Несмотря на то, что они были достаточно разными, обе девушки мне сразу понравились.

К тому же Рита оказалась потрясающей танцовщицей! О

танце живота я тогда знала только понаслышке, но мне показалось, что именно его она и исполнила в первый же вечер. Мы все сидели, открыв рты от изумления и не сговариваясь, прокричали: «Давай на бис!».

Меня удивило, что они привезли с собой кучу разных бикини, вышитых бисером и кружевами. Я, как завороженная, смотрела на это сверкающее «добро» и удивлялась: «надо же, девчонки в первый раз в Корее, однако знали, что бикини пригодятся!». Лично я, когда ехала в Корею в первый раз полгода тому назад, привезла с собой только колбасу да черный хлеб.

– Девчонки, а вам кто-то сказал, что вы танцевать в бикини будете или сами догадались? – спросила я.

– Сами. Мы в Узбекистане уже хостесс работали, – пояснила Ира.

– То есть как?! С узбеками что ли? – не поняла я.

– Почему?! С корейцами.

– А откуда у вас там корейцы? – до меня никак не доходило.

– Так у нас там вообще-то их много… И что значит – откуда!? А откуда в России китайцы?… Просто у нас с корейцами совместного бизнеса много, – терпеливо объясняла Рита мне, такой глупой и бестолковой.

Видимо, про Узбекистан я к тому времени вообще ничего не знала, кроме того, что у них там есть урюк и изюм. Хотя, что такое урюк я, прошу прощения, тогда тоже еще не знала.

Поэтому я сдалась и решила, что со временем, пожалуй, все постепенно узнаю. И об Узбекистане, и о девчонках.

Рита с Ирой моментально влились в коллектив, хотя со Светкой у них отношения поначалу как-то не заладились. У моей подруги иногда проявлялся тон командира, вот и на этот раз она начала «пояснять» им, кто в доме хозяин:

– Предупреждаю сразу: запоминайте, кто чей «костюмер», и к нашим – не смейте соваться! Пить на работе нельзя, а после работы вообще лучше дома сидеть. Мужиков домой приводить – тоже нельзя, – перечисляла она так, как будто являлась хозяйкой клуба, и ее слово было – Закон.

Я не стала ее останавливать, но потом подошла к обиженным девушкам и попыталась смягчить ситуацию:

– Она, вообще-то, нормальная девчонка, и все по делу говорит, просто проблемы тут всякие возникают с новенькими, вот она и решила сразу все по полочкам разложить. Единственное – тон объяснения еще правильно задавать не умеет, – объяснила я им и рассказала о своей депортации, о запоях Наташи, и о прочих мелочах жизни, которые приключались со всеми нами периодически.

В пятницу в клуб пришли Санни с Чарли и сказали, что решили снять ту квартиру.

– Молодцы, что решили, – похвалила я. – Квартирка миленькая, сухая и недорого.

– Мы завтра пойдем: заплатим деньги, возьмем ключи. Может, вы с Таней придете, поможете составить список необходимых вещей? Все-таки женщинам легче такие вопросы решать, – попросил Санни.

Я согласилась. Меня даже охватило чувство какой-то бабьей радости от предвкушения предоставленной возможности обустроить квартиру, пусть и чужую. Хотя, насколько долго она будет мне чужой – было вопросом самого ближайшего будущего. Ведь с каждым днем Санни нравился мне все больше и больше. Тем более что каждый раз, когда мы с ним виделись, он заботливо спрашивал, не нужно ли мне чего с базы.

Вопрос «чего-нибудь с базы» в тауне вообще стоял крепко. В магазины, разместившиеся на базе, все, от хлеба до машин, привозилось из Америки. Естественно, там было много такого, чего хотелось до ужаса: хорошая косметика, продукты, одежда.

Конечно, в Корее, в тауне, все это было, но – не такое. К примеру, сыр в местных магазинах был только «пластилиновый», нарезанный пластинками для гамбургеров, и тающий исключительно при температуре в двести градусов. На базе же можно было купить и «Пармезан», и «Чеддер», и «Сливочный». Цены там тоже были раза в два ниже, чем в тауне.

Со временем я достаточно обнаглела для того, чтобы попросить-таки Санни купить мне на базе шампунь «Л'Ореаль», кондиционер для волос и СЫ-Ы-ЫР! который я так обожала.

После работы я побежала к Таньке:

– К тебе пацаны заходили? – спросила я, имея в виду Чарли и Санни.

– Заходили, но я занята была.

– Они завтра пойдут хату снимать. У вас вообще с Чарли как? – уточнила я на всякий случай.

– Нормально – парень классный.

– Так что, ты завтра свободна?

– Ага. Во сколько?

Я объяснила, где и когда мы встречаемся, и мы попрощались до утра.

На следующий день, как и договорились, мы встретились на остановке, и сразу пошли к кореянке, которая сдавала квартиру. Санни с Чарли отдали деньги, взяли единственный ключ, и мы все направились в сторону их нового жилища.

Окинув женским взглядом помещение, мы составили список необходимых предметов: веник с совком, швабра, мыло, гель для посуды, полотенца, зубная паста…, ну, и так далее. Я, как повар-любитель, составила еще и список продуктов.

Танька отдала список Чарли, да так и осталась стоять с протянутой рукой. Парни смотрели на нее с непониманием.

– Ключ, – коротко ответила она на немой вопрос. – Пока вы там ходите, мы домой сбегаем. Возьмем тряпки и хоть квартиру помоем.

– Аммм… О'кей, – ответил растерянно Чарли за двоих.

Видимо, столь наглый отъем единственного ключа от их квартиры его смутил, но отказать нам он не решился.

Мы с Танькой, не сговариваясь, уже поняли, что будем проводить здесь достаточно много времени. Видимо, сравнивая наши «клубные» квартирки с этой, мы сделали вывод, что эта – куда как удобнее. Так что решение о переводе наших отношений с парнями на новый уровень возникло как-то очень быстро, спонтанно, и без длительных размышлений.

За время их отсутствия мы успели помыть только полы, – они оказались намного грязнее, чем мы сперва думали. По углам скопилась пыль, прилипшая к слою отопительного масла, повсюду были следы от подошв и еще много всякой гадости.

Вернулись парни часа через два с кучей пакетов. Там было все, что мы указали в списке и еще кое-какая мелочь, о которой мы позабыли. Все вместе мы дружно взялись за отмывание следов предыдущих хозяев, раскладывание продуктов и установку мелкой бытовой техники по углам.

Вскоре мы спохватились и умчались на работу.

Весь вечер я пребывала в прекрасном настроении. Меня радовали хоть какие-то изменения в жизни, а намечающийся роман радовал еще больше. Предвкушение чего-то нового всегда приятно, а уж после неудачи с бывшим бойфрендом, оно, это ощущение, – приятнее вдвойне.

Санни зашел под конец моего рабочего дня, мы немного поболтали, и он незаметно передал мне ключ:

– Если хотите, оставайтесь с Таней у нас. Мы, увы, остаться не сможем, так как сегодня работаем в ночную смену, – сказал он.

Для приличия я сообщила, что тоже очень сожалею о том, что они не смогут к нам присоединиться. Хотя по правде, я была рада, что они не останутся ночевать: к близости я пока явно не была готова, но ночевать в чистой, опрятной квартире без кучи соседок уже хотела. Понимаю, что звучит это как-то глупо, ведь ключ я все-таки взяла, а значит и против этой самой «близости» принципиально не возражала. Но все-таки я надеялась, что

торопить меня пока особо не будут. К тому же вместе с ним ночевать там было необязательно. Ведь всегда можно будет найти какую-нибудь отговорку, чтобы избежать совместной ночевки.

В общем, я сама пока не знала, чего хочу. Однако наши с Санни отношения, тем не менее, перешли на следующую ступеньку.

Кто-то уходил из круга моего общения, кто-то в нем появлялся, но для себя я пока решила остановиться с Санни.

Никто из моих «костюмеров» об этом не догадывался, а потому и не спешил возражать. Я по-прежнему периодически обедала с кем-нибудь из них, водила за нос тех, кто таил надежду стать моим бойфрендом, и иногда ходила на вечеринки. Работа оставалась работой. Ничего нового.

Однажды, правда, случился один неприятный эпизод.

Я познакомилась с парнишкой: веселый, симпатичный, молодой, с виду скромный. Звали его Ником. Как-то вечером пришел он со своим другом, уже слегка подвыпивший. Сначала все, казалось, шло нормально: обычная болтовня, соки, шутки.

Вдруг приятель Ника говорит мне:

– Ты моему другу очень нравишься. Давай он купит тебе «тикет»!

Я к таким предложениям со временем стала относиться с опаской и предпочитала избегать возможных недомолвок или недопонимания. К тому же этот друг Ника мне почему-то не нравился, – «склизкий» он какой-то был.

Поэтому я сразу же уточнила:

– А куда пойдем? Что делать будем? И почему это Ник сам не спрашивает?!

– Ник просто скромный очень, вот и молчит. Ну, что значит, куда пойдем!? Здесь недалеко отель есть, – оттянетесь хорошенько! А там глядишь, и я к вам присоединюсь, – гаденько ухмыляясь, пояснил он.

– Нет, спасибо! – отрезала я.

– А чего так?! Ты же сюда деньги приехала зарабатывать? Вот и не строй из себя святую! – взвился он.

– Святую я из себя не строю, но и до проституции пока не опустилась. Да, я приехала зарабатывать деньги, но не таким способом. Мне на жизнь и так вполне хватает, – я уже «закипала», и вот-вот готова была «взорваться». – Я сюда приехала за деньгами, но мое человеческое достоинство приехало, к счастью, вместе со мной. Так что засунь свой «тикет» себе сам знаешь куда! – припечатала я и поднялась из-за стола.

Ник подскочил и бросился за мной:

– Извини его, пожалуйста, он немного резкий, но парень

хороший, – пытался он сгладить ситуацию.

– Знаешь, твой друг просил за тебя, значит ты – не против. Мне жаль, если я как-то так себя повела, что у тебя сложилось подобное мнение обо мне… Да, и если ты не можешь привлечь девушку ничем, кроме пары сотен за ночь – нам не о чем больше говорить. До свидания, – пресекла я дальнейшие его объяснения и ушла.

Осадок остался на весь вечер. Сколько мне Светка ни твердила, что нечего на дураков внимание обращать – не помогло. Нет, я, конечно, понимаю, что девушки в тауне всякие есть, но нельзя же всех судить по единицам! К тому же, это был первый подобный инцидент в моей практике.

Я никогда не осуждала тех, кто зарабатывал деньги, торгуя своим телом. В конце концов, это – их тело и только им решать, что с ним делать.

А если задуматься над этим всерьез, то все мы, прямо или косвенно, рано или поздно продаемся. Фотомодели за деньги выставляют красоту своего тела на обозрение тысячам, но никто их за это не осуждает. Писатели за гонорары выворачивают свою душу наизнанку перед миллионами читателей. Политики продаются с потрохами, предавая свой народ за усадьбы в Майами. Женщины во всем мире порой выходят замуж за тех, кто может и нелюбим, но «достаточно ответственный и домовитый» и работает на благо семьи всю жизнь. Но никому и в голову не придет назвать их всех проститутками. А чем эти самые «проститутки» хуже? Просто в их варианте все выглядит проще и как бы даже честнее.

Тем не менее, мне искренне жаль женщин, которые не могут заработать ничем другим, кроме как этим местом. Жалость эта вызвана лишь тем, что Бог не наградил их умом или каким-то особым талантом, а может, просто не дал возможности полюбить и зауважать саму себя, как женщину. Себя и свое тело.

Я же себя и свое тело всегда уважала. Хотя, не скажу, чтобы так уж сильно любила: вот тут на пузике складочка ни к месту, и между ног, поставленных вместе, не четыре просвета, как пишут в глянцевых журналах, а один сплошной, похожий на знак бесконечности… – беда, одним словом.

А на зарплату свою жаловаться я не могла, – в среднем за месяц получалось что-то около тысячи долларов. Из них на еду и одежду я тратила максимум сотню, а жили мы у «мамашки» вообще бесплатно.

В родном Хабаровске, стоя за прилавком по десять часов в духоте, таская с собой на работу бутерброды, чтобы не тратить лишние деньги на готовые обеды, я получала за месяц долларов

сто, не больше. Сравните эти условия с пятью или шестью часами в день, заполненными приятной болтовней с американцами и совместными обедами в ресторанах, и вы поймете, почему я так рвалась в Корею. Одним словом – халява! А кто из русских ее не любит?!

Конечно, как и всегда, у нас находились претензии даже к этой работе: и врать надоело, хотелось пооткровенничать с кем-то; и встречаться хотелось с любимым человеком не прячась; и иногда хотелось выходного, чтобы не «тикет», когда надо куда-то идти тусоваться, а просто задрать ноги и читать в ванне книжку; и саму ванну хотелось… Но все это так, мелочи, – с жиру бесились.

Так или иначе, я была вполне довольна доходом, который получала, просто вешая лапшу на уши американцам: «Да, милый, ты мне нравишься, но я прямо не знаю пока, время покажет» или «Ты нравишься мне уже больше, особенно когда в клуб приходишь чаще, но еще не время», ну, и так далее, пока меня не «раскусят». Потом неизменно появлялась «свежая рыбка», и все начиналось по-новому. Так что побочные заработки в виде занятия проституцией меня не интересовали.

Я до сих пор иногда задумываюсь над тем, почему решила начать встречаться с Санни.

Это не было спонтанной влюбленностью, но и абсолютным расчетом тоже не было. Хотя, не буду отрицать, и строить из себя святую, – кое-какой расчет в этих встречах все-таки был: мне хотелось жить в нормальных условиях, хорошо питаться, иногда принимать ванну вместо душа на бетонном полу, да и просто экономить заработанные деньги, не тратясь на подобную «роскошь». Да, я могла все это купить и сама, но тогда все заработанные деньги у меня бы просто уходили на житье. Это – причина «материальная».

Была еще и «нематериальная»: мне хотелось иметь рядом собеседника и просто друга, крепкое мужское плечо, если угодно. Ведь не всегда мы встречаемся с кем-то только тогда, когда влюбляемся по уши. Часто бывает и так, что ты влюбляешься в человека гораздо позже, когда проведешь с ним несколько месяцев, увидишь и оценишь его поступки и достоинства. Вот мой случай, наверное, был как раз одним из таких. Наши отношения были замешаны на дружбе, взаимопонимании и симпатии. Ну, с моей стороны, конечно, была еще и та самая «материальная причина». Я ведь пообещала самой себе: «Во что бы то ни стало стать „стервой“ и накопить денег на учебу!».

Хотя, думаю, что и у Санни были свои, неведомые мне причины для начала наших отношений.

В тот день, когда Санни отдал мне ключи, мы с Танькой решили остаться там ночевать. Осмотрев кухонный шкаф, обнаружили кое-что из съестного и огромную бутылку текилы.

Мы переглянулись:

– А запивать чем будем? – спросила я, поняв подругу без слов.

Таня тут же атаковала холодильник.

Нашлась только «Кока-Кола»:

– Ну, попробовать, конечно, можно, – неуверенно почесала я затылок.

Мы тут же смешали коктейли, решив отпраздновать новоселье. Начали с пропорции примерно один к пяти, но по мере опьянения напитки становились все крепче, а разговор – задушевнее:

– Мозги много кто засирает, – хмуро рассуждала Танька, – а толку-то? Все они хорошие, до поры до времени. А завтра где они будут?

– Эт точно, – соглашалась я. – Иной раз слушаю обманутых девчонок и удивляюсь: им не военными надо быть, а писателями да актерами. До того фантазия хорошо развита!

– Хотя, мы тоже хороши. У некоторых девчонок по нескольку бойфрендов! Так что это – палка о двух концах. Обманутые пацаны врут девчонкам, и наоборот. Просто таун погряз в этом болоте по самые уши. Так уж он устроен. Да и сама работа у нас – сплошное вранье!

В компании ужаснейшего на вкус пойла из текилы с колой мы просидели до утра. Впоследствии за подобными разговорами нами с Танькой было выпито немало. Наверное, с тех самых незапамятных времен у меня и осталась любовь именно к мексиканской водке.

Наконец настал день, когда Санни все-таки остался ночевать на собственной квартире. Он предпринял настойчивые попытки соблазнить меня, но моей наглости хватило на то, чтобы отказывать ему в близости еще недели три. Потом я уже и сама была не против: он мне нравился уже не просто как друг, но и как мужчина.

Санни изо всех сил старался сделать мою жизнь в этом доме как можно комфортнее: всегда спрашивал, что нужно купить, приносил диски с любимыми исполнителями, выслушивал мои бесконечные жалобы на наглых «костюмеров»… Так постепенно он стал мне очень близок.

Однажды, правда, во мне проснулось чувство тревоги: неожиданно я вспомнила, что «верить никому нельзя», а я – уши-

то распустила и совсем расслабилась. Тут же очень кстати я припомнила, что собиралась быть «настоящей стервой» и… решилась на маленькую пакость: сказала Санни, что мне срочно нужно к стоматологу, а денег нет.

К стоматологу мне действительно было нужно: пломба выскочила. Но деньги мне, на самом деле, были не нужны. Мой единственный «костюмер»-кореец работал дантистом и накануне пообещал вылечить мне зуб бесплатно.

Тем не менее, Санни, не раздумывая, на следующий же день выдал мне сотню баксов.

Каюсь, деньги я взяла, и первое время меня даже совесть за это не мучила. Но, когда с этого случая прошло уже пару недель, и совесть меня мучить все-таки начала, я задумалась: «С чего бы это вдруг?».

И тут меня осенило!

«Так ты, дура, никак влюбилась!» – сказала я себе и загрустила. – «Нет, с этим срочно надо что-то делать! Так нельзя, ведь опять обманут – больно будет. Раскаюсь, да поздно…».

Вот так и сидела я перед работой на кухне «клубной» квартиры, когда пришла Светка.

Должна отдать ей должное, мое настроение она научилась угадывать еще до того, как я заговорю. То ли у меня по лицу видно, как мозги шевелятся, то ли флюиды какие…

– Что опять? – с порога спросила она.

Я тяжело вздохнула:

– Эх, брошу я, наверное, Санни.

– Ты че? У вас же все так замечательно! Он так к тебе относится хорошо! Что случилось-то!? – в полном недоумении восклицала Светка.

– Ничего не случилось. Я просто поняла, что если сейчас этого не сделаю, то опять на те же грабли наступлю! Не могу я с кем-то встречаться просто так, не вовлекая чувства. Нет, ну почему я такая, а!? Почему все могут, а я нет!? Казалось бы, живи себе припеваючи, так нет же, обязательно надо влюбиться! – под конец я уже почти срывалась на крик.

– А ты что, влюбилась?!

– Похоже на то, – хмуро подтвердила я.

– Катя, ну погоди немного! По-моему, он парень серьезный. Может, у вас все получится! – с жаром начала убеждать меня подруга.

– Ага, знаю я эти «получится», – засомневалась я, – уже проходили… Ну, ладно, посмотрим.

Так, раздумывая над собственными чувствами и ломая голову над извечным вопросом «Что делать?», я отправилась на работу.

Посетителей было мало, и вечер показался бесконечно долгим. Отсидев положенные пять часов, мы вернулись домой. Вскоре у Светы зазвонил телефон.

Она что-то внимательно слушала, как вдруг лицо ее вытянулось:

– Она в порядке? Она вообще, где сейчас?!

Поговорив еще с минуту, она повесила трубку и рассказала:

– На девку из «Парадайса» дома напали. У нее выходной был, пошла в душ, а когда вышла, – в комнате мужик в маске был. Он на нее с ножом и напал. Она кое-как вывернулась и, в чем мать родила, побежала в клуб. Голая, рука вся в крови! Сейчас ее в госпиталь увезли – швы накладывать.

– А мужика-то поймали? – спросила я.

– Не-а, убежал. По комплекции и по цвету кожи – вроде кореец.

– Ничего удивительного. Тут извращенцев – пруд пруди. Ну, и дела! И как теперь домой ходить и спать там, в одиночестве?! – забеспокоилась я.

– Не знаю, – бледнея все больше, ответила Светка.

Мы решили, что по приходу на квартиры бойфрендов будем отзваниваться друг другу. Конечно, пользы от этого мало, но так все же спокойнее.

Проходили недели.

С Санни я так и не решилась порвать и постепенно решила: будь, что будет.

Контракт у него заканчивался в сентябре, после чего он должен был возвратиться в Америку. Так что у нас оставалось еще месяца три в запасе.

Прошло две недели после нападения «маньяка». Рецидивов не было, и мы немного успокоились, когда случилась новая напасть. Эмигрэшка.

Уж и не знаю, чего именно они хотели добиться, но в этот раз по клубам с проверками они не ходили. Лишь поставили условие: после закрытия клубов у нас было ровно пятнадцать минут, чтобы вернуться домой. Если они встречали кого-то из девочек на улице после часа пятнадцати – без разговоров усаживали в машину и увозили в эмиграционную полицию, столь знакомую мне не понаслышке.

Как вы понимаете, с бойфрендами мы могли встречаться только в клубах и ночевать все оставались в «клубном» доме. Продолжалась подобная канитель где-то неделю, и мы уже порядком устали от этого «строгого режима». Нам, уже привыкшим к комфорту, эта неделя показалась чем-то, вроде

тюрьмы.

Однажды мы заметили, что на главной улице больше не видно привычных машин с «мигалками». Мы со Светкой и «Деревней» призадумались. На тот момент только у нас троих были бойфренды и, соответственно, иное место для ночлега. Вот мы и решили разработать план по переброске тел в нужное место дислокации:

– У меня таксист знакомый есть, – задумчиво проговорила «Деревня».

– А толку-то?! Вдруг эмигрэшка все-таки где-то пасет? Они и такси проверяют, – отмела я ее план.

– А я… в багажнике, – не унималась она.

Мы прыснули от смеха, живо представив упитанную Инну, скрючившуюся в маленьком закутке.

– Ну, попробуй, – дали мы добро, отсмеявшись.

Инна позвонила таксисту, «ласточкой» нырнула в багажник и была такова. До сих пор я вспоминаю этот ее «нырок» с улыбкой.

– А нам только через «Помойку» можно.

– Ага. Да и то – опасно, – уточнила Света.

Но мы все-таки решили рискнуть, тем более что патрульных машин по-прежнему нигде не было видно.

Дороги к нашему с Санни дому было две. Одна – главная – проходила через остановку в самом центре тауна. Вторая вела через свалку (между собой – «Помойка») и начиналась с дыры в стене, которая окружала весь таун. Ею-то мы и решили воспользоваться.

Кстати, стена, окружавшая таун, стояла там не просто так. Лет тридцать тому назад «Америка-таун» был не чем иным, как самой что ни на есть пресловутой тюрьмой. И домики тамошние потому так и напоминали казармы, что когда-то ими и являлись.

Мы со Светкой дождались трех часов ночи, оделись как можно неприметнее: джинсы, кепки, футболки; и двинулись в путь.

До «Помойки» добрались быстро и без приключений. Там попрощались: идти нам было в разные стороны.

Места подле «Помойной» дороги темные, а освещение – плохое. Пройдя сквозь дыру в стене, мне предстояло сделать еще один выбор: идти по дороге, огибающей таун, или идти вдоль домов, понастроенных прямо у рисовых полей. Свете было проще: к дому Майкла вело множество тропинок – выбирай любую.

Я спустилась к дороге и огляделась: никого. Вдоль дороги росли высокие кустарники, а под ними, на склоне, стояли дома. Я шла по возвышенности.

Сделав очередной поворот, в ужасе обмерла: впереди на

дороге расположилась машина с «мигалками», и я ясно видела, что возле нее стоят две русские девушки, а рядом с ними – корейцы в форме. Я же оказалась прямо перед ними, расцвеченная проблесками «мигалки» как новогодняя елка!

«Допрыгалась, блин», – подумала я обреченно. Жизнь пронеслась перед глазами, колени подкосились,… ну и все такое, что принято чувствовать в подобных ситуациях.

Простояла я так секунду, может две, хотя это время показалось мне вечностью. Наконец я поняла, что меня пока не заметили. Такой же «ласточкой», что и «Деревня» пятью минутами ранее, я нырнула в кусты, сметая по пути полынь и шиповник, и затаила дыхание.

Погони вроде бы не слышно. На всякий случай я отползла ниже, поближе к домам.

Тут так некстати залаяла собака. Я продвинулась левее. Застыла.

Спустя минут десять по мне заползали букашки, руки зачесались от порезов шиповником, и нестерпимо захотелось чихнуть. Было жутко неудобно, но вылезать я боялась.

Не знаю, сколько прошло времени, прежде чем я решилась выползти на разведку. Припав к земле, как уж, и «проскользнув» на середину дороги, я посмотрела в сторону, где ранее была полицейская машина. Теперь ее не было. Так же, ползком, я нырнула обратно в заросли.

Сейчас, вспоминая свои «попользновения», я не могу даже представить, чтобы я решилась повторить подобное.

Лара Крофт в тот момент мне и в подметки не годилась! Так ползать по земле, как тогда смогла я, способен только рожденный ползать!

Ага, вот примерно так я себя в тот момент и чувствовала: гадом ползучим!

«Да уж, действительно, мозгов – как у ящерицы! Как у таракана последнего!» – ругала я себя, на чем свет стоит. – «И зачем я только поперлась сюда?! Сидела бы себе у „мамы“ и не высовывалась, так нет же – комфорта ей, видишь ли, захотелось!»

В общем, ползком, перекатами, прыжками да бросками я добралась до нашей с Санни квартиры.

Отдышавшись и едва уняв бегущее от полиции сердце, я позвонила бойфренду:

– М-м-меня чуть это… полиция, – заикаясь, начала я.

– Ты где? – заволновался Санни. Он уже знал о моей депортации, а потому его беспокойство было понятно.

– Дома у нас. Эмигрэшка на дороге караулила. По-моему, двух девчонок русских арестовали. Я кое-как до дому добралась.

– Успокойся. Свет пока не включай. Тебя кто-нибудь видел?

– Н-нет, не видел. Какой свет?! Я дышать-то громко боюсь!

– Покури, – разрешил он, что вообще-то было немыслимо. Он не курил и привычку мою активно не одобрял. Но видимо мое состояние понял и решил, что сигарета мне поможет лучше всяких слов. – И выпей рюмку чего-нибудь. Не бойся, все будет нормально! В квартиру они не имеют права заходить. Они и в гостиничный номер-то права не имели заглядывать. Не будь твой Джейсон идиотом, просто бы дверь не открывал, и все бы обошлось. Так что не волнуйся. Дома ты в безопасности, – успокаивал меня он.

Он долго говорил еще что-то, пытаясь хоть как-то подбодрить, потом пообещал скоро приехать и мы попрощались. Я тихонько доползла до холодильника, налила себе полстакана виски и разом выпила.

После разговора я немного расслабилась, но свет все же не включала и периодически выглядывала тайком в окно, надеясь никого там не увидеть.

От виски кровь снова потекла по венам, я улеглась на пол и закурила:

«Нет, ну это же надо, опять чуть не вляпалась! Господи, ну сколько можно тебя просить? ДАЙ МОЗГОВ!» – взывала я в отчаянии.

До самого утра свет я так и не включила.

С первыми лучами выглянула в окно: над полями расстилался густой утренний туман, кругом стояла полнейшая тишина. Вдруг послышался робкий стук в дверь.

Я на цыпочках подошла к двери и посмотрела в глазок: на пороге стоял Санни.

– Ну, слава Богу! – кинулась ему на шею. – Я так испугалась!

На меня тут же навалилась усталость от пережитого, слезы полились ручьем.

Он погладил меня по голове:

– Ну, все, все, – успокойся. Все позади, – утешал меня Санни, как ребенка.

Уняв слезы, я в подробностях рассказала ему о случившемся. Он периодически притягивал меня к себе и крепко обнимал. После этого мы легли спать, и я провалилась в долгожданный сон.

На следующий день я узнала, что двух девчонок все-таки забрали в эмигрэшку, и можно было не сомневаться, что их ожидала та же участь, что и меня почти год назад. После этого проверок больше не было, и комендантский час отменили.

Глава 8

В период учений на базе после работы мы от нечего делать ходили друг к другу в гости.

В один из таких дней Светка уболтала меня пойти к ним. И хотя Светина подруга, жившая со своим парнем в этом же доме (Ольга, та самая «мисс Идеальная», – я уже рассказывала немного о ней) мне и не нравилась, но раз уж других дел не предвиделось, пришлось согласиться.

Дом у них был очень хороший: большой, теплый, уютный, обставленный добротной мебелью. Кругом царил идеальный порядок.

Ольга встретила меня своей неизменной «королевской улыбкой» и предложила чего-нибудь выпить. Мы сделали по коктейлю и расположились в гостиной.

– Ромео звонил? – спросила Света у Оли.

– Звонил, – томно выдохнула она. – Даже не знаю, что мне с ним делать…

– Ольга, ты бы определялась уже поскорее! Ведь сама знаешь, в тауне такой секрет утаить невозможно, а «доброжелателей» у тебя хоть отбавляй, – обеспокоено проговорила Света.

– Да знаю я, но что я могу поделать, если я их обоих люблю! – капризно надула губки «мадам Идеальная».

«Ах, во-он оно что! У нашей красавицы любовный треугольник образовался!» – не без злорадства подумала я.

– Посмотрю, кто из них быстрее документы подаст на брак, за того и выйду, – добавила она, чуть подумав.

– Ну, смотри. Только потом не говори, что я не предупреждала, – обиделась Света.

– Ага, тоже мне – провидица нашлась! Ты бы лучше со своими проблемами разобралась, – непонятно к чему, добавила Ольга и сменила тему.

Мы еще поболтали о том – о сем и разошлись по домам.

Все-таки, такие люди, как «Идеальная» не по мне. Да, если честно, кроме Светки у нее и подруг-то других больше не было (конечно, с ее-то характером!).

Дни тянулись один за другим, ничего экстраординарного не происходило. И видимо от скуки, а может еще отчего-то, девчонки решили выяснить отношения. Нечасто такое у нас случалось (все-таки обычно мы вполне мирно уживались), но иногда и на нас накатывало – бывает.

Началось все с пустяка.

У нас дома был установлен график дежурства по «клубной» квартире. Примерно раз в неделю каждая из нас убиралась. Еще три дня назад подошла очередь «Деревни», но от этой обязанности она почему-то увиливала. Вот и сегодня, переодевшись, она направилась уже, было, на выход, когда ее остановила Светка:

– Я не поняла!? Твоя очередь по дежурству уже три дня назад наступила, а ты еще не убиралась! Инна, у нас у всех бойфренды, но никто от уборки не увиливает. Ты никуда не пойдешь, пока не приберешься! – заявила она тоном, достойным, по меньшей мере, командира полка.

– Светик, я завтра! Честное-пречестное! Мне сегодня очень надо, – заскулила Инка, сложив ладони в молитвенном жесте и жалобно закатив глаза.

– Это что за детский сад! Я тебе не мама. Мы тут все в одинаковой ситуации, и никакие «честное-пречестное» больше не пройдут. Быстро за тряпку! – проорала Светка.

Я не вмешивалась. Лично я, как только увидела Светку в первый раз, поняла, что с ЭТОЙ лучше не спорить. Поэтому мысленно помолилась за бедную «Деревню».

– А чего это ты со мной так разговариваешь!? Я, между прочим, тебя старше! – наконец-то возмутилась Инна, приняв позу «руки в боки».

– Да иди ты знаешь куда! Старше-то – старше, а мозгов – как у корюшки! Не беси меня, лучше иди убираться, – грозно прошипела Светка.

– Да пошла ты! Сама убирайся! – взвизгнула Инка и снова направилась к двери…

Что случилось после, я помню с трудом.

В какой-то момент я очнулась, поняв, что по полу катается вопящий, дерущийся клубок. Оттуда, из глубины этого дико визжащего и матерящегося ада, слышались угрозы и припоминания старых обид, Инкиного «фашиста», Светкиного снобизма и так далее.

Недолго думая, я схватилась за чью-то ногу и рванула на себя, громко при этом крикнув:

– А ну хватит! Что за детский сад!

Юлька оттащила красную Инну, я – Светку.

Они еще пытались атаковать друг друга, но мы держали крепко.

После этого я взяла ведро с тряпкой и начала мыть полы.

– Брось сейчас же! Сегодня ее очередь! – снова заорала Света, теперь уже на меня, тыча пальцем в сторону «Деревни».

– Да пошли вы в пень! Обе. Трудно полы помыть, что ли? – я

была зла на обеих, и продолжать выяснение отношений не собиралась.

Нет, вы только не подумайте, что я из доброты душевной так поступила. С моей стороны это был чистой воды эгоизм. Я думала исключительно о своем душевном спокойствии и равновесии.

Я вообще всегда старалась избегать любых ситуаций, которые могли закончиться руганью, а уж тем более – дракой. За всю жизнь я дралась только один раз: в пионерском лагере. Да это даже и не драка была: я просто швырнула пустую стеклянную банку под ноги одной девочки, которая имела глупость сомневаться в том, что я это сделаю (разумеется, фонтан из осколков стекла веером разлетелся по всей комнате, где мы спали). Разозлилась же я из-за того, что она без спросу взяла мою вещь, которая мне была очень нужна. Ну да история эта старая, мне всего семь лет тогда было…

А каждый раз, когда моя мама начинала ругаться по какой-нибудь дурацкой причине, я уходила из дома на пару часов, пока она не выпустит пар. Затем возвращалась, и мы обсуждали ее претензии спокойно. Действовал этот способ всегда безотказно.

Спокойно же стоять рядом и ждать, когда «буря» пройдет – бесполезно. Вид безмятежного человека, когда ты сам готов порвать все и вся на мелкие кусочки, бесит тебя еще больше, чем ответные крики. Так что непременно надо уходить и как можно дальше.

Ругани и драк я не переносила с детства, видимо они слишком явно напоминали мне о бурных выяснениях отношений моих пылких родителей. И мне было гораздо легче помыть полы самой, чем поднимать из-за такой ерунды столько шума.

…Так уж вышло, что по жизни я человек «толстокожий». Чужие беды меня вообще мало трогают, а если люди из-за каких-то своих неприятностей еще и ведут себя «по-свински» по отношению к окружающим, то мне тем более их не жалко. Может потому, что в силу определенных жизненных обстоятельств я для себя решила, что «каждый получает то, что заслуживает»? По крайней мере, раньше для меня это было единственным приемлемым объяснением многих событий в моей жизни.

Так я «закрепила» за собой эту мысль и ни на шаг от нее не отступала: с такой философией было легче. Это вроде как «чему быть – того не миновать». Я верила в судьбу и ее неизбежность, и считала, что в принципе изменить в жизни мало что можно. Да я и сейчас так считаю.

Хотя, уже начинаю сомневаться в том, что некоторые люди беды свои чем-то заслужили, ведь жизнь, порою, бывает

удивительно несправедлива.

Свою, правда, я таковой не считаю. На сей раз это – не про меня. Все свои «шишки» я честным трудом заработала сама. Да и многие «плохие» события в моем прошлом все-таки привели меня к обретению полнейшего счастья сейчас. Но до этого момента мне оставалось ждать еще несколько лет, полных прекрасных и отвратительных моментов.

А пока…, пока я снова была счастлива! Я любила и, казалось, была любима в ответ! Я не ждала ничего от будущего, просто наслаждалась настоящим. Каждое утро я ждала Санни с работы, мы проводили несколько часов за разговорами и засыпали со счастливыми улыбками.

Однажды он предложил купить мне «тикет» и поехать в Осан. Я сначала обрадовалась до безумия, но потом забеспокоилась: поездка означала, что придется ночевать в гостинице.

Санни меня успокаивал, говоря, что город этот большой, и никто проверять каждый номер не будет. Но перед моим мысленным взором вместо чудесного номера хорошей гостиницы вставала камера эмигрэшки с кучей одеял на полу.

Мы все-таки поехали, но поначалу удовольствия я получала мало: я не давала взять себя за руку и шла в отдалении, чтобы никто не подумал, что мы вместе; при регистрации номера я старалась держаться у Санни за спиной, затаив дыхание и изо всех сил пытаясь стать невидимой… Только вечером я наконец-то расслабилась: мы посетили несколько баров, и я даже познакомилась с русскими девчонками, работавшими там.

Осан с нашей деревней было, разумеется, не сравнить. Бары, клубы и рестораны были здесь понастроены с плотностью десять штук на квадратный метр. Народ пил пиво с утра до вечера, сидя под «грибками» на улицах, а бойкие уличные торговцы не замолкали ни на минуту.

На следующий день мы прошлись по магазинам, и Санни накупил мне кучу одежды и всяких безделушек. На улицах города расположилось множество палаток, в которых продавались самые разные сувениры. Мы решили купить по цепочке с кулоном, который представлял собой маленький стеклянный сосуд с цветным маслом. Внутрь сосуда помещалось зернышко риса с выжженной на нем микроскопической надписью. Санни заказал себе кулон с именем «Katya», я – «Solnyshko».

Его имя Sonny было созвучно с английским «sunny», что означает «солнышко», и с некоторых пор я называла его только так. Ему очень нравилось.

По приезду я взахлеб рассказывала девчонкам о впечатлениях. Но больше всего я была рада тому, что меня в этом

путешествии не арестовали! Много ли дураку для счастья надо?!

Я решила зайти к Таньке, которую не видела уже пару недель.

С Чарли у них все-таки ничего не вышло, и он укатил в Америку в отпуск. Так что в съемной квартире мы с Санни остались одни.

Танюха сидела на кухне дома «Ориенталя», хрустя какими-то листьями:

– Кроликам привет! Ты чего там жуешь? – поинтересовалась я с порога.

– Да «маманя» подкармливает, как всегда.

– Ну, рассказывай. Как дела?

– Нормально. Не жалуюсь, – как всегда бодро отрапортовала она.

– А как на личном фронте?

– Встречаюсь с одним, квартиру снял. Пока нормально, а главное – удобно! – довольно ответила она. – У него квартира в двух шагах отсюда. Вон, в окно видно.

Она показала мне, где именно находилась квартира ее бойфренда. И впрямь – близко, от их «клубной» квартиры метрах в двадцати.

– Ну и как? Хотя нет, – ничего не говори. По физиономии вижу – нравится! – засмеялась я.

– А как у вас с Санни? – поинтересовалась в свою очередь она.

– Замечательно! Правда он уезжает скоро… Через два месяца, – с грустью добавила я.

– Ясно. Предложения какие-нибудь были?

– Пока нет. Да что смеяться, – уедет и забудет! Все – как обычно…, – я отвернулась к окну, чтобы взять себя в руки и не расплакаться. Приближающийся отъезд Санни не давал мне покоя, и я все чаще ловила себя на мысли, что очень не хочу расставаться с ним.

– Ну ладно, не грузись ты раньше времени. Не все же они одинаковые. Он вроде парень нормальный… Да погоди ты расстраиваться! – пыталась поделиться со мной своим неиссякаемым оптимизмом Танюшка.

– … Ладно,… посмотрим, – выдавила я, размазывая по щекам противные слезы.

Вскоре от Санни действительно поступило вполне конкретное предложение.

Однажды в субботу, когда ему не нужно было уходить на работу, мы вместе готовились ко сну. Он ворочался с боку на бок, явно что-то обдумывая. Я молчала, затаив дыхание. Такие

моменты женщины чувствуют нутром: хочет сказать что-то важное.

И вот это важное было сказано:

– Я, кажется, тебя люблю, – пробормотал Санни тихо. – Ты можешь ничего не отвечать. Я понимаю, что это, возможно, слишком быстро, но чувствую, что я действительно очень к тебе привязался.

Я хотела ответить, что чувствую то же самое, но язык у меня словно окаменел. Я боялась произнести эти слова, боялась снова обжечься.

Я знала, что скажу «это» очень скоро, но пока решила не торопиться:

– Я… я не знаю, что сказать. Я тоже к тебе очень привязалась, но еще не уверенна, что это именно любовь. Прости, – сказала я тихо.

– Нет, не извиняйся. Я не тороплю тебя, – возразил он и обнял меня.

– Спасибо.

Нужно ли говорить, что уснула я самым счастливым человеком на свете?!

Мне потребовалось всего пару недель, чтобы сказать ему ответное «люблю».

Нет, ничего особенного в тот день не произошло. Был совершенно обычный вечер, но мое настроение из-за работы было каким-то особенно уж гадким:

– Ну, чего ты так расстраиваешься? – в который раз вопрошал Санни, утирая мои слезы.

– Я устала врать. Даже тем, кто приходит ко мне на работу просто ради общения, и кого я искренне называю своими друзьями, приходится врать. Просто потому, что они могут проболтаться, что у меня есть ты. И тогда ко мне перестанут ходить другие «костюмеры». А если у меня будет плохой «бизнес», меня переведут в другой город. Я так устала от этого…!

Вместо слов утешения он нежно привлек меня к себе и погладил по голове.

Мне стало так хорошо, что я поняла: сейчас!

– Я тебя, кажется, тоже люблю, – прошептала я.

– И я тебя, – отозвался он. – Послушай, а как я могу выкупить твой контракт?

– Зачем? – тупо удивилась я.

– Ну, как зачем? Во-первых, я не могу видеть, как ты расстраиваешься. А во-вторых,… надо же что-то делать! Или визу невесты в Америку, или жениться. Но для начала я бы хотел, чтобы ты уехала домой. Просто я буду очень волноваться, если ты

останешься в Корее без меня, – сказал он серьезно.

– И когда это ты решил?

– Когда сказал, что люблю тебя. Или ты думала, что я пошутил так?

– Ничего я не думала, просто это как-то неожиданно. Я даже не знаю…

– Ты не хочешь выйти за меня замуж? – перебил меня Санни с тревогой.

– Да дело не в этом. Ты не понимаешь, как это сложно. Мало того, что обычно процесс оформления визы занимает несколько месяцев, так у меня еще и депортация была, да смена фамилии. Я, правда, не знаю, сыграет это какую-то роль или нет, но вполне возможно. Это может быть слишком долго, боюсь, ты не дождешься, – произнесла я с сомнением.

– Не говори глупостей. Я тебя всю жизнь ждал, подожду и еще немного. Даже если это займет полгода – ничего страшного.

– А вдруг год? – заупрямилась я.

– Значит, буду ждать год, – ответил он твердо. – Так что там с контрактом?

– Вообще-то тысяч пять баксов, но этого можно избежать. Я могу взять отпуск и просто не вернуться. Единственное, мне придется оставить за себя залог – долларов пятьсот. Но это, все-таки, не пять тысяч.

– Вот и отлично. А я пока начну узнавать о документах, – пробормотал он счастливо и нежно поцеловал меня.

Дни понеслись стремительно. Наступил август.

Приближался день рождения Санни, а с ним и день Светкиного отъезда: она пробыла в Корее год, и ее контракт подходил к концу.

Юля с Викой уехали чуть раньше. Мы провожали их с грустью: за это время мы очень сдружились и успели привыкнуть друг к другу. Все мы сквозь слезы смотрели вслед отъезжающему микроавтобусу, хотя девчонки и заверяли нас, что скоро вернутся.

На удивление всем нам, на прощание «мама» преподнесла девочкам подарки, и даже купила костюмчик Юлиному ребенку. До этого она ни разу никому ничего не дарила.

Мы со Светкой сразу отметили, что в клубе без них стало скучно. Юлька всегда отличалась потрясающим талантом так рассказать самую заурядную историю, что Пушкин бы позавидовал! Мы вспоминали их со смехом и печалью. Расставания всегда неприятны…

Однажды вечером мы сидели в клубе в ожидании первых посетителей, вспоминая наших улетевших домой подруг, как

вдруг заметили вошедшую в клуб «Идеальную». Она шла, пошатываясь, не накрашенная, с опухшими от слез глазами. Что-то явно произошло.

Светка сорвалась и побежала навстречу подруге:

– Садись сюда. Что случилось? – с тревогой спросила она.

Олин, прежде идеально красивый, рот расплылся в кривой усмешке:

– Меня кто-то сдал, – пробормотала она пьяно, что вообще-то было редкостью.

– Что значит – сдал? – не поняла Света.

– Ты когда утром ушла, мы с Джимом еще спали. Тут кто-то постучал. Мой пошел открывать. Я чувствую, что-то долго его нет, и пошла посмотреть. А там он стоит и с Ромео разговаривает. Представляешь? Кто-то из девок ему сказал, что я с Джимом живу, да еще и показал где, – она разревелась с новой силой.

В какой-то момент мне ее стало даже жалко, но это быстро прошло. Как вы помните: «каждый получает то, что он заслужил». И я была твердо в этом убеждена.

– Допрыгалась! А я тебе говорила, что добром это не кончится!? – громко начала Света, но потом решила, что момент для нравоучений не совсем подходящий, и сбавила обороты. – Ну а что Джим? А Ромео? Они подрались?

– Нет, не дрались. Они спокойно говорили… Джим сказал, что мы уже полгода вместе живем. А Ромео поделился, что мы с ним четыре месяца провстречались… Меня даже слушать никто не стал. Ромео сразу ушел, а Джим оделся и… и тоже ушел, – сквозь слезы и всхлипывания рассказала она.

– Оль, я, правда, не знаю что сказать. Может, кто-нибудь из них да простит? Ну, не реви ты…, – вид у Светки и впрямь был растерянный. А что тут еще скажешь?

Ольга поплакала еще немного на Светином плече и ушла.

– Вот блин, жалко мне ее. Хотя, головой думать надо было! – произнесла моя подруга, немного отойдя от такой новости.

– Ну, так за двумя зайцами погонишься – порваться можно, – спокойно резюмировала я. – И не надо было над своими же девками насмехаться. А то, знаешь ли, не всем приятно, когда тебе в лицо говорят, что уши большие, нос кривой, умишко маленький и так далее. Зачем было гадить там, где ешь? Вот и нажила себе врагов.

– Ну да. По-любому свои же и сдали.

Со временем мы узнали, кто же все-таки сдал «Идеальную». Оказалось, – девочка из ее клуба, у которой Ольга в свое время увела «костюмера».

Джим в конечном итоге ее простил, и они все-таки

расписались в Сеуле. Но я не сомневалась ни минуты, что он об этом еще пожалеет. Такие «пташки» для тихой семейной жизни с бедным военным не приспособлены. Джим для нее был всего лишь «визой» в Америку. Собственно, как и Ромео.

С Майклом у Светы отношения так никуда и не продвинулись, а вскоре и совсем закончились. Собственно, он ей никогда ничего и не обещал.

«Идеальная» же и там успела напакостить. Она зачем-то сказала Майклу, что Светка, похоже, беременна, но факт этот тщательно скрывает. Произошел грандиозный скандал. Света с трудом убедила Майкла, что никакого ребенка и в помине нет, но отношения были подорваны.

С Ольгой они после этого не общались, чему я была крайне рада. С нашей самой первой встречи она показалась мне «гнилой» насквозь. Такой она собственно и была.

А после разрыва с Майклом моя «боевая подруга» ушла в глубокий запой.

В этот момент мне было ее действительно жаль. Она отчаянно любила Майкла, зная, что никакого будущего у них нет.

Это ужасно, любить безответно!

Она надеялась, что Майкл вот-вот одумается, оценит ее и полюбит так же, как и она его, но этого так и не произошло. Так что Света забрала свои вещи из их квартиры и переехала назад в «клубную».

Она пила и днем и ночью. Утром, просыпаясь с головной болью, просила меня сбегать в магазин за морковным соком. Почему именно морковный – не знаю, но она уверяла, что только этот сок может вернуть ее к жизни. А потом все начиналось с начала: вишневый соджу, пьяные разговоры о Майкле, звонки на мой сотовый посреди ночи с просьбой прийти немедленно, так как ей «плохо»…

Я мчалась к ней посреди ночи, утешала ее, уверяла, что просто Майкл «не ее» человек и «своего» она еще встретит. Я сочувствовала ее горю, но никак не могла понять, как ей может помочь алкоголь. Нет, я человек живой и все понимаю – сама «с горя» не раз напивалась. Но вот чтобы в «запой» уйти?!

Плюнуть на эти ночные звонки я не могла. В свое время Светка поддержала меня так, как не поддерживал никто. Она собрала и передала мне вещи в эмигрэшку, «выбила» деньги за соки у мамы, помогла сбежать из «Ориенталя» той ночью, когда меня привезли во второй раз… Я была у нее в огромном долгу. И поддержать ее было моей обязанностью. Хотя, повторюсь, человек я «толстокожий», и со временем сочувствие мое стало сменяться злостью. Если первое время я действительно ей сопереживала, то

потом невольно стала тяготиться навязанной мне ролью сиделки.

Но, к счастью, Света раскисла не слишком надолго. Через неделю она взяла себя в руки и перестала пить. Она сразу вернулась к себе прежней: боевой, упрямой, всегда добивающейся своего, умной молодой женщине.

У меня же на работе дела пошли на спад: в большинстве случаев я отказывалась обедать с «костюмерами», стараясь проводить больше свободного времени вместе с любимым человеком; врала всем уже не так самозабвенно; а до некоторых так и вовсе дошли слухи, что у меня есть бойфренд. «Мама» тоже иной раз смотрела на меня косо. Я забеспокоилась.

У меня оставался лишь один неизменный «костюмер», который приходил изо дня в день. Уже известный вам Брук. Он все еще иногда приглашал меня на обед, но никогда не настаивал (Брук был одним из тех редких экземпляров, которые действительно приходили лишь ради общения).

Поняв, что «карьера» моя повисла на волоске, однажды я все-таки согласилась пойти с ним в ресторан. Я сказала Санни о том, что мне нужно будет уйти из дома пораньше из-за встречи. Он явно обиделся:

– Зачем тебе с кем-то там встречаться? Мы же вроде как жениться решили?! Встречаемся уже, Бог знает сколько, и ты давно уже никуда не ходила, а тут вдруг понадобилось? – спокойно, но с некоторой обидой в голосе спросил он.

– Это моя работа и ты прекрасно это знаешь! Я совершила большую ошибку, отказываясь от обедов и вечеринок хороших клиентов, поэтому теперь у меня их больше нет! Или ты хочешь, чтобы завтра от меня отказалась «мама» и отправила куда подальше?! – разозлилась я.

– Нет, я понимаю, конечно, но мне это неприятно, – он упрямо стоял на своем.

– Мне, может, тоже неприятно, но НАДО! Радуйся, что хоть контракт выкупать не надо и дай мне спокойно доработать до отпуска, – со слезами на глазах попросила я.

– Поступай, как хочешь, – заявил он с обидой и повернулся ко мне спиной.

Я тоже обиделась.

Можно, конечно, и его понять, но мне от этого было не легче. Я собралась и пулей вылетела на улицу. Немного отдышавшись и придя в себя, решила все-таки позвонить Бруку и отменить встречу. Наврала что-то про неожиданный медосмотр и села на бордюр, заплакав. «Ну почему у меня такая идиотская работа?! Почему не может все быть просто, без обид и вранья?» – думала я

в отчаянии.

Потом в очередной раз решила: «Черт с ним! Будь, что будет», – и пошла обратно домой. Но для начала решила позвонить Санни:

– Я никуда не пошла, – сказала я все еще обиженно.

– Почему? Это же твоя работа, а она для тебя так важна, – с иронией ответил он.

Я подумала секунду и решила, что в принципе, ни в чем перед ним не виновата. Контракт он мой не выкупал, а значит, я должна продолжать выполнять свои обязанности. В конце концов, я ему не изменяла, не врала и даже честно предупредила, куда иду и зачем. Но, раз так – ладно:

– Знаешь что? Моя работа действительно для меня важна. Вот выкупишь контракт, тогда и будем разговаривать иначе: я буду дома сидеть, пирожки печь, тебя развлекать… все, что угодно. Я пока что за меня «мама» деньги платит менеджеру, и немаленькие. Пока, – отрезала я и бросила трубку.

Я развернулась и побрела в сторону «клубного» дома. Настроение было ужасное: смесь злости, обиды и отчаяния. Отчаяния – оттого, что возможно между нами с Санни все кончено.

По дороге я позвонила Бруку, сообщив, что медосмотр прошел быстро и у меня еще есть время с ним пообедать. Он очень обрадовался и сказал, что встретит меня через полчаса на остановке.

Переодевшись и накрасившись уже как к работе, чтобы не возвращаться в «клубную» квартиру еще раз, я пошла к месту встречи. Брук уже ждал меня на своей машине.

– Привет! Куда едем? – поинтересовалась я бодро, старательно маскируя свое паршивое настроение.

– В настоящий корейский ресторан! – важно ответил он с улыбкой.

– Звучит заманчиво, – пробормотала я, садясь в машину.

Ехали мы недолго. Ресторанчик оказался довольно уютным и недешевым.

В Корее вообще очень много мелких точек «общепита», отличающихся обшарпанными стенами, плевками на полу, огромными тараканами и общей антисанитарией. Но этот был не из их числа.

Мы устроились возле окна и заказали еду. Единственное, что мы знали на корейском, был «сангепсаль» (тот самый бекон на листиках), а потому долго выбирать не пришлось.

Брук тут же спохватился и полез в рюкзак, который притащил с собой из машины. Порывшись в его глубинах какое-то время,

извлек на свет два предмета: одним из них оказался фотоаппарат, вторым – CD-плеер.

– Это тебе, – сказал он просто. – Я ними пользовался какое-то время, но работают они все еще хорошо. Я на днях купил себе новый плеер и фотоаппарат, а эти мне девать некуда. Вот я и подумал, может тебе пригодятся…

– Ой, спасибо большое! Я как раз собиралась купить. А то без фотоаппарата плохо, покупаю вечно эти одноразовые, а на них снимки плохие получаются. Да и плеера у меня не было. Может, я тебе деньги за них отдам? Видно, что вещи хоть и не новые, но недешевые, – предложила я на всякий случай.

– Да брось ты, какие деньги! – махнул Брук рукой и рассмеялся. – Я, вообще-то, с тобой поговорить хотел.

– Давай, раз хотел, говори, – ответила я, внутренне напрягшись. Ну, сейчас начнется: «Я слышал, что у тебя бойфренд есть. Это правда или нет» и так далее. Однако он меня удивил.

– Мне очень Рита нравится, но я не знаю, как ей об этом сказать. А вдруг я ей совсем не нравлюсь? Или у нее уже кто-нибудь есть. Может, ты могла бы у нее спросить? – проговорил Брук взволнованно.

Я рассмеялась. Я-то, дура, все это время думала, что рано или поздно он начнет ко мне клинья подбивать! Ага, и подарки, вон, принес. А он, оказывается, с Ритой не знает, как заговорить! Конечно, я всегда к нему относилась как к другу, да и он никогда не делал никаких намеков в сторону того, чтобы встречаться со мной. Но все-таки, он тратил очень много денег, приходя в «Стерео» почти каждый день и покупая мне соки. Хотелось, конечно, верить, что я была дорога ему просто как подруга, но таких, как он – единицы. Вот я и боялась этого разговора.

Я с облегчением вздохнула и улыбнулась.

Разумеется, мне не хотелось терять такого выгодного «костюмера», но он был прекрасным человеком, и я искренне порадовалась за него.

– Почему ты смеешься? – немного с обидой и тревогой в голосе спросил Брук.

– Прости, я не над тобой. Просто это совсем не то, что я ожидала услышать, – ответила я и продолжила. – Я знаю, что Рита пока ни с кем не встречается. Но я не знаю, нравишься ты ей или нет. Она-то думает, что ты ко мне ходишь, так что, видимо, об этом даже не задумывалась. Но я с ней поговорю, обещаю.

– Спасибо! Может, подскажешь, что ей нравится? Я бы хотел ей какой-нибудь подарок сделать, – нетерпеливо задал он вопрос.

– Хм… Я точно ее вкуса не знаю, но в некоторых вещах ошибиться невозможно. Купи какой-нибудь набор гелей для душа

или кремов. В Корее с этим проблемы, да и зарплату девчонкам еще не давали… Тут главное – внимание. Покажи ей, что она тебе нравится, прояви заботу, и она это оценит, даже не сомневайся.

– Ты думаешь?! Ну да, наверное. Я только переживаю, что она намного младше меня, – произнес он с сомнением.

– Перестань! Возраст – не проблема. Главное, чтобы вам было о чем поговорить.

Брук сидел очень довольный, я – тоже. Я была рада, что хоть одному человеку теперь не надо врать, и у меня, наконец, появился просто хороший друг. Был, правда, еще Джерамайя, который заскакивал иногда в «Стерео», но мы виделись редко. Тот без конца ездил в Пусан к своей возлюбленной, и ни о чем и ни о ком, кроме нее говорить не мог.

Мы доели и поехали обратно в таун:

– Так тебя сегодня у нас ждать? – спросила я, смеясь.

– Конечно! Только позже, чтобы ты с ней поговорить успела.

– Понятно. Тогда до скорого!

Я обняла его на прощанье и похлопала по плечу:

– Удачи!

– Спасибо.

Я зашла в клуб. Нас там осталось не много: я, Света, «Деревня», Рита, Ира и «Паприка». Последнюю, кстати, совсем скоро тоже должны были увезти.

Рита сидела за столиком:

– Привет. Как делишки? – спросила она, когда я села рядом.

– Со своим поругалась, – вспомнив разговор с Санни, ответила я.

– А что так?

Я вкратце объяснила, что случилось, а заодно и про Брука:

– Послушай, я не знаю, нравится он тебе или нет, но мужик он потрясный. Да ты и сама знаешь. Это не малолетка, с опилками вместо мозгов. За него я ручаюсь. Но решать, конечно, тебе. Он тебе вообще как, нравится? – мне почему-то очень хотелось, чтобы она ответила «да».

– Ну, вообще-то, да. Только я всегда думала, что ему нравишься ты, – пробормотала Рита растерянно.

Я рассмеялась по той же причине, что и часом ранее в ресторане:

– Я тоже так думала! А оказалось, что зря. На самом деле он запал на тебя.

– Так ты не против!? Он же твой «костюмер»?

– Рита, ну что за глупости! Раз ему нравишься ты, а он нравится тебе, с какого перепугу я-то буду против?

– А он сегодня придет? – спросила она тихо.

– А как же, конечно!

Я рассказала Рите еще немного о Бруке и пошла к Светке. Настала моя очередь жаловаться на паршивую жизнь и проблемы в личной жизни. Я рассказала ей о нашей ссоре и с нетерпением стала ждать: придет Санни или нет.

Пришел.

– Послушай, я не прав был. Просто мне неприятно стало, что ты собралась к кому-то там на свидание. Прости, я не хотел тебя обидеть, – произнес он, покаянно.

Я, естественно, тут же его простила и рассказала об этом самом «свидании». Не могу сказать, что новость о том, что меня попросили побыть «сводницей», его не обрадовала.

На этом инцидент был исчерпан.

– Так что, мы все еще женимся? – уточнил он, улыбаясь.

– Конечно, – ответила я. Мне очень хотелось его обнять, но надо было держать себя в «рамках».

– Тогда я пошел. А то я уже на работу опаздываю, – сказал он, прощаясь.

Я подсела к Светке, довольно улыбаясь:

– Я так понимаю, вы помирились?

– Ага!

– Ну и хорошо. Ты, кстати, запиши мой телефон в Хабаровске. И только попробуй не позвонить! – пригрозила она пальцем.

Я ее обняла и пообещала, что позвоню непременно.

– Я по тебе буду очень скучать, – сказала я.

– Я по тебе тоже!

Вскоре пришел Брук. Сперва подсела к нему я, чтобы не объясняться лишний раз с «мамами» да «мадамихами», а потом позвала Риту. Брук покупал нам обеим соки, и мы разговаривали. Затем пришли какие-то незнакомые американцы, и я пересела к ним.

Поглядывая на новоиспеченную парочку со стороны, я радовалась, что они быстро нашли общий язык. Рита английский знала еще плохо, так что они часто прибегали к помощи словаря. Тем не менее, было видно, что друг с другом им интересно.

Ира, вторая узбечка, работавшая у нас, тоже, казалось, нашла себе кавалера. Звали его Брайаном. Парень он был молодой, но интересный.

Кстати, это он научил меня, как резать овощи так, чтобы не поранить и руки. Сам он одно время был поваром, и толк в этом знал.

С непривычки я несколько раз сняла-таки ножом тонкий слой ногтя, но, приспособившись, пользуюсь его методом до сих пор и

пальцы больше не режу.

Настал день отъезда Светы. Прощались мы долго и тщательно, с литрами слез и соплей. Напоследок мы клятвенно пообещали друг другу не теряться и регулярно созваниваться.

Мы еще долго стояли на улице, глядя вслед уезжающей на микроавтобусе мистера Ли подруге и утирая слезы. Потом поплелись в дом:

– Эх, Инка, кто же теперь тебя с уборкой гонять-то будет? – протянула я задумчиво.

– А че меня гонять?! Я тут и не живу уже сто лет как. Я теперь с Джереми, – фыркнула она в ответ.

– Хоть это радует. А то от «фашиста» твоего ну аж воротило! Это ж надо было придумать – пятьдесят долларов в месяц он получает! Дурдом, да и только. «Деревня», что еще тут скажешь! И как ты ему верила только? А Джереми парень хороший. Держись за него! – дала я наказ, грозя кулаком для убедительности.

– Ладно, ладно! Одна мамка уехала, так тут же другая появилась. Иди к своему Санни! – рассмеялась она.

Через два дня наступил день рождения Санни. Было семнадцатое августа, и ему исполнялся тридцать один. Мне тогда было двадцать.

Он позвал кучу народа. Пришли и Танька с Мирандой из «Ориенталя».

Мы с девчонками наготовили шашлыков, «Оливье», фаршированный перец и еще кучу всего вкусненького.

Вскоре мы проводили и Паприку: опять слезы, сопли, обмен телефонами, ну и так далее. Сложно объяснить, как крепко мы сдружились. Прожив несколько месяцев бок о бок, волей-неволей становишься близок с людьми. Нам к тому же повезло, что все девчонки из нашего клуба оказались простыми в общении, незлобивыми, веселыми и независтливыми. Далеко не всем так везло. Глядя на «Идеальную» и отношения между девочками в их клубе, я радовалась за «Стерео» и нашу сплоченность. Мы всегда друг друга поддерживали, выручали и прикрывали, когда было нужно.

Наступил сентябрь. Жара начала понемногу спадать, но из-за высокой влажности тело по-прежнему все время казалось липким и грязным. Душ спасал лишь на пару часов.

Санни уже прекратил работу, и готовил документы к отъезду. Их переезд с базы на базу всегда сопровождается кучей бумажной работы. Несколько часов в день он проводил на базе, занимаясь ею, остальное же время мы проводили вдвоем.

Глава 9

Однажды вечером, как обычно, мой бойфренд вместе с Чарли зашел в «Стерео» на часок.

Мы сидели, весело болтая, когда в клуб неожиданно ворвался американский патруль. Их основная работа заключалась в обходах клубов для поддержания порядка. Обычно они разнимали дерущихся американцев, что случалось нечасто, следили, чтобы не было потасовок с местными жителями, ну и так далее. Но на сей раз, кажется, явно случилось нечто, посерьезнее драки, – вид у них был крайне озабоченный. Они подбежали к нашему столику, отрывисто что-то сказали Санни с Чарли, после чего наши ребята подхватились и молча направились на выход. Помимо них в клубе было еще двое американцев: их тоже забрали. Я расслышала лишь что-то, похожее на: «Срочно покинуть таун и вернуться на базу!». Никаких других подробностей я не знала.

Я тут же стала звонить Санни, но он на звонки не отвечал. Неизвестность давила и мешала сосредоточиться на работе. Наконец, «мама» объявила, что на сегодня мы все свободны.

Как только я вышла из «Стерео», позвонил Санни:

– Я пока не знаю, что точно случилось, но у нас угроза начала войны, – произнес он тревожно.

Я обмерла. Что за бред?!

– Какая война?! С кем? – шокировано прокричала я.

– Этого мы пока не знаем. Нам только объявили, что база должна быть в полной боевой готовности, а что конкретно случилось, они пока и сами не знают.

Руки у меня похолодели, я облокотилась о стену:

– То есть, как? Вообще ничего!? Ни с того, ни с сего, вам кто-то объявил войну? – я по-прежнему не могла поверить собственным ушам.

– Ну, вроде бы кто-то бомбит Америку. Я не могу дозвониться домой: все линии заняты. Может скоро в новостях что-то скажут, а пока нас переводят на предвоенный режим. Я, как только что-то узнаю, сразу тебе позвоню, – добавил он.

– Хорошо. Надеюсь, с твоими все в порядке.

– Я тоже надеюсь. Я тебя люблю. Пока.

– Я тебя тоже. Пока, – я устало опустила руку с зажатой в ней трубкой. От напряжения костяшки пальцев побелели и начали болеть.

Девчонки стояли возле меня с тревожными лицами:

– Катя, что у них там случилось? – спрашивали они

наперебой.

– Угроза войны, – кое-как выдавила я из себя.

На какое-то время воцарилось молчание. Когда до них постепенно дошел смысл сказанного, посыпались новые вопросы: «как?», «с кем?», «почему?»…

Я передала разговор с Санни и вспомнила, что в ближайшем ресторане есть телевизор.

Мы вбежали туда и замерли: на экране шла видеозапись врезающегося в международный торговый центр самолета.

Сюжет повторяли снова и снова. Новости шли на корейском, но и без перевода смысл происходящего был ясен. В Корее было двенадцатое сентября две тысячи первого года. В Америке – одиннадцатое. Утро.

Мы сели за столик и молча смотрели на экран телевизора, не отрываясь. По щекам катились слезы. Было страшно представить, сколько там будет пострадавших, ибо было очевидно: достаточно, чтобы потрясти весь мир.

У меня зазвонил телефон. В трубке послышался голос мамы:

– Алло! Катя, ты новости смотришь? – спросила она, плача.

– Да. Мама, что это? Что у них там случилось?

– Теракт. Один самолет врезался в один небоскреб, второй – в соседний. Там людей эвакуировать не могут. Скорее всего, много погибших будет.

– Боже, какой ужас! И кто это устроил? – спросила я.

– Пока не знают. Вы там как?

– Да мы-то что, – я же не в Америке. А американцев всех на базу согнали, переводят в боевую готовность. Похоже, к войне готовятся… Надеюсь, что не с нами.

– Понятно. Но я уверена, что мы тут не при чем. Ну ладно, если будут новости – звони.

– Хорошо. Пока.

Мы с девчонками купили соджу, чтобы хоть как-то унять дрожь в руках.

Сидели мы там очень долго. Корейцы тоже не отходили от телевизора ни на шаг. Думаю, что такая трагедия никого не могла оставить равнодушным.

Неожиданно в ресторан вошла одна из кореянок, работавших с нами в «Стерео». Она была в компании пары каких-то молодых корейцев:

– Девочки, пойдемте, покушаем. Тут недалеко ресторанчик есть, они работают круглосуточно. Эти – все равно скоро закроются, – предложила она.

Есть, по правде говоря, не хотелось, но и занять себя было совершенно нечем. О том же, чтобы идти домой спать, речи даже

было, так что мы подумали-подумали и решили пойти в ресторан.

Корейцы настояли на пиве, и мы сидели, уткнувшись в телевизор и сжимая ладонями кружки.

Когда на экране в очередной раз показали столкновение самолета с торговым центром, парни неожиданно зааплодировали.

Мы не поверили своим глазам и ушам:

– Они что, рады? – очумело спросила Рита.

– Ну да, мы здесь не очень-то любим американцев: понаставили своих военных баз и чувствуют себя, как дома, – объяснила кореянка поведение друзей.

– Но ТАМ гибнут обычные люди! Не военные, а простые ЛЮДИ!!! – крикнула Ира. У меня же просто не было слов.

Мы дружно встали и, не прощаясь, вышли на улицу.

– Это что же за твари за такие!? Как они могут этому радоваться!? – возмущалась Ира.

Девчонкам ужасы терактов, ночных обстрелов и прочего были знакомы не понаслышке. Когда-то они жили почти на границе с Афганистаном и атаки талибов были для них обыденностью.

Вспоминая те тяжелые времена, они становились серьезными и мрачными:

– Талибы – это не люди. Ничего человеческого в них нет. Религия – лишь прикрытие, чтобы нападать на честных людей и отбирать последнее. Никто из них не работает, и своими руками ничего в этой жизни не сделал… А зачем им пахать на заводе, если все можно отобрать силой, убив того, кто безоружен?! Да если бы кто-нибудь смел их к чертовой матери с лица Земли – все бы только вздохнули свободно! – убеждали они нас разгорячено.

И я их понимала.

Как можно религией или какой-то другой «великой» идеей оправдывать убийства? Что мусульмане, что христиане – без разницы. Не может Бог быть Богом, если ради него происходит убийство человека – его же собственного величайшего творения.

Террористы – это вообще история отдельная. Кто там говорил: зуб за зуб, а око за око? Вот и правильно! С этими – только так и надо. По крайней мере, это – мое мнение.

Но это сейчас я об этом так рассуждаю, а в тот день буквально несколько часов спустя меня начали терзать мысли о том, что вдруг (ну, мало ли, – вдруг) с этими терактами как-то связана Россия… И что тогда? И как в таком случае будут развиваться отношения между моей огромной Родиной и Америкой.

Вы понимаете, к чему это я? Верно, – если отношения между двумя нашими государствами испортятся, то Санни я уже никогда

не увижу. Глупость, конечно, и я прекрасно знаю, что мы – русские – на ТАКОЕ были бы не способны, но в тот момент, когда всеобщая паника и ужас от произошедшего накрыли меня с головой, я совершенно не могла думать и рассуждать логически.

Поэтому уже через пару часов меня перестали волновать жертвы, самолеты и небоскребы. Единственное, что занимало мои мысли: как поведет себя в этой ситуации Россия, и не окажемся ли мы втянутыми в эту безумную битву.

Я пошла в Интернет-кафе (да-да, представьте себе, в нашей деревне было и такое заведение!), зашла на сайт новостей и нашла примерно следующее: «Президент России Владимир Владимирович Путин одним из первых предложил свою помощь, на что президент Соединенных Штатов ответил благодарностью».

Я облегченно вздохнула: Россия не имела к этому ужасу никакого отношения. Я понимаю, что мои страхи были напрасны: не такие мы монстры, чтобы небоскребы их направо и налево сметать, но мало ли… Отношения с Америкой у нас всегда были напряженными, хотя «холодная война» и кончилась еще в восьмидесятых.

Кстати, несмотря на все перемены, произошедшие с тех пор во всем мире, некоторые американцы до сих пор считают, что Россия – коммунистическая держава. Хотя, что с них, убогих, взять, если процент населения, не умеющего даже читать, у них существенно выше, чем у нас.

Еще одна вещь, которая немало удивила меня в свое время в американцах, это ограниченность их знаний. То есть они достаточно неплохо знают свою страну, но ничего не знают о других. Как мы в свое время знали только то, что «Америка – враг» и «мы придем к победе коммунизма», так и они знают лишь то, что «лучше Америки ничего нет» (а некоторые даже считают, что «за ее пределами, возможно, вообще ничего нет»).

Вы думаете только нам мозги промывали десятки лет? Нет! Им точно также десятилетиями вбивали в головы, что американская демократия – единственно правильная форма управления страной. Но мы-то, по крайней мере, изучали историю других стран, географию и так далее. От большинства же американцев бесполезно ожидать большего, чем знания столицы Мексики. Плохо это или хорошо – вряд ли кто-то достоверно знает, но… время покажет.

На следующий день позвонил Санни и сообщил, что его родственники в порядке. Его родители хотя и находились на тот момент в Нью-Йорке, но были в нескольких милях от места трагедии.

Вскоре был назван и человек, ответственный за этот

чудовищный теракт. Так имя Усамы Бен Ладена стало известно всем, даже детям.

Прошла неделя с того печального события. База по-прежнему находилась в полной боевой готовности и за ее пределы никого не выпускали.

Мы же продолжали ходить на работу каждый день. Для чего – непонятно, так как в клубы, естественно, никто не приходил. Даже корейцы как-то притихли, и по барам почти не шлялись.

Санни звонил по несколько раз в день, но увидеться нам так и не удавалось.

Приближался день его отъезда, и я боялась, что вообще его больше не увижу. Помимо всего прочего, все его вещи остались на нашей квартире, и мне было нужно хоть как-то исхитриться и передать их на базу.

В конце концов, с горем пополам он договорился, чтобы его выпустили за ворота, где я передала бы ему вещи, а он мне – документы.

С утра пораньше я собрала сумку и отправилась к главным воротам базы. Наконец, появился Санни. Мы обнялись.

– У меня всего пять минут. Здесь документы, которые могут тебе пригодиться: мое свидетельство о рождении, номер социальной страховки, свидетельство о разводе. Потом все просмотришь. Вот еще кредитная карточка: код доступа записан на бумажке в папке. Как нужны будут деньги – снимешь в любом банкомате. Вот еще телефон моих родителей: я какое-то время у них пробуду. Все, мне пора. Я тебя люблю.

– Я тебя тоже, – душа моя почти умирала от боли, но из последних сил я держалась, чтобы не расплакаться: не хотела, чтобы он запомнил меня ревущей. Мне было страшно представить, сколько еще пройдет времени, прежде чем мы увидимся снова.

Он подхватил сумку с вещами и ушел. Я заметила, что у него в глазах тоже стояли слезы.

Я оглянулась вокруг: все казалось чужим, мрачным, отталкивающим. Даже воздух был тяжелее обычного. Весь мир в тот момент стал мне противен и враждебен.

Все. Больше себя можно было не сдерживать, и плотину прорвало.

Я села в такси почти на ощупь, так как глаза застилали нескончаемые слезы. Водитель озабоченно поглядывал на меня, но ничего не спрашивал, за что ему – отдельное спасибо.

Придя в «клубный» дом, я села в кресло на кухне и закурила. Девчонки суетились рядом, гладя меня по голове и шепча что-то

ободрительное. Кто-то накапал валерьянки, я послушно проглотила.

За весь вечер на работе я не проронила ни слова, а ночью пошла на нашу с Санни квартиру, собрала вещи и вернулась к девчонкам.

Собирая вещи, я плакала, не переставая. Квартира, столь мною любимая, стала жестоким палачом, разящим в самое сердце. Каждым своим миллиметром она напоминала о последнем дне, когда я была здесь счастлива вместе с любимым. И я не могла себе даже представить, что останусь в ней одна еще хоть на одну ночь.

До отъезда Санни мы проводили на телефоне по четыре – пять часов в день. Около часу ночи, после работы, я шла к телефонной будке, а домой возвращалась тогда, когда солнце уже поднималось над горизонтом.

Наконец, он уехал.

Мы договорились, что еще через пару недель я тоже уеду домой, и уже там буду дожидаться получения визы невесты.

База по-прежнему была закрыта, когда к нам привезли еще шестерых русских девушек. Все они были довольно симпатичные, ухоженные и стройные (со стороны казалось, будто мы все из России приезжали какие-то оголодавшие, хотя реальная причина стройности была в другом: просто наши женщины с детства приучены «следить» и «ухаживать» за собой, и даже при отсутствии времени и средств на это, стараются не опускаться до «свиноподобного» состояния).

Поселили их почему-то с филиппиками. Не знаю, было ли это вызвано желанием «мамы» не допустить нашего более тесного общения с новенькими или еще чем, но мы этому были только рады: две спальни на четверых – самое то. Вдесятером нам там было бы, мягко говоря, тесновато.

Мы к ним с разговорами не лезли, а они ничего и не спрашивали. Единственное, о чем мы сочли нужным их предупредить, был «Ди Каприо». Все остальное они выяснили сами по себе.

Вышеупомянутый кореец пришел в «Стерео» буквально на следующий день после приезда новеньких. Он приходил каждый день, разговаривая с разными девушками, и, в конце концов, остановил свой выбор на Ритке – высокой блондинке с длинными роскошными волосами.

Рассказывая ей о нем, мы не особенно вдавались в подробности избиения Светки, просто сказали, что с этим типом надо быть настороже: руки он распускает.

Если бы мне в тот момент кто-нибудь сказал, что через пару лет я сама, добровольно, буду работать на эту сладкую парочку («Ди Каприо» и Ритку) – дала бы в глаз, не задумываясь. Однако, как я уже говорила, жизнь – штука странная. Почему – поймете чуть позже.

Мы по-прежнему перезванивались с Санни по несколько раз на день, проводя на телефоне немало часов. Меня очень радовало, что с его отъездом ничего в наших отношениях не изменилось и, хотя и прошла уже пара недель, я не замечала в его голосе никаких намеков на охлаждение чувств.

Я заранее предупредила «маму» о желании сходить в отпуск. Она была не против, так что я позвонила менеджеру и сообщила, что хочу съездить домой на месяц. Он уточнил, когда именно, и сказал, что сам купит мне билеты и отвезет в аэропорт. Лишних вопросов никто из них не задавал.

Настал день отъезда.

На сей раз, девчонки лили слезы по мне. И в отличие от всех предыдущих «проводов», они точно знали, что я уже не вернусь. Пришла попрощаться и Танька. С ней расставаться мне было особенно грустно.

Менеджер, как и обещал, забрал меня из тауна и повез в Сеул в «офис». По приезду он отдал мне билеты, взял за них деньги, а также пятьсот долларов «залога» до моего возвращения.

Я удивилась, увидев в помещении еще несколько русских девушек. Оказалось, что они там прожили уже две недели, ожидая появления работы. Им категорически запрещалось выходить ночью на улицу, но они каждый вечер ухитрялись какой-то шпилькой вскрывать замок и разбредались кто куда.

«Офис» был условно разделен на две половины: деловую и жилую. В жилой части стояло две кровати, шифоньер и пара полок для одежды. Была и ванная комната. Естественно, горячей воды не было. Я приняла холодный душ и осмотрелась: лежащие на кроватях одеяла и простыни были замызганы ужасно, их явно ни разу не стирали. Я твердо решила, что спать там не буду, и вместе с девчонками пойду бродить по городу.

Подождав, пока все сотрудники «офиса» разойдутся по домам, я тоже направилась на выход. Было около одиннадцати вечера и мне предстояло «убить» еще часов десять.

Я бродила по улицам Сеула, пытаясь найти круглосуточное Интернет-кафе. Часа через два таковое обнаружилось километрах в двух от «офиса». Я купила огромный стакан кофе, булочку и устроилась поудобнее. Сообщив маме и Санни, что со мной все в порядке, стала читать анекдоты. За этим занятием я провела часа четыре, хотя на смех уже не было ни сил, ни настроения.

Когда рассвело, я решила, что пора бы и подкрепиться.

К сожалению, первый ресторанчик открывался только в восемь, так что пришлось подождать еще немного. Там я заказала лапшу, которую поглощала тщательно и неторопливо, потратив на весь процесс не меньше часа, – спешить мне все равно было некуда.

Конечно, я ужасно устала и больше всего на свете хотела прислонить голову к чему-нибудь мягкому и горизонтально лежащему, но заставить себя сделать это в «офисе», где мне повсюду чудились вши, клопы и прочие ужасы антисанитарии, я не могла, поэтому и предпочитала находиться где угодно, но только не там.

Наконец, на часах пробило девять утра, и я побрела обратно.

Менеджер появился еще через час, подхватил мои чемоданы, и мы двинулись в аэропорт.

Несмотря на усталость, меня охватило чувство радостного возбуждения от предстоящей встречи с семьей, которую я не видела уже пять долгих месяцев, поэтому всю дорогу я мысленно подгоняла менеджера, вяло плетущегося по утренним пробкам.

Перелет показался мне непривычно коротким, так как уснула я еще до того, как самолет набрал высоту, а проснулась лишь от гомона и возни пассажиров, спешащих на выход.

Примерно за час я преодолела все препятствия – таможню, получение багажа и паспортный контроль – и наконец-то была свободна. На сей раз меня встречали всей семьей, так как о своем приезде я смогла предупредить их заранее.

– Есть хочу, спать хочу, в душ хочу горячий, а больше ничего не хочу, – перечислила я с усталой, но счастливой улыбкой.

– Все будет, обязательно! Я селедочку купила, картошку сварила, борщ: все как ты любишь! – смеясь, заверила меня мама.

Попав домой, я осуществила все три своих желания. Но сначала поговорила с Санни. Он знал, во сколько я прилетаю, и позвонил через полчаса после моего приезда домой:

– Как доехала? Все в порядке? И чего это ты по Сеулу ночью ходила?! А если бы кто напал! – засыпал он меня вопросами.

– Ну да, я сама на кого хочешь нападу! – успокоила я его, смеясь. – Все, спать хочу, устала ужасно.

– Конечно-конечно, не буду тебе мешать. Наслаждайся встречей с семьей, а я завтра утром еще позвоню. Родным привет передавай.

– Обязательно. Они тоже тебе привет передают. Ну, пока, до завтра, – попрощалась я.

Проходили дни, недели. Я занималась сбором документов,

необходимых для визы невесты.

Первый месяц я жила в постоянном страхе, что мой жених однажды не позвонит, что передумает или вообще найдет себе другую. Но Санни звонил мне по два – три раза в день, и, наконец, я перестала бояться.

Я встретилась со Светой и «Паприкой». Они были очень рады за меня и на протяжении целого вечера расспрашивали о событиях, случившихся после их отъезда. Я рассказывала о том, что произошло во время теракта, о нашем с Санни желании пожениться, о новых девчонках и вообще обо всем, о чем только смогла вспомнить.

Света в свою очередь сообщила, что встречается с русским парнем, но, тем не менее, все-таки решила еще раз съездить в Корею. Она очень хотела собрать деньги на собственное, отдельное жилье, чтобы наконец-то перестать жить с родителями. «Паприка» тоже хотела вернуться.

Однажды, спустя месяц со дня моего возвращения, к нам домой позвонил переводчик из фирмы. Он спросил, дома ли Катя. Я ответила, что Катя поехала в Москву, а там ее ограбили и украли паспорт, так что вернется она не скоро. Все. Больше они меня не беспокоили.

В декабре мы отправили документы в эмиграционную службу США.

Я не знала чем себя занять и устроилась на работу в магазин, находящийся в пятистах метрах от дома.

Каждый месяц я снимала с карточки Санни сумму, вполне достаточную для проживания, так что финансовой необходимости в работе у меня не было. В магазин я устроилась лишь для того, чтобы хоть как-то скоротать время, тянувшееся невероятно медленно. Каждый день я спрашивала у него, были ли какие-нибудь новости о визе, но их все не было и не было…

В феврале эмиграционная служба Америки дала-таки о себе знать, но радости это не принесло: оказалось, что мы не выслали моего свидетельства о рождении (скорее всего, этот документ Санни просто упустил из виду), поэтому они не смогли начать процесс оформления визы. Нам пришлось собирать все заново, только на сей раз в полном составе, включая и свидетельство о рождении.

Опять потянулись месяцы ожидания.

В мае из Кореи вернулась Танюшка, отработавшая весь год, как и полагалось по контракту. Радости моей не было предела! Мы встретились на следующий же день после ее приезда.

Рассказав о наших проблемах с визой и всем остальным, я

превратилась в «уши»:

– Рассказывай! – скомандовала я.

– Все-таки, Катька, дуры мы дурами, – начала она. – Зарекались ведь, что никому больше верить не будем, так – нет! Я теперь тоже бумажками буду заниматься, – мы с Джеком решили пожениться.

– Да ты что! Я так за вас рада! Поздравляю!

– Да пока не с чем. Вот как поженимся, тогда и будешь поздравлять. Сама знаешь, что там они одно говорят, а разлука – дело такое: никогда не знаешь, чем все закончится.

– Что верно, то верно. Ну, удачи нам обеим тогда.

Мы с Таней проводили все свободное время вместе: она жила в пяти минутах ходьбы от нашего дома и часто навещала меня даже на работе.

Таня с Джеком решили не «заморачиваться» с визой невесты, и расписаться в России. Жених собирался приехать в ноябре, и они начали заниматься сбором документов.

Через месяц, глядя на меня, и она решила, что время побежит быстрее, если заняться делом, и тоже устроилась в магазин.

В августе, когда о моей визе по-прежнему ничего не было известно, мы с Санни тоже решили расписаться в Хабаровске. Это означало, что мне дополнительно придется собирать новые документы, а потом заново подавать на визу, но теперь уже – визу жены.

У Санни в октябре намечался отпуск, и мы решили использовать его для приезда в Россию. Он прислал мне необходимые бумаги для подачи заявления на регистрацию брака, и, переведя их на русский язык, я отправилась в ЗАГС.

Прождав в очереди часа два, зашла в кабинет. Заявления принимала начальник ЗАГСа.

Почему-то везде, где мне приходилось сталкиваться с государственными служащими, ко мне относились очень предвзято: допускали плоские шуточки, подколки, придирались к любой мелочи… И я никак не могла понять, почему. Пока одна женщина, которая переводила мне документы, не дала объяснение сему феномену, показавшееся мне очень логичным. Она сказала: «А что тут удивительного? Вот ты отмучаешься сейчас со всеми бумажками, выйдешь замуж, укатишь в свою Америку и заживешь красиво. А они тут останутся. Чаще всего: без мужа, или с мужем, но не таким, какого хотелось бы, в маленькой квартирке с мамой и бабушкой, с кучей проблем и зарплатой в три копейки… Вот они на тебе и отыгрываются!»

Скажете, подобная версия лишена здравого смысла? А я думаю – нет, не лишена.

В общем, выслушала я от нее очередную пространную речь, на сей раз про то, что: «Повыискивают себе иностранцев, замуж за них повыходят, а потом назад возвращаются – разводиться… Как будто в России своих мужиков не хватает?!», заставила себя сдержаться и промолчать в ответ, чтобы у меня хотя бы заявление приняли, узнала дату регистрации и убежала.

Уже по дороге я размышляла: «Это у нас-то мужчин хватает?! Да у нас соотношение нормальных мужиков, которые не являлись бы наркоманами, алкоголиками или хроническими безработными, к нормальным женщинам: один к семи! Это ж даже представить себе страшно!… И с чего бы это мне с ним разводиться? Я замуж выхожу за любимого человека, и прожить с ним в любви и согласии собираюсь всю оставшуюся жизнь. Все-таки странные какие-то у начальника ЗАГСа „напутствия“ невесте перед свадьбой».

Несмотря ни на что, домой я летела, как на крыльях! Регистрацию назначили на первое ноября, а значит через месяц – полтора приедет Санни. Ура!!!

Вернувшись домой, я тут же позвонила будущему мужу:

– Я все сделала. Назначили на первое ноября, так что делай визу и приезжай скорее!

– Здорово! Значит, через месяц я приеду. А ты как, в настоящем свадебном платье будешь?! – оживился он.

– Ну конечно! Я уже и рисунок набросала. Сегодня же этим займусь: найду портниху, куплю ткань и так далее.

– Отлично, я рад! Ну, все, тогда я отправляю паспорт для визы. По идее, через две недели все будет готово.

Мы обсудили, что еще нужно будет сделать до его приезда и попрощались.

Я тут же побежала в «Союзпечать» и купила газету с объявлениями. Обзвонив несколько портних, выбрала ту, которая хотя бы по телефону показалась мне наиболее квалифицированной и договорилась с ней о встрече.

За приготовлениями к свадьбе дни полетели быстро.

Наконец, настал день приезда моего жениха. Прошло больше года со дня нашей последней встречи, и я очень волновалась. Я и в аэропорт приехала аж на целых два часа раньше, – кое-как дождалась, когда из дверей стали выходить первые пассажиры.

Вскоре появился и Санни:

– Ну, наконец-то! Боже мой, как я рада! – мы замерли в крепких объятиях друг друга, и стояли так, пока поток напирающих сзади людей не смел-таки нас со своего пути.

Оля, одна из моих лучших подруг, которую я знала еще со школы, бесплатно предоставила нам свою квартиру (она давно

жила у мужа, а ее квартира все это время пустовала), где нашей с Санни «приватности» ничего не должно было помешать. И не заезжая ко мне домой, мы сразу поехали на эту квартиру.

Я отправилась на кухню разогревать обед, а когда вышла, то увидела Санни, стоящего на одном колене и протягивающего мне маленькую бархатную коробочку:

– Ты выйдешь за меня замуж? – спросил он, глядя на меня глазами, полными любви и обожания.

– Ну конечно! – ответила я и поцеловала его.

Он вынул колечко из белого золота с бриллиантом и двумя сапфирами по краям и одел мне на безымянный палец левой руки.

Не удивляйтесь, женатые американцы носят обручальные кольца именно на левой руке. Этот «пунктик» мы оговорили заранее, и я не возражала.

Часами я любовалась на этот подарок, и никак не могла налюбоваться.

Ни разу до этого я не получала подобного великолепия!

Единственное ювелирное украшение (простенькое такое колечко без каких-либо драгоценных каменьев), которое у меня было, досталось мне от мамы на восемнадцатилетие.

Мама уже несколько дней хлопотала на кухне, сооружая праздничный стол, достойный приема правительственных делегаций. Так что на следующий день мы приехали к моим родным так сказать для «официального знакомства».

Мне пришлось поработать переводчиком, так как русский язык Санни знал очень плохо, а мама совсем не знала английского, кроме разве что нескольких фраз из школьного курса.

В целом все прошло замечательно, и будущий зять маме понравился. Моя семья тоже вроде бы не вызвала у него отрицательных эмоций.

Оставшиеся до свадьбы дни мы занимались приготовлениями к ней, а также ходили по музеям, знакомились с нашей культурой, ну и так далее.

Однажды мы решили зайти перекусить в ресторан, где каждый вечер играла живая музыка. Мы заказали какую-то еду и наслаждались приятными, спокойными песнями на русском и на английском.

Кроме нас в ресторане был всего один человек. Вскоре официантка принесла рюмку водки и поставила ее перед Санни, сообщив, что это – «американскому гостю». Так сказать – подарок от того самого, единственного кроме нас посетителя. Санни жестом поблагодарил мужчину и выпил. Через минуту принесли

еще две рюмки: на сей раз для нас обоих, но уже «от заведения». А еще через минуту нас пригласили за стол, где устроились музыканты и еще несколько работников ресторана. Так через полчаса мы распивали водку уже всем рестораном. Других посетителей в тот вечер не наблюдалось, так что сотрудники могли позволить себе немного «расслабиться».

Оказалось, что и первый мужчина, заказавший нам выпивку, был не совсем клиентом, а братом одного из музыкантов (то есть фактически – «своим»). Он был экс «кэгэбэшником», которому очень захотелось пообщаться с представителем «противной стороны».

Санни был до безумия рад знакомству с сотрудником (пусть даже «экс») могущественной «Кей Джи Би»! Еще бы, ведь это же такая редкая возможность пообщаться с бывшим врагом!

Разговор получился интересным: мы вместе смеялись над общими предрассудками прошлого, жизнью в Советском Союзе и страхом Америки перед таким «мощным» врагом.

Выпили мы так много, что на следующий день просыпались долго и с дикой головной болью.

– Ну, зато теперь ты знаешь, как пьют русские.

– Ужас! Лучше бы не знал. Мы же бутылки три выпили! Это по полбутылки на человека получается – почти смертельная доза, – ужасался он, жадно поглощая спасительную минералку.

– Не, это мы еще так, скромненько, бывает и больше – смеясь и охая от боли, «обрадовала» я.

К вечеру мы, наконец, отошли от тяжкого похмелья и решили прогуляться по городу. Такси мы принципиально не пользовались, так как не хотели тратить деньги на всякую ерунду, предпочитая уделить больше внимания всевозможным развлечениям.

Конечно, для моего жениха передвижение на нашем общественном транспорте тоже было своеобразным развлечением – эдаким неповторимым «русским экстримом». Ну да, вы только представьте себе эту картинку: битком набитый автобус в час пик: тетки с авоськами, подвыпившая молодежь, все толкаются, переругиваются с матерком…, и тут – мы! Я объяснила, что если ты хочешь все-таки выйти на нужной остановке, то нужно активнее работать локтями. Сами знаете, далеко не на всех из нас вежливо сказанное «пожалуйста, дайте пройти» действует так, как хотелось бы. Но благовоспитанный Санни, как ни старался, не смог заставить себя идти напролом. Так что «пробивателем пути» пришлось поработать мне.

Как-то раз после этого случая мы еще раз пошли в ресторан, прихватив с собой моего брата. Должна сказать, что первое время

Сергей с Санни никак не могли понять друг друга, хотя английский мой брат все-таки немного, но знал. Однако, выпив граммов по сто, они явили миру чудо: мой брат начал понимать Санни с полуслова, а Санни стал понимать моего брата, даже когда тот говорил исключительно по-русски! Все-таки, наша водка – великая вещь! Она стирает языковые барьеры.

Вообще, в тот месяц мы выпили много: то с родственниками, то с одними знакомыми, то с другими… И если бы Санни остался там дольше, то и его, и мое здоровье было бы подорвано окончательно.

Прошел почти месяц и до свадьбы остался всего один день.

Мы решили, что ночевать я буду у себя дома, с мамой. Туда же утром должна была прийти и девушка – парикмахер. Сергея решили оставить с Санни, чтобы утром тот без проблем смог найти дорогу ко мне.

Я встала, когда на улице было еще темно, проспав от силы несколько часов. Волновалась безумно: «А вдруг не приедет, – передумает? Или случится что?»

Я выглянула в окно и ужаснулась: еще вчера на улицах не было ни снежинки, а за ночь намело сантиметров десять, и снег все не прекращался!

У меня к платью были лишь легкие летние туфельки, но – делать нечего.

Приняв душ и накрасившись, села ждать парикмахера. Прошел уже час, как она должна была появиться, но ее все не было. Я буквально не отходила от окна, «карауля» ее.

– Катя, да не волнуйся ты так! Придет она, куда денется, – успокаивала мама.

– А если автобусы не ходят?

– Возьмет такси.

– А вдруг такси застрянет?

– Возьмет другое… Да перестань же ты, наконец!

Через полчаса она все-таки появилась. Я спокойно вздохнула.

Девушка «колдовала» надо мной очень долго. Прическу, как и фасон платья, я тоже придумала сама, о чем, собственно, вскоре и пожалела. На заплетание множества косичек, вплетение в них искусственных цветочков и лакирование того, что получилось, ушло часа три. Спина моя разболелась, попа «ныла», постоянно хотелось то почесаться, то попить, то еще что-нибудь…

Но зато когда она, наконец, закончила, я осталась довольна результатом.

– Ой, краса-а-авица! – умилялась мама. – Ну вот, а ты переживала!

– Ладно тебе, как я могу не переживать в день собственной свадьбы!? – возмутилась я.

Вскоре после парикмахера пришли и мои подруги: Таня, моя бывшая одноклассница – Оля, и Лена, которую я тоже знала со школы (это она впоследствии уедет в Японию).

Подруги вызвались помочь в оформлении машин, и у них это получилось очень даже неплохо.

Они прикрепили ленты, цветы и шарики к легковушкам и стояли в сторонке, удовлетворенно оглядывая собственную работу:

– Спасибо! И что бы я без вас делала?! – благодарила я.

– Да не за что! Потом ты на моей свадьбе будешь ленточки крепить, – ответила Таня со смехом.

Их с Джеком бракосочетание было запланировано двумя неделями позже. Танин жених приехал всего пару дней назад, и сегодня я впервые увидела его с тех пор, как познакомилась с ним в Корее. Надо же, я уже успела подзабыть, какой он огромный, особенно по сравнению с миниатюрной Танюшкой! Вместе они смотрелись очень мило и одновременно – забавно.

За час до отъезда в ЗАГС приехали Сергей с Санни. Оба выглядели очень элегантно и празднично: Санни – во фраке с бабочкой, а брат – в светлом костюме и галстуке.

Я, одетая в шикарное кремовое платье, белый полушубок и перчатки до локтей, вышла в коридор.

Глаза Санни сияли от счастья:

– Ты такая красивая! – восхищенно прошептал он, и слегка прикоснулся губами к щеке, боясь испортить мой макияж и помять платье.

– Ты тоже отлично выглядишь. Как ночь прошла? – спросила я.

– Он меня на пол выгнал! – пожаловался Сергей. – Сказал, что не может спать на одном диване с мужиком. Мы накидали на пол диванных подушек, а они все время из-под меня выскальзывали.

– И правильно, нечего было такую задницу отращивать! – «поддела» я его привычно. Еще несколько лет назад мой братишка был довольно полноват, но с возрастом лишний вес перешел в рост, а «подкалывала» я его, как и прежде, но сейчас – уже скорее по привычке. Он каждый раз психовал и обижался, но делал это так забавно, что сдержаться я не могла, и делала это снова и снова.

Санни подтвердил, что действительно выгнал Сергея на пол, так как храпел тот – несносно. И тоже в свою очередь пожаловался:

– Твой брат никак не мог заставить себя проголосовать, чтобы

такси взять. Мы минут десять простояли, потом я уже сам руку поднял и остановил машину. Только тогда он из себя выдавил, куда ехать надо.

– Ну, я стеснялся… Я же никогда раньше «тачку» не ловил! – оправдывался брат.

Я над ними посмеялась и махнула рукой: как дети, ей Богу!

Все было готово, и мы расселись по машинам. В своем платье с пышной юбкой я занимала все заднее сиденье, так что жениху пришлось сесть не рядом, а впереди.

Прибыв к ЗАГСу, все «выгрузились» и пошли внутрь, где уже собрались остальные гости: всего приглашенных было человек пятнадцать.

Первыми в зал, где проводились церемонии, вошли гости. Они расселись по стоявшим там стульям, потом заиграл марш Мендельсона, и мы с Санни (и переводчицей, которая тут же материализовалась рядом с нами откуда-то прямо из воздуха) медленно «поплыли» к центру комнаты.

– Дорогие молодожены! Сегодня у вас особенный день, который вы запомните на всю свою жизнь, – торжественно проговорила женщина, ведущая церемонию. Переводчица, стоящая рядом с нами, повторяла то же самое по-английски – для Санни.

– Ада Александровна Миронова, согласны ли вы взять в мужья Санни Томас Льюис?

– Да, – ответила я четко и громко.

– Санни Томас Льюис, согласны ли вы взять в жены Аду Александровну Миронову?

– Да – по-русски, важно и громко произнес он. Некоторые гости захихикали. Санни заранее предупредили, что все, что будут говорить во время церемонии, ему переведут на английский, но единственное слово, которое ему потребуется сказать самому, он обязательно должен будет произнести по-русски. Иначе нас не распишут (это пошутил так над ним кто-то). Поэтому он это слово выучил и повторил накануне раз двести, доведя всех до белого каления.

– В знак создания новой семьи вы можете обменяться кольцами. Объявляю вас мужем и женой. Жених может поцеловать невесту.

Мы надели друг другу кольца и поцеловались.

В заключение сотрудница ЗАГСа произнесла:

– Вот и образовалась новая, интернациональная семья! – все дружно рассмеялись. – Будьте счастливы! Любите и берегите друг друга! Гости новобрачных могут поздравить молодоженов.

Все ринулись нас целовать, обнимать… Многие, включая

маму и брата, плакали. Не удержалась от слез и я.

Далее планировалось совершить экскурсию по городу с целью сделать кучу фотографий «на память». Мы ездили от одной площади к другой, позировали возле храма, на городских прудах и даже у замерзших фонтанов.

Продрогли, конечно же, до костей, но продолжали улыбаться и стойко переносить экстремальные погодные условия. Согревали нас только два факта: мы наконец-то поженились и были абсолютно счастливы! А на фотографиях крупные хлопья идущего снега должны были смотреться очень даже неплохо, так что по большому счету он был даже кстати.

По возвращению в мамину квартиру, нас сразу же переодели в трико и кофты, налили горячего чаю и сделали бутерброды:

– Замерзли, небось, словно суслики, – суетилась мама, пытаясь надеть на нас еще что-нибудь потеплее.

– Не, ноги только замерзли, а так – все нормально, – ответила я.

Обувь-то у обоих была легкая, почти летняя.

– Так конечно! Отогревайтесь давайте, еще не хватало, чтобы простыли, – причитала она.

До начала банкета у нас в запасе оставалось еще три часа. Оля, Лена и Таня также пообещали прийти пораньше, чтобы украсить отдельный зал ресторана, который мы предварительно забронировали, чтобы нам не мешали случайные посетители.

К пяти вечера мы все опять собрались и пошли в ресторан. Девчонки уже развесили плакаты, шарики и бумажные сердечки. Все выглядело очень празднично и нарядно. Банкет прошел замечательно.

За этот долгий и насыщенный день мы с Санни так сильно устали, что уехали немного раньше, оставив друзей и родственников праздновать без нас.

– Даже не верится, что мы женаты, – сказала я мужу, улыбаясь, устало и счастливо одновременно.

– Да, столько этого ждали, да еще и в разлуке…, – согласился он.

– Так жаль, что ты послезавтра уезжаешь. Ты не представляешь, как я буду скучать! – я не могла скрыть накатившую грусть.

– Я понимаю, но это ненадолго, – пообещал муж.

Оставшиеся два дня пролетели стремительно быстро. Мое настроение все это время устраивало какие-то «американские горки»: то нападала тоска от предстоящей разлуки, то радость от того, что сейчас мы наконец-то вместе и женаты.

Мы с Санни договорились не думать и не говорить вслух о

том, что нам снова предстоят долгие месяцы разлуки. Не знаю, как он, но я не думать об этом просто не могла.

В день его отъезда в аэропорт приехали мама с братом, а также несколько моих подруг. Он всем очень понравился и они захотели с ним попрощаться. Ну а заодно и меня поддержать.

Я старалась сдерживаться, не плакать, но от этого мое лицо казалось всем каменным.

– Эй, ты в порядке? – участливо поинтересовалась Танюшка. – Что-то выглядишь ты неважно.

– Тань, ну как я могу быть в порядке!? Ты сейчас лучше ничего не спрашивай, ладно? А то меня точно «прорвет», – ответила я тихо. – Я не хочу, чтобы Санни сейчас видел меня в слезах. Ему и так тяжело, пойми.

Муж мой тоже сидел подавленный, хотя и старался изо всех сил улыбаться и хоть как-то меня развлечь:

– Все будет хорошо. Теперь, я думаю, с визой быстрее пойдет, ведь мы уже официально женаты.

– Да, наверное, но все равно все с начала придется собирать: свидетельства, переводы, пересылки…

– Ну и что! Зато теперь уже наверняка визу дадут, – убеждал меня он.

– Да, пожалуй.

Мы долго прощались, пока не объявили об окончании регистрации. Я проводила Санни взглядом и тут же пошла прочь из аэропорта. За мной следом шли подруги и близкие.

Выйдя на улицу, я дала волю слезам. Все тут же кинулись меня утешать:

– Катюш, ну перестань, а! Нет, ну чего ты? Вы ж увидитесь скоро!

– Вы не представляете, как это тяжело… Мы целый год не виделись. ГОД!!! И сейчас – опять двадцать пять! И неизвестно, сколько еще времени пройдет, прежде чем мы снова увидимся…

Никто не знал, что на это ответить. Меня просто приобняли за плечи и повели в сторону остановки.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава 1

Приближался Новый Год.

Я спешила на работу, на ходу подтыкая варежки поглубже в рукава и натягивая шапку чуть ли не на нос. Ветер дул так, будто не он меня гнал, а его кто-то.

Подстать погоде, в моей голове вихрем носились мысли: «Так, свидетельство о браке уже у Санни… И чего он тянет, не подает на визу? Уже неделя прошла, как все документы были собраны… Ах, ну да! Он же решил адвоката нанять, чтобы тот все точно проверил и убедился, что придраться больше не к чему. А то не дай Бог, как с визой невесты получится: несколько месяцев у них ушло на то, чтобы обнаружить, что свидетельства о рождении не хватает!… Все-таки на всякие бумажки у них тоже уйма времени уходит. Их бюрократы – почище наших будут!… Боже, когда же я снова его увижу? Как мне надоел уже этот невидимый „пояс верности“!… Новый Год скоро. Чего бы такого необычного приготовить?».

Я вбежала в магазин, переоделась в раздевалке и стала готовиться к работе. Прикрепила к кофточке бэйдж с новым именем «Ада Льюис», улыбнулась самой себе и принялась расставлять открытки. Я по-прежнему работала на канцтоварах. Уставала ужасно, но мне нравилось: меньше времени оставалось на всякие невеселые мысли.

Перед праздниками народу в магазине было много: сотрудники покупали подарки своим боссам, жены – мужьям, девушки – парням, парни – девушкам… Все вокруг дышало близостью праздника!

За потоком покупателей я даже не заметила, как подошла Таня:

– Дэвушка, а дэвушка! Почем у вас апэлсыны? – прогнусавила она.

Я подняла голову, собираясь ответить: «Это в продуктовом отделе», – когда поняла, что, закрутившись, не заметила давно стоящей рядом с прилавком подруги.

– Тьфу на тебя! Тут у меня недавно спрашивали, почем помидоры. Я думала, может мужик про семена спрашивает – вон, прямо напротив их продают, – а ему, оказывается, обычные надо было. Ну, я и испугалась, что опять какой-то идиот решил в хозяйственном апельсины поискать.

– Ясно. По-моему, ты перетрудилась, – поставила «диагноз» Танька. – Хотя, я тебя прекрасно понимаю. Мне тоже недавно одна мадам попыталась помаду вернуть. Попользовалась неделю,

а потом вдруг решила, что ей цвет этот не подходит…, – продолжила развивать покупательскую тему подружка.

– Ой, я тебя умоляю – даже не начинай, а то я сама сейчас «заведусь»! Каких только придурков на свете не бывает!? Как моя мама говорит: «Пьяный – проспится, дурак – никогда!».

– Ага, – быстро согласились со мной. – Слушай, я чего пришла-то, – надо хоть собраться, Новый Год как-то отметить, – объяснила Танька свое появление.

– Так давай! Сама знаешь, я никогда не против, – радостно закивала я.

«Собраться» решили у меня дома. Я позвонила своим подружкам – Лене и Оле, и они полностью поддержали нашу инициативу.

С Леной мы дружили уже несколько лет. После окончания техникума она помаялась-помаялась с поисками работы, ничего толкового не нашла и уехала работать в Корею. Многие девчонки, работая в клубах, не утруждали себя изучением местного алфавита и грамматики, – им хватало и «разговорного» языка. Ленка же за полгода научилась читать, писать и вполне сносно изъясняться на корейском. Менеджеры устроили ее в хороший «корейский» клуб, покинуть который она решилась только ради предложения поработать в Японии. Как раз в январе она и должна была ехать в «страну восходящего Солнца» в первый раз, а пока – находилась в Хабаровске.

С Ольгой мы подружились гораздо раньше, примерно в девятом классе. Сейчас она училась на психолога и жила в гражданском браке с мужчиной, отцом ее маленького сынишки. Мы с ней всегда были очень близки, но в последнее время встречались крайне редко, так как с маленьким ребенком по гостям особо не находишься. Вот и сейчас она смогла вырваться к нам буквально на пару часов.

Я наготовила салатов и горячего, накрыла стол и стала ждать гостей.

Первой пришла Ольга и как всегда с кучей пакетов.

– И что ты опять притащила?

– Да вот – селедки захотелось. Ты же знаешь, я не могу в гости с пустыми руками ходить. Ну, и фруктов немного захватила.

– Не нужно было, – у меня яблоки есть, – смутилась я.

– Ага. Дешевые, китайские? Которые с пестицидами? Нет уж – не надо! Я нормальных принесла.

– А что плохого в пестицидах?! Как будто воздух, которым ты дышишь чище утренней росы!

Мы смеялись по поводу всего того, чем еще «травят» нас

китайские соседи, когда пришла Таня.

– О, еще одна с пакетами! А ты чего там несешь? Мы же не съедим столько!

– А это и не надо есть. Там только сок и водка, – она, довольная, улыбалась.

– Тогда ладно, – разрешили мы.

Лена тоже пришла не с пустыми руками: принесла «Мартини» и немного квашеной капусты, которую ее мама делала просто изумительно.

Ольга совсем не пила, так как вскоре ей предстояло бежать домой, к ребенку. Но поддерживать разговор трезвость ей никогда не мешала:

– Что у вас там с документами? – обратилась она к нам с Таней.

– Вот-вот отправим на визу, – отчиталась я за обеих, так как разница между моей и Таниной свадьбой была незначительная и документы мы делали одновременно. – Расскажи лучше как твой сынулька.

– Нормально. Ест за десятерых, растет на глазах. Волосатый родился – ужас! На голове хоть косички заплетай, – смеялась Оля. Воспоминание о сыне всегда вызывало счастливую улыбку у молодой мамаши, которая еще год назад громче всех кричала, что уж она-то детей рожать не собирается: «Не в этой жизни!».

Мы болтали, вспоминали школьные времена, Корею…, но Ольге уже пора было уходить.

– Хорошо с вами, но ребенок ждет. Еще как-нибудь увидимся, – попрощалась она и расцеловала нас в щечки.

– Лен, а ты чего молчишь весь вечер? – спросила я у подруги, отчего-то грустившей.

– Да думаю… Волнуюсь немного из-за этой Японии. А вдруг не понравится?

– С чего бы? Мне кажется там все то же самое, что и в Корее будет. Да и Ольга всегда расхваливала Японию, когда со своим туда ездила.

– Так я привыкла уже к Корее, знакомых у меня там много было… А теперь – все по-новому: язык учить, друзьями обзаводиться, связями, – перечисляла она, потягивая коктейль.

– Не морочь себе голову! Москва не сразу строилась. И у тебя со временем все появится, – подбадривала ее Таня. Я кивала головой, присоединяясь к мнению подруги.

– А как у тебя с Джеком? Все нормально? – обратилась я к Тане.

– Да, звонил вчера, привет передавал. А как Санни?

– Тоже ничего, – и я рассказала, что мы решили

воспользоваться услугами адвоката.

– Наверное, и правильно. Может быстрее выйдет. Интересно у нас с тобой получается: как дорожки ни расходились, а все равно в итоге вместе оказываемся. Когда тебя депортировали, мы вместе в Корею вернулись. Потом ты домой уехала на полгода раньше, а замуж чуть ли не одновременно вышли. Странно, правда?

– Угу, – согласилась я, закусывая водку селедочкой. – Глядишь, в Америке еще и соседками будем.

– И не говори, никуда от тебя не денешься, поганки!

– Сама такая! Я ведь знаю, что ты меня любишь! – посмеивались мы друг над другом.

– …Тань, а ты зачем в Корею поехала? На квартиру заработать или как?

– Да нет, какой-то конкретной цели не было, просто – работать. А что тут делать? Я вот недавно одноклассницу встретила, – она институт закончила, что-то экономическое, не помню точно, – так у нее ситуация – не лучше нашей. Работу-то по специальности найти можно, но зарплата – мизер. Вот и работает крупье в казино. А там тоже идиоты всякие попадаются. Бывает, проиграется кто по-крупному, и давай ее матом крыть! Ладно бы только матом, а то ведь и в морду могут дать, и такое бывало!… Но! Бабки платят – хорошие. А мне, – ну какое мне казино?! Я и в магазине-то бывает, заплачу за товар и на прилавке забываю. А там внимательной надо быть, – вздохнула она.

– И то верно. А я до своей Австралии, чувствую, так и не доберусь. Все хотела на учебу насобирать, так нет же – замуж вышла. Э-эх…

– Ой, не прибедняйся, – в Америке выучишься!

– Тоже вариант, – легко согласилась я на Америку. – … Все-таки одного я не понимаю: почему у нас в России учеба такая дорогая? – задумчиво продолжила я, пережевывая петрушку. – По крайней мере, по сравнению с зарплатами – просто нереально выучиться. Я, когда поступала в институт сразу после школы, за год обучения заплатила около тысячи долларов. Это еще до кризиса было, когда доллар по шесть рублей стоил, а мама моя еще в море «ходила» обработчиком рыбы и худо-бедно, но такую учебу могла мне оплачивать. Работка, кстати, скажу я вам – не из легких. Но это я так – отвлеклась. Так вот, на первый год, благодаря тому самому морю, у нас на учебу еще деньги были, а на второй год уже не хватило: сокращение штатов на корабле приключилось. Но это лично мне так «повезло». А сколько у меня одноклассников, которые в школе учились в сто раз лучше меня,

а поступить так никуда и не смогли?! Просто потому, что денег на учебу не было… Ну, вот почему у нас так: последний двоечник – учится, потому что «бабки» у родителей есть, а отличница какая-нибудь – нет, потому что «мама-папа» на заводе за три копейки вкалывают? – задала я вопрос «в никуда» и, не дождавшись ответа, продолжила. – А сейчас цены еще больше выросли: по полторы тысячи «зеленых» за год требуют. И это еще – смотря где: в более престижных институтах и по две тысячи приходится платить. И неважно, есть у тебя при этом мозги для учебы или нет. Главное – чтобы были деньги! Просто меня удивляет: почему нашему правительству настолько наплевать, образованный у нас народ или нет?

– Эт точно – плевать они на нас хотели! – согласилась Лена. – Вот сделали бы так: кто сам по себе умный и экзамены сдал – учится бесплатно. А придурки, которые с деньгами, но тоже хотят учиться – ради Бога, пусть учатся, но уже за деньги. И институту хорошо, и умным, но бедным, и государству. Сейчас, я слышала, только в Москве еще можно бесплатно поучиться. Но там мозго-о-ов надо! У нас столько нету…

– Да ладно, жадные просто все стали, – снова вклинилась я. – Зачем им кого-то бесплатно учить, если можно набрать детей богатых родителей и учить их за деньги?! Да и сейчас разве учат? Все экзамены, сессии и зачеты покупаются. Вон, Ольга из-за родов зачет какой-то вовремя не сдала, так «преподша» с нее триста баксов потребовала!

– Сколько-сколько?! Это за зачет-то? – шокировано переспросила Таня.

– Ага, ты не ослышалась. Просто знает, что у нее деньги есть. Может, машину ее видела или еще что. Оборзели, что и говорить. Так Ольга принципиально предмет хорошо выучила и сама сдала. Бесплатно.

– Молодец! Хорошо, что ей мама помогает с ребенком. Я не представляю, как тяжело одной было бы, – вздохнула Танька.

– Ой, ладно, девчонки – хватит о грустном! Всех с наступающим! Счастья, успехов и любви нам в Новом Году! – подняла я очередной тост, поставив точку в нашем бесполезном нытье о недоступности российских дипломов.

Прошли праздники.

Мы с Санни по-прежнему созванивались каждый день, но тосковала я все больше и больше.

На работе было спокойно, народ потихоньку приходил в себя после затянувшихся гуляний и по магазинам пока не шлялся.

Я решила выйти в «подсобку» покурить. Там уже была

женщина, работавшая в том же магазине, только в продуктовом отделе. Она стояла рядом, покуривая и разглядывая мой бэйджик:

– И что это за фамилия у тебя такая? – спросила она, как мне показалось, с издевкой.

– Муж – американец, – ответила я.

– О-о-о! Повезло! Богатый, наверное. А чего тут работаешь?

– Он – не богатый. Он – военный. В Америке служит. А работаю я потому, что мне нравится.

– А почему ты вообще тут, а он – там?

– Визу оформляем, – я старалась отвечать как можно короче, так как и тетка и сам разговор были мне неприятны.

– Так вообще хорошо! Муж фиг пойми где, а тут – любовник, поди, – «понимающе» усмехнулась она.

– Нет у меня любовника.

– А чего так?!

– Я мужа люблю, – спокойствие таяло, я начинала закипать, но не знала, как прервать этот дурацкий разговор. Да и сигарету было жалко бросать, чтобы просто развернуться и уйти.

– Я своего тоже люблю, но любовник – это святое!

– А я так не считаю. У всех свои понятия о святости, – отрезала я.

– Ой-ой! Можно подумать! Да что я, не баба, что ли?! Я понимаю, – всем жить красиво охота. Выскочила замуж за американца, лишь бы за бугор свалить. Я бы тоже не отказалась. Предложил бы только кто!

– Да уж, – пожала я плечами, затушила едва начатую сигарету и вышла из «подсобки».

На глаза навернулись слезы: «Ну почему все считают, что за иностранца можно выйти замуж только ради „за бугор свалить“? Почему никто не верит, что можно еще и по любви?».

Тут же, как по заказу проснулась вторая «я» с заранее готовым ответом: «А чему ты удивляешься? Посмотри, сколько девчонок знакомится с иностранцами по Интернету! И сколькие из них в конечном итоге выходят замуж, по-настоящему полюбив своего избранника? Может быть, одна из нескольких тысяч! И это при самом хорошем раскладе. Так с чего тебя должны воспринимать как-то иначе? Чем ты лучше?! И доказывать кому-то что-либо – бесполезно. Так что ЗАТКНИСЬ И ПЕРЕСТАНЬ НЫТЬ!».

После такой резкой отповеди самой себе вроде бы полегчало.

Вскоре, как раз когда документы наши были готовы для отправки в консульство, и адвокат их одобрил, появились неожиданные известия:

– Меня снова в Корею направляют, через десять месяцев, – «обрадовал» меня муж однажды вечером.

– Вот так новости! И что теперь с визой делать? Я же, скорее всего, невыездная буду. Даже если я и получу визу, мне придется остаться в Америке, а тебе в Корею ехать! – запаниковала я. Насчет «невыездной» поясню: выехать-то я из США смогу, отправившись следом за мужем в Корею, но вот для повторного въезда в Штаты мне пришлось бы начинать все заново – собирать документы, подавать их в консульство, проходить унизительные собеседования… в общем – приятного мало.

– Да, точно. Вот поэтому я и подумал: может, не будем сейчас подавать документы на визу, а подадим, когда приедем в Корею? Я слышал, там их проще дают. Да и расставаться, опять же, не придется. Все равно, даже если мы сейчас и подадим на визу, то раньше, чем месяцев через восемь тебе ее не дадут. А еще через два месяца и мне уезжать. Так что смысла не много.

– Пожалуй, ты прав, – согласилась я, но радости мне это не прибавило. Ведь раньше, чем через десять месяцев я его не увижу. В целом получается, что в течение двух лет мы проведем вместе что-то около месяца. Весело, ничего не скажешь!

Мы решили, что отложим подачу документов до поездки в Корею, поболтали еще немного и распрощались до завтра.

С одной стороны, я обрадовалась перспективе возвращения в страну, ставшую мне почти родной. Мне там нравилось, да и жить сейчас будет там намного веселее: уже не нужно будет прятаться от «мамы» и встречаться с «костюмерами», можно будет спокойно ездить в Осан и не бояться останавливаться в гостиницах, да и просто быть вместе с любимым человеком. Но… десять месяцев ожидания!

На меня опять навалились тоска и слезы.

Мне кажется, что за те два года я наревела годовой запас воды какой-нибудь маленькой банановой республики! Вот вроде бы все нормально, держишься, а потом раз! – и накатит. И так крепко накатит, что можно плакать часами, несколько дней подряд. Меня утешали подруги, мама, брат…, но все – без толку. Я чувствовала, что уже надоела им разговорами о Санни, но ни о чем другом думать больше не могла. Потом они и сами признавались, что не узнавали меня: обычно веселая, способная поддержать разговор на любую тему, в последнее время я превратилась в настоящую «размазню». Дни, когда я улыбалась, тонули в море слез из-за разлуки с любимым человеком. Все вокруг меня «понимали», но по-настоящему понять не могли. Этого никто не поймет, пока не расстанется с любимым так надолго.

Как-то я позвонила Ольге и рассказала о том, что мы с Санни вернемся в Корею и подавать документы на визу пока не будем:

– Слушай, а тебе не кажется все это немного странным? – решила высказать свои сомнения Оля. – То визу невесты делал-делал – недоделал. Сейчас опять что-то… Кать, не обижайся только, но тебе не приходило в голову, что может быть он передумал или еще что?

– Оль, ну что за глупости! Уж, наверное, сказал бы тогда, что «наш брак был ошибкой» или что там еще говорят в таких случаях.

– Ну а так, по разговору, по интонации ничего не изменилось?

– Абсолютно! – обиделась я на такие предположения и чтобы сменить тему начала расспрашивать о ее сыне, о муже и так далее.

После разговора с Ольгой я и сама задумалась: «А что, если Санни действительно меня обманывает? Ведь был же случай, когда парень женился на русской только ради пособия. Она ребенка родила и он, как женатый военный с маленьким ребенком, стал получать на них дополнительную материальную помощь, и достаточно большую. Но вот про них обоих сразу же после свадьбы забыл. Санни тоже на меня деньги стал получать, причем немаленькие, а снимала я с его банковской карты гораздо меньше, чем пособие… Да нет! Не может такого быть! Он же каждый день мне звонит. Я бы что-нибудь *эдакое* обязательно почувствовала».

Помаявшись, я решила поделиться этими мыслями с мамой, рассчитывая получить от нее поддержку и услышать какие-то дежурные утешительные фразы, вроде «не говори глупостей, он тебя любит».

Вместо этого услышала следующее:

– Катя, он тебя, конечно, любит, иначе бы не приехал жениться. Но и ты не будь наивной, у него наверняка там любовница есть. Мужики все изменяют, надо просто уметь закрывать на это глаза. Хорошо, если у него хоть ума хватит скрывать от тебя это в будущем. Но сейчас-то он Бог знает где! Ты же не думаешь, что он «святой» и по бабам не шляется? Я повторяю: не будь такой наивной!!! При всем при этом я не думаю, что он стал бы ехать в такую даль и жениться на тебе только ради какой-то там денежной выгоды…

– Замолчи! – выкрикнула я, не сдержавшись. – Он мне не изменяет! Санни меня любит, и никогда со мной так не поступит! Лучше вообще ничего мне не говори, чем такие гадости!

– Ладно, с тобой все понятно. Со временем сама все поймешь,

вот тогда и вспомнишь мои слова, – махнула рукой мама.

Я наспех оделась и пулей вылетела на улицу. Мне было трудно дышать. В голове крутились слова мамы, жалящие в самое сердце. Я никак не ожидала от нее такого. Да, я могла понять, откуда у нее такое мнение о мужчинах, но говорить подобные вещи МНЕ, зная, как Я к этому отношусь?!

Я добрела до Таньки, поплакалась ей в жилетку и попросила остаться у нее ночевать. Потом мы с ней дружно напились, излили друг другу душу и, утерев слезы, спокойно уснули.

На следующий день я вернулась домой, но общения с мамой старалась избегать. К вечеру она не выдержала и все-таки сказала, что сожалеет о своих словах. Мы помирились, и жизнь потекла своим чередом.

Шли недели, месяцы.

Иногда звонила из Японии Лена, жалуясь на скучных, даже по сравнению с корейцами, японцев:

– У них чувство юмора напрочь отсутствует! Ты не поверишь, какие у них анекдоты. Хочешь, расскажу один?

– Валяй, если денег на карточку не жалко, – разрешила я.

– Не жалко. Так вот: «Приходит японец в ресторан, заказывает суп и просит принести стакан воды», – произнесла она и выжидающе замолчала.

– Ну и? – не поняла я. – Дальше-то что?

– А ничего. «Хохма» в том, что в Японии всегда, в любом ресторане, прежде всего, даже раньше меню, приносят стакан воды. Это у них анекдот такой. После «стакан воды» полагалось смеяться.

– Ясно, – усмехнулась я. – Я-то думала, что корейцы странные, а, оказывается, японцы еще хуже.

– Не то слово!

– Ну а так-то что нового? Как работа? – спросила я.

– Честно говоря, плохо. Клуб – в портовом городе, так что ничего хорошего. Хотя, на следующей неделе обещают перевести в Токио, а там посмотрим.

– Понятно. Хорошо, что позвонила, а то я уже соскучилась.

– Ага. Я – тоже. Ну, пока.

Весной из Кореи вернулась Светка. Буквально через день после ее приезда мы встретились, чтобы обсудить все свои происшествия за последние полгода.

– Я же в корейском клубе работала, – делилась моя боевая подружка. – Там все совсем по-другому, чем в американском. Заработки, конечно, выше, но и мороки тоже больше. В корейском, прежде всего, приходится следить за стаканами,

чтобы, не дай Бог, ни один пустым не оказался; да и самим тоже пить много приходится. Часто купят бутылку виски на стол, потом вторую, потом третью… Мне и не «лезет» уже, а пить надо. Иначе кри-и-иков будет! Главное, виски-то не дешево стоит – как минимум сто баксов бутылка. И как не жалко им таких денег?! – искренне недоумевала она. – Так мы, когда уже не могли больше пить – на пол незаметно сливали. Ага!… Главное, «румка» (так называется комнатка со столом и креслами, отделенная от основного зала) на втором этаже была, а под ней – раздевалка. Так там виски аж с потолка иногда капало, представляешь?! Вот те крест! Сливали только так! А, корейцы все равно как перепьются, уже ничего не видят…

– А если все-таки заметят?! – ужаснулась я.

– Да, было один раз, – тяжело вздохнув, призналась Светка. – «Мамашка» им потом все деньги вернула, которые они за вечер пропили, а с нас – вычла. Скандалила после этого с нами – ужас!

– А корейцы там, – какие? У нас-то в тауне одна замызганная деревенщина ошивалась…

– Не-е, там город большой, к нам все больше «цивил» заходил: адвокаты, доктора, полицейские…

– Полицейские???

– Ага. Нормальный такой мужик ко мне ходил, полицейским работал.

– А как, кстати, Димка на эту твою поездку отреагировал? – спросила я о парне, с которым она начала встречаться в промежутке между первой и второй поездкой. У них там вроде как все было очень серьезно, поэтому я была удивлена, когда Света все-таки уехала.

– Димка? Ну, как-как?! Плохо, конечно. Но мы хотим пожениться, а жить еще негде. Я пока в корейском клубе работала, вообще очень хорошо получала. Так что… кое-что я привезла, чем-то родители помогут – и можно уже квартиру идти присматривать. А там – и под венец!

– Так вы жениться собираетесь?! И когда? – не поверила я.

– Этим летом. Так что заранее приглашаю!

Я была искренне рада за подругу. После истории с Майклом Дима казался подарком судьбы, преподнесенным ей в качестве платы за «моральный ущерб». Он мне понравился с нашей первой встречи: толковый, добрый, общительный парень. Признаться честно, учитывая довольно жесткий, «командирский» характер Светы, мы все считали, что с женихом ей очень повезло.

– А где он сейчас? Почему не привезла с собой? Я его тоже давно не видела, – поинтересовалась я о Диме.

– Так на работе. Он же у меня теперь в отделе по борьбе с

экономическими преступлениями работает! Занят постоянно, – ответила она с нескрываемой гордостью.

– Ох-ох, простите! И как это я забыла, что он у тебя теперь важной птицей стал?! – засмеялась я.

В свою очередь, я рассказала о наших с Санни проблемах с документами и о возвращении через полгода в Корею.

– Слушай, ну жалко, конечно, что еще столько не увидитесь, но все равно интересно, как «мамашка» «Стерео» отреагирует, когда тебя снова увидит, – у нее прямо глаза загорелись от любопытства.

– А мне как-то даже стыдно перед ней появляться. У них из-за меня и так куча проблем была, так я еще полгода всего отработала…

– Да брось ты! Они на нас столько зарабатывали, что на сто лет вперед хватит! – отмахнулась Светка.

– Наверное, – согласилась я.

Еще через несколько месяцев Света пригласила меня на их с Димкой свадьбу, добавив, что она – беременна.

Такой счастливой я свою подругу не видела никогда! Не помню точно, но то ли ей врачи когда-то диагноз поставили, что она не сможет иметь детей, то ли она сама так решила, но переживала она по этому поводу часто. И вот на тебе – беременна! С ума сойти!

Свадьбу праздновали в том же ресторане, где ранее мы с Танькой. Народ собрался веселый, заводной. В основном – родственники новобрачных. Света с Димой выглядели очень счастливыми и целовались даже без команды «горько».

В следующий раз мы с будущей мамой встретились только осенью, да и то – всего один раз.

– Тебе когда рожать-то? – поинтересовалась я при встрече. Светка была на последних месяцах беременности.

– В январе, – ответила она и горделиво похлопала себя по животу. – Пацан будет.

– Как назовете?

– Сашкой.

– Александр, значит? Хорошее имя, сильное.

– А вы с Санни, когда уже на ребенка решитесь?

– Так для этого надо пожить хотя бы немного вместе. А мы вечно на разных континентах, – вздохнула я.

– Ничего! Не вешай нос! Санни тебя очень любит и все у вас еще будет хорошо! – как обычно – бодро – заверила она меня.

– Я уже и не знаю. Правда.

Света не стала зря сотрясать воздух и тут же сменила тему, чтобы больше меня не расстраивать. Она-то прекрасно знала, что

подобные разговоры мне уже опротивели.

Еще через два месяца Таня уехала в американское консульство на собеседование для получения визы жены. Я за нее очень волновалась, но все прошло удачно, и после недели пребывания в Москве она позвонила:

– Визу получила, но вернусь еще только через неделю. Тогда и расскажу, как все прошло.

– А почему через неделю? Чего тебе там торчать-то?! Тебе же пакет с документами все равно в Хабаровск вышлют, – удивилась я.

– Билетов у них нет, представляешь! И из-за этого мне лишнюю неделю еще тут сидеть да платить за гостиницу по шестьдесят долларов, – пробурчала она сердито.

– Понятно. Ладно, приедешь – расскажешь, – я быстренько отключилась, чтобы она не тратила на меня лишние деньги по «междугородной» карточке.

Когда Танька, наконец, вернулась домой, то обнаружила мелкую «пакость», случайно сделанную ее родителями: они вскрыли пакет, пришедший из консульства с визой. Проблема в том, что этот пакет ни в коем случае нельзя распечатывать! Моя бедная подруга чуть не взвыла, когда узнала об этом!

К счастью, ей не пришлось возвращаться в Москву из-за беспечности родителей: проблему решили с помощью почты.

– О чем хоть спрашивали на собеседовании? – принялась выпытывать я, когда мы наконец-то встретились.

– Поначалу консул серьезно и строго так расспрашивал меня о том, как и где мы с Джеком познакомились, кем я в Корее работала, чем занималась…

– И что ты ответила? – перебила я.

– Сказала, что русские народные танцы отплясывала. С группой поддержки.

– Да брось! – засмеялась я.

– Кать, ну не скажу же я, что я там народ на соки разводила. Это ж чуть не от царя Гороха начинать надо было, чтобы всю систему им объяснить! – заметила она веско.

– Тоже логично. А он поверил?

– Вроде поверил. По крайней мере, – сделал вид, и вопросов об этом больше не задавал. Потом, видимо уже от нечего делать, всякую ерунду понес: есть ли у меня собака, какой породы,… про свою псину зачем-то мне рассказал.

– Обалдеть! А про смену фамилии ничего не спросил?

– Не-а, только посмеялся, что у меня их так много. Но расспрашивать подробнее не стал.

Ее ответ немного меня успокоил. Я очень переживала, что и мне, когда придет время для собеседования, придется отвечать на подобные вопросы. К тому же у меня кроме смены фамилии могла всплыть еще и депортация, о которой вообще лучше было бы не вспоминать (это и ежу понятно, а то доказывай потом, что меня не за проституцию из Кореи поперли).

– Все ясно. Звучит легко, но не всем же так как тебе везет, – все еще сомневалась я.

– Эт точно. При мне там к одной прицепились (она и так уже год эту визу получить не может!) – опять какой-то бумажки не хватило – и послали… Не, не совсем – не пугайся так! Сказали приехать еще раз, с бумажкой. Через полгода.

– Еще через полгода!? Я бы, наверное, со психу все их консульство к ядреной матери разнесла, если бы мне так сказали! – за последнее время мне так надоело собирать всяческие бумажки, что одна мысль о том, что может понадобиться еще какая-нибудь, приводила меня просто в бешенство.

– И не говори, сама все нервы вымотала, пока всё собрала!

– Я же недавно опять ходила справку из милиции брать (что не замешана, не участвовала, не привлекалась), чтобы «свежая» была, – поделилась я недавними очередными мытарствами. – Так эта коза, вспомнив, что я брала эту чертову справку из-за смены фамилии уже аж два раза, ехидно так поинтересовалась, долго ли я еще к ним ходить буду. А потом еще и наорала на меня, что я, видишь ли, время опять у нее отнимаю. Так я ей ответила: «А вы что думаете, я сюда от нечего делать хожу, чтобы вы на меня лишний раз наорали?! Наверное, надо мне! И вообще, сколько надо, столько и буду эти справки брать! В конце концов, это – ваша работа!» Но лучше бы я, все-таки, промолчала. Потому что в ответ она пригрозила, что если я еще раз приду, то больше мне справку не даст… Ага, щас! Куда она денется?! Я тогда к ее начальству пойду: мне без этой справки – никуда, так что я от них не отстану!

– И не говори, вообще оборзели! Им-то что!? Настроение плохое, так почему бы и не сорваться на человеке. Она же знает, что ты все «проглотишь», потому что тебе без этой справки визу не дадут, вот и издевается, как может. У нас везде так. Ты вспомни, как тебе паспорт заграничный меняли!

Да уж, спасибо Таньке – напомнила! С этой сменой загранпаспорта та еще была история…

Сразу после нашей с Санни женитьбы я занялась, в том числе, и обменом старого загранпаспорта на новый с новой фамилией – Льюис, но когда пришла получать готовый документ, то

выяснилось, что латинскими буквами мою «иностранную» фамилию написали с ошибкой. То есть, звучит оно примерно одинаково, но в паспорте мужа эта самая фамилия написана по-другому.

Ага, в новом российском паспорте, выданном после свадьбы, мою новую «девичью» фамилию заменили мужниной простым написанием ее по принципу «как слышится, так и пишется», а в ОВИРЕ потом эту самую «как слышится» тупо конвертировали в буквы латинского алфавита. Причем по правилам, разработанным каким-то умником еще аж в восемьдесят каком-то году прошлого века!

Я долго пыталась доказать, что надо писать «так-то и так-то», но меня никто не слушал:

– Какая вам разница, как тут написано?! Читается-то одинаково. И вообще, мы, когда переводим фамилии, пользуемся методичкой, утвержденной министерством. А там четко и ясно указано, как именно каждая буква имени, написанного кириллицей, должна быть отображена латиницей, – твердила мне «паспортистка» в сотый раз.

– Я понимаю, что в вашей бумажке так написано, но моя-то фамилия – изначально американская, а не русская! Поэтому и пишется она не так, как по методичке министерства, а так, как в паспорте у моего мужа написано! Вы можете понять, что я с этим паспортом поеду в консульство за визой, и до второго пришествия буду им объяснять, почему это вдруг у меня с мужем фамилии разные?! Вам что, трудно переделать, да?

– Тогда принесите мне справку с «Торговой Палаты», где переводы делают, почему нужно писать так, как хотите вы, а не так, как написали мы.

Мне пришлось «выбить» и эту справку (за отдельные, дополнительные деньги, потому как я была первой, кто обратился к ним за подобным бредом), и принести ее в паспортный стол, где меня в буквальном смысле «послали» вместе с этой справкой куда подальше.

Не буду утомлять вас излишними подробностями, но кончилось все тем, что пришла моя мама, устроила грандиозный скандал в кабинете начальника милиции, и уже спустя две недели у меня был паспорт, где фамилия была написана правильно.

И вот примерно так было с каждой бумажкой, которая нужна была мне для консульства: как только местные «официальные лица» узнавали, что она нужна мне для получения американской визы, так сразу же выяснялось, что «сделать-то, конечно, можно, но только за очень „отдельную плату“.

Я думаю все, кто ездил за границу и собирал различные

справки, знают, что отношение «официальных лиц» к нам примерно такое: «Ах, вы за границу едете отдыхать? А мы, значит, тут на старом стуле, в духоте и пыли должны сидеть и вам паспорт оформлять?! А вот я возьму и не оформлю! И заставлю вас пойти в какое-нибудь ЖКО за какой-нибудь эдакой справочкой, о которой даже это самое ЖКО понятия не имеет – как делать и что писать. Вот тогда и посмотрим, как вам такой отдых понравится, и попадете ли вы на него вообще когда-нибудь!»

Тошно, Господа, тошно мне было от таких издевательств, но поделать ничего не могла. Как говорил небезызвестный Шурик: «Надо, Федя, надо!»

В общем, через неделю Татьяна укатила в Америку, а я осталась дожидаться приезда Санни. Перед возвращением в Корею он собирался посетить еще раз Хабаровск, а потом и Владивосток для личного присутствия при получении мной визы на въезд в Корею, но теперь уже не абы как, а на правах жены американского военнослужащего. На сей раз, он собирался приехать вместе с лучшим другом, который наслушался рассказов Санни о неземной красоте и домовитости русских барышень и горел желанием познакомиться с кем-нибудь из них лично.

Джек, Танин муж, сразу же по ее приезду в США взял отпуск, и они на машине поехали в импровизированное свадебное путешествие по разным штатам с попутным осмотром местных достопримечательностей и колорита. В целом ей все понравилось, но вот «щенячьего» восторга в голосе, когда она впоследствии рассказывала об этой поездке, я что-то не заметила:

– Не знаю, почему все считают, что тут прямо рай какой-то? Такие же люди, только чаще всего глупее; такие же проблемы, что и у нас: все та же вечная нехватка денег и бытовые неурядицы; дома – не особо-то шикарные, в большинстве случаев похожи друг на друга как близнецы… Вот во Флориде мне очень понравилось: красиво, пляжи кругом, погода хорошая и климат мягкий. А в Лас-Вегасе думала – помру: жара стояла такая, что даже ночью на улицу выйти невозможно было. Вечером, когда жара чуть спала – прошлись по разным казино. Да, красиво, не спорю, но быстро приедается. А больше в этом городе и делать нечего.

Кстати, ее тогдашнее впечатление от Лас-Вегаса полностью совпало с моим, полученным буквально недавно, когда я приехала наконец-то к своему любимому мужу. Но до этого мы с вами еще дойдем – потерпите, не долго осталось.

Джек тогда работал в очень маленьком городке, откуда до ближайшего супермаркета надо было ехать не меньше получаса на машине. Деревня эта так сильно ему не нравилась, что он

решил «переволонтироваться» обратно в Корею. Но окончания текущего контракта и очередного перевода нужно было ждать еще года полтора, так что радоваться нашей предстоящей встрече в Корее мне было пока рановато.

Вот и осень подкралась незаметно.

Незадолго до приезда Санни с другом, который ожидался в ноябре, нарисовалась из Японии Лена. В отпуск.

На следующий же день она пригласила меня к себе на «рюмочку чаю».

– Ну, рассказывай! – скомандовала я с порога.

– Ой, с чего начать-то… – растерялась подруга.

– Лен, с начала, как всегда, – подсказала я.

Ленка набрала в легкие побольше воздуха и выпалила:

– Я замуж фиктивно вышла!

«Вот те раз! Хорошенькое начало!» – подобного я услышать не ожидала. Даже от Ленки.

– А вот с этого места, пожалуйста, поподробнее. И как тебя угораздило? – я уселась на стул поудобнее.

– С работой вообще «никак» было. И мне предложили поехать работать в Токио, но «на себя», без менеджера.

– А как менеджер бы к этому отнесся? – уточнила я.

– Так он сам мне это и предложил. Но для этого нужно было замуж выйти, за местного. Вот он и предложил мне с его знакомым расписаться. Естественно, за дополнительную плату. Но, я его знакомому и так нравилась, так что он в принципе не против был, даже если бы я ему и не платила. Зато менеджеру пришлось пару тысяч «отстегнуть», за посредничество. Потом он нас, правда, еще и шантажировать начал, мафией угрожал… Долгая, в общем, история.

– А теперь что?

– Ничего. Я потому и уехала, чтобы он немного про меня подзабыл. А я пока буду визу жены оформлять. В Японию.

– А муж-то как? Нормальный? – все еще несколько в шоке расспрашивала я.

– Да нормальный. Дурак, правда, но я с ним жить все равно не собираюсь. У нас чисто деловое соглашение. Он мне – визу, я ему – «бабки». Никто никого не обманывал, силой под венец не тащил, так что претензий быть не должно. И мне хорошо, и ему.

– Ну, в принципе, может оно и к лучшему. Так – ты больше зарабатывать будешь, сама сможешь и клуб выбрать и условия работы, – отойдя от первоначального шока, вызванного известием о фиктивной свадьбе подруги, я и сама признала, что такой вариант был, пожалуй, не самым худшим.

Потом я рассказала Лене, что скоро приедет Санни с другом. На месяц.

– Фотка друга есть? – навострила ушки молодая фиктивная жена.

– А как же! Приходи ко мне, в компьютере покажу.

– Надо же, они уже и компьютер успели купить! Санни что ли денег дал?

– Не, я у него стараюсь вообще поменьше деньги брать, чтоб не подумал, что я с ним по расчету. Сами: кое-как напряглись, пояса подтянули и наскребли. Ву-у-умные теперь, Интернетом пользуемся прямо из дома! – смеясь, закончила я.

– Ладно, завтра зайду, посмотрю, что там за друг. Симпатичный хоть? – не унималась Ленка.

– Симпатичный-симпатичный, – успокоила ее я. – Высокий, мускулистый… – все как надо!

– А чего он сюда едет? Просто так?

– Он – хороший друг Санни, они как-то полгода квартиру вместе снимали. Стэн, видать, наслушался от него баек про Россию, вот и решил приехать, чтобы самому все увидеть – у него, как и у Санни, как раз отпуск начался. Да и я так поняла – он с русской девушкой хочет познакомиться.

– Я-я-ясненько… Значит, будем знакомиться! – довольно улыбаясь, подвела итог Лена.

Мне же еще предстояло найти отдельное жилье, в которое было бы не стыдно пригласить наших заокеанских гостей, а заодно и Лену – для знакомства с одним из них.

Глава 2

К поискам нужной нам квартиры я приступила задолго до их приезда (прошлогодний вариант с квартирой Ольги повторить не получилось, так как за это время она ее продала), но делом это оказалось очень трудным. По объявлениям я чаще всего попадала не на хозяев, а на фирмы, занимающиеся подбором жилья. Они брали «за работу» еще одну месячную плату за квартиру, хотя она и нужна-то мне была всего на месяц. То есть выходило, что вместо одного месяца мне пришлось бы оплачивать два. Это меня не устраивало категорически.

В итоге я нашла необходимую мне двухкомнатную квартиру через женщину, работавшую в моем же магазине. За весьма умеренную плату ее соседка-пенсионерка согласилась на этот месяц переехать к сыну.

За день до приезда Санни и Стэна, я поехала наводить порядок в квартире. Бабушка уже давно жила одна, так что сами понимаете: холодильник насквозь провонял квашеной капустой и чесноком, плита сплошь залита пригоревшим маслом, а пол в квартире не мылся Бог знает сколько лет…

Грязные коврики, испорченные продукты и прочий хлам я вытащила на балкон, а все остальное попыталась привести в божеский вид. На отмывание квартиры ушел весь день, и к вечеру руки у меня просто отваливались.

На следующий день я поехала в аэропорт, встречать мужа и Стэна, прилетавших из Южной Кореи. Стэн уже полгода там отслужил, а мой муж как военный до нового места службы всегда добирался бесплатно, поэтому и в Хабаровск ему проще было ехать именно через Корею.

Я снова волновалась, как школьница. Это сложно объяснить, но когда не видишь близкого человека так долго, то его появление сравнимо с новым знакомством. За целый год все мы хоть немного, но изменяемся. К тому же происходит отвыкание от голоса «вживую» (по телефону он у всех звучит несколько иначе), внешнего вида, привычек…

Санни вышел из зала прилета, волоча за собой огромный чемодан. Следом шел Стэн.

Мы с мужем долго стояли, обнявшись, когда его друг дал о себе знать, скромно покашляв в кулак:

– Я – Стэн. Мне Санни про тебя много рассказывал. Очень приятно познакомиться, – представился он.

– Мне тоже. Я тоже про тебя много слышала. Добро пожаловать в Россию, – сказала я с гостеприимной улыбкой.

Добравшись до квартиры, мы распаковали чемоданы, и пошли на кухню ужинать:

– Ну что, Стэн, готов к знакомству с Россией? – поинтересовалась я бодренько.

– Ага! Холодно у вас тут, но я вещей теплых набрал.

– Да разве это холодно?! У нас еще и морозов не было толком, – «успокоила» я.

– А я привез кое-что, сейчас покажу! – воскликнул он радостно и убежал в свою комнату. Вернулся через минуту, вызвав у меня бурные овации и смех.

– Это… это что?! – наконец спросила я, утерев слезы, выступившие от хохота. Стэн стоял в маске, закрывающей все лицо, с прорезями для глаз и носа. – Ты банк грабить собрался?

– Это – маска для горнолыжников! Она лицо хорошо согревает, – почему-то обиделся он. – А еще я шапку хочу купить, такую, как у вас многие носят: мохнатую и с ушами.

– «Ушанку» что ли? – уточнила я.

– Ну, я не знаю, как она по-русски называется, но, наверное, да.

– Ладно, завтра съездим на ужин к моим, а послезавтра – за «ушанкой», – пообещала я.

На следующий день мы приехали к шести часам к маме, где нас уже ждал накрытый стол. Она наготовила массу всяких закусок и горячего.

– А что ЭТО такое? – немного брезгливо поинтересовался Санни, незаметно указав на «заливное».

Должна заметить, что мама моя некоторое время тому назад временно (в промежутке между рейсами) работала посудницей в приличном хабаровском ресторане, где и научилась готовить весьма интересные блюда, которыми баловала нас время от времени. Все они получались красивыми и очень вкусными, не говоря уже о моем любимом «заливном», которое я просто-таки обожала: сооруженное чередующимися «слоями» из бульона и майонеза, украшенное аккуратно выложенной петрушкой и кусочками морковки в виде сердечек… Ммм, – вкуснотища! Да и на столе среди всего прочего это блюдо выглядело прямо-таки роскошно.

– Как же тебе объяснить… Это из бульона сделано, а внутри мясо, морковь, яйцо… – принялась я перечислять ингредиенты.

– А почему ОНО дрожит? Это что, желе!? – упорно докапывался Санни до истинной сути предложенного блюда.

– Да, желатин там есть.

– Так желе ведь должно быть сладким!

– Не всегда. Да ты попробуй, – это вкусно! – горячо убеждала

я.

– Ни за что на свете!… Ты уж извини.

«Хм, ну не хочешь – как хочешь», – подумала я и положила себе очередную порцию.

Вообще Санни был довольно привередлив в еде.

Он не ел курицу, если находил в ней хоть одну косточку. На мой вопрос «почему так» ответ последовал очень странный: «Когда в тарелке курица с костями, я сразу представляю себе ее живой, и мне становится противно». Говядину он тоже не ел, ни при каких условиях: по каким-то сумасшедшим (явно американским!) данным, за среднестатистическую жизнь в организме среднестатистического человека накапливается до семи килограммов говядины и шлаков, с нею связанных. Это же надо было такое придумать!

Ну да, а жир от их любимых гамбургеров, наверное, извиняюсь за подробности, скатывается строго по прямой кишке в унитаз, не оставляя и следа на стеночках!

И сколько мы с ним не спорили насчет еды, я так и не смогла убедить его в том, что говядина ничуть не вреднее свинины или курицы.

Утром мы решили отправиться на «барахолку», чтобы купить Стэну его пресловутую «ушанку». На удивление, ночью ударил сильный мороз, хотя была всего середина ноября:

– На улице минус двадцать, – предупредила их я, – и ветер. Одевайтесь теплее. Магазин, куда мы едем – под открытым небом, так что замерзнете очень быстро.

– А минус двадцать по Цельсию это сколько по Фаренгейту? – уточнил Стэн.

– Понятия не имею. Но нос перестанете чувствовать минут через десять. Это так, чтобы представление иметь… И почему весь мир обычно пользуется километрами да Цельсием, а вы – американцы – милями да Фаренгейтом?!

– Ну, нам же всегда надо чем-то выделяться! – ответил за него Санни с иронией в голосе.

Я оделась и вышла в коридор.

Стэн стоял в куртке-парке, лицо скрыто под маской, а вязаная шапочка натянута чуть не по пояс. Санни под своей вязаной шапкой тоже тщательно обмотался шарфом, оставив открытыми только глаза; под кожаной курткой было предусмотрительно надето два теплых свитера.

– Все готовы? – спросила я, застегивая легкое стеганое пальто и поправляя меховой беретик.

Ответить никто не мог – рот был «закупорен», так что в знак

согласия они дружно закивали головами. В этот момент они мне напомнили Пятачка в гостях у Кролика, когда Винни повязал своему другу салфетку, закрыв почти все лицо. Было очень похоже!

В автобусе на моих спутников народ посматривал искоса, изредка посмеиваясь. Всем было холодно, но ни одному русскому и в голову не пришло надеть лыжную маску и повязать шарф на пол-лица.

Наконец мы добрались до «барахолки».

«Доскакав» вприпрыжку до нужных палаток, стали выбирать шапку:

– Стэн, ты какую хочешь: сильно «мохнатую» или не очень?

Вместо ответа (рот-то до сих пор скрывался под маской) он указал на нечто, сильно смахивающее на мех песца, и прошелестел откуда-то издалека:

– Фот такую! – глазенки его при этом блестели, но было непонятно: то ли от мороза, то ли это радовался он так.

Шапка и впрямь была хороша: пушистая, теплая, из голубого меха. На мой вопрос: «А что это за зверь такой?», продавец ответила, что это смесь лисицы и песца. Сокращенно – «лисец». Ну, как «ханорик», – есть же такой зверь (помесь норки и хорька). Я про себя долго смеялась от такого полета фантазии! Как «скрещивателей», так и «назывателей».

Стэну подобрали нужный размер, он тут же ее надел и мы двинулись в сторону выхода. Китайцы, работавшие на рынке, смотрели нам вслед и смеялись, чуть не катаясь по снегу.

Если учесть, что товарищ наш был очень высокий, то в глаза он бросался за километр. Еще бы – к великолепной маске Стэна теперь добавилась шапка, ворс на которой был сантиметров двенадцать! Мало того, он еще и голову держал высоко, – так его гордость за свою шапку разбирала! Было видно: парень счастлив! И морозы теперь ему не страшны с такой «ушанкой», и вообще…

По дороге к выходу мы купили еще и «подштанники» с начесом, так как этим моментом ни Санни, ни Стэн не озаботились, хотя и знали, что едут в заснеженную, морозную Россию.

К ужину, на который собиралась приехать Лена, мы прикупили пару бутылок вина, и вернулись в квартиру. Дольше бродить по такому морозу было опасно.

Вечером приехала Лена.

В самом начале разговора Стэн, решив продемонстрировать всем свои познания в русском, представился:

– Здравствуйте. Меня зовут Иван.

Мы с Ленкой переглянулись:

– А почему – Иван?

Стэн нахмурился и стал искать нужную страницу в «разговорнике». Отыскав, показал нам.

– «Здравствуйте. Меня зовут Иван», – прочитала я и рассмеялась. – Так ты бы хоть имя заменил. Иван – это имя. Надо говорить «Здравствуйте, меня зовут Стэн!»

Когда до него дошел смысл его ошибки, он густо покраснел, но тоже рассмеялся над собственной глупостью.

– Так мы тебя теперь так и будем звать – Ваня! – предложила Лена.

…В целом, Стэн Лене понравился, она ему – тоже. После этого мы часто ходили в рестораны, музеи и так далее вчетвером.

До самого нашего возвращения в Корею Лена со Стэном проводили все время вместе, но ни во что серьезное этот короткий роман не перерос: у нее были свои планы на жизнь, у него – свои. А симпатия, возникшая между ними, была скорее физиологической, нежели духовной. Причем у обоих.

«Кать, у меня мужика сто пятьдесят лет не было. Для здоровья полезно, да и отвлечься хоть немного надо» – примерно так, честно и откровенно, ответила она на мой очередной вопрос: «Как там у вас со Стэном?»

Этим мне Лена и нравилась: она никогда не боялась признать, что секс для нее иной раз ни что иное, как «для здоровья». При этом она как бы «влюблялась» почти в каждого своего партнера, а потом сама же над собой смеялась.

Я очень редко встречала таких честных и открытых людей, как она. Обычно женщины стесняются признать, что у них в жизни было несколько сексуальных партнеров (ага, «каждый, кто не первый, тот у нас – второй»!): боятся осуждающих взглядов, реплик, комментариев. Она же говорила об этом всегда открыто, но без хвастовства.

Недавно в одной довольно глупой американской комедии я услышала фразу, которая показалась мне не лишенной здравого смысла: «Если спросишь мужчину, сколько у него было партнерш, он назовет цифру вдвое больше действительной. А спросишь женщину – вдвое меньше. Мужчины стремятся показать, что они „герои“, женщины – что „порядочные“.

И ведь действительно, наше общество настолько погрязло в стереотипах, что несчастные женщины готовы всю жизнь врать всем, в том числе и самим себе, лишь бы не показаться окружающим «непорядочными».

Несомненно, определенные подвижки в массовом сознании уже произошли, и уже давно не вывешиваются на всеобщее обозрение испачканные простыни новобрачных, как

доказательство «чистоты и невинности» невесты, но и до настоящего равноправия в этом вопросе нам еще ох как далеко! Помню, как в одном российском глянцевом журнале опубликовали как-то результаты опроса, проведенного среди мужчин на тему «что они подумают о женщине, в жизни которой было более восьми сексуальных партнеров». Так вот: девяносто процентов опрошенных заявили, что посчитают такую женщину «гулящей»! По-моему, бред, да и только.

Нет, ну как можно найти и выбрать «своего» мужчину, не поняв все про себя и про него, и не сравнив его с другими?! Лично я – не представляю.

Вот мне интересно, сколько в среднем партнерш успевает сменить за все время обычный среднестатистический мужчина? Лично мои знакомые противоположного пола, как правило, меняли от двух до пяти подружек в течение одного только года (если, конечно, они не были вовлечены в длительные, «постоянные» отношения; хотя, даже при этом случались маленькие «измены», – куда же без них). И при этом ни у кого из окружающих не поворачивался язык назвать этих мужчин «непорядочными» или не дай Бог – «гулящими». Нет, что вы, они – «герои-любовники», они – «Казановы» и «Дон Жуаны»! Ну, на худой конец, они – просто «нормальные» мужчины!

Не хочу показаться какой-нибудь феминисткой (прости, Господи, за упоминание всуе), но, по-моему, несправедливость в оценках – очевидна.

Через две недели мы решили ехать во Владивосток, где находилось корейское консульство. Разумеется, на поезде.

Санни со Стэном как дети обрадовались возможности прокатиться на нашей железной дороге (ага, можно подумать, что у них там своих поездов мало!).

Мы выкупили целое купе (ехали мы втроем, но уж очень нам не хотелось рисковать соседством с неизвестным пассажиром), набрали в дорогу еды, взяли с собой игральные карты, самые необходимые вещи и тронулись в путь.

Я с детства любила ездить на поездах, и при этом смотреть в окно. Особенно – зимой: нетронутый снег лежит на тонких березках и пушистых елях, оберегая уснувшие веточки от мороза; луна гонится вслед за поездом, рисуя серебряную дорожку на проносящихся мимо снежных покрывалах; величественная тишина и спокойствие повсюду, куда хватает взгляда… Именно по такой России я иногда и скучаю, находясь за границей.

Мы играли в «дурака», когда Санни попытался «побить» «туза» Стэна «шестеркой» (да не «козырной», – обычной).

– Так нельзя. Это против правил, – вмешалась я.

– А твой брат сказал, что можно, – возразил он.

– Этот балбес тебя дурил, а ты и уши развесил! Когда это «шестерка» была больше «туза»???

– А я откуда знаю, какие у вас – сумасшедших русских – правила?!

– Ладно. Я тебе говорю: он тебя обманул. Бей чем-нибудь другим.

Оказалось, Сергей напридумывал так много «новых» правил, что мне еще долго пришлось переучивать Санни играть по-настоящему. Так что ехали мы весело.

Во Владивосток прибыли рано утром.

– Нам нужна гостиница: не слишком дорогая, но такая, «нормальная». Что-нибудь на ум приходит? – обратилась я к сонному мужичку-таксисту, минуту назад дремавшему за рулем старенькой «японки» на привокзальной площади.

– Садитесь, по дороге что-нибудь, да найдем, – предложил он.

Переезжая от одной заполненной до отказа гостиницы к другой, мы обзвонили еще несколько, но мест нигде не было.

– Уже и не знаю, куда вас везти, – бормотал он растерянно.

Наконец, дозвонившись по очередному номеру, радостно сообщил, что в одной места все-таки есть:

– Гостиница нормальная, новая, не слишком дорогая, – и тут же предупредил, – но китайская.

Нам же было уже все равно, лишь бы нашлось, где переночевать.

Приехав в гостиницу, мы отправились смотреть номера.

– Этот – двухместный, обычный. Стоит пятьдесят долларов в сутки, – рассказывала нам русская девушка-администратор. О том, что гостиница – китайская, догадаться было сложно, так как и сами номера, и обстановка в них больше всего напоминали «палаты» советского пионерлагеря или обычной районной больницы: в довольно большом по площади номере сиротливо разместились две одноместные железные кровати (с сеткой под узловатым матрацем), маленький телевизор в углу, да две тумбочки на входе – вот и весь арсенал. Да и китайцев мы здесь так и не увидели, как ни старались.

– А это – люкс, – продолжала она, указав на другой номер: все тот же набор мебели, но комната в три раза больше – хоть в футбол гоняй. – Стоит сто долларов. Да, хочу сразу же предупредить: горячая вода во всем здании бывает только с пяти до шести вечера, а холодная – с десяти утра и до десяти вечера. Но это везде так, во всем городе, – быстро добавила она.

Мы решили, что бессмысленно переплачивать за название

«люкс», если удобства в номерах везде одинаковые, и взяли обычные: одноместный – для Стэна и двухместный – для себя.

На следующий день, прихватив с собой папку с документами, отправились в консульство. Там быстро заполнили необходимые анкеты, оплатили консульский сбор и сдали все в специальное окошко. Мы просидели в сторонке уже около часа, ожидая, что меня вот-вот пригласят для личного собеседования, но так и не дождались. Вместо этого к нам подошла симпатичная девушка, вернула все документы и сообщила, что готовый паспорт с визой можно будет забрать через два дня. Беседовать с нами никто и не собирался.

Обрадованные, мы отправились обедать.

Отыскался и русский ресторанчик, оформленный «под старину»: с намалеванными на стенах матрешками, деревянной посудой и прочими атрибутами «старой Руси». Меню было на двух языках: русском и английском, видимо в расчете на иностранцев, которым непременно захочется «русской экзотики».

– А почему у вас все салаты с майонезом? У нас в Америке его вообще почти не едят, – удивлялся Стэн, изучая меню.

– Я не знаю. Наверное, просто других «заправок» у нас пока не придумали… Ну, еще разве что маслом подсолнечным некоторые салаты заправляют, – добавила я, немного подумав.

Отведав пельменей в горшочках и щей из капусты, мы, сытые и довольные, отправились гулять по городу.

Вечером, «поймав» горячую воду и приняв душ, мы решили сходить в бар. Я Владивостока совсем не знала, но вспомнила, что кто-то из моих знакомых нахваливал место под названием «Голубая птица». Искренне надеясь, что это – не бар для сексуальных меньшинств, мы решили поехать туда.

Местечко оказалось неплохое, уютное. Народу было много, но в большинстве – девушки.

Я оставила парней, чтобы купить на баре выпивку, а, вернувшись буквально через десять минут, обнаружила их в компании двух размалеванных девиц:

– Ну, вас прямо на пять минут нельзя одних оставить, – недовольно пробурчала я, подавая им пиво.

Девушки, увидев меня, тут же сникли: одна «отвалилась» почти сразу, едва я сказала, что Санни – мой муж, а вторая, поразмыслив, решила все же биться за Стэна до последнего.

Оказалось, что обе они раньше работали в Корее и неплохо знали английский, так что Стэну переводчик не требовался. И пока настырная девица пыталась «окрутить» нашего друга, мы с Санни разглядывали других посетителей бара.

– Кэт, видишь там, в углу, пятеро парней за столиком

сидят? – обратился ко мне Санни.

– Вижу, и что?

– Помимо нас, они – единственные парни. И кругом полно девушек. Почему они с ними не знакомятся?! – недоумевал он.

Я огляделась: в баре действительно было не меньше полусотни девушек, но никто из парней не проявлял инициативы:

– А зачем им «напрягаться»? Девушек много, сами подойдут и познакомятся.

– Странно, в Америке все наоборот. У нас женщин меньше, чем мужчин, поэтому парни из кожи вон лезут, чтобы кого-нибудь «охмурить».

– А нам мужиков не хватает, – ответила я, тоскливо оглядывая местный «гарем». – Вот по этой причине так много русских женщин и старается найти себе пару через службы знакомств с иностранцами.

Через два дня мы получили мой паспорт и в тот же день отправились обратно в Хабаровск.

– Кэт, я тут думал о нашей поездке в Корею… Первые две недели я буду очень занят оформлением всяких документов по смене базы, и толком даже не смогу тебя в тауне навещать. Тебе там тоскливо одной будет. Может, приедешь через пару недель после меня? – спросил как-то Санни после нашего возвращения домой.

– Даже слышать об этом не хочу! Я тебя целый год не видела, и даже если ты будешь приезжать раз в неделю, мне и этого будет достаточно, – ответила я категорично.

– Я понимаю, но проблема еще и в том, что мы в этом месяце сильно потратились, у нас даже на еду толком денег не будет, – продолжал он настойчиво.

– Значит, буду есть лапшу, мне не привыкать. Все равно это – временно, а я больше не хочу с тобой расставаться.

Я не стала напоминать ему о том, что если бы в Америке они со Стэном не устраивали так часто массовые вечеринки, которые явно обходились не в три копейки, то у нас, может, и не было бы таких проблем с деньгами сейчас. Ссориться из-за этого мне не хотелось, но предложение остаться в России без него, пусть даже на пару недель, меня не устраивало категорически, поэтому я продолжала упорствовать.

Наконец он сдался:

– Ладно, смотри сама, но потом не жалуйся.

– Не буду! – заверила я, закончив разговор.

Однако по приезду в Корею оказалось, что с деньгами у нас еще хуже, чем предупреждал Санни.

Пока шли поиски подходящего жилья в тауне, мне пришлось оставаться в гостинице. Я сутками сидела в номере, куда на пару часов в день вырывался мой муж. Он привозил с собой что-нибудь съестное, но денег мне не оставлял. Санни со Стэном жили на базе. Работы у них и вправду оказалось много, так что мы почти не виделись.

Вскоре мы нашли подходящую двухкомнатную квартиру, которую решили снимать вместе со Стэном. Из мебели там было только две кровати. О покупке кухонной плиты, а уж тем более – телевизора пока что не было и речи. Нам пришлось даже одолжиться у нашего друга, чтобы оплатить хотя бы масло, коим обогревался пол и вода. Масло для отопления было очень дорогое, но это – если покупать его у корейцев. Можно было купить и на базе, но Санни сказал, что «вывозить его с базы опасно, могут проверить и будут неприятности». Так что пришлось покупать у корейцев.

На неделю муж оставил мне двадцать долларов. На еду. К сожалению, приготовить что-нибудь самой, даже элементарную и давно надоевшую лапшу, я не могла (ни плиты, ни чайника здесь не было). Поэтому два раза в день я ходила в местные кафешки, где покупала самое дешевое, что у них было: корейские овощные пельмени. С такой «диетой» я быстро похудела на пару килограммов, а до зарплаты оставалось еще почти две недели. Временами я даже начинала жалеть, что не послушалась мужа и не осталась на это время в Хабаровске.

Мне постоянно было холодно (несмотря на то, что в Корее даже ночью температура воздуха не опускается ниже минус десяти, тонюсенькие стены не задерживали тепло в квартире дольше, чем на час), но отопление я включала только тогда, когда было совсем уж невмоготу. По потолку все время кто-то ходил и скребся по ночам (впоследствии правда оказалось, что это были всего лишь бездомные кошки, живущие на крыше), я жутко боялась, не могла уснуть и постоянно прислушивалась, не лезет ли кто в дом. Да и свободного времени было – хоть отбавляй, а занять себя было нечем: ни телевизора, ни магнитофона в первое время у меня не было.

Дни напролет я бродила по тауну, пытаясь встретить русских девчонок, но как назло никто не попадался. Ходить же по клубам в поисках соотечественниц мне было как-то неловко: денег, чтобы купить кому-то сок и спокойно поговорить, у меня не было, а просто так мешать не хотелось.

Потом мне кто-то сказал, что всех русских (ну или большинство) целенаправленно «выдворили» из Кореи. Отчего такое сделали именно с русскими, никто толком не знал, но

поговаривали, будто бы здешнему правительству надоело, что все больше наших девушек выходят замуж за корейцев, а местные жительницы остаются «старыми девами». Правда или нет – не знаю, но после этого число моих соотечественниц в Южной Корее резко сократилось.

Однако я все равно надеялась, что встречу хоть кого-нибудь, с кем можно было бы поговорить, и продолжала настойчивые поиски.

На выходных приехали Санни со Стэном и привезли кое-какую технику: телевизор, магнитофон, электрическую плитку и грелку. Все, разумеется, было «б/у», но главное, что оно – было! Также они привезли продукты, и я сразу же взялась за готовку.

– А деньги, откуда взял? – уточнила я у Санни.

– У Стэна сотню занял. На неделю хватит, а там и зарплата будет.

Вечером мы решили пройтись по барам, посмотреть, как там все изменилось. Первым делом направились в «Стерео».

«Мама», увидев меня, обрадовалась безумно:

– Кэт! Санни! Вы когда приехали?

Я удивилась, что она помнит имя Санни, несмотря на то, что наши отношения мы держали в тайне. Но, видимо, от зоркого глаза старушки ничто не могло ускользнуть.

– Надеюсь, вы поженились? – наигранно грозно напустилась она.

– Да-да! Год назад.

– Поздравляю! А бэби?

– Нет, «мама», детей у нас нет, – со смехом ответил Санни.

Она тут же принялась расспрашивать меня про всех наших девчонок.

Я рассказала ей о своем замужестве, о замужестве Светки, и о том, что она ждет ребенка. «Мама» слушала меня внимательно, изредка перебивая новыми вопросами. Я очень переживала, что она припомнит мне мой «побег», но она ничего не сказала.

– А почему русских совсем нет? – спросила я, окинув взглядом полупустой бар. Из посетителей никого кроме нас еще не было, а в углу сиротливо жались в тонюсеньких платьицах лишь никому не нужные филиппинки, «согревавшиеся» какой-то алкогольной бурдой (я удивилась, увидев это (раньше на работе нам пить не разрешалось), но вслух ничего не сказала).

В ответ «мама» раздраженно повела плечами:

– Всех русских выслали. А эти, – она кивнула головой в сторону «филок», – совсем работать не хотят. Одни бойфренды на уме. Когда вы тут были – хорошо было, бизнес хороший. Филиппинки никогда работать не умели, ты же знаешь, –

жаловалась она, а я про себя думала: «Ага, а когда мы тут были, ты всегда говорила, что филиппинки лучше всех, одни мы ни черта не работаем».

Мы пробыли там, в общей сложности, минут двадцать и пошли в другой клуб – «Парадайс».

Когда-то там было больше всего русских девушек, но на тот момент нашлись только двое: блондинка и брюнетка.

– Привет, – поздоровалась я.

– О, да ты русская!? – удивилась в ответ худенькая брюнетка.

– Да.

– А мы решили, что американка. Ты и одета на их манер.

На мне были широкие джинсы, свободная кофта и кроссовки. На лице – минимум косметики.

– Пожалуй, похожа, – согласилась я. – А вас здесь только двое?

– Да. Мы тут всего месяц работаем. Еще русские есть в «Лас-Вегасе» и «Лодинг Зоне», а остальных всех выслали.

– Грустно. И как бизнес?

– Никак. Никто толком не ходит, – подключилась к разговору блондинка. И добавила. – Меня Маша зовут.

– А меня – Лариса, – представилась брюнетка.

– Катя. Я здесь с мужем на год, так что видеться будем часто. Если хотите, приходите в гости.

Я объяснила, где живу, и они пообещали прийти в понедельник.

Потом мы сходили в клуб с громким названием «Лас-Вегас», где познакомились еще с двумя русскими, так сказать «последними из Могикан». Но те оказались не слишком-то разговорчивыми.

До «Лодинг Зона» мы не дошли.

В понедельник, как и обещали, ко мне пришли Маша с Ларисой. Я сделала кофе, и мы устроились в комнате на полу, так как стульями и столом пока не обзавелись.

– Уютненько тут у вас, – похвалила Лариса.

– Да пока что не очень, но со временем будет, – заверила я. – А бойфренды у вас есть?

– У Машки есть, у меня нет, – ответила она за двоих.

– А почему так? – искренне удивилась я. Обычно за месяц девчонки всегда находили себе бойфрендов, к тому же Лариса была вполне симпатичной.

– Да как-то не попадается никто интересный.

– Ну, ничего. Еще попадется, – успокоила я.

Маша все больше отмалчивалась, внимательно слушая наш

разговор.

Постепенно Лариса рассказала, что работы почти нет, американцы приходят редко и на соках почти ничего не «капает». Те копейки, что удается все-таки заработать, хозяйка буквально выманивает у них обратно: на отопление, на продукты, на электричество. В общей сложности за первый месяц работы Ларисе удалось отложить всего лишь сто долларов.

Основную зарплату им пообещали выдать по истечении трех месяцев работы в «Парадайсе», но что-то мне подсказывало, что денег своих девчонки могут не увидеть:

– Ларис, ты имей в виду: корейцы – народ хитрый. Они тебе скажут, что деньги выдадут в день отъезда, а сами ни черта не дадут. Ты лучше менеджера заранее предупреди, что без денег никуда не поедешь, а если он вздумает тебя «надуть» – заявишь на него в эмигрэшку.

– А они могут так сделать? Не заплатить и все!? – шокировано захлопала она красивыми длинными ресницами.

– Могут-могут, и, скорее всего, попытаются. Тут главное – не робеть! Я их кухню знаю, случаи всякие бывали. А, учитывая то, что деньги тебе сейчас не дают, то именно это они и задумали. У вас виза на сколько?

– На три месяца, – подала голос Маша. Похоже, она наконец-то решила вовлечься в нашу беседу.

– Гостевая, что ли?

– Ага.

Я задумалась: «Выходит, рабочие визы больше не открывают, поэтому и русских здесь нет. Да-а, совсем плохо».

Потом я рассказала им о себе: как я познакомилась с мужем, где работала, каким раньше был таун. Они слушали и удивлялись: оказывается, американцам не всегда запрещали жить в тауне, а только после «одиннадцатого сентября»; и русские раньше могли здесь работать вполне легально; и эмиграционные «набеги» на клубы были скорее исключением, нежели правилом, как сейчас… Короче говоря, от былого веселья и беззаботности (когда регулярно устраивались шумные вечеринки, через одного ходили по ночам за тыквами и падали пьяным лицом вниз без последствий), царивших когда-то в тауне, сегодня не осталось и следа.

Жить вне базы сейчас разрешалось лишь тем, у кого были жены с детьми. А детей мы в ближайшем будущем не планировали.

Более того, мой муж панически боялся, что я могла «залететь». Я пила противозачаточные таблетки, но, несмотря на

это, мы каждый раз еще и «подстраховывались» различными методами. Я старалась не обращать на это внимания, убеждая себя, что он прав и если я, не дай Бог, забеременею, это будет совсем некстати, но временами меня все-таки обижала эта излишняя, как мне казалось, предосторожность. Иногда я чувствовала, будто «недостойна» быть матерью его ребенка или что-то еще в этом духе. Не скажу, чтобы я очень стремилась ею стать (для начала я хотела выучиться, получить какую-то уверенность в завтрашнем дне, а уж потом думать о детях), но когда тебе постоянно напоминают, что надо быть осторожными, то рано или поздно это начинает доставать.

И раз уж детей у нас не было, то и с мужем я виделась только на выходных, что, разумеется, не устраивало меня категорически. Приезжать ко мне среди недели хотя бы на несколько часов, а уж тем более оставаться в тауне на ночь он боялся: военный патруль постоянно ходил кругами, выслеживая «нарушителей порядка». Я понимала, что находиться здесь ночью было рискованно – могли и звания лишить за такие «шалости» – но меня это все равно задевало. Ведь можно же было приехать ДО шести вечера, когда таун начинали патрулировать, и просто никуда не выходить, наслаждаясь друг другом и не привлекая излишнего внимания со стороны! Однако Санни ничего не хотел слушать. Работа для него была, как иногда мне казалось, важнее всего. И даже важнее меня.

Каждый раз, когда я заводила с ним разговор об этом, он припоминал мне случай, произошедший буквально через пару недель после нашего приезда.

Мы возвращались домой из бара, разделившись: Стэн с Санни пошли дорогой через «помойку», а я обычной – центральной. Я дошла раньше них и уже разувалась, когда услышала топот и грохот. Тут же ворвались мои мужики.

– Что случилось? За вами гнались?! – удивилась я.

– Гнались! Около «помойки» нас остановил патрульный и потребовал документы. Я прикинулся, что приехал недавно и правил толком не знаю, объяснил, что у меня жена тут живет. Он ответил, что на первый раз прощает, но сказал, чтобы мы возвращались на базу. Мы сделали вид, что идем на остановку, а сами на полпути свернули и побежали сюда. «Ваня», вон, аж через полутораметровый забор перепрыгнул, – кивнул он в сторону Стэна, отряхивающего с себя иголки от елочки, растущей за нашим окном.

– Вот это да! Они теперь даже у «помойки» патрулируют?! С чего бы это?

– Скорее всего, это потому, что Рождество. Знают, гады, что много народу захочет в тауне остаться, вот и лезут во все дыры.

Мало того, что с двенадцати ночи комендантский час сделали, так еще и из тауна выгоняют!

В конце концов, я решила, что раз уж он не может приезжать чаще, чем раз в неделю, то я сама буду ездить к нему. Однако для этого был нужен пропуск, которого у меня до сих пор еще не было.

Наконец, после двух месяцев бесконечного «пиления» он отвез меня в воинскую часть, где за один час мы сделали пропуск. Довольная тем, что теперь я могла приезжать к нему когда угодно, я стала навещать мужа и среди недели.

Его комната на базе была, мягко говоря, невелика: односпальная кровать, два кресла, столик и шкаф для белья – вот и все, что с трудом уместилось в его «закутке». На кровати мы оба не поместились, но сразу нашли приемлемый выход: каждый раз перед сном раскладывали два матраца на полу, и получалось совсем неплохо. Электрической плитой в комнате пользоваться запрещалось, так что мне приходилось либо привозить готовую еду из тауна, либо готовить на «общей кухне». Да и душ с туалетом был один на две комнаты…

Но все равно я была счастлива, ведь мой любимый был рядом со мной!

Когда с деньгами стало посвободнее, мы решили пригласить к себе нескольких друзей, а также Машу с Ларисой.

Я, чуть ли не с детства любившая готовить, заранее составила длинный список всего, чем планировала порадовать гостей, и попросила девочек прийти пораньше, чтобы помочь мне на кухне.

Лариса пришла одна, без Маши, но почему так – расспрашивать я не стала:

– Как на работе? – спросила я, кромсая картошку для салата. Санни со Стэном в это время играли в комнате в карты.

– Ужасно! Вообще никто не приходит. Я, кстати, спросить хотела: можно я позову еще двоих девчонок? Они прикольные, в «Лодинг Зоне» работают.

– Ну конечно! Веселее будет, – с готовностью разрешила я.

Ближе к обеду мы отправились встретить этих самых Ларискиных знакомых на остановке.

– Привет! Это ты – Катя? – пробасила одна из них, едва мы появились на горизонте.

Вид у нее был еще тот: худющая, под глазами «мешки», а вдоль плеч висят черными «патлами» давно не мытые (и уже явно требующие очередной покраски) волосы! Честно говоря, я ее испугалась. На вид – лет сорок, и кроме как «прошла огонь, воду, и медные трубы» я описать ее не могу. Мне показалось, что пьет

она – не просыхая. Рядом с ней стоял парнишка на вид лет двадцати. Такой же худющий, с торчащими вперед зубами. Парень был настолько худ, что брючный ремень был обмотан вокруг него аж два раза (и это учитывая то, что в джинсы был заправлен еще и толстый свитер).

– Меня Ира зовут, – представилась тем временем она. – Этот суслик – Марк, бойфренд мой.

– А я – Наташа, – добавила вторая Ларискина знакомая. Выглядела она чуть получше: фигурка с некоторыми признаками женских округлостей, мордашка чуть помоложе и посимпатичнее…, но у меня все равно возникло непреодолимое желание испариться или хотя бы проснуться. – Ну че, пошли с мужиками знакомиться! – она ловко затушила «бычок» каблуком и решительно взяла меня под руку.

Назад отступать было поздно, так что пришлось вести их к себе.

– И кто из этих двоих твой муж? Пойду отбивать! – подмигнула Наташа, едва мы вошли.

– Удачи! – пожелала я, зная, что этого не произойдет никогда. – Тот, что слева – Санни – мой муж. А второй – Стэн, но можешь называть его «Ваней».

– Ва-а-а-аня! Привет! Какое имя сла-а-авное, – протянула она, подсаживаясь чуть не на колени к остолбеневшему от шока Стэну.

Санни отвел меня в сторонку:

– ЭТО кто?

– Подружки Ларисы. Я не знала, что они такие… странные, – по моему лицу пробежала судорога отвращения. Мне и самой было не по себе в их присутствии.

Санни ничего не ответил и пошел «помогать» мне на кухню, оставив бедного «Ваню» на растерзание Наташе.

Весь вечер Ира периодически говорила что-то Марку. По-русски.

– Он у тебя русский знает?! – удивилась я.

– Не-а, просто я английского не знаю, да и фиг с ним. О чем мне с ним говорить? – отмахнулась она.

– Понятно, – кивнула я, ничего не поняв. Интересно, какой смысл говорить что-то человеку, который все равно тебя не понимает?

Вскоре подошли и друзья Санни. Всего набралось человек двенадцать.

Мы достали русскую водку, припасенную специально для такого случая.

– Мне не наливай! – неожиданно заявила Ира. – Я не пью.

Я могла поклясться, что все симптомы заядлого укротителя

зеленого змия были у нее «на лицо», но видимо я ошибалась.

– А мне – двойную дозу! Я за нее, – засмеялась Наташа и смачно чмокнула «Ваню» в губы. – Ай, нравится он мне!

Стэн попытался отодвинуться, но стена справа не позволяла каких-либо спасительных маневров.

В какой-то момент Санни решил «разговорить» бойфренда Иры, который весь вечер просидел на кровати, буквально вцепившись в нее мертвой хваткой.

– Марк, а ты чем занимаешься?

– Я – пехотинец, – с готовностью ответил тот.

Больше вопросов Санни не задавал.

Пехотинцы с «военно-воздушниками» (коими были все остальные наши гости) друг друга очень не любили. Первые считали «ВВС» слабаками, а те, впрочем, вполне заслуженно относили пехотинцев к умственно-отсталым. За редким исключением в пехоту брали всех тех, кто смог запомнить хотя бы «сено-солома». Бо́льших умственных способностей от них и не требовалось, потому как ничем другим, кроме физической подготовки они не занимались.

Наконец, судьба решила сжалиться над Стэном и всеми остальными:

– Ну что ж, нам на работу пора, – тяжело вздохнув, сказала Ира. – Спасибо за обед.

– Да, все было очень вкусно. Особенно водка! – присоединилась Наташа.

– Приходите еще, – пригласила я, надеясь, что никогда больше их не увижу, и тоже вздохнула, но уже с облегчением.

Ира подхватила под руки своего «суслика», Наташу и двинулась к выходу:

– И вы к нам заходите, Лариска знает, где мы живем.

– Хорошо-хорошо, зайду как-нибудь, – пообещала я.

– … По-моему, у «Вани» сейчас сердечный приступ будет, – засмеялся Санни, едва за ними закрылась дверь.

– Ага, вам-то смешно, а мне страшно было. Я думал она меня прямо тут изнасилует! – нарочито оскорблено воскликнул он.

– А тебе что, жалко, что ли? – поддела я.

– Конечно, жалко! Я, может, чистый и невинный!

– Ага, а я, может, вчера родилась! Хотя, мне и самой страшно было. Я таких девиц еще не встречала.

Вскоре ушла и Лариса, которая весь вечер проболтала с одним из парней. До этого я встречала его всего один раз и практически ничего о нем не знала.

Через пару дней я отправилась в магазин за овощами и

наткнулась на Наташу.

Я попыталась незаметно «просочиться» мимо нее в подворотню, но меня все-таки заметили:

– Катюха, привет! – заорала она на всю улицу.

Я сделала вид, что безумно рада:

– Привет! Как дела?

– Пока не родила. Че делаешь?

– В магазин иду, – ответила я уныло.

– Пошли к нам, чаю попьем, – предложила она.

Я задумалась, подыскивая хоть какую-нибудь отговорку, но в голову как назло ничего не лезло. Ну, куда я могу здесь торопиться: ни работы, ни детей, муж на базе…?

– Ладно, пошли, – согласилась я.

Мы поднялись в квартиру, где жили «девочки».

Ира сидела на полу «в раскорячку» и красила ногти на ногах:

– О, здорово! Как жизнь? – обрадовалась она.

– Нормально. Ты как?

– Да вот, говорю своему, чтобы он продукты привез, а он все мычит что-то в трубку, козел!

Только сейчас я заметила, что помимо педикюра она была занята еще и разговором по сотовому.

– Че ты, блин, стонешь там! Свинину, говорю, привези! Пиг! Пи-и-иг! – кричала она в трубку, снова и снова повторяя «свинья» по-английски. Я-то поняла, что требовала она именно свинины, а не просто обзывала жениха, но вот понял ли он?

– Вот ведь придурок, ни черта не понимает! – пожаловалась она мне, отодвинув трубку от уха. – Ладно, пока!

Она с раздражением бросила телефон на кровать:

– Надоело все! Трахаешься с ними за эти долбаные соки… Они покупать не покупают, зато секса хотят! А я им что, казенная что ли? Вот купи сок, тогда и посмотрим, – возмущалась Ира.

Про себя я подумала, что даже за соки всем не «надаешься», но тему эту дальше решила не развивать и задала дежурный вопрос:

– А ты раньше в Корее работала?

– Работала. В Тэндучене. Дыра – дырой! Одни бангладеши приходили.

– Чем занимались? – спросила я, интересуясь родом занятий этих самых граждан чудной страны Бангладеш.

– Трахались, а что еще с ними можно делать!? – совершенно искренне и без стеснения «просветила» она меня. – Они же просто так сок не купят, только за «это дело». А американцев там вообще не было. Этих еще хоть как-то можно «развести», не раздвигая ноги, а тех – бесполезно, – вздохнула она.

Та-ак, похоже, что она не совсем правильно поняла мой вопрос, но переспрашивать и уточнять я не стала.

Я уже пожалела, что пришла. Девчонки были «прожженные» до мозга костей. Меня это действительно шокировало. ТАКИХ я еще ни разу еще не встречала. То есть я, конечно, все понимаю: жизнь иногда и не так к земле пригибает…, но ведь можно это как-то не «выпячивать»! Зачем лишний раз всем подряд о таких вещах рассказывать?!

– А почему вы не попросились в другой город? – на всякий случай уточнила я.

– Так нам сказали: либо там, либо в Россию вернут. А мне дома без денег делать нечего – у меня мать больная и ребенок в школу ходит, – ответила она злобно.

Я не могла понять своих ощущений в этот момент. Несмотря даже на то, что занятиями проституцией она «растила» ребенка и кормила больную мать, жалости к ней я не испытывала, это точно. И не потому, что сам способ мне не нравился, а от того, каким тоном она говорила об этом: в ней кипела ярость, злоба и обида на весь мир! Но, если подумать, мы сами выбираем себе дорогу. Так сказать, «даже если вас проглотили, у вас все равно есть как минимум два выхода». Да, я не знала о ней почти ничего: что именно привело ее к такому решению, и почему она не попыталась найти другой выход. Но, так или иначе, я не могла найти в своей душе хоть капельку симпатии к ней. Или хотя бы сочувствия.

Наташа, похоже, не сильно отличалась от Иры родом занятий, но в ней всегда чувствовался какой-то позитивный заряд. Она постоянно была веселой, отзывчивой, «искрящейся». У нее в России тоже остался ребенок, о котором она в отличие от Иры отзывалась с огромной нежностью и тоской.

– Смотри, что я сынке купила! – хвасталась она мне, разворачивая яркий мальчиковый костюмчик. – Будет у меня самый крутой!

– А сколько ему лет?

– В следующем году в школу пойдет, – с гордостью отвечала она. – Я по нему так скучаю!

– Верю. Да и он по тебе, наверное, тоже.

– Конечно! Я звоню, а он плачет, ко мне хочет…

– А у тебя здесь друг есть? – сменила я тему, заметив, что она и сама сейчас чуть не плачет.

– Есть, – ответила она, сразу повеселев. – И даже два. Один – американец, а второй – кореец. Я их обоих люблю, вот только кореец женатый и разводиться не собирается. А американец – Стив – обещает жениться.

Я еще немного посидела у них и отправилась по своим делам.

Потом я все думала об этих девушках: вот вернутся они домой, и никто никогда не узнает о том, чем они занимались в Корее; только их собственная память будет хранить все те унижения и мерзости, через которые им пришлось пройти. А может им повезет и они выйдут замуж, уедут в Америку или куда-то еще и будут по-своему счастливы? Мне было бы интересно узнать, как сложится их судьба.

Тогда я не могла и подумать, что «сложится» у них все на моих же глазах, и уже они, уезжая в далекие страны, будут смотреть на меня и гадать, как же сложится моя.

В январе я начала напоминать Санни, что пора бы уже и документы подать на американскую визу. Дело это хлопотное, долгое, а у нас был всего год.

– Мы когда в Сеул поедем? – спросила я как-то. – Времени не так много, сам знаешь.

– Я сейчас не могу, мне выходной не дадут. Это же надо как минимум на три дня ехать! Так что через месяц поедем. Я к тому времени смогу отпроситься, – ответил он.

Настаивать я не стала. Раз не получается сейчас, что же делать, – поедем через месяц. И запаслась терпением.

Глава 3

Однажды, сидя дома и помирая от скуки, я решила прогуляться по тауну, а заодно и купить чего-нибудь из еды.

Я шла по одной из улочек, когда заметила высокую стройную блондинку, шагавшую мне навстречу. Еще издалека было понятно, что она русская, но до этого мы, кажется, не встречались.

Надеясь расширить круг своих русскоговорящих знакомых, я поздоровалась, едва мы поравнялись:

– Привет.

– Привет! А ты, наверное, Катя?! – обрадовалась она.

– Да-а…, а ты откуда меня знаешь?

– Я про тебя слышала. Таун-то небольшой, а русских совсем мало. Так что все про всех узнают очень быстро. Меня Рита зовут. Ты не торопишься?

– Нет, просто гуляю, – ответила я. «Рита, Рита – знакомое имя, да и лицо вроде тоже…»

– Может, пойдем, кофе выпьем? – предложила она.

Я согласилась, и мы зашли в ресторанчик, где когда-то русские всего тауна собирались на «летучки».

– А ты здесь замужем или работаешь? – спросила я, мучительно пытаясь вспомнить, откуда я все-таки ее знаю.

– Замужем. За корейцем. Да ты, может, знаешь его – «Ди Каприо».

В ответ на знакомое до боли имя, мое лицо исказилось гримасой отвращения. Еще бы – мне выпало редкое «счастье» столкнуться с живой женой того самого монстра, который побил когда-то мою подругу!

– Так, по реакции вижу, что знаешь, – усмехнулась она, и картинно потупила глазки.

– Извини, я просто не ожидала. То есть, я слышала, что он на русской женился и что ребенок родился, но как-то не готова была…

– Понимаю.

– И давно вы женаты?

– Чуть больше года. И ребенку полгода.

Только тут до меня дошло: да это же та самая Рита, которая работала тогда в нашем клубе, и которая начала встречаться с «Ди Каприо» незадолго до моего отъезда!

Хотя мы с ней и были знакомы раньше, но общались друг с другом настолько мало, что даже не узнали при встрече. Так что пришлось знакомиться и узнавать друг друга заново. О том, что

мы уже встречались, я решила ей не напоминать. По крайней мере, пока.

– И как тебе замужество? – я старалась свести сарказм тона до минимума, но моя искренняя «нелюбовь» к ее мужу с трудом позволяла это делать.

– Ужасно, – ответила она, и элегантно закатив глаза, добавила. – Урод конченый!

– Не удивительно, – усмехнулась я. – Не бьет хоть?

– Нет, конечно! Еще бы он меня бил! – наигранно возмутилась Рита.

Я сделала вид, что поверила, но про себя подумала, что и совсем не «конечно». Уж я-то знаю, на что он способен! Либо Рита просто не хочет об этом говорить, либо случилось что-то совсем невероятное и «Ди Каприо» превратился в «агнца Божьего» (но в последнее почему-то не верилось).

Вообще должна заметить, что мужчины-корейцы достаточно часто ведут себя агрессивно. Особенно – по отношению к женщине. Не зря же одним из наиболее распространенных там преступлений считается изнасилование. Не воровство, не грабеж, и даже не хулиганство, а именно насилие по отношению к женщине. К счастью, среди моих близких подруг не было ни одной подобной «счастливицы», но шапочно я была знакома с одной русской девушкой, которую изнасиловал местный – кореец, причем – почти средь бела дня и недалеко от квартиры, которую я однажды снимала. Изнасиловал и избил, причем – очень жестоко.

А по опыту близких подруг я знаю, что большинство из них, местных жителей, меняют свое поведение по отношению к женам буквально сразу же после женитьбы. Причем происходит такое не именно с русскими женам, а с любыми, в том числе и с кореянками.

Одна из моих приятельниц некоторое время встречалась с женатым корейцем – менеджером крупной компании. Разводиться с женой он ей не обещал, так что встречались они просто так – «для здоровья». Так вот, его жена была полностью «в курсе» и частенько звонила любовнице на мобильный с просьбой позвать мужа или передать напоминание купить сосисок на ужин. В ответ на изумленный вопрос, почему жена все знает и терпит, не устраивая даже скандалов, приятель отмахивался: «жена должна знать свое место». При этом он не выглядел каким-то особенным моральным уродом: нормальный мужчина, каких большинство.

Прощаясь, Рита попросила мой номер сотового (к тому времени я уже обзавелась дешевенькой трубкой), пообещав позвонить и прийти в гости. Хотя она мне и не понравилась, я не возражала, так как от избытка общения пока не страдала.

После этого мы несколько раз встретились. Однако особой радости мне эти визиты не приносили.

Едва придя, она сразу же начинала жаловаться: на мужа, ребенка, одиночество, скуку, саму жизнь… Я от этих встреч очень уставала, хотя обычно они длились минут пятнадцать, не больше.

Стоило ей зайти ко мне, как на сотовый начинал звонить «Ди Каприо», спрашивая, где она.

– Я у Кати, мы чай пьем. Скоро буду дома, – отвечала она.

Через пять минут он звонил снова, и она повторяла то же самое. И так каждые пять минут.

– Зачем он так часто звонит? – спросила я как-то, не выдержав. – Неужели не ясно, что и через пять минут ты все равно ответишь, что ты – у меня?

– Проверяет, – ответила она коротко.

В конце концов, он доставал всех своими «проверками», и Рита уходила.

Больше года назад, когда мы работали в одном клубе, у меня не было повода пообщаться с ней лично, да и не рассматривала я ее так уж пристально, как делала это сейчас. А, пообщавшись и рассмотрев поближе, поняла, что подругами мы бы не стали. Она не нравилась мне всем: и манерой разговаривать, постоянно косясь на себя в зеркало; и томными, усталыми жестами непризнанной королевы; и даже излишним макияжем.

Свои тонкие (такие еще почему-то хочется назвать – «злые») губы она красила светло-бежевой помадой, предварительно рисуя на лице темно-коричневым карандашом «губки-бантики», очертания которых заметно выступали за природные линии рта, а на ее длинных ресницах в любое время дня и ночи покоилось не меньше килограмма черной туши, делающей взгляд обманчиво-распахнутым, как у ребенка.

И «губки-бантики», и излишне намазанные ресницы – все это было призвано подчеркнуть «кукольность» и наивность их обладательницы. Но всем вокруг было ясно, что наивность в ней была лишь нарисованной. Внутри Риты жил мощный компьютер, который, просчитывая ходы на несколько лет вперед, выгоды своей старался ни за что не упустить. Окружающие прекрасно понимали, что за такого человека, как «Ди Каприо» можно выйти замуж только ради денег. А родить от него ребенка – ради очень больших денег. К тому же во всем ее облике, в ее манерности и жеманности чувствовалось непрестанное любование собой. Было очень заметно, что себя, драгоценную, она очень любит. А вот ребенка и тем более мужа – это вряд ли.

Так что надетая маска «наивной простушки» никого не могла обмануть.

С тех пор, как у меня появился пропуск на базу, Санни и вовсе перестал приезжать в таун. Вместо этого я навещала его два-три раза в неделю.

Наступил март, и я решила, что пора бы снова поднять вопрос о подаче документов на визу:

– У нас осталось всего девять месяцев, надо срочно подавать заявку, – в очередной раз напомнила я.

– Ладно. Возьму выходные на следующей неделе, – наконец согласился Санни.

Через несколько дней мы были в Сеуле.

Прибыв к американскому консульству с утра пораньше, мы смогли занять место лишь в самом хвосте очереди, насчитывавшей в себе человек двести, не меньше. Простояв на улице часа полтора, мы, наконец, после тщательной проверки охраной, попали внутрь. Там мы заполнили необходимые анкеты, оплатили консульский сбор и отдали пачку документов в приемное окошко. О дальнейших действиях нас пообещали известить через электронную почту.

Все это время у меня учащенно билось сердце, так как волновалась я ужасно.

Решив эту проблему, мы облегченно вздохнули, взяли такси и направились к автовокзалу.

– Вот видишь, совсем быстро управились. Давно бы так! – не сдержалась я.

– Давно не получалось, ты же знаешь. Зато теперь на время об этом можно забыть.

Уже к вечеру мы были дома.

У Санни оставался еще один выходной, взятый на тот случай, если бы нам пришлось остаться в Сеуле еще на день, и он предложил совершить небольшую велосипедную прогулку.

Мой первый муж обожал этим заниматься, и в США в его распоряжении было аж три велосипеда. С собой в Корею он привез лишь один, самый любимый из них.

Для меня, не катавшейся вот уже лет пятнадцать и порядком подзабывшей, как вообще на него садиться, неделю назад был куплен новый велосипед, чтобы по выходным мы могли кататься с ним вместе.

Я была очень рада возможности заняться чем-то новым, почти необычным для меня, да и перспектива провести еще один день рядом с мужем, так что я с радостью согласилась на предложенную прогулку.

Утром мы сделали сэндвичи с джемом и ореховым маслом и поехали в Унпа-парк. Парком его можно было назвать лишь

условно: только маленькая его часть, где можно было посидеть на траве на пледах, приготовить шашлыки, да покататься на катамаранах была предоставлена в распоряжение отдыхающим. Остальная территория в несколько квадратных километров была ни чем иным, как скоплением небольших сопок, испещренных множеством тропинок, на которых редко встречались пешеходы, и еще реже – велосипедисты.

Расстояние от базы до парка – около двадцати километров – я проехала нормально, так как для поездки по ровному асфальту и особых навыков не надо. Проблемы начались, когда я заехала на узенькую тропинку. Я постоянно норовила с нее съехать и свалиться в кусты или озеро.

– Кэт, так у тебя ничего не получится, – заявил Санни, остановившись в очередной раз и насмешливо наблюдая за моими жалкими попытками выбраться из прибрежного песка.

– Ну что я делаю не так!? Он сам по себе к озеру катится! – я злобно пнула ногой ненавистный мне велик.

– Ты не смотри на препятствия, смотри на дорогу, – подсказал он. – Стоит посмотреть на камень – непременно в него въедешь.

– Как же на него не смотреть, если страшно, что именно в него я и въеду? – недоумевала я.

– А вот так! Просто смотри на дорогу и все, – отрезал он и поехал вперед, не оглядываясь.

Я, с трудом сдерживая желание уставиться на какой-нибудь куст или торчавшие там и тут коряги, поехала вперед… Надо же, а он был прав! Смотреть надо действительно только туда, куда собираешься ехать.

Я сразу подумала о том, что катание на велосипеде, машине или любом другом виде транспорта сродни отношениям между супругами. Если будешь постоянно подозревать свою «половину» в изменах, закатывать истерики, устраивать слежку и неожиданные возвращения из командировки, именно этим все и закончится – изменой. А будешь всегда думать, что ваши отношения идут ровно и гладко, и верить в то, что вы всегда будете счастливы вместе – скорее всего так оно и будет. Главное – не бояться и не смотреть по сторонам в поисках «преград».

Я была уже на последнем издыхании, когда мы неожиданно уперлись в тупик. Перед нами была довольно высокая опушка, а тропинка, по которой мы ехали, в этом месте заканчивалась.

– И что теперь, назад? – спросила я устало. С непривычки я уже давно не чувствовала ног, лицо раскраснелось, а сердце так и норовило выпрыгнуть из груди.

– Перекусим и вперед пойдем.

– Что значит – пойдем? – не поняла я. Мы стояли перед такими дебрями, что было ясно: до нас по ним уже много лет не ступала нога человека. И какого черта мы вообще сюда поперлись!? Вот что хотела бы я знать.

– Придется велосипеды на себе тащить. Назад ехать – слишком далеко, – обрисовал мой супруг веселенькую перспективу.

– Ты, наверное, издеваешься?! Ты не мог маршрут покороче выбрать? Знаешь же, что дальше пяти километров он дома я никуда не ездила! – начала «закипать» я. – А мы, поди, уже все пятьдесят отмотали.

– Сорок пять, – невозмутимо уточнил Санни.

От возмущения я аж задохнулась, но сил хотя бы на плохонький скандал у меня уже не было.

Перекусив бутербродами, мы взвалили велосипеды на «горбушку» и поперли в горку. Хорошо, что хоть велик у меня был не слишком тяжелый – восемнадцать килограмм, иначе я бы решила заночевать на свежем воздухе.

Прокатались мы в общей сложности шесть часов. Когда вернулись домой, у меня не было сил ни на что, кроме горячей ванны и трех метров ползком до кровати. Уснула я тут же, при этом правда весьма довольная собой: такой «подвиг» совершить не каждому под силу!

На следующее утро я вернулась в таун и принялась за поиски другого жилья. Мы с Санни уже давно приняли решение переехать туда, где патруль «не доходит», чтобы он мог приезжать хотя бы на выходные.

Я бродила по тауну, выискивая взглядом объявления о сдаче квартир и домов, когда, свернув за угол очередной постройки, наткнулась на американца, парковавшего машину.

– Привет, – обратился он ко мне.

– Привет. Как дела? – дежурно ответила я.

– Хорошо. Я могу чем-то помочь? Ты что-то ищешь? – предложил он вежливо.

– Квартиру ищу. Но чтобы не в центре тауна была, а поодаль.

– А ты откуда?

– Я – русская.

– Не может быть! – воскликнул он, выронив из рук пакет с продуктами.

– Почему не может? – не поняла я.

– У тебя акцента совсем нет. Я подумал, что ты американка. У меня жена – русская, но у нее акцент сильный.

Я залилась краской смущения. Мне-то всегда казалось, что

мой английский весьма далек от совершенства и люди просто издеваются, говоря, что он у меня – потрясающий.

– А как твою жену зовут? – сменила я тему языков и акцентов.

– Вероника. Знаешь что? Я дам тебе ее телефон, может она чем-то поможет. Обязательно позвони ей, а то она дома постоянно сидит, и ей скучно. Может, вы общий язык найдете, – затараторил он возбужденно и нацарапал на чеке из магазина номер телефона.

– Ладно. Спасибо, – поблагодарила я и пошла дальше. Звонить я не собиралась.

Нет, ну как он себе это представляет!? Вот просто так с бухты-барахты я позвоню и скажу: «Здрасте. Мне этот номер дал ваш муж. Вы не подскажете, где тут можно квартирку снять? Ах, это не агентство недвижимости!? Ну, простите». Нет уж – увольте!

Но с женой его я все же познакомилась, только случайно.

Однажды мы с Санни и «Ваней» как обычно – в пятницу – пошли по барам. Зайдя в один из них, я заметила сидящих в уголке двоих девушек. Сразу, еще издалека, поняла, что они русские: обе ухожены, нарядно одеты, накрашены… А когда подошла ближе, то еще и узнала в одной из них девушку, которая показывала нам со Светкой, как пользоваться телефоном-автоматом.

– Вот это да! Какие люди! – перекрикивая музыку, устремилась я к ней.

– Катя?! А ты что тут делаешь? – в той, «рабочей», жизни мы часто пересекались на всевозможных вечеринках, так что по имени друг друга запомнили.

– Я здесь с мужем, – кивнула головой в сторону Санни.

– Ты за Санни замуж вышла? Мой муж с ним работал, так что я его помню немного.

– Ага, в прошлом году… Мы уже три месяца здесь, – добавила я.

– Ясно. Знакомься, это Вероника, – она указала на миниатюрную брюнетку рядом с собой.

– Ой, а с тобой я, кажется, заочно знакома! – обратилась я к Веронике. – Похоже, что твой муж мне телефон твой давал.

– Так это ты?! Слушай, без обид, но я на тебя заранее злая, – со смехом заявила она.

– А что так? – опешила я.

– Да муж мой с тобой поговорил и теперь постоянно меня терроризирует: учи английский, учи английский! Вот, говорит, девочка так хорошо без акцента разговаривает – бери у нее уроки. Шутит, конечно, но как-то уж больно серьезно. Может, и правда – позанимаешься со мной?

– Это вряд ли. У меня для этого ни образования, ни специальных навыков нет. Не дай Бог я как-то не так тебя научу, потом переучиваться совсем сложно будет.

– Слушай, ну тогда приходи хоть просто так – в гости, – попросила она таким тоном, что я не смогла отказаться. К тому же Вероника мне с первого взгляда понравилась: энергичная, веселая и открытая девушка.

Так что я охотно согласилась:

– Хорошо. Давай в понедельник?

– Заметано. Я живу как раз там, где ты Джейка встретила.

Так я поняла, что мужа ее зовут Джейк.

В понедельник утром (я как раз собиралась пойти к Веронике, как обещала), спустя две недели после нашей поездки в Сеул, позвонил Санни и сообщил неприятную новость: из консульства пришло письмо, в котором они просят меня разъяснить причину смены имени и фамилии.

– А что же написать? – принялась я ломать голову над наиболее правдоподобным, но «безопасным» объяснением.

– Давай напишем, что в связи с оформлением новой визы, – предложил Санни.

Он подробно рассказал мне, что именно собирается написать в объяснении от моего имени, и я дала свое «добро».

Муж принялся за письмо, а я отправилась к Веронике.

– Привет, я так рада! – воскликнула она, увидев меня на пороге. – Кисуня, брысь отсюда! – шикнула она на полосатую кошку, которая в приступе любопытства отчаянно пыталась протиснуться мимо хозяйки на улицу.

– О, здорово! Я кошек обожаю! – обрадовалась я. – Как ее зовут?

– Киса, – ответила Вероника. – А меня можешь просто Ветой звать. Меня так с детства все называют.

– Хорошо, – согласилась я.

Я прошла в единственную комнату. На полу стоял компьютер, вокруг были разбросаны какие-то вещи…

– У нас тут бардак, не обращай внимания, – извинилась она. – Просто комнатка маленькая и ни один из шкафов не влезает.

Вета приготовила кофе, и мы устроились на полу вокруг маленького столика.

Вскоре выяснилось, что в России она окончила институт по специальности «преподаватель истории». В ней действительно чувствовалась образованность, тактичность и умение найти подход к любому человеку.

– Не поверишь, – продолжала она, – у меня мама с папой

английский всю жизнь преподавали. Да и сестра неплохо язык знает. Я же – единственная в семье, кому он никак не дается! И как у тебя получилось так хорошо его выучить!? На курсы специальные ходила?

– Не, на курсы я ровно месяц отходила, больше не смогла. Дома сама занималась. Мне как раз он почему-то очень легко дается, хотя в нашей семье склонности к языкам ни у кого больше не наблюдается, – рассказывала я, прихлебывая кофе.

Как-то сразу и очень легко у нас завязался непринужденный разговор. Мы говорили обо всем подряд, и настолько интересно нам было друг с другом, что ушла я от Веты только спустя двенадцать часов.

Через пару дней базу закрыли для учений, и мы с моей новой подругой решили устроить девичник на двоих. Признаюсь честно, мы даже обрадовались этим учениям, так как очень хотели посидеть без мужчин и «по-русски»: с бутылкой, закуской и долгими разговорами по душам.

К тому же нам давно и со страшной силой хотелось холодца. Блюдо это для одной себя не приготовишь, а наши мужья наотрез отказывались есть «мясное желе». Вот мы и решили сварить холодец тогда, когда их поблизости не было.

– Прикинь, что я в Интернете нашла! – воскликнула Вета, когда я пришла к ней на «девичник».

– Что?

– Концерт Задорнова! Послушаем, когда все готово будет?

Мы закинули в кастрюлю с килограмм различного мяса, залили водой, посолили/поперчили и стали ждать.

Когда вода уже давно закипела, я неожиданно кое-что вспомнила и бросилась на кухню:

– Вета! Старые мы идиотки! Воды на холодец надо наливать ровно столько, чтобы она только мясо слегка покрывала! – крикнула я ей. – А мы сколько налили?!

Мясо к тому времени проварилось уже с полчаса, но мы все-таки слили лишнюю жидкость.

– Надеюсь, этим мы ничего не испортили, – Вета задумчиво почесала затылок. – Желатина-то нет, чтобы добавить для гарантированного загустевания бульона.

– Да ладно, не парься – ему все равно еще часа четыре кипеть, так что должно и без желатина все получиться, – заверила я, и мы оставили мясо в покое.

Тем временем Вета решила не дожидаться закуски и выставила на стол огромную бутылку «Бакарди».

– Прощай здоровье, – вздохнула я, оценив размеры емкости.

– Так тут литр, мы же столько не выпьем!

– Ну, не знаю, – помня о том, что мы – русские, засомневалась я.

К тому времени, когда холодец был готов, мы были уже весьма «навеселе», так что закуска пришлась очень кстати. Долгожданное наше блюдо не просто загустело, а превратилось в плотную массу, состоявшую почти сплошь из мяса.

– Ну вот, и бульона для желе почти не осталось. А ты боялась, что не застынет, – усмехнулась я, с трудом разрезая комок «нерушимой дружбы» свинины и курицы.

– Да ладно, все равно вкусно, – отмахнулась Вета, жадно набрасываясь на закуску.

Мы сидели, слушая Задорнова, покатываясь со смеху и поедая холодец. Мне давно уже не было так хорошо. Несмотря на то, что с американцами было весело ходить по барам и при этом, даже изрядно напившись, они не буянили, в отличие от наших соотечественников, мы скучали по более привычным для нас посиделкам, застольям и долгим разговорам «про жизнь».

– Ты Риту хорошо знаешь? – спросила я в какой-то момент.

Вета аж подавилась от неожиданности:

– Уж лучше бы ты про нее не напоминала. Очень хорошо знаю… Ты это, держись от нее подальше, – предупредила она.

– Что, так все плохо?

– Хуже. Сейчас как начну рассказывать, так часа на три.

– А я и не тороплюсь, – предложила я.

– Ты ребенка ее видела?

Я задумалась: «А ведь странно, но я ни разу не видела ее, гуляющей с ребенком. Обычно в таком возрасте их „выгуливают“ раза два в день» и покачала головой:

– Не-а.

Вета усмехнулась:

– И не удивительно. Мало того, что она с Кирой не гуляет, так еще и не ухаживает совсем. У девчонки даже голова не ровная: она во сне ее совсем не переворачивает. А однажды так вообще учудила: оставила Киру одну и к какому-то мужику ушла. «Ди Каприо» вернулся, а ребенок дома один. Орет, аж посинел! Он с перепугу скорую вызвал, но вроде все обошлось. Так я после этого Ритку пару недель не видела. Говорят, муж ее крепко побил. И правильно сделал. Это ж надо было додуматься – такую кроху оставить дома одну! – возмущалась она.

– Да уж, по ней видно, что кроме нее самой ее никто больше не интересует.

– Ага, вечно жалуется на нехватку денег, на «Ди Каприо»… А он, между прочим, единственный, кто с Кирой гуляет. И любит ее – до безумия. Он ведь раньше дебил дебилом был, а теперь

образумился – не кидается с кулаками, на кого ни попадя.

Я рассказала, как однажды он побил Светку.

– Да, я слышала об этой истории. Только он Рите сказал, что Светка тогда его деньги украла.

Я аж захлебнулась от возмущения:

– Вот козел! Не крала она ничего!… Хотя, надо же было ему себя как-то выгородить, – добавила я, раскусив истинные мотивы сочинения подобной истории.

– Но с рождением Киры он сильно изменился, – продолжала «нахваливать» его Вета, опрокидывая в себя очередную рюмку чистейшего «Бакарди». Мы решили не затруднять себе жизнь смешиванием коктейлей, и пили «по-русски»: залпом и ничем не разбавляя. – А Ритка – «гнилая» насквозь: тебе улыбается, а за спиной сплетни распускает. Ей нельзя доверять.

– Да это я сразу поняла – у меня на таких людей нюх. С ней и поговорить-то не о чем: кроме жалоб я от нее так ни разу ничего не услышала.

Под холодец и выпивку просидели мы до утра. Сомнения по поводу наших «питейных» возможностей были напрасны: выпили, не морщась, весь литр, а потом еще и за водку взялись.

На следующий день, естественно, сами удивлялись крепости собственных организмов, которые даже не шибко мучились от похмелья.

Проходили дни, недели, а Санни все не отправлял заготовленное письмо-объяснительную.

– Ты когда отправишь письмо? – спросила как-то я.

– Его еще распечатать надо.

– Ну, так распечатай! В чем проблема?

– Ладно, постараюсь распечатать как-нибудь на неделе, – ответил он.

– Зачем так долго ждать?! Давай сейчас зайдем в библиотеку и напечатаем, – предложила я, тем более что мы находились всего в двух шагах от нее. – Это займет всего несколько минут, а на работу тебе только через два дня.

Неожиданно для меня он вспылил:

– Неужели тебе не понятно, что я очень устаю на работе и на выходных хочу отдохнуть!?… Ладно, пошли, раз тебе так не терпится! – бросил он довольно грубо, словно делая мне одолжение.

Я обиделась, но промолчала, стараясь не накалять обстановку.

В целом в наших отношениях, как мне казалось, было все хорошо. Но стоило завести речь о документах, как он

«напрягался», становился злым и раздражительным, и старался избежать лишних хлопот. Я и сама ненавидела бумажную рутину, связанную с визой, но если мы и дальше хотели быть вместе, то ее было просто не избежать.

И так как еще две недели ушло у него на то, чтобы дойти до почтового отделения и отправить распечатанное письмо, хотя находилась почта буквально в пяти минутах ходьбы от его комнаты на базе, то со дня получения запроса из консульства и до момента отправки ответа прошел почти месяц. Я бы и сама давно это сделала, но при отправке требовалось заполнить еще какие-то бланки, разобраться в которых мне было пока не под силу.

Я нервничала, плакала ночью в подушку, но как-то заставить Санни, или хотя бы слегка «надавить», чтобы он занялся документами – не могла. Он был не из тех людей, на которых можно «давить».

– Я этого терпеть не могу, когда мне о чем-то постоянно напоминают, – говорил он обычно. – Я и сам прекрасно все помню. А так – у меня вообще пропадает желание что-либо делать.

И как с этим бороться, я не знала.

Два раза в месяц мы с Санни ездили на выходные в Осан, прихватывая с собой «Ваню», который, кстати, буквально «сидел» на чемоданах, собранных для поездки обратно в Америку. Он начал службу в Корее на полгода раньше Санни, и его контракт уже подходил к концу. В Осане мы обычно ходили по магазинам, коих там было немереное количество, а вечерами играли в бильярд или пили пиво.

Неумолимо приближалось лето, на которое мы с мужем запланировали поездку на остров Чеджу-до, славившийся шикарными отелями, великолепными пляжами, кристально чистым морем и массой всевозможных достопримечательностей.

Новостей из консульства больше не было, и я всерьез начала волноваться.

Я периодически ездила в Сеул, чтобы напомнить там о себе, но результатов это никаких не давало. Им-то что? Им лишние эмигранты не нужны. И сотрудники консульства всеми силами старались притормозить процесс, чтобы гарантированно отсеять тех, чьи мужья не слишком сильно желали привезти свою иностранную супругу в США. Поэтому было очень важно, чтобы именно муж – сам, лично – «наседал» на консула, давая понять, что это именно ОН заинтересован в том, чтобы привезти меня в Америку, а не Я.

Я неоднократно объясняла это Санни, но ответ всегда

оставался один: «Я много работаю, и у меня нет на это времени».

Оба последних месяца мы с Вероникой были «не разлей вода». Но однажды настал день и их с Джейком отъезда. Мы тепло распрощались и пообещали друг другу, что еще непременно встретимся где-нибудь в Америке «за холодцом».

Ко мне по-прежнему иногда заходила Рита, чтобы обсудить свои семейные проблемы. Я, как человек вежливый, не решалась послать ее куда подальше, но меня эти встречи лишь опустошали и выматывали: выливая на меня ушаты эмоциональной грязи, она чувствовала себя лучше, а я – так, словно из меня вычерпали все силы.

Сама я тоже время от времени наведывалась к девочкам из разных клубов, чтобы поболтать немного по-русски. На тот момент в тауне их осталось всего человек десять, а моих «старых» знакомых – и того меньше: Лариса недавно уехала обратно в Россию, а Маша (ее молчаливая подруга) осталась в тауне нелегально. Но ненадолго. Об этом хочу рассказать немного подробнее.

В какой-то момент «мамашка» их клуба решила отказаться от Маши и отправить ее в другой город, так как своей молчаливостью больших денег она все равно не приносила. Но уезжать Маша не хотела, ведь здесь у нее был бойфренд. Поэтому она решилась на «побег». И не одна, а вместе с Ирой (той самой, которая встречалась с Марком, «сусликом»-пехотинцем).

От Иры примерно в это же время хозяева тоже решили избавиться. Накануне она побывала в таком глубоком запое, что две недели не могла из него выйти. Разумеется, на работе в это время ее тоже не видели. Да-да, именно поэтому она категорически отказывалась пить, но вид при этом имела, самый что ни на есть пропитой: она просто знала, что может «сорваться».

После «побега» обе подружки жили с парнями в одной двухкомнатной квартире на четверых. Их бойфренды-пехотинцы зарабатывали так мало, что денег с трудом хватало на простую еду. Об отоплении и горячей воде для квартиры речь даже не шла.

К моменту «побега» Маша оказалась беременной. Несмотря на то, что ее бойфренд категорически возражал, ребенка она решила оставить. По этому поводу они постоянно ссорились, и вскоре бойфренд совсем перестал приходить и приносить ей еду. Самостоятельно же выходить на улицу она не могла, так как опасалась встречи с хозяином клуба. От такой «развеселой» жизни на четвертом месяце у нее случился выкидыш. На этом ее путешествие в Корею закончилось, и она вернулась в Россию.

Мне было удивительно и непонятно ее безрассудное упрямство. Нет, ну какой у нее мог родиться ребенок, если она мылась в холодной воде, питалась один раз в день и только лапшой и к тому же выпивала частенько? Лично я – не представляю. Так что выкидыш – это даже хорошо. В особенности – для не родившегося очередного потенциально несчастного ребенка.

Ира оказалась чуть проворнее и удачливее Маши, и они с Марком поженились буквально через пару недель после «побега».

Наташа (подруга Иры, до икоты напугавшая Стэна своим бурным темпераментом на нашей вечеринке) тоже вскоре вышла замуж. Она, наконец, сделала выбор между корейцем и американцем в пользу последнего, и теперь наслаждалась беззаботной жизнью официальной жены.

Признаться, меня удивила скорость, с которой девчонки повыскакивали замуж. Но, с другой стороны, я была за них рада. Им, можно сказать, повезло – они смогли выбраться из дерьма, в которое их окунула жизнь и создать новые семьи.

Вскоре в таун прибыло «пополнение». В количестве аж шести русских девушек. Мы все тут же перезнакомились и очень быстро сдружились.

Иногда девчонки обращались ко мне с просьбами купить что-нибудь на базе: туалетную воду, шампунь, косметику или кое-что из одежды. Еще не у всех из них были бойфренды, так что с подобными просьбами они могли обратиться пока только ко мне. Я никогда не отказывала, так как сама когда-то была в такой же ситуации, что и они, и была рада хоть чем-то помочь.

Все они находились в Корее по гостевым визам, а потому и работать нигде не имели права. При этом с каждым днем эмигрэшка устраивала проверки все чаще, и все чаще у девчонок появлялся незапланированный выходной.

– А вас все на работу не пускают? – беззлобно поддела я их в очередной раз, зайдя как-то вечером в гости.

– Да ужас! – в ответ девчонки дружно закивали головами.

– Пойдем, кофе попьем, – позвала меня Оля – миловидная шатенка с коротко-стрижеными волосами и хорошей фигурой. Мы вдвоем перешли на кухню. – И чего они так прицепились к нам со своими проверками?! Чем мы им так мешаем?! – продолжала возмущаться она, наливая в «турку» воду для кофе. – … Мало того, что у самих работы нет, так к нам еще и новенькую привезли, представляешь?!

– А где она? – удивилась я, так как новых лиц в квартире как-то не заметила.

– В магазин за соджу побежала. С утра до вечера бухает, – пожаловалась она. – Мало того, что пьет, так она еще и бывшая наркоманка, отмотавшая срок на зоне! – сообщила мне Оля и, понизив голос до шепота, добавила. – У нее ломки всю прошлую ночь были. Я так испугалась!

Я присвистнула:

– Вот это да! Вот это биография! А как, интересно, ее с судимостью в Корею-то впустили?

– Говорит, друзья помогли. Хотя, может и врет, что сидела. Но про героин – правда. Уж как ее ломало… – ни с чем не спутаешь: стонала всю ночь, по кровати каталась! Кать, я такого еще никогда не видела!… Я теперь за наши деньги переживаю. Мало ли, что там ей в голову стукнет – возьмет и стырит. А нам потом чего делать?

– Ну, спрячьте получше, – посоветовала я. А что еще можно сделать? – Можешь, конечно, и у меня оставить, но лучше в банк положи – и мне и тебе так спокойнее будет.

– У нас уже был такой случай. Все, что за полтора месяца заработали, – пропало. Мы, конечно, воровку нашли… и даже поколотили ее немного, но толку-то – ноль. Денег уже не вернешь – все профукала.

На радость девчонкам новенькую довольно быстро отвезли обратно в Сеул: уж слишком много пила. Но их радость была недолгой – появилась другая проблема.

Однажды вечером, когда я была у Санни на базе, у меня зазвонил телефон.

– Да.

– Кать, это Оля, – прошептала она «не своим» голосом.

Я сразу поняла, что что-то случилось, и потребовала:

– Говори.

– К нам неожиданно эмигрэшка нагрянула. Всех девок забрали, одна я осталась.

– То есть как – всех? – я не поняла: она имеет в виду весь таун или только ее клуб, и спросила об этом.

– Вообще ВСЕХ! О проверке даже хозяева клубов не знали, хотя их обычно предупреждают. Они сразу в несколько клубов зашли, где русские были. Мне повезло – я в это время переодевалась. «Мамашка» успела ко мне заскочить и затолкала под танцплощадку, – рассказывала она все так же – шепотом. – Оказывается, там что-то вроде тайника есть: лестница и все такое. Вот тут и сижу, скрючившись в три погибели.

– И долго ты там сидишь?! – ужаснулась я.

– Часа два уже. Мне уж и попить приносили и покурить. Ноги затекли, сил нет, но придется до закрытия клуба тут просидеть.

– О Господи! Так ведь это еще больше часа!

– И я о том же, но в эмигрэшку уж больно не хочется! Я вот чего звоню… Можно я у тебя поживу? С недельку. А-то «маманька» сказала, что мне в том же доме оставаться нельзя – «шмонать» будут.

– Конечно, – с легкостью согласилась я. Санни в тауне вообще больше не ночевал, а мне с Олей все как-никак веселее будет.

– Так ты дома? – уточнила она.

– Нет, но на такси через пятнадцать минут буду.

– Хорошо. Тогда, как только мы закроемся, меня к тебе привезут. И – спасибо, – искренне поблагодарила она и повесила трубку.

Телефон тут же зазвонил снова. На этот раз – Рита. Она с ужасом начала рассказывать мне о том, что случилось, но я ее перебила, сказав, что все уже знаю, и рассказала про Олю.

Санни, узнав от меня все детали, тоже не остался в стороне и предложил свою помощь, если вдруг нам с «беглянкой» будет что-нибудь нужно. Мы распрощались, и я помчалась домой.

Через пятнадцать минут я была уже дома, а еще через час – впускала в квартиру перепуганную, озирающуюся по сторонам подругу.

Когда она немного пришла в себя и успокоилась, я захотела услышать подробности:

– Ну, удалось что-нибудь еще разузнать? Как вообще оно так получилось!?

– Да я и сама ничего толком не знаю. Мы как обычно пришли на работу, все тихо было, эмигрэшку не ждали. Я как раз переодеваться ушла, когда они завалились, поэтому сама ничего не видела, но «мамка» мне потом рассказала, что, похоже, им кто-то стуканул, потому что эмигрэшка не местная была, а из Ченджу, – при этом названии меня перекосило: именно там я провела две недели перед депортацией. – Они явно знали, в каких именно клубах русские были, и сколько. Про меня, кстати, тоже спрашивали… Блин, лишь бы девки не раскололись, что я здесь осталась, – добавила она тоскливо.

– Да, похоже, они и впрямь слишком много знали.

– Конечно, говорю тебе – кто-то сдал! У них даже список с именами был. Обычно они тупо ходят по клубам, проверяя один за другим, а тут – на тебе, именно туда пошли, где русские были!

– И чем мы им так мешаем? – не понимала я. – Уже всех русских выгнали, одни филиппинки остались, даже поговорить теперь не с кем будет!

– И не говори… Но меня теперь точно искать будут, так что о работе можно забыть, – с грустью добавила Оля.

Поговорив еще какое-то время, мы разошлись спать по комнатам. Вещей с собой у нее не было, так что пришлось выделять кое-что из своих.

На следующий день выяснилось, кто сдал девчонок. Это был местный военный патруль. Американосы.

Когда задержанных «нелегалок» привезли в эмиграционный офис, то они уже там сидели – показания давали. Так что пытаться отвертеться, рассказывая, что ты просто так в бар зашла – коктейльчика выпить, было бесполезно.

Обычно американцы не вмешивались в дела «гражданских», но то ли случилось невероятное и они сами решили «помочь» эмигрэшке, то ли просто банально мстили…

За что? Да мало ли дураков на свете бывает?! Может кто-то из патруля за кем-то из девок ухаживать начал, а она «не дала» или просто обидела чем-то…, и он взял, и решил отомстить. Кто знает? Но если действительно сдал их патруль, то это легко объясняет, откуда полицейские знали в каком клубе и сколько девчонок, и даже их имена.

– И что мне теперь делать, ума не приложу, – грустила Оля.

– А что Крис говорит? – спросила я ее о бойфренде.

– Вроде хочет, чтоб мы поженились в Сеуле и тогда я легально смогу тут остаться. Но это когда еще будет, – с сомнением проговорила она.

– Так, через три недели мы с Санни в отпуск уезжаем, так что какое-то время вы сможете здесь пожить. Это сэкономит вам деньги, так как на всякие бумажки и саму женитьбу в будущем вам их много понадобится. Ну а потом и свою квартиру найдете… Но это уже – как сами решите, – добавила я, вспомнив о том, что ее Крис зарабатывал не слишком-то много.

– Ой, спасибо тебе большущее! И что бы мы без тебя делали!? – горячо поблагодарила она.

Вскоре мне позвонила Рита и стала напрашиваться в гости для разговора. Я удивилась ее несколько официальному и оттого – загадочному – тону и ответила, что не занята.

– У меня к тебе предложение есть, – начала она интригующе прямо с порога.

– Предлагай, – разрешила я.

– Мы с Кимом бар решили открыть, и нам нужна будет помощница, то есть – ты! – торжественно произнесла она.

От неожиданности я как-то даже не сразу сообразила, что некто упомянутый выше Ким и есть ее муж – «Ди Каприо». На самом деле его полное имя было Ким Габбэй, но все предпочитали звать его лишь по фамилии: мистер Ким.

Далее Рита объяснила, что решили они это уже давно, но вот деньги только сейчас появились. Также она рассказала, что бар будет на месте бывшего караоке-бара.

– И когда вы планируете его открыть, – уточнила я.

– Через месяц, когда все будет отремонтировано и готово к работе, – ответила она с горделивой улыбкой.

– Хм… Мы с Санни в отпуск на Чеджу-до едем, нас две недели не будет. Ну а после этого я вроде свободна буду, – размышляла я вслух.

Я, как только приехала с Санни в Корею, сразу занялась поиском работы, но меня нигде не брали, так как моя виза была «нерабочая». Обойдя кучу кафешек и баров, я сдалась. Устроиться на работу можно было только нелегально, но второй раз быть депортированной мне не хотелось.

– Но официально я все равно работать не смогу, – вспомнив об этом «пунктике», высказала я сомнение.

– Ничего страшного! – заверила Рита. – Во-первых, у моего в эмигрэшке знакомые. Во-вторых, я – официальная хозяйка бара и могу всем говорить, что ты у меня не работаешь, а просто помогаешь как подруга.

– Пожалуй, это может «прокатить», но все-таки… – я все еще колебалась.

– Да даже если и придут с проверкой, всегда можно сказать, что ты зашла просто в гости. Тебе же не надо будет надевать мини-юбки и прозрачные топы, как филиппинкам в клубах. Обычная одежда: джинсы, футболка. Тебя и так за американку постоянно принимают, чего тебе волноваться!? – горячо убеждала меня она.

– Ну, хорошо. Я не против, – наконец-то решилась я. – Но на выходных работать не смогу, а то я и так мужа совсем не вижу.

– Плохо дело…, – задумалась Рита. – Ты собственно и нужна нам была на выходные… ну и на пятницу.

– Тогда не получится. Извини.

– Не-е, так не пойдет! Ты нам все равно нужна будешь. Давай мы на выходные кого-нибудь другого подыщем, а ты у нас все остальные дни будешь работать, – пошла она на уступки.

– Тогда годится, – легко согласилась я.

Рита рассказала, что платить мне они готовы четыреста долларов в месяц, плюс чаевые (деньги, чего уж там говорить, небольшие, но других мне никто и не предлагал). Работать я должна буду пять дней в неделю по пять часов (хотя в пятницу, возможно, чуть дольше). Такой график меня вполне устраивал, так как заняться все равно было нечем.

Несмотря на то, что я практически уже согласилась, я решила

рассказать о предложении мужу и уточнить, не будет ли он возражать.

– Здорово! Соглашайся, конечно! – обрадовался он. – И тебе будет, чем заняться, и мне так спокойнее: я же понимаю, как тебе дома скучно… Как раз еще и в отпуск съездим, сможешь отдохнуть хорошенько перед началом работы.

Что скучно, это он точно подметил: я от скуки даже бегать по утрам начала, хотя я, между прочим, терпеть не могу этого делать!

Не могу сказать, что меня так уж сильно вдохновляла перспектива работать на таких людей, как «Ди Каприо» и Рита, но и дома я уже потихоньку начинала сходить с ума от постоянного безделья и одиночества. Поэтому их предложение я приняла.

Кстати, арестованных в тот раз девчонок все-таки выслали из страны. Но не сразу.

Точнее, двоих из них, работодатель которых не скрывался, выслали почти сразу, а остальных – не выпускали. Бедолаг хотели продержать взаперти до тех пор, пока не отыщут хозяина клуба (за привлечение к работе девчонок ему грозил крупный штраф или даже тюрьма, вот он и «пропал»), но беглец все не являлся с повинной. Так и не дождавшись поимки нанимателя, их все-таки выслали. Спустя три недели.

Глава 4

Оля жила у меня. У меня ведь было две комнаты, а пользовалась я лишь одной, так что мне это никак не мешало. Плюс к этому, когда я уезжала к Санни на базу, то и Крис, Олин бойфренд, ночевать оставался здесь же.

Время от времени я специально проходила мимо бывшего караоке, чтобы посмотреть, как продвигается стройка. Там-то я и повстречала Кима– «Ди Каприо» впервые, спустя несколько лет.

– Ты – Катя? – обратился он ко мне, видимо догадавшись, что его жена предложила работу именно мне.

По лицу я поняла, что меня он не узнал, и даже обрадовалась, что не нужно будет выяснять отношения.

– Привет, – как можно более дружелюбно поздоровалась я. – Как стройка?

Услышав вопрос, он оживился и начал размахивать руками, показывая мне, что и где скоро будет готово. Глаза его возбужденно горели, руки – по локоть испачканы краской, а рабочие штаны – сплошь покрыты какими-то пятнами. Видимо, стоять просто в сторонке, присматривая за процессом, было выше его сил: как и любой мужчина, он считал, что с «рождением» его любимого детища никто не справится лучше него.

Впервые в жизни я видела этого человека без дорогущего костюма, и, похоже, отсутствие оного ничуть его не смущало. Возможно, он и впрямь изменился?

Наступил отпуск Санни.

Настроение у нас было замечательное, а погода – изумительная! Еще не пришла пора москитов и дождей, не было и слишком жарко – в общем, самое то для отличного отдыха.

Мы заранее забронировали хороший отель, купили билеты и распланировали наше путешествие.

– Так, сначала пять дней пробудем на острове. Потом можно будет поехать по большим городам: Сеул, Пусан, Осан…, – загибал Санни пальцы.

Собрав чемоданы, мы отправились в путь: всего полчаса самолетом и два часа на автобусе.

Выйдя из самолета, я тут же принялась фотографировать пальмы, которые увидела впервые в жизни.

– Кэт, зачем ты их фотографируешь?! Они же здесь по всему острову! – недоумевал Санни, давясь от смеха.

– А я «живых» пальм ни разу не видела. Вдруг там, куда мы приедем, их больше не будет?

– Да они тут везде! Поверь мне, возле отеля они тоже есть, я сам лично в Интернете видел, – уверял он меня.

Добравшись до отеля «Hyatt» я убедилась, что пальмы на острове действительно были везде. Нет, даже так: не «везде», а прямо «ВЕЗДЕ и ПОВСЮДУ»!

Поймите меня – выходца из «деревни», который до этого ни разу в жизни не был в настоящем отпуске, а уж за границей – тем более. Мне здесь все было в новинку: шикарный отель, благоустроенный пляж, белый песок…, не говоря уже о такой диковинке, как ПАЛЬМЫ! И хотя я и родилась в небольшом городке Приморского края, расположенном всего в тридцати километрах от Японского моря, сравнивать отдых на Чеджу-до с «около Дальнегорским» столь же немыслимо, что и Канары с «д. Дубки, 105-ый км».

«Hyatt» оказался многоэтажным отелем, расположенным в ста метрах от пляжа. В нем разместились спортзал, несколько бассейнов, пара ресторанов, казино и прочие развлечения.

Номер наш был солнечный, просторный, с огромным плоским телевизором на стене и освещением, включавшимся от хлопка в ладоши (еще одно «чудо», с которым я столкнулась впервые в жизни!). Я бродила по номеру, без конца хлопая на разные лады (надо же было разобраться в том, как работает эта система) включая и выключая пультом телевизор и трогая все руками чтобы убедиться, что все *это*– не сон. В последний раз я так радовалась, не веря своим глазам, лет десять назад, когда отец впервые взял меня с собой на рыбалку на море. Вот только палатку и костерок у воды сейчас заменили мне дорогой отель и жаркое летнее солнце.

Едва распаковав чемоданы, я предложила Санни отправиться на пляж.

– Мы же только зашли, – запротестовал он. – Ты разве покушать не хочешь?!

– Я купаться хочу и на песочке полежать! А поесть мы всегда успеем. Да и по дороге можно чего-нибудь перехватить… Ну пошли-и-и! – ныла я, как ребенок. Мне не хотелось терять ни минуты!

– Ладно. Надевай купальник, – наконец сдался он.

Я тут же бросилась ему на шею и расцеловала.

Переодевшись, мы отправились на пляж. Туда мы добрались за пять минут и огляделись: народу было не много и большинство были одеты в футболки и шорты.

– Странно, почему они не в купальниках? – удивился Санни.

– В Корее не принято тело показывать. Они всегда купаются в футболках и шортах, а иногда даже в трико, – объяснила я.

– А ты откуда знаешь?! – изумился он.

– Мне Танька рассказывала. Их хозяйка на море возила.

Я скинула с себя одежду и устремилась на встречу с волной (Боже мой, как я, оказывается, по морю соскучилась!). Санни шел следом за мной.

Добежав до воды, я немного притормозила и боязливо попробовала ее ногой. От холода по телу побежали мурашки: «Так вот почему почти никто не купается!» – поняла я.

– Я туда не полезу, – категорично заявил муж, тоже попробовав воду.

– Ты привыкнешь! Это только поначалу так: кажется, что холодно. Потом будет теплее, – заверила его я и смело пошла навстречу соленой волне.

Не поверив мне, Санни так и остался стоять на берегу, а я увлеченно резвилась на волнах, отплевываясь и фыркая, и действительно быстро согрелась. Его, привыкшего к теплым водам Флориды и Гавайев, понять было можно, ну а мне – коренной дальневосточнице – к таким температурам не привыкать.

…Увы, пять дней на острове пролетели слишком уж быстро.

Каждый день с завидным упорством Санни тащил меня на экскурсии по заповедникам, паркам, буддийским храмам и музеям. Я же пыталась увильнуть от затяжных прогулок, уговаривая его провести день у моря, нежась под лучами яркого солнца. Но он, к сожалению, не поддавался, и мы снова и снова проходили километр за километром, осматривая местные достопримечательности. Все было очень красиво, интересно, ново, но каждый раз я выматывалась безумно и мечтала лишь об одном: разлечься на теплом песке и никуда не ходить.

Тем не менее, эта часть отпуска мне очень запомнилась и оставила массу приятных воспоминаний. Уезжала я с тоской и нежеланием возвращаться на материк.

Еще одну неделю мы провели в Осане и Сеуле, совершая мелкие и не очень, но приятные во всех отношения покупки: несколько картин для нашей будущей квартиры в Америке, кое-какие сувениры в подарок родственникам, ну и себе кое-что на память. До Пусана и других городов мы не доехали, так как внезапно закончились деньги.

Так пролетели две недели, и мы вернулись в Кунсан.

Бар, отстроенный Кимом, был уже готов, и я позвонила Рите, сообщив, что готова выйти на работу.

– Отлично! Завтра сможешь? – обрадовалась она.

– Да, конечно.

На следующий день без десяти пять я открыла двери «Лос Лобос».

Бар был хоть и небольшой, но очень уютный. В отделке помещения чувствовалась рука опытного дизайнера: деревянная отделка стен удачно гармонировала с деревянной же мебелью, а центральное – самое почетное – место в зале было отдано под хороший бильярдный стол; все помещение мягко освещалось лампами синего и зеленого цвета, мощность которых можно было плавно регулировать; на потолке же красовались эмблемы американских футбольных и бейсбольных команд, ведь в основном бар и был рассчитан на них – на американцев. На них же были рассчитаны и пять компьютеров с бесплатным подключением к Интернету, разместившиеся вдоль одной из стен.

– Катя! Добро пожаловать в «Лос Лобос»! – пробасил Ким, широко раскинув руки для объятий.

Я немного оторопела от столь «горячего» приема, но через секунду поняла, что это – показуха для находившихся здесь же первых клиентов. Вообще-то официально по будням бар открывался в пять часов вечера, но если хоть кто-то подходил к дверям раньше, то рабочий день начинался в ту же минуту. В субботу и воскресенье бар вообще зачастую будут открывать с одиннадцати, хотя планировали – не раньше двух часов дня, и тогда мой рабочий день будет длиться по тринадцать-четырнадцать часов без перерыва и без дополнительной оплаты за переработку. Но в тот момент я об этом еще не предполагала и была очень рада, что наконец-то начинаю работать.

– Добрый вечер, мистер Ким! – подыграла я, изобразив на лице счастливейшую улыбку идиота, выигравшего в лотерею золоченый фантик от конфеты.

Он показал мне, где что находится, ознакомил с ассортиментом и расписал мои обязанности: предлагать посетителям выпивку, протирать столы в течение дня и мыть перед открытием пол. Работать я буду вместе с кореянкой, находившейся тут же.

– Чуян, – представилась по-английски женщина, выглядевшая лет на тридцать. – Я уже убралась, осталось только столы протереть.

Она улыбалась приятной улыбкой и казалась весьма добродушной. Мы разговорились, и я узнала, что на самом деле ей сорок лет (у корейцев вообще сложно определить точный возраст «по лицу»; видимо, такова особенность азиатского типа внешности) и у нее есть почти взрослая дочь, которая живет с бывшим мужем.

– А почему не с тобой? – удивилась я.

– Он суд выиграл. У него семья богатая и сам хорошо получает, – объяснила она грустно.

– Сочувствую.

– Но я навещаю ее иногда, да и созваниваемся часто.

В работу я втянулась быстро: принимать заказы и подавать бутылки с пивом много ума не надо. Также я старалась как-то разговорить клиентов, рассмешить. Ведь чем комфортнее чувствовали себя у нас посетители, тем больше оставляли нам с Чуян чаевых и тем чаще к нам возвращались. Так что очень быстро я поняла, что моя работа заключается не только в выдаче заказанных бутылок и протирке столов, но еще и в развлечении посетителей. А в этом, благодаря работе в «Стерео», у меня опыт был. Да и английский, слава Богу, у меня был достаточно хорош для того, чтобы и пошутить к месту, и посочувствовать, если надо.

Многие посетители хотели познакомиться поближе, но я сразу сообщала им, что замужем.

– Катя, а тебе обязательно об этом всем говорить!? – набросилась на меня как-то Рита.

– А что мне, врать им что ли?! – не поняла я «наезда». – Все равно рано или поздно узнают. Здесь ведь всем про всех все известно, – тебе ли рассказывать!? А в чем, собственно, проблема?

– Ну, так бы, глядишь, тот парень еще на пару часов остался, а теперь может больше и не придет…, – объяснила она нашу выгоду от вранья.

Я же считала, что это – глупо. Если ему бар понравился – он вернется, а если нет – то туда ему и дорога. И вообще, полбазы знало, чья я жена и скрывать это было бессмысленно. Даже напротив, человек может обидеться, узнав, что я соврала… А уж как мог «обидеться» муж, если бы узнал о том, что я «одинока»!

– Рита, я не собираюсь скрывать тот факт, что я замужем. Ты только представь, что будет, если кто-нибудь расскажет Санни, как я тут всем вру, будто у меня мужа нет! Нет уж, спасибо – мне неприятности в семье не нужны. А если вас это не устраивает – тогда нам лучше прямо сейчас распрощаться.

– Ладно, не обижайся. Просто ты меня тоже пойми, я же для бизнеса стараюсь. Больше народу – больше и у вас чаевых, – оправдывалась она.

– Понимаю. Но не надо на меня давить, я и так из кожи вон лезу, чтобы у нас людям весело было, – ответила я внешне спокойно, но в душе на нее все-таки обидевшись.

Время бежало стремительно.

Вот уже и до отъезда Санни осталось пять месяцев, а от консульства – ни слуху, ни духу.

– Ты им не звонил? – спрашивала я в очередной раз, имея в виду американское консульство. Мне даже не надо было это уточнять, так как подобный вопрос я задавала почти каждый раз, приезжая на базу.

Его ответ всегда был один и тот же:

– Нет. А зачем? Если будет что-то известно – они сообщат.

Я расстраивалась и молча ревела в подушку. Заставить же мужа позвонить им самому, было выше моих сил.

Видя мою грусть и подавленное настроение, он мог лишь утешать меня пустыми словами:

– Не переживай, вот увидишь – со дня на день они позвонят или напишут. Надо просто еще немного подождать.

– Хорошо, если ты окажешься прав. А если – нет? Что, если мне придется здесь без тебя визу ждать? Переводить документы на Москву – глупо, это еще больше времени займет. А корейская виза у меня только до декабря. Вот закончится она – что тогда делать будем?

– Можно сходить в эмигрэшку и объяснить ситуацию, попросить их продлить тебе визу еще на пару месяцев, – предлагал он.

– Пожалуй, попробовать можно. Лишь бы этих добавленных месяцев нам хватило… Но это все – не раньше ноября.

– Хорошо. Значит, в ноябре мы обязательно съездим, – легко соглашался Санни.

Время от времени у меня появлялось стойкое ощущение, что если я не получу визу до его отъезда и мы снова расстанемся, то все будет кончено. На еще одну разлуку не было сил ни у меня, ни у него (я буквально чувствовала, насколько вся эта тягомотина уже ему надоела). То есть я бы, конечно, ждала, как настоящая «жена декабриста», но третий год расставаний – это было бы все-таки «чересчур».

Я старалась прогнать свое ужасное «предчувствие», но оно появлялось все чаще и чаще. С Санни своими страхами я не делилась, так как не хотела расстраивать. Тем более что он принялся бы меня заверять, что все будет хорошо. Но я давно уже не верила в то, что если мы расстанемся еще хотя бы раз, у нас вообще хоть что-нибудь будет. Не говоря уже о «хорошо». И убедить меня в обратном уже никому было не под силу.

Подобные мысли и «предчувствия» потихоньку убивали меня изнутри, ведь для меня наш с Санни брак был не просто штампом в паспорте и кольцом на пальце. Он был для меня ВСЕМ! Я не могла себе даже представить жизнь без него! И потерять Санни

было равно примерно тому, как если бы верующему человеку в самый трудный момент его жизни предоставить неопровержимые доказательства того, что Бога нет, и никогда не было: и у него и у меня мир перевернулся бы с ног на голову.

Оля с Крисом в Сеуле так и не поженились, но решили, что распишутся чуть позже в России. Так что очень скоро я проводила ее на самолет и опять осталась в квартире одна.

Вскоре я узнала, что в конце декабря приедут Таня и Джек.

С одной стороны, я надеялась, что к тому времени все-таки уеду с мужем в Штаты, но с другой – что с Танькой все-таки увижусь.

Я по-прежнему работала в баре Кима, и «Лос Лобос» нравился мне все больше и больше. У нас появились постоянные клиенты, с которыми уже не надо было ломать голову над тем, чем их рассмешить и как разговорить: все происходило само собой. Но иногда появлялись и новые посетители.

Однажды дверь бара широко распахнулась. Мы с Чуян, как по команде, повернулись лицом ко входу и дружно проорали: «Добро пожаловать в Лос Лобос!», как от нас того требовал Ким. В бар вошел высокий тощий мужчина лет сорока пяти, неся перед собой огромную кастрюлю, литров на пять. Из кастрюли чем-то соблазнительно пахло.

Желудок тут же дал о себе знать, напомнив, что про обед хозяйка как обычно забыла.

– Здрасте. Можете называть меня Шпик, хотя на самом деле я – Шон. Но лучше все-таки Шпик, – длинно и немного путано представился он. – Я вам принес «гамбо»: свинина, курица, колбаса в соусе. Попробуйте, это очень вкусно. Я всем разношу, так как очень люблю готовить, а семьи здесь у меня нет.

Мы с Чуян переглянулись, удивившись свалившейся «с неба» еде, но отказываться от угощения не стали:

– Спасибо! – все так же – хором – поблагодарили мы и полезли искать ложки.

– А мне «Хайт», пожалуйста, – заказал он пиво и уселся напротив нас.

Я подала выпивку и разлила по тарелкам божественно пахнущий «гамбо».

«Гамбо» – ни на что не похожее в русской кухне блюдо: много разного мяса в густом коричневом соусе. Пожалуй, можно было бы сравнить ЭТО с подливкой, но по вкусовым ощущениям разница была слишком заметной, и не в пользу подливки.

– А ты, разве, не будешь? – удивилась я.

– Не, я когда пью – не ем, – ответил он и закурил.

Так в мою жизнь вошел Шпик.

Пока мы обедали, я рассказала немного о себе, а потом попросила рецепт столь вкусного блюда. Мы обменивались рецептами разных блюд и очень скоро выяснили, что ирландская (Шпик был американским ирландцем) и русская кухни очень похожи.

– Короче, я понял. У нас – кухни «для бедных»: что нашел в холодильнике, то и смешал, – сделал он вывод, когда я описала ему рецепты приготовления борща, щей, холодца и солянки.

Я убедилась, что Шпик действительно очень любит готовить, ведь все три часа мы говорили исключительно о еде. А так как я и сама на готовке помешана, то наш разговор пришелся мне весьма по душе. Вообще, Шпик мне сразу очень понравился. Хотя у нас и была огромная разница в возрасте, но общее пристрастие нас как-то сближало.

Ему было сорок восемь лет. В Америке у него осталась жена – японка, с которой он прожил уже тридцать лет и которую до сих пор любил до безумия, а также двое взрослых дочерей. Он с гордостью показывал мне их фотографии, бережно уложенные в портмоне, и рассказывал, какие они умные и хорошие. Было заметно, что без семьи ему здесь безумно одиноко, хотя находился он в Корее всего-то неделю.

Когда «гамбо» уже совсем остыло, он, наконец, спохватился: оказывается, он планировал отнести его еще в несколько баров, чтобы покормить филиппинок.

– Я часто буду приходить, – заверил он на прощание. – У меня некому все это есть, а других развлечений, кроме готовки, я и не знаю.

– Конечно, приходи! А если еще и с такими кастрюльками, так тем более! – радостно пригласила я.

На следующий день Шпик пришел снова, принеся восхитительную итальянскую пасту с курицей под сливочным соусом. Да-а, уж что-что, а готовить он и вправду умел!

– Я забыла вчера спросить: почему тебя не Шоном, а Шпиком называют? – прошамкала я, со свистом поглощая вкуснейшие макароны.

– Шон – мое имя. Но так получилось, что все знали меня как «Шон – тот самый Пьяный Ирландский Кретин». Со временем это все сократили до Шпика, – со смехом объяснил он. – Я ведь в молодости пил, как лошадь. Мог сутки пить, а после часа сна спокойно на работу пойти. Меня перепить никто не мог, даже немцы. Уж насколько те пиво хлещут, и то не справились!

– Ясно, – усмехнулась я. – Это просто ты с русскими водку не пил.

– Ерунда! Или ты хочешь поспорить?! – осведомился Шпик лукаво.

– Ага. Как-нибудь. Я в Россию скоро поеду: вот привезу русской водки, закуски – тогда и посмотрим, – ответила я на вызов.

Домой я решила поехать на пару недель в сентябре – повидаться со всеми до наступления холодов. Благо, до родного города Ха оттуда было рукой подать: три часа по Корее до аэропорта в Сеуле и два часа в самолете. Да и билеты стоили не слишком дорого. К тому же в сентябре Санни на месяц отправляли в командировку в Осан, а поехать с ним я не могла.

В тауне Шпик стал популярен очень быстро. Он почти каждый день разносил еду по клубам, а нескольким филиппинкам даже купил «тикеты», ничего при этом не требуя взамен, – просто для того, чтобы те могли спокойно отдохнуть впервые за несколько месяцев.

Да, знаю, таких людей почти не осталось, но, тем не менее, он был таким.

Уж и не знаю почему, но Рите, одной из немногих, Шпик не понравился.

– Почему? – часто спрашивала я, не понимая ее отношения.

– Ты посмотри, во что он одет!? Как бич, ей Богу! – восклицала она с гримасой отвращения на нарисованном кукольном лице. – А ведь хорошо зарабатывает, он же контрактник!

– Зря ты к нему так относишься. Не важно, как он одет, ведь человек он – очень хороший. Он и еду нам постоянно приносит, – вставала я на его защиту.

– И все равно он мне не нравится! – твердила она упрямо.

И спорить было с ней бесполезно.

А Шпик действительно за собой не следил. Но я не могла его осуждать: всю жизнь, покуда они жили вместе, за ним ухаживала жена, которая не проработала ни дня своей жизни, потому что если у семьи появлялась необходимость в дополнительных деньгах, то Шон просто устраивался на вторую работу. Поэтому, оставшись «без присмотра», в вопросах быта он стал абсолютно беспомощен. Хотя зарабатывал он действительно хорошо: закончив военную службу, пропахав на правительство двадцать лет, сейчас он занимался компьютерами, хотя и все так же – на правительство. Точно я не знала, чем он занимается, так как должность эта была супер-секретная, связанная с оборонкой, но я так поняла, что работа была действительно очень хорошо оплачиваемая, ответственная и интересная. И хотя мне он ничего о ней не рассказывал, я чувствовала, что он ею по-настоящему

увлечен.

Несмотря на свой внешний вид, собеседником он был очень приятным, и я часто заслушивалась его рассказами о себе.

В те давние годы, когда он был еще маленьким, его многочисленная семья далеко как не бедствовала, держа собственную пекарню. Жили они в большом двухэтажном доме, а Шон ходил в хорошую частную школу… Но однажды его дядя сбежал, прихватив с собой деньги пекарни, тем самым обанкротив их в один миг. Тогда-то им и пришлось продать дом, отказаться от платной школы и переехать в самый нищий квартал Бостона. Они поселились в неотапливаемом подвале старого дома, где Шону пришлось делить общую лежанку со всеми братьями и сестрами.

Они стали настолько бедны, что зимой ему приходилось обматывать ноги пакетами, чтобы не замерзнуть в летних кедах, ходя по снегу до муниципальной школы пешком. Выживать там ирландскому парню приходилось исключительно «кулаками»… Вообще, о нем я могла бы рассказывать долго, но боюсь, для этого придется писать отдельную книгу.

Короче говоря: «тяжелое детство – деревянные игрушки». И людям, пережившим такое, зачастую все равно, во что именно они одеты. Для них не тряпки главное, а человеческие отношения.

Я понимаю, что вся эта история из детства Шона звучит слегка неправдоподобно, но, увы, это и есть – тот самый «звериный оскал капитализма», которым пугали нас всех в советские времена. И нашей стране, возможно, когда-то тоже придется через это пройти.

Я с большим удовольствием ходила на работу в «Лос Лобос». Единственное, что иногда смущало, так это присутствие Кима. Конечно, он босс и все такое, но, покрикивая на нас время от времени, он постоянно пытался показать окружающим, кто тут хозяин. Хотя мы с Чуян и без его окриков неплохо справлялись с работой.

Рита тоже приходила каждый день, но буквально на несколько часов. Она молча сидела за стойкой бара и абсолютно ничем нам не помогала (и правильно, не барское это дело – тряпкой по столам махать). Английского же она почти не знала, так что и развлекать клиентов болтовней тоже не могла. Мы с Чуян долго не могли понять, зачем вообще она приходит, пока не стали свидетелями одного ее разговора с Кимом.

– Какая выручка сегодня была? – прошипела Рита. Говорила она тихо, но со злостью.

– Всего восемьсот семьдесят, – отвечал Ким удрученно.

– А почему ты мне только пятьдесят отдал? Десять процентов – это восемьдесят семь!

– Тогда на завтра мне даже пиво не на что заказать будет! У нас и «Хайнекен» и «Миллер» закончился! – не обращая внимания на нас, «завелся» и начал кричать в ответ Ким.

Так я поняла, что Ким отдает Рите десять процентов от выручки.

За какие такие заслуги? Тогда я еще не знала, но чуть позже от самой Риты «по большому секрету» узнала, что Ким не смог оформить бар на себя, и оформил на Риту. Вот за это «одолжение» он и отдавал ей десять процентов от выручки. Просто несколько лет назад Киму пришлось объявить себя банкротом, и, соответственно, он больше не мог взять в банке новый кредит для бизнеса. А Рите такой кредит дали. За это он и платил.

Мне это казалось дикостью! Как это так: чтобы муж жене процент отдавал?! Но Рита говорила, что иначе он денег ей не дает. У меня же сложилось впечатление, что Рита просто хотела накопить побольше собственных денег и свалить от Кима, куда глаза глядят. Она постоянно твердила, что уже давно бы ушла от него, но не может бросить ребенка. Однако мне казалось, что Кире было бы гораздо лучше с отцом: по крайней мере, он с ней гулял, и было видно, что он ее очень любит. Рите же было, похоже, все равно, есть она или нет.

Хотя возможно я чего-то и недопонимала.

Сложно было в этом осином гнезде разобраться, кто прав, а кто виноват: Ким вечно жаловался, что Рита требует от него слишком много денег, а она, в свою очередь, что он их ей не дает. Тем не менее, насколько мне известно, именно Ким купил Ритиным родителям хорошую квартиру в Новосибирске, постоянно делал ей дорогие подарки, покупал золотые украшения,… но ей всегда было мало.

Вскоре я уехала в Хабаровск. В отпуск, так сказать.

Кроме моего естественного желания повидаться с родственниками и подругами, появилась еще одна немаловажная причина, по которой я должна была приехать домой: мой младший брат надумал жениться. Да-да, было ему тогда всего-то семнадцать лет! Невесте его, Марине, – девятнадцать. А их общему ребенку, Вадику, – минус два месяца. Почему минус? Потому как еще не родился, но вот-вот должен был.

Ага, я же сказала в самом начале, что нормальных парней в нашей стране после 20-ти лет и чтоб не женатый – днем с огнем не сыскать. Вот и моего брата как можно раньше «окольцевали».

Но он вроде бы и не жалуется: жену и сына – просто обожает! Повзрослеть только очень рано пришлось, а так – может оно все и к лучшему.

Свадьбу отметили скромно, в кругу семьи и в доме нашей мамы. Жить они решили пока там же – будет, кому с ребенком помогать, да и вообще… После женитьбы Сережа продолжил учиться в техникуме (только на заочном отделении), а вскоре и на работу устроился.

Три недели в кругу семьи пролетели довольно быстро, но, уезжая, я даже испытывала некоторое облегчение: все-таки я уже отвыкла от проживания с несколькими людьми, тем более что в доме появился новый человек, со своими привычками и интересами.

Вхождение в другую семью всегда проходит сложно, и мне было даже немного жаль Марину. Ей, я думаю, пришлось труднее всех. Мы-то уже знаем, что и как надо делать, если мама просит помощи по дому, а для нее все было в новинку, вот и возникали проблемы: то посуду не туда поставит, то белье не так развесит. Мама наша делала ей замечания и показывала «как надо» не задумываясь о том, что это может обидеть невестку. Делала это она «на автомате», как привыкла указывать нам на ошибки, не понимая, что чужому человеку это может быть неприятно. Именно из-за этого иногда вспыхивали мелкие ссоры и стычки. Да и две хозяйки в одном доме – сами понимаете…

В общем, вздохнув с облегчением, я вернулась в таун, ставший мне совсем уже родным.

До окончания контракта Санни в Корее оставалось всего ничего – два месяца. Я уже и перестала надеяться, что получу визу в Америку до его отъезда. Иногда по этому поводу у меня случались истерики, и я начинала плакать ни с того ни с сего.

– Ну не плачь, – утешал меня муж. – Даже если тебе придется задержаться здесь на пару месяцев – ничего страшного. Все равно мы когда-нибудь опять будем вместе.

– А мне уже кажется, что мне никогда не дадут эту чертову визу! – возражала я сквозь слезы. – И когда я тебя снова увижу?… Я уже так устала от этих разлук!

– Ну, что поделаешь, так уж вышло, – гладил он меня по голове. – Не плачь, все образуется.

Я как могла, отвлекала себя от гнетущих мыслей: каждый день каталась на велосипеде, работала в баре, готовила Санни обеды и на велике же отвозила на базу.

Однажды, возвращаясь на «железном друге» из Кунсана домой, встретила Шпика, сидящего в тени огромного дуба:

– Привет! – поздоровалась я громко.

– О, так это ты… – на его лице было написано явное разочарование.

– А ты кого ожидал? – уточнила я.

– Да никого, просто сидел тут в тенечке, смотрю – на велике девушка едет. Я еще подумал: у кого же это такая попка красивая? А оказалось, что это ты. Вот ведь облом…

Я залилась краской смущения от такого «комплимента», но тут Шпик не выдержал и рассмеялся на весь переулок:

– Да шучу я, расслабься!

– Тьфу на тебя! А чего это ты так разочаровался, что это я? – решила я подыграть.

– Так ведь ты замужем, значит за тобой нельзя приударить.

– Так вроде и ты – женатый, – напомнила я.

– Точно! Но я уже так давно жену не видел, что, похоже, забыл, как она выглядит, – произнес он с грустью.

– Я тебя очень хорошо понимаю… Кстати, я водку русскую привезла! Помнится, кто-то хотел на спор пить…? – выпивкой я решила отвлечь нас обоих от безрадостной темы расставаний с любимыми. И не важно, что «Nemiroff» – не совсем русская водка, а вроде как даже украинская горилка. По-моему, ни для кого в мире это не имеет принципиального важного значения.

– Так чего ж ты стоишь? Неси! – оживившись, скомандовал он.

– Хорошо, скоро вернусь, – пообещала я и поехала домой.

Вернулась я через полчаса, таща пакет с бутылкой «Немирова» и банкой соленых огурчиков.

– А это еще зачем? – удивился Шон, указав пальцем на банку.

– Закуска. Выпиваешь рюмку, задержав дыхание, и откусываешь огурец, – объяснила я нехитрые правила пития «национального достояния».

– А почему именно огурец?

– Ну, не обязательно закусывать именно огурцом, просто у меня есть только они. Тут главное, чтобы это была либо кислая, либо острая еда. Так водку пить легче.

– Понятно.

Мы выпили по рюмке. Закусили.

– Ну и как? – с интересом наблюдала я за сморщенной физиономией Шпика.

– Довольно мягкая.

– А чего морщишься тогда?

– По привычке, – ответил он и рассмеялся.

Я выпила с ним еще пару рюмок и сообщила, что мне пора идти на работу.

– А как же наш спор? – уточнил он, уже слегка кося на один глаз.

– Будем считать, что я проиграла. Мне и, правда, пора. Извини.

Я ушла, хотя мне очень хотелось остаться с ним здесь: сидеть в тени дуба, разглядывая редких прохожих, и распивать привезенную водку.

Придя домой, я выпила несколько чашек крепкого кофе, чтобы прошел хмель, и пошла на работу.

На следующий день по пути в «Лос Лобос» ко мне подошел кореец – владелец соседнего клуба и по совместительству хозяин квартиры, которую арендовал Шпик:

– Это ты вчера Шону русскую водку дала? – осведомился он строго.

– Я. А что? – немного испуганно уточнила я.

– У него из-за тебя теперь большие проблемы!

Дальше понеслась корейская речь, из которой я не поняла ни слова.

Подробности я узнала от Кима, который рассказал следующее:

– Напился Шон вчера и толкнул кореянку. Та упала, после чего вызвала полицию. Заявление эта кореянка пока не оставила, но при условии, что Шон выплатит ей пять тысяч долларов.

– Ничего себе! – только и смогла «выдавить» я.

Вскоре пришел и сам Шон, но по его внешнему виду было невозможно догадаться, что накануне на нем «повис» такой долг.

– Что там у тебя вчера случилось? – напустилась на него я.

– Что, уже доложили?! – усмехнулся он вместо ответа и заказал свое любимое пиво. – Ну, я сидел, спокойно пил, никого не трогал, курицу на гриле жарил. Тут подходит маленькая девочка и смотрит на курицу голодными глазами. Ну, я и отломил ей кусок, – рассказывал он, потягивая протянутое мной пиво. – Тут же подбежала какая-то кореянка, стала на нее кричать, бить… А я терпеть не могу, когда бьют детей! – добавил он сердито и заерзал на стуле.

– Это я знаю. Ну, а дальше-то что?

– Я подошел к ней и сказал, что не надо на ребенка орать и тем более – бить. А она меня толкнула и стала махать кулаками. Я-то, естественно, ее бить не буду, она же женщина, но я вытянул руку и держал ее за плечо на расстоянии. Потом она отошла, чтобы разогнаться, и побежала в мою сторону… Ну, я отступил, а она зацепилась за мою ногу и упала, – закончил он рассказ и замолчал.

– Ну, – торопила я. – А дальше-то что?

– Так это – все. Она стала кричать и вызвала полицию. А потом потребовала, чтобы я либо выплатил ей пять тысяч за ущерб – моральный, естественно, либо чтобы они дело на меня завели.

– Все понятно, – вздохнула я. – Корейцы – в своем репертуаре. Небось, сама нигде не работает, вот и нашла легкий способ наживы. Поздравляю, что еще можно сказать!

Меня эта история совсем не удивила. В любой драке между корейцами и иностранцами неправыми оказывались всегда последние. А корейцы не дураки – понимают, что нам не нужны лишние разбирательства и суды, вот и запугивают американцев или любых других иностранцев тюрьмой с целью выманить у них денег.

Вот будь вы сами в чужой стране и попади в подобную ситуацию, что бы вы стали делать? Правильно, – деньги отдали. Еще не хватало сесть в азиатскую тюрьму!

– Выплатить-то сможешь? Деньги есть? – спросила я участливо.

Мне и вправду было его жаль. На его месте мог оказаться любой из нас.

– Смогу, – хмуро буркнул он. – Договорились, что буду по пятьсот долларов в месяц выплачивать… Она, правда, требовала, чтобы все – сразу, но я сказал, что тогда меня могут хоть сейчас в тюрьму сажать – у меня таких денег нет. Мне, вообще-то, еще и своих детей и жену кормить надо!

Шпик был явно раздосадован, но оно и понятно: хотел голодного ребенка накормить, а в итоге будет кормить не только его и гораздо дольше, чем предполагал изначально.

Да-а, недаром ведь говорят: «За хорошие дела всегда надо расплачиваться».

К середине ноября новых вестей из консульства так и не поступило. Значит, мне явно предстоит провести какое-то время в Корее одной. Я не знала, продлят мне корейскую визу или нет, но очень на это надеялась. И, как выяснилось, не я одна.

– Что у тебя с визой? Когда кончается? – спросил у меня как-то Ким.

– Десятого декабря.

– А продлить сможешь? Тебе же американскую визу здесь ждать надо.

– Попробую, – ответила я с сомнением в голосе. – Как раз завтра мы с Санни собирались ехать узнавать.

– Я с вами поеду, – решительно заявил Ким. – У меня там

знакомые, может, чем и помогут.

– Спасибо, – поблагодарила я. – Тогда завтра в девять утра будем ждать тебя на остановке.

Утром мы с Санни пришли на назначенное место и сели к Киму в его серебристый «БМВ». Мужчины перекинулись парой стандартных фраз, Санни поблагодарил его за помощь и участие, и мы отправились в эмигрэшку.

Изложив служащей офиса суть нашей проблемы с американским консульством и просьбу продлить мне корейскую визу, мы с Санни замолчали, так как Ким быстро заговорил что-то по-корейски. Она в ответ ему что-то возражала. Хотя, может, и нет – кто их поймет?

Переговаривались они очень долго, после чего женщина взяла у меня паспорт и поставила в него штамп.

– Так я могу остаться в Корее еще на какое-то время? – уточнила я.

– Да, до двадцатого августа, – ответила она с улыбкой.

Мы с Санни переглянулись: надо же, мы-то надеялись, что визу продлят месяца на три, а оказалось, что я смогу находиться здесь еще целых девять!

– Спасибо большое! – искренне поблагодарили мы кореянку.

– Не за что, – ответила она и возвратила мне паспорт.

Проблема была решена и мы вышли на улицу. Ким прямо лучился от радости.

– Спасибо мистер Ким, – поблагодарил Санни и пожал ему руку.

– Нет проблем! Я же говорил, что у меня там знакомые, – ответил он гордо. – Надеюсь, Катя останется тут надолго, она хорошо работает, – с серьезным лицом заявил Ким, но не выдержал и тут же громко расхохотался.

– Работает она, может и хорошо, но я все-таки надеюсь, что моя жена так надолго здесь не задержится, – резко оборвал его Санни.

– Конечно-конечно! Я пошутил, – успокоил его Ким. Хотя было видно, что ему бы очень хотелось, чтобы я вообще никогда не уехала.

И я его, в общем-то, понимала. Ведь я единственная в баре знала английский в достаточной мере, чтобы поддержать разговор с клиентами, решить какие-то проблемы, ну и так далее (достаточно часто мне приходилось «переводить» с английского на «упрощенный английский», чтобы Киму было понятно, чего именно от него хочет клиент).

Да и сам факт того, что мы с Ритой остались единственными русскими, работавшими в тауне, притягивал в бар большинство

посетителей. Пару раз при мне Ким нанимал и дополнительных, новых работниц. Для чего – я так и не поняла. Может, он хотел показать нам с Чуян, что мы не такие уж «незаменимые»!? Возможно. Потому что с работой мы и вдвоем нормально справлялись, и дополнительные люди нам были вроде бы не нужны.

Но те редкие новые сотрудницы, которые у нас появлялись, обычно не задерживались дольше, чем на неделю: то английский язык плохо знали, то работали слишком медленно, а то и сами уходили, не выдерживая вечного ворчания Кима…

Одно время у нас даже еще одна русская девушка работала, которая тоже жила в тауне с мужем-американцем. Только и она задержалась здесь не надолго – провороваться успела. Причем не по мелочи: за день баксов по сто из выручки вытаскивать умудрялась! Но ее, к счастью, быстро «вычислили» и уволили. Так что я, Чуян и Рита были его единственными постоянными работниками.

Через несколько недель мы с Санни начали собирать чемоданы.

– Ты оставь себе только зимние вещи и самое необходимое, а остальное, включая велосипед, – упаковывай для отправки, чтобы потом тебе не надо было все тащить на себе, – наставлял меня муж.

– Пожалуй, ты прав. Тем более что сейчас это бесплатно будет, а потом мне придется доплачивать за каждый лишний килограмм.

Мне было тяжело расставаться вновь, но я старалась успокоить себя тем, что скоро мы снова увидимся.

– Ты только не расстраивайся, хорошо!? На сей раз это – не надолго, – убеждал меня он. – Уверен, что через пару месяцев ты ко мне присоединишься!

– Да уж, я тоже хотела бы в это верить…

Оставшиеся до его отъезда дни я не работала, так как хотела провести с мужем как можно больше времени.

Наступил день отъезда.

Мы заранее упаковали все оставшиеся вещи, прибрали его комнату на базе и вышли с чемоданами на улицу.

Он крепко прижал меня к себе и долго-долго не отпускал. Однако пришло время прощаться.

– Ну, мне пора. Скоро мы увидимся снова, – пообещал он. – Я люблю тебя.

– Я тебя тоже.

В его глазах стояли слезы, но я сделала вид, что не заметила

эту «слабость». Сама я старалась держаться изо всех сил, как могла.

Санни подхватил свой багаж и направился к поджидавшему рядом такси. А я осталась стоять на месте, глядя ему вслед. Через минуту я обессилено опустилась на бордюр и просидела там минут двадцать, не понимая, куда мне теперь идти и что делать дальше. У меня не было сил даже на то, чтобы вытереть слезы, текущие сами по себе, образуя на щеках уродливые узоры.

Наконец, я заметила проезжавшее мимо такси, и вяло махнула рукой.

Придя домой, не раздеваясь, как была, я открыла бутылку водки, стоявшую со времен последней поездки в Россию, и начала пить. Вот именно так, как последний алкоголик: в полном одиночестве, молча, ничем не закусывая и лишь запивая изредка соком.

Я пила рюмку за рюмкой, почти не хмелея, и размышляла о том, что ждет меня дальше. Мне казалось, уж и не знаю почему, что больше я Санни не увижу, и что с этого самого дня жизнь моя пойдет совершенно иначе. Поэтому теперь мне нужно будет заботиться о себе самой и придумать какой-нибудь план на будущее.

Этот самый план я вроде бы даже сразу придумала, но была настолько пьяна, что наутро о нем позабыла.

Глава 5

– Ты замужем? – спросил меня парень, с которым я играла в бильярд на работе.

Других посетителей еще не было, так что пока я могла наслаждаться игрой и заниматься одним единственным клиентом.

– Да, – подтвердила я, отметив взгляд, скользнувший по моей руке с обручальным кольцом.

– А муж где?

– В Америку недавно уехал.

– А ты, почему не с ним?!

– Визу жду, – в очередной раз, заученно, словно робот, ответила я.

Подобные вопросы я выслушала уже раз сто со дня отъезда Санни, хотя он и уехал всего несколько дней назад.

По приезду в Лас-Вегас он сразу же позвонил мне, сообщив, что добрался нормально.

После этого говорили мы мало, так как он постоянно был занят. Вскоре ему предстояло сдать экзамены и начать подготовку для работы в элитном летном подразделении под названием «Громовые птицы», которое занималось исключительно тем, что устраивало авиа-шоу по всему миру. Соответственно, брали в него далеко не всех. Санни чуть ли не с детства мечтал попасть туда, и вот, наконец, его мечта была близка к осуществлению.

Мне же пока приходилось отвечать на такие вот вопросы, из раза в раз объясняя, почему мы, женатые люди, не можем быть вместе. Многие американцы даже понятия не имели, что попасть в их страну, оказывается, *настолько* сложно! И уж тем более они не понимали, как какие-то там чиновники могут *так* долго не давать визу официальной жене.

– Скучаешь? – продолжал допрашивать парень.

– Конечно.

– Может, хочешь что-нибудь выпить? – заботливо предложил он.

Я задумалась на секунду и согласилась.

Он купил мне пиво, и мы продолжили игру и ни к чему не обязывающую болтовню: откуда, женат ли, чем занимался раньше. Подобные разговоры давно уже стали обыденными, и лично у меня большого интереса не вызывали. Другое дело – общение с постоянными посетителями, которые со временем стали моими друзьями: нам всегда было о чем поговорить, ведь они были в курсе моих проблем, а я – их. К тому же с ними я

всегда могла быть самой собой и не играть в радушную «хозяйку» (кстати, «хостесс» именно так и переводится – «хозяйка»).

Но, работа – есть работа. И каждый клиент должен чувствовать себя у нас желанным гостем, иначе – он может не стать постоянным. Большинство девчонок, работавших в подобных барах, искренне этого не понимали и выбирали себе среди посетителей неких «любимчиков», к которым относились хорошо, а с остальными вели себя так, словно они – «совковые» продавщицы из сельпо.

Я старалась не допускать подобных ошибок и ко всем относиться примерно одинаково, не выделяя даже лучших друзей. Они, к счастью, все правильно понимали и не обижались даже тогда, когда я уделяла им меньше внимания, чем остальным посетителям. Ведь нам хватало общения и помимо работы.

Через пару недель после отъезда Санни позвонила Таня:

– Привет, «кукушка-брошенка»! Ну что, послезавтра я приезжаю! – весело прокричала она в трубку.

– Здорово! Но что значит «я»?! А Джек?

– Не боись! Джек через две недели тоже приедет… Я тебе попросить кое о чем хотела.

– Ну, проси, коли не страшно, – ответила я со смехом.

– Можно мы у тебя поживем немного?

– Живите, конечно! – обрадовалась я будущему приятному соседству. – У меня две комнаты – места всем хватит.

– Спасибо, ты – настоящий друг! И еще кое-что, – замялась она.

– Ну что там еще!? – нетерпеливо потребовала я.

– Ты не могла бы, э-э… меня встретить?

– Могла бы, – с готовностью отозвалась я. – Говори, когда точно прилетаешь.

Таня сообщила мне номер рейса, дату и время прилета. Я записала все на листочек и положила на видное место.

Через два дня я жадно вглядывалась в лица прибывших пассажиров, выискивая взглядом Танюшку. Вскоре появилась и она, с трудом волоча за собой пудовый чемодан и еще пару легких сумок. Мы обнялись.

– Танька, ну ты как всегда – в своем репертуаре! Это что за прикид у тебя?! – развеселилась я, оглядев ее с ног до головы.

На ней был надет велюровый комбинезончик и теплая кофточка с изображением ослика «Иа». Она всегда любила подобные вещи, вот и сейчас себе не изменила.

Через секунду я заметила в ее внешности еще одну, уже новую, «странность»:

– Эй, я не поняла – это ты так сильно поправилась!? Или, может, ждешь кого? – уточнила я, пристально ее разглядывая.

– Жду! Мне в марте рожать, – с довольной улыбкой «призналась» она.

– Господи! Я не могу поверить! Поздравляю!!!… Но ты посмотри на себя! И это будущая мама? В кофточке с «Иа»!? – я едва не каталась по полу от смеха.

– Ну и что? Зато она теплая очень! – с шутливым возмущением защищала она свой любимый «кафтанчик».

– Ладно, мамаша, пошли уже на автобус, – просмеявшись, скомандовала я и взялась за ручку чемодана.

– Я и сама могу понести, – запротестовала она.

– Ага, точно, тебе сейчас только тяжести таскать! – отбросила я ее руку. – Маленькие, вон, неси, а эту – я поволоку.

Приехав в квартиру, мы разобрали Танины пожитки и уселись пить чай.

– Что у тебя там с визой? – задала она мой «любимый» вопрос.

– Говорят, что отправили запрос в Россию, чтобы узнать, почему я меняла фамилию и имя. Это видимо на тот случай, если на самом деле я – Усама Бен Ладен в юбке… Уже семь месяцев они там, в России, все проверяют и еще не известно, когда проверят! – злость на них, на себя и на мужа, который никак не хотел мне помочь, постепенно накатывала. Впрочем, так бывало всегда, едва я вспоминала об этом.

– Ужас!… Надо же, а у меня даже не спрашивали, почему я меняла, – проговорила она задумчиво.

– Значит, мне опять «повезло»! Как всегда, собственно.

– Ну а что же Санни? Никак не пробовал это дело ускорить?

– А как?! – мои эмоции уже перехлестывали через край, и я почти кричала на ни в чем не повинную подругу.

– Да не кипятись ты! Успокойся… Но ты же не одна такая, должен же быть какой-нибудь выход! Ведь без «пинка под зад» они могут и год, и два проверять, сама понимаешь.

– Я-то понимаю, но *он* ничего не предпринимал. Я уже столько раз его об этом просила, но в ответ все одно и то же: «А что я могу сделать?».

– Ясно.

– …А почему ты не рассказывала мне, что беременна? – сменила я тему, слегка успокоившись после пары глотков чая.

– Так я хотела сюрприз сделать! – радостно просияла Танюшка.

– Удалось, ничего не скажешь, – улыбнулась я.

Видя, как безумно она счастлива предстоящим материнством,

я была искренне за нее рада. Уж кто-кто, а Таня подобного счастья заслуживала.

Тут у меня зазвонил телефон. По номеру на экране я увидела, что это Санни.

– Привет! Как у тебя там дела? – мужа я тоже очень рада была слышать, так как звонил он в последнее время нечасто.

– Плохо. К экзаменам готовлюсь, и ничего не могу запомнить! – со злостью пожаловался он, и по голосу я поняла, что дела совсем плохи.

Вообще-то он редко пребывал в плохом настроении. Сейчас же я чувствовала, что он полностью раздавлен.

– А что, много надо?

– Да нет, не много, но я никак выучить не могу. Тут и запомнить-то нужно всего ничего: имена десяти человек, откуда они родом и их звания.

– Диктуй! – скомандовала я, обладая маленьким секретом запоминания подобных вещей.

Санни продиктовал мне всю информацию, и я начала использовать свой «секретный прием»:

– Вот смотри. Первый – Билл Чиз. Родился в Висконсине. А штат Висконсин тем и известен, что делает много сыров. И фамилия у парня подходящая – Cheze, что пишется – почти как «сыр» (cheese). Связь уловил?

– Ага! – радостно согласился он.

– Вот видишь, одного уже, можно сказать, запомнили! Поехали дальше.

Дальше мы прошлись по всему списку, находя ассоциативные связи между фамилиями и местами рождения. За полчаса мы запомнили всех.

– Ну что, полегчало?

– Спасибо! Сам бы я никогда не додумался! – горячо благодарил меня он. – Прямо уже не знал, что и делать, – пытался тупо зубрить, но все равно ничего не получалось.

– Это потому, что ты волнуешься. Успокойся! Все будет нормально, – заверила я его.

Мы поговорили еще о его работе, о моей предстоящей поездке домой и распрощались.

Я освободила моим новым «соседям» спальню, которая была потеплее. Уже наступил конец декабря, так что, несмотря на регулярно включаемое отопление, приличная «свежесть» в квартире присутствовала. В другой спальне полы прогревались совсем плохо, но я решила, что мне и там будет нормально. К тому же вскоре я снова собиралась уехать домой примерно на месяц – мне очень хотелось отметить Новый Год вместе с

родными.

Через неделю Санни сдал экзамен, его приняли в вожделенные «Громовые Птицы», а я поехала домой, в Хабаровск, предварительно накупив кучу подарков близким подругам и всем родным.

Под бой курантов мы записали на бумажках свои самые заветные желания (мое не отличалось оригинальностью: как и прежде, мне хотелось поскорее увидеться с Санни), сожгли их и выпили шампанское вместе с «желанным» пеплом. Уж и не знаю, кто первым придумал подобную дикость, но последние несколько лет мы упорно травили себя бурдой из шампанского с пеплом.

Вот так сильно хотелось, чтобы желания исполнились! А что делать!?

Весь новогодний вечер мы по очереди «караулили» Вадика (моего недавно родившегося племянника), чтобы вовремя накормить, поменять «памперсы» и убаюкать.

– Ну, за племянника, внука и сына! – подняла я очередной тост, и мы дружно выпили.

– Все-таки на Марину он больше похож, – заявила мама.

– А, по-моему, пока еще сложно сказать, – сомневалась я.

– Не-е, на меня, однозначно! – категорично пробасил братишка.

Но мне кажется, что в полтора месяца малыш еще настолько мал, что достоверно сказать, чей там носик, а чьи ушки – почти невозможно. Однако любому родителю, бабушке или дедушке всегда кажется, что даже в самом маленьком возрасте они уже могут определить, на кого больше похож ребенок: на маму или на папу.

Меня весьма удивила внимательность и ответственность брата по отношению к сыну: он не отходил от него ни на шаг, с заправским видом регулярно меняя ему подгузники, купая и пеленая. Признаться, я не ожидала такой самоотверженности от парня, который еще вчера не мог оторваться от «Нинтендо», просиживая за игровой приставкой часами.

Было очевидно, что жену молодую он очень любит, поэтому, быть может, и к сыну относится столь нежно и трепетно. А может, причина была не только в этом.

Родители наши развелись, когда Сергею было года три – четыре. От очень переживал. Намного больше меня. Как-то раз он сказал мне, что никогда не поступит так, как поступил с нами отец, и никогда не бросит жену с ребенком. С отцом после развода он отказывался разговаривать наотрез, и не говорит до сих пор, хотя и прошло уже много лет. Первое время мама наша

была категорически против того, чтобы и я с папой общалась, но постепенно раны затянулись, она перестала на него так уж сильно злиться, и я звонила отцу, когда у меня появлялось такое желание. А вот Сергей отца так и не смог простить, как я не убеждала его в том, что «такое бывает, и люди разводятся». Так что, возможно, подобная серьезность отношения к отцовству у брата появилась от старых обид и боязни повторения родительских ошибок.

Но каковой бы ни была истинная причина, я была рада и горда тем, что он так заботится о маленьком сыне.

В целом я отлично провела время дома и с удовольствием вернулась в Корею, по которой успела безумно соскучиться. Правда не через месяц, как сначала планировала, а аж через три – домашние хлопоты как-то незаметно затянули, а в Корее меня кроме Тани и мистера Кима по большому счету никто и не ждал. Так что куда торопиться?

Таня с Джеком тем временем переехали в другую квартиру: дешевле и теплее. Мои вещи они перевезли туда же, как мы и договорились заранее. Мне одной двухкомнатная квартира была теперь ни к чему, а они были совсем не против того, чтобы я пожила какое-то время с ними.

К тому же к Тане из Хабаровска недавно приехала мама (месяца на три), чтобы помочь ей ухаживать за ребенком, появления которого ждали буквально со дня на день. Так что подруга моя радостно сообщила, что я их с Джеком приватности никак не помешаю, так как этой самой приватности у них все равно пока нет, и не скоро будет.

– Привет! Ты когда рожаешь? – позвонила я ей, едва выйдя из самолета.

– Так я только что, – ответила Таня довольно.

– То есть как, только что? – не поняла я.

– Ну, вот прямо только что и родила, минут двадцать назад, – объяснила она медленно и внятно, как для «тупых».

– Вот это да! Поздравляю! Как малыш? Как папашка?

– Нормально. А Джек опоздал, сейчас как раз едет. Я буквально за десять минут его родила.

Я присвистнула, вспомнив хрупкую Танькину фигурку. Надо же, а я почему-то всегда думала, что чем женщина худее и тоньше, тем сложнее ей будет рожать!

– Отлично! Я за вас рада. Мама с тобой?

– Да. Рядом сидит, тебе привет передает.

– Ну, хорошо, тогда скоро увидимся. Тебя когда из больницы отпустят?

– Так завтра и отпустят. Тут никого долго не держат.

– Понятно. Ну, тогда отдыхай. До завтра.

За время моего отсутствия в тауне абсолютно ничего не изменилось.

Равно как и в американском консульстве. «Мы вам сообщим» – их извечный ответ.

Пока я была дома, то, наверное, половину Москвы обзвонила, пытаясь узнать, где именно проверяют мои документы на «принадлежность» к террористической группировке, но, естественно, так ничего и не узнала.

На следующий день из больницы привезли Таню и малыша.

– А чегой-то он такой… хм-м… скукоженный? – тщательно подбирая слова, поинтересовалась я, глядя на крохотное сморщенное тельце.

Нет, я, конечно, уже видела раньше младенцев (вот Вадика, например, совсем недавно видела), но с *таким* крохой пока не встречалась.

– Кать, ну ты даешь! А как он, по-твоему, должен был выглядеть? Ведь ему же всего один день! – засмеялась Танина мама, и принялась его пеленать.

При виде того, как резво и бойко она запаковывала этого малюсенького карапуза в пеленку, меня охватил форменный ужас – я испугалась, что сейчас она обязательно что-нибудь ему поломает! О том, чтобы самой взять его на руки или хотя бы потрогать не могло быть и речи – я была уверена, что одним прикосновением причиню ему дикую боль. Я и Вадика-то все это время на руки не брала – боялась, что наврежу, а тут – такой кроха!

Но никто никому ничего не сломал и через считанные секунды вполне довольный малыш уже лежал на кровати «столбиком», лишенный малейшей возможности пошелохнуться.

Таня сидела тут же, на краю кровати, при этом странно устроившись на ней лишь половинкой своей «пятой точки».

– А ты чего сидишь как-то странно? – удивилась я.

– Посмотрела бы я, как ты бы сидела, если б тебе промежность разрезали! У меня, наверное, пожизненный геморрой теперь будет, – простонала она. Все ее лицо покрывали красные точки, выступившие, видимо, от напряжения во время родов.

– Сочувствую. Тебе, может, в стульчике дырочку вырезать, чтобы удобнее было сидеть? – пошутила я.

Таня тихонько засмеялась, одновременно постанывая от боли:

– Ты хоть не смеши, а? И так все болит!

– Ладно-ладно. Не буду, – заверила я и снова уставилась на

младенца. Впервые в жизни я видела столь маленького ребенка, и все в нем казалось мне интересным и необычным. Впоследствии он стал для меня почти родным, так как вырос, можно сказать, у меня на глазах.

Джек тоже топтался радом, с интересом разглядывая свое «творение»:

– Николас! – с нежностью и восхищением прошептал он, и легонько потрогал малыша указательным пальцем. – Таня, а если по-русски он – Николай, то сокращенно как будет? Кола?

Мы прыснули от смеха:

– Коля! Почему Кола-то?

– Ну, если Сергей – Сережа, Павел – Паша, то значит и Николай должен быть – Кола! – возразил он, не понимая причину нашего смеха.

– Ну да, ты его еще «Пепси» обзови! – не унимались мы.

Санни стал звонить все реже и реже, объясняя это тем, что очень много времени проводит в командировках:

– Я четыре дня из семи провожу в других городах. Да и не всегда есть возможность позвонить, – объяснял он.

– Я понимаю, но все равно скучаю.

– Я знаю.

Зато он регулярно рассказывал мне, как знакомился с «важными людями»: однажды даже президент какого-то государства, настолько маленького, что на карте мира его лишь циферкой помечают, пожимал ему руку. Ну и что, что государство мелкое, но это же – Президент! И когда бы мы с ним ни общались, мы говорили только о его замечательной работе.

Меня это уже раздражало, так как начинало казаться, что работа его важнее всего, и даже меня. От таких мыслей мне самой становилось противно, потому что считала я их – «чисто бабскими». А у меня – вроде как умного взрослого человека – подобных глупостей быть в голове не должно. Но все равно было обидно, что разговор всегда шел только о нем, а у меня и не спрашивают: как работа, семья и так далее.

Со временем он вообще перестал звонить, так как мне из Кореи делать это было дешевле. Теперь я сама покупала телефонные карточки и с сотового телефона звонила ему в США. Таким образом, получалось, что ему это стало совсем уж бесплатно, а мне приходилось тратить деньги, заработанные в баре у Кима. Но экономия – да, она и вправду была «налицо»: *ему* так действительно было дешевле.

У меня по-прежнему была его банковская карта, которой я могла воспользоваться в любой момент, но мне было как-то

«неудобно». Все-таки для проживания в Корее мне надо было «всего ничего» и моей зарплаты вполне хватало. А в Америке жизнь – дорогая. Так что я не снимала *его* деньги, стараясь укладываться в *свои*, заработанные. Да и самой мне было приятно осознавать, что я тоже могу себя обеспечить.

Как-то в апреле к нам в бар зашли друзья Кима. Насколько я поняла из их разговора, один из них собирался открыть в тауне магазин одеял. Вся его семья пока что жила в другом городе, так что ему требовалась помощница: продавец и приемщик заказов в одном лице.

– Если хочешь, можешь работать и у него, – предложил мне Ким. – С вечера пятницы и до закрытия в воскресенье – будешь здесь, а со вторника по пятницу – в магазине.

Хм-м, но тогда получается, что у меня будет всего один выходной, и работать я буду аки папа Карло – с утра до ночи! Хотя, это не так уж и плохо: в конце концов, так у меня будет меньше времени на невеселые мысли о своем браке, которые посещали мою глупую голову все чаще и чаще.

Кроме того, в тауне мне заниматься особенно было нечем, а деньги за работу в магазине предлагали хорошие – восемьсот долларов в месяц. Что в дополнение к предложенным при такой схеме Кимом двадцати пяти долларам в день плюс чаевые было очень даже неплохо. Поэтому я, немного подумав, согласилась. Тем более, в магазине тоже будет стоять компьютер с доступом в Интернет, так что скучать мне особенно не придется.

Через неделю я приступила к работе на новом месте.

Первое время от покупателей не было отбоя, так как сразу после открытия цены у нас были изрядно занижены – «прикармливали» народ. Но сильно уставать все равно не приходилось, ведь одеяла – это, все-таки, не пирожки: их не покупают каждые пять минут по десятку.

А в пятницу вечером, закрыв магазин, я вновь мчалась в «Лос Лобос», чтобы приступить к работе еще и там.

– Катюш, тебя так надолго не хватит! – сетовала Танина мама. – Ты же толком не ешь даже, похудела вон совсем…

– Да я на работе поем. Вы за меня не волнуйтесь, – отмахивалась я.

– Ну, ты смотри, а то я вон супчик сварила – бери, если хочешь, – предлагала она от души.

У меня же аппетит пропал напрочь. Как, впрочем, и нормальный сон и желание радоваться жизни. Постоянно думая о том, почему Санни мне сам не звонит и когда же, наконец, мне дадут эту чертову визу, я все глубже и глубже проваливалась в

черноту беспросветной депрессии.

Постепенно я стала не только есть на работе, но еще и пить. При этом мне даже не приходилось покупать себе выпивку, так как постоянно находились знакомые или друзья, которым было скучно пить в одиночку, и я с радостью составляла им компанию.

Но главным моим собутыльником стал Шпик. Его жена в очередной раз наотрез отказалась приехать в Корею и после этого он запил по-черному.

– Я не понимаю, как она может отказываться приехать!? Она же знает, что я без нее не могу! – жаловался он, глуша тоску пивом. – Мы тридцать лет прожили вместе, а сейчас я – один! Почему, Кэт? Скажи мне!

Я не знала, что на это ответить.

Возможно, она перестала его любить. Но разве ж такое бывает!?

Тем не менее, еще полгода назад они были счастливы вместе, а теперь она ни в какую не хочет приехать и быть рядом с ним. Нет, она не отказывается напрямую, но регулярно придумывает кучу причин, лишь бы не приезжать.

– Мне очень жаль, – единственное, что я могла бормотать, пытаясь утешить лучшего друга.

Шпик в свою очередь регулярно заявлял, что Санни меня недостоин, и что если бы он так уж сильно хотел – мы б давно были вместе.

Я подобные разговоры старалась обрывать, так как возразить было нечего, а обсуждать все это – бессмысленно:

– Ну не разводиться же с ним! Причин-то формальных для этого нет! – возмущалась я.

– Не знаю, не знаю… – бурчал он под нос. – Но и так – тоже нельзя.

В конце концов, мы условились, что больше не будем обсуждать моего мужа и его жену, так как эти разговоры все равно ничем не помогут. Ведь несмотря ни на что, мы как последние дураки все еще любили свои «половинки» и разрушать ничего не хотели. Мы оба еще не были готовы к тому, чтобы поставить жирную точку на собственных браках. Поэтому – просто пили.

Со временем Шпик, известный раньше лишь добрыми и благородными поступками, стал вести себя неадекватно и вступал в драки как минимум раз в неделю. Первым он никогда не начинал, но если уж кто-то его задевал, то он, не разбираясь, давал сразу «в морду». Уж что-что, а драться он умел! Как, впрочем, любой, выросший в «дурном» квартале подросток.

Постепенно все больше и больше времени мы проводили

вместе, рассказывая друг другу истории из детства и находя много общего. Мы стали столь неразлучны, что по тауну поползли слухи, будто бы мы – любовники. Даже Ким у меня как-то спросил, встречаюсь ли я с Шоном. Ему я просто ответила «нет», без дополнительных объяснений, так как его это вообще никоим образом не касалось, но если вдруг и кому-то из вас показалось, что между мной и Шпиком возникло нечто большее, нежели просто дружба, то знайте – вам действительно показалось. Нас связывала именно она – дружба. Просто она была такой, какая редко возникает даже между любящими друг друга людьми. А над слухами о нашей якобы «связи» мы с ним вместе смеялись, так как оба любили своих супругов «до гробовой доски», так сказать, и изменять никто никому не собирался.

Однажды я приболела.

Ничего сверх серьезного, но, судя по симптомам, у меня начинался цистит – болезнь малоприятная и что еще хуже – сама по себе не проходящая.

А так как болею я вообще очень редко, то и в тот раз никаких лекарств у меня с собой не оказалось, тем более – от такой «экзотики». Самостоятельно купить что-то в аптеке я тоже не могла, так как не была точно уверена в диагнозе и не знала, что именно мне было нужно. Поэтому встал вопрос о том, что мне придется-таки идти в больницу.

Вроде бы это – не проблема, если б не пара нюансиков. Во-первых, я понятия не имела, как, не зная корейского, буду объяснять доктору что, где и как именно у меня болит. А во-вторых, на тот момент у меня не было денег: зарплату должны были дать лишь через несколько дней, а просить авансы я не любила еще сильнее, чем не любила вид крови в моче, пугавший меня все больше и больше.

Да, в любой момент я могла снять необходимую сумму с карточки мужа, но по собственной инициативе делать этого не хотела. К тому же он просил заранее согласовывать с ним подобные операции.

Поколебавшись какое-то время, я позвонила-таки Санни. Пожаловалась ему на здоровье и вкратце объяснила денежную проблему.

– Ну, попроси аванс. Я уверен, что тебе его дадут, – предложил он «приемлемый выход».

– Ты ведь знаешь, как я не люблю у кого-то что-то просить, – напомнила я.

– А что делать?! Значит – придется просить.

Мне очень хотелось услышать от него предложение просто

взять карточку и снять нужную сумму, но этого, увы, не последовало. «Да-а, раньше он именно это и предложил бы, а сейчас почему-то – нет. Все изменилось» – от этой мысли на душе стало гадко и тошно.

Я заняла деньги у Тани. А с проблемой незнания языка помогла одна моя знакомая, которая к тому же уговорила своего мужа-корейца отвезти нас туда на машине.

Мне выписали какие-то лекарства, которые я усердно принимала неделю и, слава Богу, боль бесследно прошла. Физически я довольно быстро почувствовала себя лучше, но вот обида на Санни засела внутри глубокой занозой и все чаще давала знать о себе, выливаясь литрами слез по ночам на подушку.

Я старалась не грузить окружающих своими проблемами, и даже Тане далеко не всегда и не все рассказывала, хотя она постоянно интересовалась, отчего я такая хмурая, – у нее и без меня забот хватало. Так что все *это* я носила в себе, накапливая душевную муть все больше и больше.

Периодически в магазин или бар заглядывали друзья Санни, интересуясь как мои дела и передавая мужу приветы. Общалась с ними я с удовольствием, но вот приветы не передавала, так как звонила ему теперь редко – всего раза два в неделю. И больше по привычке, чем по желанию.

И не потому, что желания не было. Просто давно поняла, что ему эти мои звонки «до одного места». Точно так же, как и приветы друзей.

Однажды в пятницу в бар зашли приятели мужа. Один из них был мне еще не знаком.

– Я – Шон, – представился худощавый, застенчивый парнишка. – Мы с Санни в Кловисе вместе работали. Много о тебе слышал и рад познакомиться.

– Очень приятно, – я пожала протянутую им руку. – Ребята, я через неделю вечеринку устраиваю – приходите! – пригласила я их на свой День рождения. – Русской еды наготовлю, шашлыков нажарим… заодно и водку нашу попробуете!

Я запланировала сделать шашлыки, кое-какие салаты и еще несколько блюд, которые бы идеально подошли для посиделок на природе. Мы со Шпиком собрались, наконец, устроить «пир на весь мир» чтобы показать друг другу особенности национальных кухонь наших стран, и мой приближающийся День рождения подходил для этого как нельзя лучше.

Всего я пригласила человек пятнадцать, восемь из которых были давними друзьями моего мужа (все они очень хорошо ко

мне относились и постоянно приглашали присоединиться к компании, если шли в бар или ресторан). Я решила, что теперь настала моя очередь накормить-напоить их от души, поэтому и позвала на свой День рождения.

Немного поразмыслив, я пришла к выводу, что не мешало бы позвонить Санни и попросить у него денег на продукты.

Рассказав, кого именно я пригласила и что собираюсь приготовить гостям, упомянула, что на еду мне понадобится долларов восемьдесят, не больше (что, на мой взгляд, а уж тем более – по американским меркам, было довольно скромно, особенно учитывая число гостей).

– А почему так много? – удивил меня ответ мужа.

– То есть как – много?! – оторопела я и зачем-то принялась неуклюже, запинаясь через слово, оправдываться, объясняя, как именно собиралась потратить эти «сумасшедшие» деньги. – На пятьдесят долларов мяса куплю, на остальные – овощи. Готовую еду покупать не буду – все сама сделаю, а водка у меня уже есть – из Хабаровска привезла…

В ответ из трубки доносилось недовольное сопение, бормотание и тяжкие вздохи.

Наконец я не выдержала:

– Ладно, ничего не надо – сама все оплачу! – я уже начала злиться на себя за то, что вообще затеяла этот разговор – могла бы купить все на собственные деньги, чтобы не чувствовать сейчас себя «попрошайкой». – Просто я подумала, что раз за последние три месяца ни копейки с карточки не сняла, то уж как минимум на то, чтобы твоих же друзей накормить я могу взять немного из *наших общих* денег.

– Кэт, ну чего ты – не злись! Мне ведь не жалко, – поспешил он меня успокоить. – Просто нужно будет перевести деньги с одного счета на другой, вот я и задумался, когда смогу это сделать. Через два дня пойди и сними, сколько нужно, – разрешил он.

– А-а, ну ладно. Мне всего восемьдесят баксов надо, – напомнила я.

– Нет проблем… Ну, я пошел?

– Иди, – вздохнула я и тихонько добавила. – Я люблю тебя. Извини, если чем-то обидела.

– Да ничего, какие обиды. Я тоже тебя люблю.

Мы тепло попрощались, и мне показалось, что снова у нас все в порядке. Как прежде.

Лишь позже, со временем, вспоминая этот наш разговор, да и многие другие, меня все чаще одолевали сомнения: мне показалось, что с какого-то момента он вдруг начал считать

каждую копейку. Хотя формальных причин для этого вроде бы не было: зарабатывал он нормально, дотации как женатый военнослужащий получал, и не маленькие, на меня ничего не тратил,… да и кредитов каких-то сумасшедших у нас тоже не было. Тем не менее, он ни разу не предложил мне снять денег. Даже на врача и этот пресловутый День рождения не хотел давать.

Поразмыслив, я начала, было, грешить на появившуюся у него любовницу (прямых доказательств ее существования у меня не было, однако воспаленное воображение рисовало именно это), но чтобы не изводить себя лишний раз никому не нужными подозрениями, тут же запретила себе думать об этом.

Однажды я рассказала Шпику об очередных сомнениях по поводу нашего брака, как он тут же завел свою любимую «пластинку»:

– Я серьезно говорю: он относится к тебе не так, как ты того заслуживаешь. Бросай его! Так нельзя! Есть у него любовница или нет – я не знаю, да и не мое это дело, но и так тоже нельзя – неправильно это!

– Да знаю, что неправильно, – тоскливо отвечала я. – Но что я могу сделать?! Не могу я вот так просто взять и бросить его! Он ведь мой муж, и я все еще его люблю.

В один из дней в наш магазин зашел мужчина. Американец.

Мы разговорились, и он поинтересовался, как я оказалась в Корее и где мой муж.

Я в очередной раз коротко объяснила, что к чему, как неожиданно он проявил живой интерес:

– Ты знаешь, у меня самого жена – филиппинка, – рассказал он. – И у нас была та же проблема: никак не давали визу! Так я взял, и написал сенатору от нашего штата: объяснил, что эмиграционная служба передержала документы все мыслимые сроки, а результата все нет. И представляешь, буквально через месяц ей дали визу! Ты скажи мужу, что ему надо обратиться к сенатору. Он обязательно поможет! – горячо убеждал он меня.

Было видно, что мужик сам на этом деле «собаку съел», вот и старался помочь.

– Спасибо! – поблагодарила я от души. – Я обязательно ему передам.

Надежда, совсем уж было погасшая, затеплилась вновь, и я тут же кинулась звонить Санни.

Молча выслушав мой эмоциональный и оттого – несколько сбивчивый – пересказ их истории, он буркнул что-то типа «неплохая идея» и пообещал «как-нибудь подумать об этом».

Правда, пообещал он это тоже как-то так неуверенно и что называется – без энтузиазма.

Я в очередной раз расстроилась, но решила, что ему нужно просто дать время и не давить. Глядишь, может это действительно сработает.

Выждав для верности неделю, я позвонила мужу еще раз.

Был вечер, и я уже начала работу в баре. Мне пришлось выйти на улицу, чтобы окружающий шум не помешал разговору.

Поговорив немного о пустяках, я уточнила, написал ли он письмо, о котором мы говорили.

Ответ последовал не просто отрицательный, а прямо-таки убийственно-негативный:

– Ты хоть представляешь себе, что это значит – СЕНАТОРУ написать?! – заявил он довольно грубо. – Он же чуть ли ни второй человек в стране после Президента! – чуть ли не впервые за все время нашего знакомства он начал повышать на меня голос.

– Ну и что?! Кому-то ведь это помогло! Если в его силах помочь, так может, стоит и написать? – настаивала я, еще не предполагая, чем может обернуться для меня подобное упорство.

– Ты с ума сошла?! Да мне, прежде чем написать ему, надо весь гарнизон оббежать и собрать кучу подписей на одно только разрешение сделать это! А я, знаешь ли, работаю! И у меня нет на это времени! – уже явно кричал он на том конце провода.

– Возьми выходной, – предложила я все еще спокойно, но в душе «закипая». – В конце концов, ты же не каждый день работаешь! Ты только три дня проводишь в командировках, а остальные два – дома.

От сильного волнения, как это часто бывало, меня уже начала колотить нервная дрожь, а пальцы рук, вцепившиеся в трубку, стремительно коченели, приобретая лиловый оттенок.

Тем временем он продолжал кричать, распаляясь все больше и больше:

– Я – не дома! Я все равно работаю в эти дни, просто никуда не езжу!… А вообще, знаешь что? – повисла секундная пауза и я подумала, что меня сейчас просто пошлют, но немного не угадала. – Найди себе нового мужа!!! – проорал он и отключился.

Вот это да!

До этого мы никогда не ссорились. Ну, вот просто – ни разу! А тут на тебе – первая ссора, и мне предлагают ТАКОЕ!

Я удивленно смотрела на телефонную трубку, зажатую в руке, все еще не веря, что какой-то кусок пластмассы только что предложил мне найти нового мужа: «Эй! Кто это сказал? Я его знаю?». Я никак не могла связать этот злой, чужой голос из трубки с человеком, которого все еще любила.

Все вокруг замерло, зазвенело сочувственной пустотой…

Знаете, в природе иногда возникает такая звенящая тишина: чуть прогремит выстрел в лесу, как все птицы, животные, козявки там всякие – замирают и сидят тихо-тихо. Вот и в тот момент мне показалось, что все вокруг замерло и затихло. А может – это у меня в голове стало совсем пусто и от пустоты зазвенело такой тишиной.

Я потеряла точку опоры, и земля закачалась под ногами. Жадно озираясь по сторонам, я искала хоть какой-то поддержки, но тщетно: пустая скамейка, равнодушный асфальт, витрина магазина, легкомысленно поблескивающая огоньками…

«Нет, нет, нет, нет нетнетнет!» – в звенящей тишине пульсирующей болью забилась жилка на виске. «Нет!» – эхом отзывалось где-то в сердце. «Нет!» – взрывалось внутри, растекаясь по всему телу и уходя куда-то вниз – в уплывающую из-под ног землю. Как будто бы эти «нет!» могли развернуть время вспять и все поправить, изменить, стереть…

Я так и стояла, глядя на трубку и повторяя «нет!», словно зачарованная, когда возле меня остановилась машина, едва не прокатившись колесами по ногам.

– Эй, ты чего? – тревожно уточнила голова Шпика, высунувшаяся из отрытого окна машины.

– Мой муж… только что… предложил мне… найти себе нового мужа, – с трудом выдавила я, облизывая пересохшие от волнения губы.

– Наконец-то, – буркнул он. – Давно пора. Предложил – вот и ищи! Чего стоишь?!

Я села на асфальт и заплакала.

– Ну, перестань, – Шпик вылез из машины и устроился рядом. Крепко обняв меня за плечи, он принялся бормотать что-то на ухо, пытаясь хоть как-то утешить.

Мимо прошла Рита.

Заметив меня со Шпиком, она вернулась и стала допытываться, что случилось. Я рассказала о предложении Санни, и она тут же понеслась домой за валерьянкой.

– Послушай, ну может, он не это имел в виду? Может, он погорячился просто? – высказывала она «спасительные» версии, вливая в меня щедрую порцию принесенного успокоительного.

– Может, и не имел, но мне как-то от таких слов все равно неприятно. Даже если завтра он перезвонит и скажет, что просто погорячился – мне легче не станет. Такие слова не забываются.

– Я понимаю. Но не расстраивайся, помиритесь еще! – бодро заверяла она.

Я не возражала, так как в тот момент мне хотелось одного:

чтобы меня оставили в покое и перестали убеждать, что все еще будет хорошо.

Рита поохала еще немного и вскоре ушла домой.

– Безумно хочу напиться, – заявила я Шпику.

– Заходи после работы. Я буду дома, – просто ответил он.

Вечером, с трудом доработав оставшиеся часы, я направилась прямиком к нему.

Шпик, как обычно, сидел на любимой веранде, потягивая пиво из своего неизменного бокала и куря сигарету за сигаретой.

– Извини, что нагружаю тебя своими проблемами, но мне нужно поговорить с кем-то, кто достаточно сумасшедший, чтобы понять, – начала я, присев рядом и достав пиво из мини-холодильника, всегда стоявшего здесь же.

Шпик усмехнулся:

– Тогда ты – по адресу.

– Понимаешь, мне с некоторых пор жизнь надоела…, – начала я и запнулась, не зная как поточнее выразить свои чувства.

Шпик повел удивленно бровью, но ничего не сказал, давая мне возможность собраться с мыслями, чтобы продолжить.

– …Понимаешь, для меня этот брак – не просто штамп в паспорте. Можно сказать, что он – моя вера… Как кто-то верит в Бога, так я – верила в Любовь. В нашу любовь, – на пару секунд я остановилась, чтобы перевести дух и продолжить, но тут мой взгляд непроизвольно соскользнул на руки, где с удивлением обнаружилась бутылка пива, которую я давно уже достала из холодильника, но так пока и не открыла – я про нее просто забыла. – …Вот. А сегодня я окончательно потеряла свою веру. И я не знаю, зачем мне жить дальше… Знаешь, я постоянно думаю о том, что жизнь потеряла смысл, о… ну, сам понимаешь, – я имела в виду ни что иное, как самоубийство.

Кажется, мой разум в тот день окончательно помутился, и единственный выход, который мне виделся, был именно в этом – покончить с собой.

– Очень даже понимаю. Я тоже постоянно об этом думаю. С тех пор как стало ясно, что жене моей нужны только деньги, а сам я ей – по боку, то только и думаю, что все это можно решить очень просто, – тут он посмотрел мне прямо в глаза и очень серьезно продолжил. – А вот ты – молодая, и у тебя вся жизнь впереди. Да, я знаю, сейчас тебе так не кажется, но настанет момент, когда ты об этом уроде вспоминать будешь лишь с отвращением.

– Боюсь, до этого момента я не доживу, – невесело ухмыльнулась я. – Мне сейчас так хреново, что даже задумываться о завтрашнем дне неохота, – я тяжело вздохнула и

принялась-таки за пиво, пока оно не стало совсем теплым. – … А у тебя, между прочим, дети есть – о них хотя бы подумай! – теперь уже я принялась отговаривать его от последнего шага. – Они же скучать по тебе будут!

– Дети уже взрослые. Я им давно не нужен, – возразил он тихо.

– Зря ты так. По себе знаю, как сильно я скучала бы по родителям, если бы, ни дай Бог, с ними что-то случилось.

– Может быть, – пожал он плечом и затянулся сигаретой. – Хотя, мне уже все равно.

Мы оба замолчали, задумавшись каждый о своем.

– …Я боюсь оставаться в доме один, – произнес Шпик, глядя куда-то вдаль. – Когда я был с женой, то чувствовал себя защищенным. А сейчас – нет. Поэтому я и пью так много. Чтобы заснуть.

– Да брось! Ты же драться умеешь, да и высокий, вон, какой! – засмеялась я.

– Ты не понимаешь, – возразил он и перевел взгляд на меня.

По его лицу я поняла, что дело тут не в темноте или ворах.

– Меня изнасиловали, когда мне было лет восемь.

– Как???!!! – не поверила я ушам.

– Я в больнице лежал – мне операцию на легком делали. Я был под наркозом, и не мог ни пошевелиться, ни крикнуть… Помню только, как какой-то козел меня насиловал, а ни лица его, ни примет не помню… Медсестра нашла меня утром. Я был без сознания, все лицо в сперме… И это – в католическом госпитале! – усмехнулся он сквозь слезы.

– Боже мой, мне так жаль! – я не знала, что на это сказать.

Описанное настолько ясно предстало перед глазами, что мне самой стало трудно дышать. В этот момент я почувствовала себя полной идиоткой: на его фоне мои собственные проблемы показались столь мелкими и глупыми, что мысли о самоубийстве на время вылетели из моей дурной головы.

– Раньше я был самым добрым, самым спокойным ребенком в семье, а после – меня как подменили: стал грубить, на неприятности нарываться; дрался со всеми подряд… Я до сих пор не могу спать один: мне постоянно кошмары снятся и кажется, что кто-то крадется, – рассказывал он, уже не сдерживая рыданий.

Утешая его, я и сама понемногу «оттаивала».

Так и просидели мы почти до утра, по очереди отговаривая друг друга от самоубийства. Именно тогда мы со Шпиком стали лучшими друзьями. Ведь мы оба находились в таком глубоком дерьме, выбраться из которого в одиночку было уже не под силу.

Как два утопающих, мы из последних сил тянули друг друга,

не давая сорваться в пропасть отчаяния и умереть. В те сложные дни мы стали значить друг для друга намного больше, чем просто друзья – мы *понимали*. Так, как никто другой не смог бы понять. Так, как понимают боль товарища соседи по палате, только что перенесшие одинаковые операции и совершенно точно знающие, каково сейчас тому, кто рядом. Никому другому этого не понять, – только им.

Санни перезвонил на следующий день, коротко извинившись за сказанное в запале.

Я вяло приняла извинение, так как его слова все еще безостановочно крутились в голове:

– Ты меня очень обидел, – сказала я тихо.

– Ты меня тоже. Ты же знаешь, как я занят, и все равно – прицепилась с этим письмом!

Из сказанного я сделала вывод, что никакому сенатору писать он не собирается, и дальше вести разговор об этом было бессмысленно. Мне стало ясно, что ему надоело возиться с бумагами, и что со временем мы перестали понимать друг друга. Поэтому я решила плюнуть на все и пустить дело с визой на самотек: сделают, так сделают, а нет – туда им и дорога. Ведь все равно моему мужу давно наплевать, приеду я или нет.

– Послушай, – начала я, предпринимая попытку расставить все точки над «И», – давай решим этот вопрос по-честному, как взрослые люди. Я понимаю, что ты устал возиться с документами. Я тоже устала. И если ты больше не хочешь, чтобы я приезжала, то прямо так и скажи – не тяни резину. Обещаю, что не стану закатывать истерик – ты меня знаешь.

– Это ты сейчас на что намекаешь? Развод просишь, что ли? – уточнил он хмуро.

– *Я*– ничего не прошу. Ты прекрасно знаешь, что развода я не хочу. Но и насильно держать тебя мне не хочется. Так что решение – за тобой. Если хочешь – давай разведемся. Ты только скажи, препятствовать я не буду.

– Я не хочу развода, – твердо ответил он. – Просто все это так затянулось… Я очень скучаю по тебе!

– Я тоже скучаю.

Мы попрощались.

С одной стороны, я была рада, что он отказался. С другой – мне вспоминались его предыдущие слова, тон, которым они были сказаны, интонации,… его поступки. Все это буквально вопило о том, что брак наш *уже* фактически окончен! В это было трудно поверить, но горькая правда заключается в том, что наши частые расставания оказались слишком сложным испытанием для него.

Да, для проверки чувств разлука могла бы дать хороший опыт. И если бы мы расстались на полгода, максимум на год, – это было бы отличной проверкой для нашей любви. Но ведь из трех лет, что мы пробыли вместе, действительно рядом мы были всего около года (учитывая то, что даже в Корее мы виделись не каждый день, именно так примерно и выходило!). Для нашего брака этого оказалось катастрофически мало.

Глава 6

Я отработала на одеялах всего месяц, когда Ким «выпросил» меня у хозяина магазина обратно. Теперь он предлагал мне работать в баре шесть дней в неделю, и платить обещал аж шестьсот долларов в месяц плюс чаевые. Я согласилась, так как в магазине работы сейчас почти не было: первый ажиотаж прошел, и покупателей стало так мало, что моя помощь там была не нужна и не сегодня-завтра мне бы все равно предложили уволиться.

Частенько я оставалась ночевать у Шпика. Он спал на диване, а я – на кровати в спальне. Я сидела с ним рядом пока не заснет, гладя по голове и бормоча что-нибудь успокаивающее. Если я находилась в соседней комнате, Шпик мог спать часов шесть – семь, а если нет, то он просыпался буквально через час – два.

Я была хоть кому-то нужна, и это придавало мне силы жить дальше. Хотя, сказать, что я «излечилась» от суицидных мыслей полностью – не могу.

Нет, у меня больше не возникало желания столь явно покончить с собой. Вместо этого меня затянула глубокая депрессия, точившая здоровье алкоголем, сигаретами и отсутствием нормальной еды. Я пила каждый день: не с утра, как конченый алкоголик, но каждый вечер. И выкуривала по две пачки. А про еду – просто забывала, питаясь даже не ежедневно.

Танина мама все пыталась меня накормить, ругала за выпивку, за сигареты… Но мне было – НА-ПЛЕ-ВАТЬ! Скорее всего, после истории Шпика мне стало стыдно за мысли о самоубийстве, но сама идея не исчезла бесследно и подсознательно я пыталась «доконать» себя исподволь, потихоньку.

При всем при этом, с посторонними людьми я вела себя, как ни в чем не бывало, все так же развлекая посетителей «Лобоса» бесконечными шутками да прибаутками. Никто из них и понятия не имел, что с психикой у меня уже давно неладно. Только однажды я сорвалась, что повергло несчастную Риту в полнейший шок.

А случилось следующее.

Пришли к нам трое каких-то… Не знаю точно, так что лучше не буду говорить, кто они были по национальности или гражданству. Но то, что мусульмане – это точно!

В баре никого кроме них не было, так как база была закрыта на учения, а у них завязался какой-то разговор о религии, в который постепенно вовлекли и меня.

Не зря же считается, что религия – одна из немногих тем, которые вообще лучше не обсуждать, а тем более – с малознакомыми людьми. Но мне тогда было все – по барабану, вот я и позволила втянуть себя в их разговор.

Один из мужчин спросил меня, верю ли я в Бога.

– Нет, – ответила я. – Но если уж выбирать, то христианство мне ближе, чем мусульманство.

На этом бы мне – дуре – и остановиться, но я решила полезть на рожон и спросила:

– А лично ты как к христианам относишься?

– Да я бы их убивал без разбору, – ответил он, ухмыльнувшись. – Собственными руками бы резал!

И тут меня «прорвало»:

– Убивал бы, говоришь?! Так окажи такую услугу – убей меня! Мне все равно жить надоело.

Не могу утверждать, что в тот момент я полностью отдавала себе отчет в том, что я говорю и что делаю. Возможно, таким бредом вылезло наружу мое «подсознательное», но, скорее всего мне просто вдруг захотелось проверить его реакцию. Глупо, но я же и говорю: «крышу» у меня тогда явно сносило.

– Ладно, – тут же согласился он. – Приходи завтра вечером на остановку.

– И что, вот так просто возьмешь и убьешь!? А почему не сейчас? Давай! Или боишься?!

Рядом застыла Рита, испуганно уставившись на меня огромными глазищами:

– Кать, ты чего? – прошептала она.

Не обращая на нее никакого внимания, я продолжала:

– Да уж, вас хлебом не корми – дай, кого грохнуть! Вас самих убивать надо, пока маленькие, чтобы в таких вот гадов не вырастали! – Я уже совсем не соображала, что несу, но реально остановить меня было некому. – Ну что же ты?! Давай сейчас! Хочешь, я даже сама тебе нож принесу? Тебе какой больше нравится? С широким лезвием? Или с узким? – у меня начался истерический смех, который никак не хотел останавливаться.

– Сейчас не могу, свидетелей много.

– Да иди ты на хер! Дерьмо! – выплюнула я ему в лицо, и, буркнув напоследок: «носит же Земля таких идиотов!», вышла на улицу.

Мой рабочий день официально давно закончился, так что я спокойно ушла. По дороге домой заглянула в магазин за сигаретами.

Не пройдя и пары кварталов, я услышала грозный рык за спиной:

– Вернись, сука!

Полуобернувшись, отметила, что следом за мной идет тот самый «мусульманин», а за ним, размахивая руками, бегут и что-то кричат Ким и Рита.

Не ускоряя, но и не замедляя шаг, я шла дальше. Мне было все равно.

– Катя, подожди! – крикнула Рита.

Я решила остановиться и повернулась к почти догнавшей меня хозяйке бара.

Ким в этот момент о чем-то оживленно спорил с моим преследователем.

– Кать, ну ты даешь! – запыхавшись, выдохнула она. – Мы их и так уже выгонять собирались, уж больно они какие-то странные, а ты их еще и того – разозлила!… Ты хоть думай-то, что говоришь! А если бы он тебя и вправду грохнул? Они же долбанутые на всю голову!… Ты только вышла, он за тобой следом пошел. Мы быстренько закрыли бар, и побежали за ним.

– Спасибо за беспокойство. Честно говоря, я его даже не заметила. Но я не думаю, что он бы мне что-то сделал – он слабак! – я ухмыльнулась, как идиот, который действительно думает, что ему больше нечего терять в этой жизни.

– Я серьезно тебе говорю! У него вид был такой, как будто он и вправду того… убить тебя захотел. Что это на тебя нашло?!

– Да ничего, в общем-то, – пожала я плечами. – Бесят меня просто такие козлы. Я извиняюсь, что столько хлопот вам доставила.

– Ничего страшного. Сейчас Ким их спровадит, и пойдем куда-нибудь поужинаем. Ты не против?

– Нет, – ответила я, глядя, как все трое последних посетителей бара садятся в машину.

– Пошли, – скомандовал Ким.

Мы сели в его БМВ и поехали в ближайшую закусочную Кунсана. Заказав еду, Ким достал из стоявшего прямо в зале холодильника соджу и колу и разлил по стаканам. К моему удивлению, даже Рита согласилась выпить, что было из ряда вон.

– Иногда полезно стресс снять, – пояснила она, видя мое удивленное лицо.

– Катя, что с тобой творится? – серьезно спросил Ким.

– С мужем проблемы.

– Развод?

– Пока нет, но думаю – скоро будет, – вздохнув, ответила я.

– У тебя виза еще на сколько?

– На три месяца.

– Мы можем тебе новое приглашение выслать, если

захочешь, – предложил Ким. – Я хочу, чтобы ты у нас и дальше работала.

«Еще бы!» – подумала я, но промолчала. Вслух же пообещала, что обдумаю их предложение.

Уезжать мне и самой не хотелось. Ведь в России меня ничего хорошего не ждало.

Но и сразу согласия на возвращение я не дала. Мне действительно нужно было подумать и определиться с дальнейшей судьбой. Поэтому мы молча доели наш ужин и вернулись в таун.

Да, я прекрасно знала, что нужна им. Ведь добрая половина клиентов «Лос Лобос» приходит туда лишь потому, что им со мной весело.

Однажды я сравнила выручку тех дней, когда я работала, с остальными – когда я была, например, в России. Получилось, что мое присутствие поднимало ее сразу вдвое! Мне же при этом Рита постоянно твердила, что выручка у них стабильная: со мной или без меня. Видимо, она забыла о том, что журнал продаж лежит у меня перед носом, и я могу посмотреть его в любой момент, когда захочу. Не знаю, для чего она так врала. Может, чтобы я не требовала прибавки к зарплате? Возможно. Но я и не собиралась этого делать, потому что знала – бессмысленно. Жадные они были – жуть!

Зато, посмотрев журнал, я совершенно точно знала, что нужна им и собиралась этим воспользоваться, чтобы вернуться обратно. Хотя бы затем, чтобы продолжить затянувшееся ожидание визы, если мы с Санни к тому времени не разведемся.

– Что у тебя со старым Шоном? – спросил меня Ким в очередной раз о Шпике.

– Мы друзья, – в который уж раз, устало ответила я.

– А люди говорят, что ты у него ночуешь, – пошловато ухмыляясь, подмигнул он.

– Мы просто друзья, – тупо повторила я.

Для себя он, видимо, уже все решил, и переубедить его я не могла.

А, ну и пусть! Если ему от этого жить веселее.

На следующий день я подошла к Рите:

– Послушай, неужели Киму так трудно поверить, что Шон для меня не более чем друг?

– Корейцы не понимают дружбу между мужчиной и женщиной, у них ее не бывает. Да ты и сама подумай: ты же у него иногда ночуешь! У кого угодно подобные мысли появятся.

– Логично, – согласилась я.

– Не обращай на него внимания, пусть думает что хочет. Ты его не переубедишь.

– Да это я уже поняла. Кстати, – вспомнила я, – мы с Шоном в это воскресение мой День рождения отмечаем. Приходи, если хочешь.

– А американцы будут? – уточнила она.

– Конечно. Друзья моего мужа и сам Шон.

– Тогда мне нельзя. Мой не отпустит туда, где американцы, – объяснила она.

– Но ты же здесь работаешь, и ничего?! – не поняла я.

– Так тут я под присмотром, а там – нет.

– Ясно. Ну, смотри сама. Если сможешь – милости просим.

Помимо друзей Санни, Риты, Чуян, и Танюшки, которая смогла заскочить буквально на пару минут, так как ребенок был совсем крохой, я пригласила еще двух русских девчонок.

В силу того, что они были замужем за корейцами, общались мы нечасто. Но все же я хочу рассказать немного о них.

Одну из них звали Элей. Замужем была около года. Муж ее хоть и проводил почти половину всего времени в Корее, но официально считался гражданином Америки и при этом он давно нигде не работал. В свое время он был женат на американке, которая умерла из-за врачебной ошибки, сделав его тем самым весьма обеспеченным вдовцом: он получил хорошие деньги после смерти жены по страховке, и, кроме того, рассчитывал сорвать жирный куш с госпиталя, поставившего ей неверный диагноз. Уже несколько лет продолжалась их тяжба (для Америки подобные судебные процессы – явление нормальное, хотя и отнимающее кучу времени), из-за которой ему раз в два месяца приходилось наведываться в США, оставляя молодую жену со своими родителями. А родители мужа Элю не жаловали. В их памяти навечно поселилась прежняя жена сына, которая была для них почти что святой: по всем комнатам, даже в Элиной спальне, висели ее фотографии, и не проходило ни дня, когда бы Эля не выслушала сравнения себя с ней, разумеется, всегда не в пользу Эли. Они попрекали ее каждым куском, а в отсутствие сына регулярно докладывали ему, куда она ходит и когда возвращается. Разумеется, общение со мной было для Эли «табу». Потому как сам факт того, что мой муж в Америке, а я – тут и без присмотра делал меня практически «шлюхой». А приличные девушки со «шлюхами» не общаются. Поэтому мы с Элькой встречались редко, урывками, каждый раз рискуя нарваться на неприятности.

Тем не менее, в этот раз она наплевала на мужа и на его родителей и решила прийти ко мне на День рождения, так как

круглосуточно сидеть дома ей надоело.

– А если муж будет ругаться? – засомневалась я. Мне не хотелось, чтобы у Эли были очередные проблемы. – Ну и что, что сейчас он в Америке. Он же вернется, и ему опять донесут.

– Насрать! Я что так, что эдак – плохая. Он все равно наорет, а так я хоть оторвусь немного! – заявила она со злостью.

– И нафига он тебе такой нужен? – не понимала я, сама находясь в положении хоть и не близком к ее (меня пока дома никто взаперти не держал), но в чем-то очень похожем.

– Люблю я его. Ты бы знала, какой он ласковый, какой добрый был! – сказала она с чувством.

– Ну, это *до* замужества. Сейчас-то он совсем не ласковый и не добрый.

– Я не хочу разводиться, – упрямо возразила она, в душе видимо надеясь, что когда-нибудь тот, прежний, который ласковый и добрый, вернется к ней и все опять будет хорошо.

Спорить с ней я не стала. Может и вправду – любовь у нее такая, великая.

Вторую из моих приглашенных звали Ирой. Она была замужем уже несколько лет, но счастливым их брак тоже не назовешь. В их семье была такая же история волшебного превращения мужа: вместо нежного, доброго и заботливого мужчины сразу же после свадьбы он стал тираном, запретившим жене любую свободу общения и передвижения.

Но Ирка, в отличие от Эли, обладала умом и сообразительностью и почти сразу пошла учиться, чтобы не быть целиком и полностью зависимой от переменчивого настроения мужа. К тому времени она уже заканчивала третий курс института по специальности «переводчик».

Приготовив с утра пораньше «Оливье», салат с крабовыми палочками и фаршированный перец, я отправилась на остановку встречать друзей мужа.

– Мы ненадолго, – сразу предупредили они. – Сегодня с шести работаем.

– Так что, даже не выпьете? – расстроилась я.

– Ну, если только за именинницу, – улыбнулся Шон – парнишка, с которым я познакомилась совсем недавно. У него была приятная застенчивая улыбка, делавшая его лицо милым, добрым и даже каким-то детским.

– А тебе сколько лет? – зачем-то решила я уточнить.

– Двадцать два, – ответил он и покраснел.

Это, наверное, потому, что двадцать два ему еще только должно было исполниться, правда – вот-вот, а он захотел показаться чуть старше уже сейчас.

Именно в этот момент я почувствовала себя глубокой старухой, хотя мне исполнялось всего 24. Наверное, это потому, что за последние годы чисто эмоционально я пережила лет сорок, не меньше.

– Ладно, пошли, – скомандовала я и направилась к дому Шпика. – Отмечать будем у моего друга. Кое-что готово уже сейчас, но самое главное – шашлыки – впереди.

Мы отлично поужинали.

Хотя лично я «ужинала» только пивом, по лицам гостей было понятно, что и мясо удалось, и остальное угощение понравилось. Ребята, как и предупреждали, задержались лишь на несколько часов, выпив всего по одной рюмке и дружно отметив, что русская водка пьется мягче, чем любая другая.

Я заметила, что Шпик все это время разговаривал с моим новым знакомым, которого звали Шоном.

– О чем это вы там так увлеченно болтали? – спросила я, когда первые гости почти разошлись.

– Да так, обо всем. Интересный он, кстати, малый! Мало того, что нас зовут одинаково, так он еще и ирландец – как я, – гордо заметил он, переворачивая курицу на гриле.

– Ясно. То есть он – такой же псих, как и ты, что ли?! – спросила я со смехом.

– Ну, ты и стерва! Хотя, ирландцы все немного «того», это точно, – подтвердил он, улыбаясь.

Мы позволяли себе так «опасно» шутить, зная, что никогда не обидимся друг на друга. Шпик вечно называл меня русской стервой, а я его – психом, идиотом и так далее.

Народ вокруг пребывал в шоке, думая, что мы так ругаемся. Мы же лишь дурачились, зная, что можем назвать друг друга как угодно, да и сказать что угодно – глупых обид между нами уже никогда не будет.

– Знаешь, Ким предложил сделать мне приглашение, чтобы я на него и дальше работала.

– …Я, конечно, был бы рад, но все равно – не советую, – ответил он, немного подумав. – Ты же вроде учиться хотела? Вот и езжай, учись!

– Пожалуй, ты прав – пора уже и делом заняться. Только не уверенна, что смогу это потянуть, – засомневалась я. – Учеба у нас дорогая, а зарплаты – мизерные. Накоплений я так никаких и не сделала, а на помощь мужа рассчитывать не могу, ты ж понимаешь.

– Я тебе деньги вышлю, об этом не волнуйся, – с готовностью откликнулся он.

– Больной что ли?! У тебя свои дети есть, чтобы их учить. Да

и у самого тебя с деньгами в последнее время не очень.

Уже несколько месяцев жена Шпика снимала с карточки почти все деньги, карауля не просто день перевода зарплаты, но даже час. И к тому моменту, когда Шпик успевал добраться до банкомата, ему доставались лишь долларов триста, которые приходилось «растягивать» на весь месяц.

– Найду, – повторил он упрямо.

– Шон, я все равно ничего не возьму, что за бред! – отмахнулась я нетерпеливо.

Тут подошли мои девчонки: Эля и Ира.

– Привет! А муж где? – спросила я, обращаясь к Ире.

– Сейчас придет. За пивом пошел, – ответила она.

– Эль, а твой как? Сильно ругался?

– Естественно. Сказал, что на развод подаст, – ответила она просто, как ни в чем не бывало.

– И ты все равно пришла!?

– А, он мне не в первый раз разводом угрожает, – махнула она рукой. – Привыкла.

– Надеюсь, в этот раз тоже была лишь угроза, – заметила я и выдала им по шашлыку.

Мы сидели, весело болтая, потягивая пиво и наслаждаясь приятной погодой.

Чуть позже к нам присоединилась Чуян, жившая по соседству. У всех было отличное настроение, которое просто не могли не испортить мужья девчонок.

Ближе к девяти вечера начал звонить телефон Эли: муж требовал ее немедленного возвращения домой. Он кричал так, что даже нам, сидевшим поодаль были слышны его маты.

Напрасно пыталась она объяснить, что мужчин с нами нет (Шпик – не в счет) и вообще она пришла после того, как все парни уже разошлись, – муж объяснений не слышал и не унимался. Даже Чуян, не стерпев, взяла трубку и стала объяснять ему по-корейски, что мужиков здесь нет, но все было без толку.

Через какое-то время я услышала, как она не сдержалась и, со злостью обматерив его, бросила трубку:

– Представляешь, он шалавой меня обозвал?! Вот козел! Я ему этого так не оставлю!

После того как в течение часа он позвонил ей раз двадцать, Эля не выдержала и засобиралась домой. Мобильник ее, кстати, тоже не вынес такого напора, разрядившись в ноль на последнем звонке.

Как только она ушла, телефон зазвонил уже у меня:

– Это Катя? Где моя жена? Отвечай! – грубо потребовал уже до боли знакомый мне голос.

– Домой пошла, – ответила я обалдело, не понимая, откуда он знает мой номер.

Чуть позже я вспомнила, что месяца два тому назад звонила с него ей на домашний. Ответили на звонок родители мужа, и, буркнув мне «такая здесь не живет», бросили трубку. Перед невесткой они потом оправдались тем, что в тот момент просто не поняли, что разыскивала я именно ту Элю, которая их невестка, а не какую другую. Телефон же у них, как оказалось, был с определителем, и это все объясняло.

– Дай ей трубку! – заорал он.

– Она домой ушла, отвали!

Он отключился, но лишь для того, чтобы через минуту перезвонить снова:

– Где моя жена?

– Домой пошла, – еще раз ответила я. Я старалась говорить спокойно, чтобы Эле не досталось еще больше, но у меня уже кончалось терпение.

Он снова бросал трубку и снова перезванивал. И так – раз десять.

– Ты что, тупой? – не выдержав, заорала я на него по-русски.

– Что?! – не поняв, переспросил он.

– Ты идиот или как? Не звони мне, урод! – прокричала я уже по-английски и для верности отключила телефон. Все, кто хотел, мне уже позвонили и поздравили, а больше звонков я ни от кого не ждала.

Через пару часов и Ира засобиралась домой.

Муж ее, посидев с нами немного, пошел в бар – проведать друзей, да так и не вернулся. Денег на такси у Иры не было, поэтому она позвонила мужу и попросила приехать за ней.

Уж и не знаю, из-за чего они умудрились поругаться, но Ирин муж заявил ей, что не приедет. После скандала она захотела подышать свежим воздухом, так сказать для успокоения нервов, но, уйдя, уже не вернулась. Когда я позвонила ей, Ира ответила, что решила пойти домой пешком (и это при том, что до дома ее было километров семь, не меньше).

– С ума сошла! Я бы дала тебе денег.

– Да все нормально, не парься! Все равно я прогуляться хотела, вот и гуляю, – успокоила она.

В ответ я только руками развела.

Нет, конечно, у нас с Санни тоже были проблемы, особенно в последнее время, но *такого* отношения к себе я бы явно терпеть не стала.

К тому времени Чуян тоже ушла, и мы со Шпиком остались одни:

– Я их не понимаю.

– Я тоже, – отозвался Шпик.

– …А пошли гулять! – предложила я.

– Куда? Где? – он смотрел на меня так, как будто я с Луны свалилась.

– Да хоть по полям! – беззаботно ответила я и, несмотря на все выпитое мною за вечер, бодро вскочила на ноги.

Почти до рассвета мы, совсем уже пьяные, бродили по рисовым полям, утопая в грязи по колено и чудом не падая лицом вниз, болтали обо всем на свете и пели песни.

За песни нас, правда, чуть не сдали в полицию, зато было весело!

Вот так и отметила я свой День рождения: с шашлыками, ссорами между моими подругами и их мужьями, непролазной грязью бескрайних рисовых полей и полной луной, освещавшей нас с Шоном сумасшедшим серебряным блеском.

Прошла неделя.

Однажды я позвонила Санни на сотовый, но вместо него ответил приятель, с которым они снимали квартиру:

– Он в душе, – объяснил Джеф, не обращаясь ко мне по имени и не спрашивая: «как дела?», хотя раньше всегда интересовался.

В период моей второй поездки в Корею они с Санни работали вместе. Мы частенько оказывались в одной компании с ним, и можно сказать – подружились.

– Сейчас я его позову, – пообещал он и куда-то пошел с телефоном.

В отдалении послышался голос мужа:

– Кто это?

Хотя трубку явно прикрывали рукой, разговор их я все-таки слышала.

– Не знаю, – виновато ответил Джеф.

«Странно», – подумала я. Ведь даже по телефону мой голос он всегда отличал, а тут вдруг – не узнал! Или же – засомневался. Хотя, кто еще, кроме жены может звонить моему мужу и говорить молодым женским голосом!?

– А раз не знаешь, какого черта на мой звонок отвечаешь!? – Санни явно был раздражен этим «не знаю».

Следом послышался легкий шум и уже отчетливое «Алло».

– Привет, это я. Меня что, Джеф не узнал?

– Наверное. Что-то случилось? – нетерпеливо поинтересовался он.

– Не-ет, просто так звоню, – опешила я от столь неласкового приема. – А ты что, занят?

– Да, есть немного – я спать собирался. Вообще-то, у нас уже полночь, – «напомнил» он слегка грубовато.

– Ну ладно тогда, позвоню завтра, – извинилась я, и он положил трубку.

Я призадумалась: «Кто еще, кроме жены, может звонить моему мужу в полночь, и почему Джеф не назвал этого «*кого-то*» по имени?». Ответ на вопрос напрашивался только один: «Значит, Санни могла звонить не только жена, но и какая-то другая женщина. И он попросту боялся ошибиться, назвав неправильно имя».

Так, теперь я почти не сомневалась, что у него есть другая, но мне нужно знать это наверняка.

Я подумала, что раз Санни проводит так много времени в командировках, то, возможно, *она* писала ему на электронный ящик. Но на какой адрес? Неужели на тот же, на который писала ему и я!? Мерзавец! Хотя, если так, то это все упрощает.

Однако для доступа к переписке неплохо бы знать еще и пароль.

Я думала, думала, и вдруг меня осенило: около года назад я сама открывала ему этот ящик, и сама же вбивала пароль!

Прежний адрес однажды ему разонравился, но сам он так и не смог разобраться, как зарегистрировать новый. В конце концов, я сделала это вместо него, указав названный им пароль.

Какой же он был? Боже, дай памяти!

Я сидела, крепко зажмурившись и закрыв уши руками, и лихорадочно вспоминала.

Наконец, вспомнив, я бросилась в магазин одеял, так как «Лобос» сейчас был закрыт:

– Мистер Юн, можно я компьютером воспользуюсь? Мне очень-очень нужно! – попросила я бывшего работодателя.

– Конечно, – как всегда легко разрешил он.

Даже после моего ухода он продолжал хорошо ко мне относиться: постоянно приглашал за свой столик в кафешке, если вдруг я проходила мимо, всегда оставлял мне щедрые чаевые в «Лос Лобос», и в любое время разрешал пользоваться Интернетом. Жена его, находившаяся здесь же, тоже благоволила ко мне за хоть и непродолжительную, но достаточно хорошую работу.

Я зашла на почтовый сайт, ввела имя пользователя, пароль, и…

«Доступ закрыт» – равнодушно известил автомат.

«Черт побери! Неужели сменил?» – с ужасом подумала я, но тут же вспомнила: «Вот балда! Я же заглавными буквами пароль вводила!» – и попробовала ввести еще раз: «JACKASS11», то есть «БОЛВАН11» (или «ОСЕЛ11», но это – кому как больше нравится).

Да-да, именно такой, весьма своеобразный пароль был у Санни.

Ура! Сработало!

Я открыла папку «входящие». Так-так, посмотрим: письма друзей, с работы, мои, так и не открытые письма (Вот, гад! А я старалась, писала!)… Неужели же, я ошиблась?

…О, нашла! Похоже, что это!

Я щелкнула по письму с заголовком «скучаю».

«Привет Санни! Я не могу описать, что чувствую к тебе. „…“ Я с нетерпением жду нашей встречи снова. Прошлые выходные были просто чудесны! „…“ Я немного переживаю, так как цена на билеты значительно возросла. Надеюсь, ты сможешь их в скором времени оплатить, чтобы я снова приехала. Твоя Анджелина».

Прочитав последнюю строчку, я отпрянула от компьютера.

Внутри все замерло, как бывает при резком взлете, а в висках оглушительно застучало.

Я стала искать дальше, и вскоре нашла его ответ.

«Дорогая Анджи! Я завтра же куплю тебе билеты, и мы сможем провести выходные не хуже предыдущих! Даже голод не сможет выгнать нас из постели! Я по тебе очень скучаю и уверен, что скоро увижу. Целую и люблю. Санни»

Меня затошнило, да так сильно, что пришлось выйти на улицу, чтобы отдышаться.

– Все в порядке? – озабоченно спросил Юн по-корейски.

– Кинчан*а*– все в порядке, – успокоила я и, отдышавшись, вернулась обратно.

Хоть и было мне в тот момент очень плохо, какая-то часть мозга все-таки продолжала работать, так как я хладнокровно открыла всю их переписку (немаленькую, должна заметить) и отправила на принтер, находившийся здесь же. Не знаю, что мною двигало, но мне почему-то казалось, что эти письма могут еще пригодиться. Еще я отчетливо понимала, что если и распечатывать их переписку, то прямо сейчас, пока у моего «почти бывшего» мужа не хватило мозгов изменить пароль.

На удивление, это происшествие не столько расстроило меня, сколько «освободило» и как бы «прочистило» мне мозги. Обнаружив доказательства его измен, я не стала тут же звонить ему и биться в истерике, не стала причитать или жаловаться на судьбу. Боль от того, что наша любовь умерла, я пережила гораздо раньше, когда он предложил найти себе нового мужа. Поэтому сейчас я почти ничего не почувствовала. Так, кольнуло лишь где-то в груди, и прошло. Но мне вдруг стало безумно, просто дико обидно, что он не нашел в себе смелости сказать «да», когда я спросила, не хочет ли он развода. Поэтому я стала злой. Очень, очень злой! И мне захотелось мести. Самой жестокой

и яростной мести из всех возможных! Мести за все, что пришлось пережить по его вине.

Возможно, именно эта безумная злость на него и дикая жажда мести придали мне тогда сил, и помогли не свалиться вновь в пропасть, из которой я потихонечку выбиралась.

Я пошла домой – к Таньке, у которой жила до сих пор – и рассказала о том, что произошло.

Она внимательно меня выслушала, напоила чаем с пустырником и неожиданно для меня заявила:

– Не расстраивайся! Давно уже было понятно, что он что-то «мутит». Теперь надо думать, как его наказать. И побольнее.

– Таня, от тебя ли я слышу!? Ты же в Бога веришь, в церковь, там, ходишь. Я думала, ты меня успокоишь и предложишь смириться…

– В Бога-то я верю, но такого козла наказать – не грешно! – отрезала она.

Естественно, я рассказала обо всем не только своей лучшей подруге, но и Шпику:

– Он там гуляет, любовнице своей билеты на самолет покупает, вечеринки устраивает. И все это – на деньги, включающие *мою* дотацию! Поэтому и разводиться не хочет, – ему так выгодно и удобно! – возмущалась я. – Если бы он сразу честно признался, что встретил другую женщину и хочет развода, то я бы его просто так отпустила, не требуя ничего. Поплакала бы в подушку, но отпустила. Он же – разводиться не хочет, предпочитая пудрить мне мозги. А я – сижу здесь как дура, жду у моря погоды! Годами, кстати, сижу. Это – несправедливо!

– Согласен. И полностью поддерживаю твое решение потрясти его хорошенько. По закону ты имеешь полное право на алименты… Тем более что у тебя есть эти письма, – добавил Шпик.

– Значит, решено – завтра еду на базу. К военному адвокату.

– Помощь нужна?

– Нет, спасибо. Сама пока обойдусь.

Утром следующего дня я приехала на базу и отыскала кабинет адвоката.

Меня тут же приняли, вежливо выслушали и…:

– Увы, ничем не могу вас обрадовать, – не скрывая усмешки, надменно проговорил мужчина. – Если бы вы сумели подать на развод в Америке, то вполне могли бы рассчитывать на отступные, а так…, – по его тону чувствовалось, что помогать мне – какой-то там русской – их «корпоративный» адвокат явно не собирался.

– Тогда может его хотя бы звания удастся лишить? За аморальное, так сказать, поведение, недостойное человека в военном мундире, – с надеждой спросила я, почему-то вспомнив советские парткомы, профкомы и прочее. Глупость, конечно, спросила, но уж очень хотелось его наказать. Пусть не «рублем», так хоть этим.

– Боюсь, нет, – отрезал он. – Всего хорошего.

– Что ж, и на этом спасибо. До свидания.

Выходя из его кабинета, я уже приступила к продумыванию плана «Б».

По приезду домой, я рассказала Тане о своем неудачном визите и заявила:

– Раз их закон не на моей стороне, значит, будем наказывать сами – деньгами и шантажом!

– Это как? – не поняла она. – Чем шантажировать-то собираешься?

– Пока мы оба были в Корее, во всех ведомостях он писал, что я нахожусь в Массачусетсе у родителей. Да и сейчас, я уверена, так же пишет. Они эту информацию все равно никогда не проверяют, а денег при этом платят – в три раза больше, чем могли бы, если бы он написал правду, что живу я в Корее. Как ты понимаешь, то, что он делал – противозаконно. Его посадить за это могут.

– То есть выходит, что почти все это время он получал ежемесячно около тысячи долларов незаконных дотаций?! – изумилась она.

– Вот именно! И я могу вытащить это на свет. Все, что нужно для этого сделать – послать его начальству копию моего паспорта, в котором не стоит ни одной американской визы, сопроводив ее ма-аленьким таким комментарием… Короче, план такой: я хочу потребовать деньги на учебу плюс быстрый развод. В обмен на молчание о его «делишках». Ведь благодаря бесплодным ожиданиям виз я так и не смогла начать учиться, когда была еще такая возможность, а сейчас у меня уже не хватит на это денег.

– И сколько потребуешь? – заинтересованно уточнила она.

– Пять тысяч.

– А чего так мало?!

– На учебу в России – хватит, – отрезала я.

– Ну, это ты зря, по мне, так можно и больше содрать! – вошла в раж подружка.

– Думаешь?! Ладно, на всякий случай попрошу больше, но он явно откажется.

– Так ты попробуй!

– Хорошо.

Мы замолчали.

– Ну и…? – прервала затянувшуюся паузу Танька.

– Что? – не поняла я.

– Звонить-то собираешься?! Или до завтра оставишь? – насмешливо уточнила она.

– Блин, че-то страшно, – нерешительно отозвалась я.

– Нет, вы только на нее посмотрите! Передо мной она тут – герой, а как до дела дошло, так и села на попу!? А ну, звони быстро! – скомандовала она.

Нехотя я достала телефон и набрала номер его сотового. Пошли гудки, но никто не брал трубку. Пришлось перезвонить на домашний.

– Здравствуйте, это автоответчик Санни, – послышалась новая для меня запись. – Меня нет дома. Оставьте сообщение, и я перезвоню.

– Вот урод! – выругалась я, отменив звонок.

– Что там еще!?

– Раньше запись была: «это автоответчик Санни и Кэт». А теперь – только Санни, – объяснила я свое негодование.

– Так ему же любовница, наверное, звонит, – с сарказмом заметила Таня. – Вот он и не хочет ее расстраивать таким сообщением.

– Выходит, она не знает, что он женат?!

– Может, не знает. А может и знает… Тебе не все ли равно!?

– Все равно, – согласилась я и позвонила еще раз.

Трубку снова не взяли, но я оставила сообщение: «Срочно перезвони мне. Надо поговорить. Это важно». Обычно, оставляя ему сообщения на автоответчике, я всегда добавляла «люблю тебя», но тут уж не стала.

Через пятнадцать минут мой сотовый ожил:

– Это я. Что случилось?

– А что случилось?! Это ты мне скажи, что случилось! Ты разве ничем не хочешь со мной поделиться?! Может у тебя изменения какие-то в жизни, о которых ты забыл мне сказать? – язвительно поинтересовалась я.

– Нет, – прозвучал короткий и четкий ответ.

– Что, совсем-совсем ничего нового!?

– Нет, – еще раз подтвердил он спокойно.

– Ладно, тогда я расскажу о твоих изменениях: у тебя любовница есть, и давно, – выпалив это на одном дыхании, я сделала паузу, давая время очухаться.

– Я не понимаю, как ты могла узнать!? – В его голосе слышалось такое неподдельное изумление, как будто я только что

сообщила, что вчера на его пятой точке выскочил прыщ, о котором не знал пока даже он.

– Твой е-мэйл, милый! Хоть бы потрудился пароль изменить, что ли, – усмехнулась я.

– Тебе не обязательно было лезть в мою почту! – обиделся он. – Я и сам бы тебе все рассказал.

Нет, ну надо же – он на меня обиделся! Он мне изменял, он мозги мне пудрил, и он же еще на меня и обиделся!… А что же мне тогда делать?! Тоже обидеться? Или сразу уж – застрелиться?!

– Ушам не верю! Всего минуту назад я весьма недвусмысленно тебе намекала, так сказать шанс давала самому во всем честно признаться, которым ты, кстати, не воспользовался, а теперь ты пытаешься убедить меня, что и сам бы во всем признался!? Да я уверена – ты и не собирался мне ничего говорить!

– Мне очень жаль, что ты узнала об этом именно так, – произнес он так грустно, что на секунду я даже поверила, что и вправду – ему искренне жаль, и чуть не раскисла.

Но я быстро взяла себя в руки, вспомнив об истинной цели звонка:

– В общем так – буду краткой. Один раз я уже предлагала тебе разойтись по-хорошему, но ты не захотел, предпочтя вранье. Значит – будем разговаривать по-плохому. Мне нужно семь тысяч долларов на пять лет учебы в России. Ты мне их даешь, мы разводимся и быстренько забываем друг о друге. Ты прекрасно знаешь – мне надо учиться, и ты сам же неоднократно говорил, что на институт у нас деньги есть. Поэтому я прошу мне их выдать. А если нет – я отправляю твоему начальству копию паспорта с пометкой о том, что ты получал на меня дотацию, как если бы я жила в Массачусетсе. В этом случае плохо будет обоим – и мне, и тебе. Тебя – может даже посадят. И пусть денег от этого у меня не прибавится, так хоть настроение поднимется! – все это я произнесла тоном сумасшедшего террориста, диктующего условия ошеломленной полиции.

После продолжительной паузы Санни удивленно спросил:

– Так ты что, угрожаешь мне, что ли?!

– Конечно!

– Кэт, брось, на тебя это совсем не похоже. Не надо строить из себя «крутую», – попросил он тихо, с сочувствием.

Меня это его «сочувствие» еще больше взбесило:

– Не похоже говоришь! А я многому научилась – у меня учителя хорошие были! Не надо было ТАК со мной поступать, и не было бы этого разговора.

– Я и так собирался денег тебе дать на учебу, так как чувствовал себя виноватым. Прошу тебя, не надо мне угрожать и вообще – делать из меня «нехорошего парня». Моей вины в том, что тебя депортировали и что ты меняла фамилию – нет. И не из-за меня тебе визу не давали так долго…

– Короче, давай не будем больше об этом. Ты согласен на мои условия?

– У меня нет такой суммы, – тут же ответил он.

– Ладно, я согласна на пять. Оставшиеся две, так и быть, сама смогу заработать. Но не меньше! И в течение трех месяцев… Уверена, за последнее время ты накопил достаточно: деньги с карточки я почти не снимала, дотацию на меня ты получал, да и возврата налогов, как женатый, должен был получить тысячи полторы, как минимум, – перечисляла я, не давая вставить ему ни слова. – Этого вполне должно хватить, – подвела я итог. – …Да и разве же это – сумма?! Какие-то жалкие пять кусков! Твоя первая жена, насколько я помню, получила около двадцати, так что можно считать – я еще дешево тебе обошлась! С дисконтом, мать твою! – нервно похохатывая, закончила я. Весело мне не было, но сдержать идиотские смешки я не смогла.

– Сука! – злобно выплюнул он и бросил трубку.

Я убрала телефон и сообщила Тане, что он обещал подумать.

– Молодец! Ты хорошо держалась, – пожала она мою руку.

– Согласился бы еще…

– Согласится-согласится, куда он денется! Он у тебя – «ссыкло» по жизни, ты уж извини, так что *он*– обязательно согласится!

– Не извиняйся, я знаю. Уж если он из-за какого-то там патруля в тауне ночевать до икоты боялся, то сейчас-то что говорить!

– Вот-вот!

Санни перезвонил через пару часов, коротко сообщив, что принимает мои условия.

– Когда я могу начать снимать деньги? – решила я уточнить сразу же, так сказать «не отходя от кассы».

– Ну, через неделю можешь снять тысячи полторы, – неуверенно протянул он.

Чувствовалось, что расставаться с деньгами ему ох, как не хочется! Однако в тюрьму не хочется больше.

– Хорошо, а остальные? – продолжала наседать я.

– Через две недели еще пятьсот можешь снять.

– А почему так мало?… Ладно, но имей в виду – у тебя есть всего лишь три месяца, – напомнила я достаточно жестко.

– Прекрати мне угрожать, мать твою! – вспылил он.

– Хорошо-хорошо, больше не буду, – успокоила я. И через секунду добавила: – *Пока* не буду.

– Кэт, почему ты со мной так поступаешь!? Ты же мне не безразлична! Мне очень жаль, что у нас все так вышло. Я просто устал от этих разлук!… Да у меня ничего с ней и не было, просто она в Вегасе никогда не была, вот я и предложил ей приехать в гости, – несколько запоздало принялся оправдываться он.

– Ты что, совсем меня за идиотку держишь?! Нет, конечно, я, понимаю, что я – не гений. Но не совсем уж и дура: читать-то не разучилась! Так что не надо лапшу на уши вешать! – не удержавшись, вспылила я, услыхав этот жалкий лепет.

С большим удовольствием прооравшись на притихшего «пока еще мужа», я перевела дух и продолжила чуть спокойнее:

– Да, мне тоже жаль, что все у нас так получилось. Но и ты меня тоже пойми: ведь это из-за тебя я не пошла раньше учиться – все визу ждала, да и сам ты всегда говорил, что бессмысленно это, ведь российское образование у вас не котируется.

– Да-да, я все понимаю и очень хочу помочь. Я же не отказываюсь дать тебе эти деньги, просто мне не нравится, как ты со мной разговариваешь… Я бы не хотел, чтобы мы расстались врагами, – жалобно попросил он.

Должна признаться, в этот момент я слишком сильно «размякла», потому что зачем-то поверила ему. Поверила в то, что ему действительно жаль, и что он действительно хочет помочь, хотя бы в память о проведенных вместе годах. Поэтому и ответила вполне миролюбиво:

– Мне бы тоже не хотелось расстаться врагами, хотя и друзьями мы больше не будем.

Мы поговорили еще немного, а под конец даже над чем-то весело посмеялись.

Да-а, уж что-что, а очаровать он умел! И прощаясь, я почти не помнила о его предательстве. Нет, не простила, но… как бы забыла.

– Узнай, пожалуйста, как нам развестись. Отсюда, из Кореи, я точно ничего не узнаю. Может это возможно сделать через базу или еще как-нибудь?

– Хорошо, я все узнаю, – легко согласился он, и я как всегда ему снова поверила.

После нашего разговора вдруг, без особого переходного настроения, я почувствовала себя свободной. А, почувствовав, осознала, что последние полгода наш брак был мне очень в тягость, и подсознательно я сама давно хотела разрубить этот узел.

Но я не могла сделать этого просто так, без серьезной на то

причины. Поэтому даже порадовалась, что узнала об этой его Анджелине, так как мучения мои, наконец, закончились. Теперь я могла заново планировать свою будущую жизнь, что-то менять…, в конце концов – завести роман. Глупый, ни к чему не обязывающий, беззаботный роман, как это делала Ленка. Для здоровья, как она выражалась.

Когда я поделилась этой мыслью со Шпиком, он громко рассмеялся.

– Ты чего ржешь, скотина?! – набросилась я на него.

– А того, что *ты* так – не сможешь!

– Почему это? У меня что, не может быть просто любовника?

– У тебя – нет. Ты человек не такой. Ты обязательно втянешься эмоционально, а потом опять будешь страдать. Я тебя хорошо знаю.

– Дай тогда хоть помечтать, – попросила я и прикурила очередную сигарету.

– Ну, мечтай-мечтай…, если хочется, – разрешил он. – … Кстати, если тебе вдруг понадобится телефон начальника мужа – дай мне знать. Я за пять секунд раздобуду.

– Надеюсь, до этого не дойдет, но все равно – спасибо.

– Не за что. Отметим? – предложил он, протягивая запотевшую от холода бутылку пива.

– А как же! – радостно согласилась я. – Только немного, а то мне еще на работу сегодня.

– Ладно, сейчас начнем, а вернешься – продолжим. За твой развод! – провозгласил он, подняв неизменный бокал с пивом. Почему-то Шпик пил пиво не из стаканов и кружек, а исключительно из бокала. Винного. Впрочем, зачастую бокал был единственной чистой емкостью этого дома. Я имею ввиду – из приличных.

Когда я поднялась со стула и прошла на кухню за стаканом уже для себя, то не заметила там вообще ни одной чистой кружки: кругом стояли горы немытой, заплесневелой, вонючей посуды.

– Ты когда в последний раз убирался? – поинтересовалась я, вернувшись с одноразовым стаканчиком, чудом отысканным в таком бардаке.

– Кто, я? Месяца четыре назад, – пожал он плечами.

– Чего ты врешь!? Еще на прошлой неделе у тебя было достаточно чисто.

– Так у меня Чуян убирается раз в две недели. И ты иногда, – пояснил он.

– Ах ты, чушка ленивая! А у самого что, – инвалидное кресло?

– Нет, просто мне – наплевать. У меня есть чистый бокал для

пива и кружка для кофе, а больше мне ничего и не надо.

Тут он, в общем-то, прав: чистая посуда ему почти не нужна, так как ест он один раз в день и обычно – вне дома. Чаще всего это происходит в ресторанчике, расположенном неподалеку. Только там подают его любимое блюдо (острую курицу), которое сам себе он почему-то никогда не готовит. Видимо, это был тот редкий случай, когда у другого повара оно получалось лучше, чем у него.

Ел же он всегда лишь после того, как выпивал последнюю кружку пива. Потом сразу же шел домой и засыпал.

Иногда у него не было сил, чтобы дойти до дома, и он засыпал прямо на улице. Такая реакция тела вполне объяснима: весь день он вливал в себя только пиво, а стоило настоящей еде попасть в организм, как мозг тотчас же отрубался – все силы переключались на долгожданную пищу, и на остальные действия их попросту не оставалось. Однако убедить его есть хотя бы пару раз в день, чтобы организм снова привык к еде и перестал на нее *так* реагировать, я не могла. «Не хочу» – упрямо мотал он всклокоченной головой.

Глава 7

Воскресенье. Лето две тысячи пятого года.

Я была еще внутри бара, а Ким уже выносил на улицу пластиковые столики и готовил мясо для жарки, – с некоторых пор он решил привлекать клиентов бесплатной едой по воскресеньям, и его идея, в общем-то, себя оправдала: народ валом валил (халява, она и в Корее – халява!).

С улицы на меня постоянно заглядывался рыжий парень, и я вышла, чтобы как обычно познакомиться с ним и его друзьями. Его звали Кевин. Он-то и стал впоследствии моим «ничего не значащим увлечением».

Почему он? Сама не знаю. Наверное, настойчивостью он меня взял: не давал мне прохода, приходя в бар каждый день, засыпал цветами и комплиментами… Да, я знала, что никакого «потом» у нас с ним нет, и не будет, но оно мне было уже и не нужно – хватило «светлого будущего» с Санни.

Кевин оказался парнем женатым, с тремя детьми, один из которых ему – не родной (жена с детьми, понятное дело, сейчас находилась в Америке, да не одна, а как выяснилось чуть позже, – с очередным (!) бойфрендом). Да-а, все-таки быстро у них это получается: парню всего двадцать пять, а детей – уже трое.

– Ого! – засмеялась я, услышав о численности потомства. – А сколько еще планируете?

– Нисколько, – улыбнулся он.

И добавил:

– Я каналы перевязал.

Да уж – весело, ничего не скажешь…

Мы встречались, не давая друг другу никаких обещаний и не ожидая ничего взамен, но к концу моего пребывания в Корее (наступил август, и у меня уже заканчивалась виза) Кевин давно обещал развестись и жениться на мне.

Честно признаться, какая-то часть меня надеялась, что именно так он и поступит (все-таки прав оказался Шпик: не могу я встречаться просто так, все равно оказываюсь «вовлеченной эмоционально»!). Другая же часть при этом вопила: «Дура! На кой тебе он и его дети! Да и вообще, глаза-то разуй: не будет он разводиться!». Так и разрывалась я на две половинки: мечась между доводами разума и желанием создать семью (пусть и без совместных детей), быть хоть кем-то любимой.

Кевин тоже страдал. Он метался между чувством долга по отношению к собственным детям и мной, не переставая при этом клясться в вечной любви и строить планы нашего совместного

будущего…

В общем, весь тот отъезд дался мне нелегко. Но особенно – та его часть, когда пришло время прощаться со Шпиком.

– Не уезжай! Не уезжай, пожалуйста! Я без тебя не справлюсь! – рыдал он.

– Ты прекрасно знаешь, что я не могу остаться – у меня визы нет, да и учиться мне надо, ты же сам говорил…

– Тогда оставайся здесь нелегально! Прошу тебя! – продолжал умолять он.

– С ума сошел?! Я в тюрьму не хочу!

– Вот видишь, значит, все-таки можешь остаться!? Просто не хочешь!

– Ну что ты как ребенок, ей Богу! – тщетно пыталась я его образумить. – Мне надо жизнь свою налаживать, заняться чем-то серьезным…

– Ну и вали, стерва! – не сдержавшись, психанул он и изо всех сил хлопнул дверью.

Я не стала бежать за ним и успокаивать, так как прекрасно понимала: расставание дастся легче, если он будет злиться. Мне было так же тяжело, как и ему, но я держала себя в руках.

Я уезжала обратно в Россию, оставляя позади массу приятных и не очень воспоминаний, друзей, брак, поклонников… Разумная моя половинка временно взяла верх и я решила начать жизнь с чистого листа, не оглядываясь на прошлое.

А Кевин? А что – Кевин!? С ним я решила – пусть будет, что будет. Отталкивать его я не буду, но и убиваться в случае чего – тоже не стану.

Приехав домой, я поступила в институт на переводчика, успешно пройдя тест по английскому: преподаватель даже не стала дослушивать мой ответ до конца, так как исправлять что-либо или дополнять в нем было не нужно. Также я устроилась на работу, график которой позволял бы мне успевать на учебу, начинавшуюся в октябре.

После моего отъезда Кевин писал ровно месяц, после чего пропал: коротко объяснил, что появились семейные проблемы, и больше на связь не выходил. Меня, признаться, это ничуть не удивило, поэтому я просто постаралась как можно быстрее выбросить его из головы.

Как мы и договорились с Санни заранее, в августе я сняла с его карточки еще тысячу долларов, после чего получила от него разгневанное послание: «Ты меня оставила совсем без гроша! Что хочешь делай, но верни мне мои деньги! Мне даже еду не на что купить, – одними шоколадками питаюсь!»

Упс! Сперва я даже слегка растерялась, не зная, как реагировать на подобное: вроде бы мы – взрослые люди и давно обо всем договорились…, однако его личные планы видимо поменялись.

Дальше последовала короткая, но весьма эмоциональная переписка (по неведомой мне причине к ней подключилась и его милая Анджелина, приславшая несколько писем с отборными матами, – пришлось почти вежливо послать ее куда подальше), из которой следовало, что деньги, которые он пообещал дать мне на учебу, я смогу получить в лучшем случае года лишь через два. При этом разводом я должна буду заниматься самостоятельно, так как расписывались мы в России.

Н-да…

В общем, денег от своего «бывшего» в дальнейшем я более не увидела (ну, да и не нужны они мне – пусть строит на них свое новое счастье!), а с разводом пришлось изрядно помучиться: ЗАГС разводить нас отказывался, арбитражный суд – тоже. Самый дельный совет, который дали мне за все это время, заключался в следующем: объявить мужа без вести пропавшим и через полгода получить развод автоматически. Но мне делать так не хотелось, и я продолжала настойчиво бегать по судам и по ЗАГСам, пока, в конце концов, кто-то из чиновников не соизволил мне сообщить, что для развода требуется письменное согласие мужа.

Санни пообещал, что вышлет нужное заявление, и я стала ждать.

Время шло, я уже приступила к учебе, а его согласия все не было и не было…

При этом не проходило и дня, чтобы я не вспоминала о любимой Корее. Скучала я по ней – невероятно! Даже не знаю, что именно так безудержно тянуло меня обратно: оставленные там друзья, жизнь за границей или просто комфортная жизнь без проблем. Возможно, – все это вместе взятое,… а может и ощущение, что что-то я упустила, чего-то важного не заметила.

До ноября я смиренно ждала письма Санни с согласием на наш развод, но, поняв, что добровольно он мне его не пришлет, решила взять все опять в свои руки.

По моей просьбе Шпик разыскал электронный адрес начальника Санни, которому я пожаловалась на то, что Санни не дает мне развод, объяснив попутно очевидные, на мой взгляд, мотивы подобного поведения: он получает хорошие деньги на мое содержание, и чем дольше мы будем женаты – тем лучше. Видимо, это подействовало, потому что уже через две недели нужная бумага была у меня на руках.

Не хочу утомлять вас подробностями, поэтому скажу коротко:

на этом мои мытарства не закончилось, и официально «свободной женщиной» я стала еще только через пять месяцев. Опять же, не без помощи некоторого количества свободно конвертируемой валюты.

Все это время, пока я ждала документы от Санни, Рита писала мне, что если я вдруг передумаю, то она тотчас же пришлет приглашение, по которому я смогу вернуться обратно.

Друзья тоже не оставляли меня в покое, так что вскоре я не выдержала и сломалась: забрала документы из института и начала оформлять очередную визу.

Я решила вернуться и попробовать поступить в институт там, в Кунсане. Мне это показалось наиболее приемлемым вариантом: и время не потеряю, и жить буду так, как нравится.

Кстати, Кунсан – не такой уж и маленький городок, как это могло показаться кому-то со стороны: в нем проживает почти триста тысяч человек (это только официальные цифры и только по местным жителям!), а в местных учебных заведениях даже существуют специальные группы для иностранцев, преподавание в которых ведется исключительно на английском.

Как же был счастлив Шпик, узнав, что я возвращаюсь! Ведь все это время он не прекращал надеяться, что я одумаюсь и вернусь.

За время моего отсутствия он успел осуществить свою давнюю мечту и открыл собственный ресторан. Правда «собственный» – слегка громко сказано: деньги на открытие дал его лучший друг, так как своих средств у Шона так и не появилось (все уходило к жене); да и оформить его пришлось на Чуян, ведь иностранцам запрещено открывать бизнес в Корее. Но кашеварил в нем и решал все управленческие вопросы все равно Шон, – в свободное от основной работы время.

Почти три месяца Шпик держал для меня в баре полную рюмку текилы, и все посетители знали, для кого именно она предназначена. Наверное, с самого начала ему что-то подсказывало, что рано или поздно я обязательно вернусь, хотя у самой меня таких планов до последнего времени не было.

Несмотря на то, что в этот период молодым девушкам визы в Корею почти не давали, я попала туда без проблем. Уж и не знаю, что помогло: моя ли американская фамилия (которую я оставила и после развода, дабы не мучиться с очередным переоформлением паспортов), тот ли факт, что в общей сложности я уже провела здесь чуть больше трех лет, или еще что-то, о чем я не знаю. Но, тем не менее, факт налицо – в начале декабря я уже летела в Корею.

В аэропорту меня встречал сияющий Ким:

– Добро пожаловать обратно! – обнял он меня.

– Привет! – искренне обрадовалась я встрече. В кои-то веки я была рада видеть даже его. – Как бизнес?

– Хорошо, но уверен – теперь будет еще лучше!

– Завтра же приступлю к работе, – пообещала я, и мы двинулись к выходу.

На удивление, погода в Корее была типично российская: снег по колено и сильный порывистый ветер.

– И давно у вас так? – перекрикивая шум ветра, спросила я.

– Только сегодня снегопад начался. Это ты, наверное, привезла из России?!

– Не-а, подобного даже у нас не бывает! – рассмеялась я.

– …Я тебе уже и квартиру снял, – «обрадовал» меня босс, едва мы отъехали.

– Зачем!? – не поняла я. Вроде бы ни о чем *таком* я с ними не договаривались. Более того, подобные решения я привыкла принимать сама и предпочла бы найти такое жилье, которое мне самой бы понравилось.

– Жить же тебе где-то надо!? Вот я и позаботился заранее! Я буду оплачивать тебе квартиру, и платить восемьсот долларов в месяц, – продолжал «радовать» меня Ким.

Я вежливо поблагодарила его за заботу, хотя новости были прямо сказать не ахти.

Во-первых, Рита писала, что платить мне будут тысячу, а не восемьсот, да и про квартиру в ее письмах не было ни слова. К тому же, найти себе жилье я могла бы и дешевле двухсот долларов, а то и вовсе – почти бесплатно, так как планировала на время поселиться к Шпику: так было бы веселей.

Во-вторых, я слишком хорошо знала Кима и подозревала, что квартиру он подыскал если не в соседнем же доме, то уж точно недалеко от себя. А такое «приятное соседство» мне было совсем не в радость.

Ну, и, в-третьих, как я уже говорила, меня всегда раздражало, если подобные вопросы решались без моего участия.

– Сегодня переночуешь у Тани, а завтра – перевезем вещи на новую квартиру, – совсем уже по-хозяйски распорядился он.

– Хорошо, – равнодушно согласилась я, и остаток пути мы проехали молча.

Лишь однажды Ким прервал затянувшееся молчание, уточнив, что у нас с Кевином. Не вдаваясь в подробности, я коротко ответила, что мы расстались, – Ким был известным в тауне болтуном, а лишние сплетни были мне не нужны.

Путь из аэропорта, занимающий обычно часа три, превратился в шестичасовой: местный транспорт оказался не слишком-то приспособленным для движения по заснеженной целине, в которую стремительно превращались дороги.

Наконец мы оказались в тауне, засыпанном снегом чуть не по самые крыши: люди пытались расчистить дорожки лопатами, но снегопад был настолько сильный, что уже через час от расчищенного места не оставалось следа.

– Вот это здоровяк! – воскликнула я, увидев подросшего Колю. Он раньше мамы успел появиться в прихожей и теперь радостно разглядывал основательно подзабытую «тетю Катю».

– Ну, привет, блудная ты наша дочь! С возвращением! – Танюшка выскочила из кухни, отряхивая с рук муку, и бросилась мне на шею.

– Привет! – я обняла подругу, потрепала за ручку ее сынишку и втащила в квартиру заснеженный чемодан. – Уф-ф, сколько же у вас тут снега! – Я шумно топталась в прихожей, стряхивая с себя снежные холмы, насыпавшиеся на плечи и шапку по дороге от машины до входа в квартиру.

Раздеваясь, я сообщила подруге, что останусь у них всего на одну ночь, а после этого перееду на квартиру, снятую для меня Кимом.

– А чего это он вдруг так о тебе заботится?! – прищурилась Танька.

– Да уж, что-то тут не без чего-то! – кивнула я и добавила. – Он просто так ничего не делает, ты же знаешь.

В тот момент я даже примерно не представляла, какие цели преследовал *этим* Ким и что еще ждет меня впереди!

Умывшись с дороги, я перекусила на скорую руку и побежала к Шпику в его ресторан.

Распахнув двери, я обнаружила, что вместо того, чтобы ждать меня, не отходя от двери, мой лучший друг нагло дрыхнет на стоящем тут же диванчике. Безобразие!

Встречали меня лишь филиппинка Кристин, о которой Шпик всегда отзывался с большим уважением за трудолюбие, да Чуян, успевшая к тому времени уволиться из «Лобоса» и перейти под крылышко Шона.

Не могу удержаться, чтобы не сделать маленькое отступление и не сказать пару слов о Кристин.

Она не помнит своих родителей. С раннего детства ее воспитывала какая-то женщина, которая возможно даже не является ее родственницей. По слухам, обрывочно дошедшим до Кристин, у нее была сестра-близнец, с которой ее разлучили в младенчестве и которую всю жизнь она пытается разыскать. И

вроде бы (опять же – лишь по слухам) до сих пор жив их отец. Но отыскать их – проблематично, так как женщина, ее воспитавшая, наотрез отказывается сообщить Кристин даже ее настоящее имя.

Восьмилетней девчонкой она начала работать в ресторане приемной матери, а уже в одиннадцать ее вынудили «не тратить время на ерунду» и перестать ходить в школу.

В тринадцать лет она сбежала в Манилу, где устроилась работать в ресторан за 10 долларов в месяц. Хозяева заведения приютили девочку у себя, где она и прожила все время, оставшееся до замужества. Достаточно поздно (по местным, разумеется, меркам) – в девятнадцать лет – она вышла замуж и родила дочь. Но брак не сложился. Девочка осталась с бывшим мужем на Филиппинах, а Кристин поехала в Корею – пытать свое счастье.

Оказывается, в мой второй приезд мы были в тауне почти одновременно: я работала в «Стерео», а она – в баре через дорогу. Там же, в том самом баре, она и познакомилась с будущим мужем-корейцем. По каким-то причинам прямо сейчас перевезти к себе ребенка от первого брака она не может, поэтому просто ждет, когда дочка достигнет совершеннолетия и сама сможет переехать жить к матери. Ее девочке сейчас уже почти шестнадцать, так что ждать осталось недолго. Несмотря на то, что Кристин регулярно снятся кошмары, связанные с детством и так называемой мамой, она продолжает исправно посылать ей деньги и вещи. Такой уж она человек, и иначе – не может.

Едва завидев меня, Чуян просияла и кинулась обниматься:

– Ну, наконец-то! Мы уже заждались!

От нее за версту несло алкоголем, хотя времени было всего девять вечера.

Шпик писал мне, что она начала много пить и в беспамятстве частенько могла потратить всю ресторанную выручку, угощая случайных приятелей: многие уходили, не расплатившись, так как «кассир» (коим она и была), пьяный спал тут же, на одном из диванов.

С трудом отлепив от себя Чуян, я принялась расталкивать Шпика:

– А ну вставай! Что это еще такое?! Я, понимаешь, в такую даль ехала, а ты спишь! – громко возмущалась я.

– Иди на фиг, – отмахнулся Шпик, едва приоткрыв один глаз, и устроился на диванчике поудобнее. По лицу его пробежала счастливая улыбка, которую не могло скрыть даже старательно изображаемое безразличие.

Долго так притворяться он не смог, и уже через минуту встал и крепко обнял меня:

– Наконец-то! Я даже выходной взял, чтобы тебя ждать. В «Лобос» названивал каждые пять минут, так что под конец Рита даже попросила меня не звонить больше. Почему ты так долго?

– Так снег вон какой! Сама ехать устала… А где моя текила?! – вспомнила я о символе своего возвращения.

Шпик тут же направился к бару и с самого верха достал ничем не прикрытую рюмку. На поверхности алкоголя плавал толстый слой пыли.

Я залпом выпила.

Вкус был немного подпорчен долгим стоянием на открытом воздухе, но не могу не признать, что все-таки было приятно: даже когда надежды на встречу почти не осталось, меня все равно ждали.

Большинство приятелей были заранее предупреждены о приезде, поэтому мы со Шпиком не мешкая отправились в «Лобос», назначенный местом общего сбора.

Несмотря на задержку в пути, все дождались. Кевина среди них не было (впрочем, его я и не предупреждала).

– Привет, – по-русски поздоровался Шон. Да-да – тот самый друг моего бывшего мужа.

– Привет! – так же, по-русски, отозвалась я. – Учишь потихоньку?

Шон мне как-то писал, что занялся изучением русского. Он почему-то всю жизнь с огромным благоговением относился к нашей стране, а в особенности – к ее попытке построения коммунизма («Но ведь идея-то, согласись, хорошая!» – до сих пор пытается убедить меня он).

– Учу. Я говорю по-русски, но только немного, – опять же на языке моей Родины произнес он.

– О! Совсем неплохо, – похвалила я.

– Ты со мной позанимаешься? – попросил он, но уже по-английски. – Я очень хочу выучить русский.

– Конечно!

Я была счастлива видеть всех снова. Господи, как же сильно, оказывается, я соскучилась по этому захолустью, по американцам, по бесшабашности, и даже по этому бару!

Посидев в «Лос Лобосе» около часа, мы решили заглянуть и в другие клубы.

Ким был явно расстроен тем, что вместе со мной ушла и огромная толпа, но мне было слишком весело, чтобы думать об этом. Мне просто хотелось приятно провести вечер с друзьями, прежде чем приступить к работе.

После двенадцати все уехали на базу.

Мы со Шпиком еще часа два просидели в его ресторанчике за

болтовней, и лишь после этого я отправилась к Тане – отсыпаться с дороги.

На следующий день Ким показывал мне арендованную квартиру.

Я угадала – она действительно находилась в двадцати метрах от его дома и представляла собой однокомнатную клетушку с закутком, который лишь условно можно было назвать кухней: туда едва уместилась раковина и тумбочка для посуды.

В комнате не было ничего, кроме лежащих на полу двух одеял.

– А мебель-то будет? – озадаченно уточнила я.

– Да. Завтра привезут, – хмуро пообещал Ким.

Он был явно не в настроении продолжать разговор, поэтому вечером я поинтересовалась у Риты:

– В чем, собственно, его проблема?

Она как всегда сначала картинно потупила глазки, вздохнула, причмокнула и наконец-то ответила:

– Ну, ты так некрасиво вчера поступила…

– То есть? – не поняла я.

– Мы тебе приглашение сделали, а ты у нас в первый же день всех посетителей увела.

– Эй, так они все изначально потому и пришли, что я по е-мэйлу предупредила, чтобы они меня у вас ждали!

– Ну, так ты ведь могла б и остаться. Правильно?

– Не совсем. Вчера я еще не на работе была, если ты помнишь! – я уже начала злиться.

– Ой, ну ладно, не бери в голову! – пошла она на попятную. – Ты же знаешь Кима – он вечно всем недоволен.

В тот вечер я впервые заночевала в своей новой квартире, а наутро проснулась от боли в боках и от жуткого холода: спать на полу, подстелив лишь одно одеяло, было ужасно!

На работе я еще раз спросила Кима про кровать, на что он вновь пообещал: «завтра».

Следующие две ночи я провела на диванчике Шпика.

Народу в баре в тот день было мало, так как базу закрыли из-за погодных условий: уже четвертый день, не переставая, шел снег (поговаривали, что последний раз такой снегопад был лет сорок назад).

К вечеру из посетителей остались всего два корейца, да и то – не обычные клиенты, а какие-то приятели Кима, которые почти ничего не заказывали, а просто болтали, сидя за столиком. На меня они никакого внимания не обращали и, когда пробило

полночь, я спросила босса, могу ли идти домой. Ким меня отпустил, и я направилась в ресторан Шпика.

У него еще было несколько клиентов, которые уже закончили ужинать и сидели, расслабленно потягивая пиво.

Мы со Шпиком тоже решили пропустить по стаканчику, когда двери вдруг распахнулись, и в зал стремительно ворвался Ким. Следом за ним с каменным лицом вышагивала Рита.

Не глядя на нас, они уселись за столик.

Шпик тут же подскочил к ним, пожал Киму руку и предложил поужинать за счет заведения. Все как обычно.

Но не успела Кристин принести выпивку и еду, как Ким вскочил, схватил с соседнего стола пустую бутылку и с размаху приземлил ее на голову Шпику:

– Еще раз увижу тебя в своем баре – убью, – прошипел он. – А ты – уволена! – сверля меня взглядом, припечатал он и направился к выходу.

Следом за ним подхватилась и Ритка.

Взглянуть на Шпика в этот момент я боялась: *такого* не позволял себе никто и никогда.

– Пожалуйста, не надо, – тихонько попросила я, все еще не решаясь посмотреть на него.

– Ты же понимаешь, что я не могу этого так оставить, – зло сказал он. – Он меня оскорбил при моих же друзьях!

– Я понимаю. Но если ты его хоть пальцем тронешь, тебя посадят.

– Да я убью его!!!

– Пожалуйста, не надо, – повторила я. – Ради меня.

– Ладно. Но когда-нибудь он еще пожалеет, что сделал *это*! – упрямо твердил Шон. – Знаю – он бесится оттого, что я ресторан открыл, и многие его клиенты ко мне перешли. Для других – нормальная конкуренция, а для него после этого я – личный враг.

– Так у тебя ведь не бар, а ресторан! – возмутилась я.

– Это ты ему объясни.

На следующий день ко мне пришла Рита, заранее позвонив и напросившись «на минутку, поговорить».

– Можешь ты мне объяснить, что творится?! – с порога накинулась я на нее.

– Ты сама виновата. У нас еще были клиенты, а ты ушла к конкуренту, – обиженно поджала она губы.

– Во-первых, меня отпустил сам Ким. Во-вторых, эти клиенты за последние два часа выпили всего две бутылки пива. В-третьих, в свое свободное время я могу ходить куда хочу, и находиться там с кем хочу. Я неправа?

– Права, но Ким так не считает. Да и я с ним, в общем,

согласна. К тому же на Шона Ким злится потому, что он у нас многих клиентов увел… А что до свободного времени – Ким жутко бесится, что ты не ночуешь дома.

– Что? – не поверила я ушам. – А он-то, откуда знает!?

– Под тобой его друг живет, вот он и докладывает: во сколько приходишь, во сколько уходишь, с кем, куда… Он ведь тебя не просто так сюда поселил!

– У него крыша поехала, да?! – моему возмущению не было предела. Видимо, он считал, что раз сделал мне приглашение, то теперь я полностью от него завишу, и он имеет полное право контролировать каждый мой шаг. Мне подобное отношение было жуть как неприятно!

– Я не знаю почему, но он к тебе относится, чуть ли не как к дочке: оберегать, бдеть пытается. Квартиру вот снял, чтобы тебе было, где жить…, – оправдывала его Рита.

«Ха-ха» три раза! Насчет отцовских чувств Кима я очень уж сомневалась: о квартире я его не просила, тем более, как я узнала, стоила она сто двадцать долларов в месяц, а с зарплаты он собирался вычитать все двести. Что же до «бдения» и «оберегания», а также того, где и с кем я ночую, – думаю, что Ким просто не мог смириться с тем, что он мне и приглашение сделал, и квартиру снял, а я все равно не стала относиться к нему с симпатией и при первой же возможности бежала к какому-то Шпику.

Поэтому дальше развивать тему «отцов» и «дочерей» я не стала, вернувшись от эмоционального аспекта наших отношений к вещественному:

– Я, Рита, попробовала однажды тут ночевать – наутро все тело болело. Да ты сама посмотри: разве можно здесь спать?

– Ишь ты! Все-то тебе сразу надо, – ухмыльнулась она.

– А мне много не надо, только кровать. Неужели это так трудно?! Ким обещал на следующий же день привезти, да так и везет до сих пор. А ведь у нас в тауне даже офис есть, где мебель в аренду сдают!

– Так он потому и не везет, что ты здесь не ночуешь.

– Да что за детский сад! Вы меня наказывать, что ли, будете? Ага, еще в угол поставьте! Будут условия нормальные – буду здесь ночевать, а как собака – на полу – спать не буду! – отрезала я.

– Ладно, я поговорю с ним, – неуверенно пообещала Рита и направилась к выходу.

Через полчаса я тоже решила пройтись и, одевшись, вышла на улицу. Снега кругом было – по колено.

Во дворе мне встретился Ким, отдыхавший от разгребания сугробов опершись на лопату. Он взглянул на меня хмуро, но

ничего не сказал.

– Так мне что, чемоданы собирать, или как!? – уточнила я, прекрасно зная, что никуда он меня не отпустит и вопль «ты уволена!» был исключительно в воспитательных целях.

– Что ты?! Нет, конечно! – замахал он руками. – Сегодня в пять приходи.

– Так в чем проблема у нас?

– В том, что ты ушла к конкурентам, когда у нас еще были клиенты.

– Понятно, – равнодушно кивнула я, решив не ввязываться в очередной бессмысленный спор.

В баре был пока всего один посетитель – здоровенный парень лет двадцати пяти. С грустным лицом он меланхолично гонял шары по бильярдному столу.

– Компанию составить? – предложила я, закончив мыть пол и вытирать пыль со столов.

– Конечно! – обрадовался он. – Меня Тим зовут.

– Кэт, – представилась я и взяла кий.

О себе Тим рассказал, что в военных ходит совсем недавно, а до этого работал в цирке.

– Не клоуном, надеюсь? – легонько «поддела» я.

– Нет, – улыбнулся он. – Факиром и дрессировщиком.

– Круто! – искренне восхитилась я. – И что, интересно, заставило тебя променять такую увлекательную работу на военную службу?

– Изменений, наверное, захотелось, – пожал он плечами. – Да и платили там мало.

Я про себя удивилась, так как по моим сведениям в Америке меньше военных получают разве что упаковщики гамбургеров в Макдоналдсе, но продолжать расспросы не стала и переменила тему:

– А девушка у тебя есть?

– Нет, – ответил Тим и залился румянцем смущения. – А у тебя парень?

– Тоже нет. Я развелась недавно и замену пока не ищу, – о Кевине я давно позабыла и в расчет наши с ним отношения не брала.

– Понятно. А почему развелась?

– А, гадом оказался. Все, как обычно, ничего особенного, – коротко, не вдаваясь в подробности, ответила я и загнала очередной шар в лузу.

После этого Тим не отходил от меня ни на шаг. Он, так же, как и Санни, и Кевин в свое время, заваливал меня цветами,

покупал выпивку в баре, приглашал на обеды…, – охмурял, в общем, по полной программе, пока я, наконец, не сдалась.

Почти каждый день я занималась русским языком с Шоном, приносившим с собой неизменный блокнотик, уже порядком подраспухший от записанных в нем слов, фраз и их транскрипций. Учеником он был прилежным, так что учить его было сплошным удовольствием.

Однажды я заметила, что время от времени он как-то странно на меня смотрит, вроде бы собираясь что-то сказать, но каждый раз не решаясь.

Наконец, он решился:

– Я давно хотел тебя спросить…, – начал, было, он, но запнулся на полуслове и замолчал.

Затем набрал в легкие побольше воздуха, посмотрел мне прямо в глаза и заявил:

– Ты мне очень нравишься. Да, я понимаю, ты только что развелась и сейчас, возможно, не самый подходящий момент, но…

– Ты прав, – несколько грубовато перебила его я, поскольку внутренне, для самой себя, уже давно приняла решение относительно невозможности каких-либо других отношений с ним, за исключением дружеских. – Момент действительно неподходящий. Это – во-первых. А во-вторых, насколько я помню, у тебя в Америке девушка есть, которая к тому же на Новый Год сюда собиралась приехать.

– Да, я понимаю, но она не совсем ко мне… То есть, конечно, ко мне, но скорее просто как друг, – залившись румянцем смущения, сбивчиво принялся объяснять он.

– Шон, послушай. Между нами ничего *такого* быть просто не может. В данный момент мне это абсолютно не нужно. Да и тебе-то зачем?! И не надо мне говорить, что эта девчонка едет к тебе за тысячи километров исключительно из дружеских побуждений! Это глупо… Так что мы с тобой можем быть только друзьями, – категорично резюмировала я и легонько похлопала его по руке.

– Хорошо, как скажешь, – грустно вздохнул он и попросил. – Но пообещай мне хотя бы подумать.

– …Ладно, – после некоторых колебаний согласилась я и решила, что подумаю об этом, но только как-нибудь позже. Гораздо позже.

Да, не буду лукавить, Шон мне нравился, и нравился давно, но в тот момент я не дала нашим отношениям ни единого шанса по двум соображениям:

1) У него была девушка, которая ждала его в Америке.

2) Он – приятель моего бывшего мужа и после Кореи должен будет переехать в Вегас, где до сих пор служит и Санни. И если наш с ним роман вдруг бесславно закончится, то мне не хотелось бы, чтобы меня могли обсуждать, как «какую-то там».

Поэтому я выбрала Тима.

Но любила ли его я? Хороший вопрос.

Да, мы с ним неплохо проводили время вместе, болтая на самые разные темы. Но вот достаточно ли мне было этого? Наверное – нет.

Поэтому я обратилась за советом к лучшему другу.

– Ну и что ты о нем думаешь? – спросила я Шпика о Тиме, придя к нему в очередной раз домой.

– Парень от тебя голову потерял: спрашивал меня, что тебе нравится и так далее. Даже спросил, не против ли я, чтобы вы встречались. Как будто я тебе папа! – рассмеялся он.

– Ты на вопрос не ответил, – хмуро напомнила я. – Что ТЫ о нем думаешь?

– Не знаю, не знаю… – тебе решать. Вроде нормальный, но и ничего особенного… Хотя, по сравнению с Кевином он – просто суперзвезда! – в своей неподражаемой манере резюмировал Шпик и расхохотался.

– Спасибо, утешил. Это типа: на безрыбье и рак – рыба?

– Ага, что-то типа того.

Вот так я и начала встречаться с Тимом, как говорится – от безрыбья.

Спросите, зачем? С легкостью отвечу: мне нужно было немного тепла, чтобы отогреть свою душу; чтобы она вновь обрела способность дарить тепло кому-то другому. Мне хотелось знать, что рядом есть кто-то, кому нужна именно я (но не просто, как Друг – для этого у меня был старина Шон, а как Женщина), и что где-то есть дом, в котором меня любят, ждут, и волнуются за меня.

Так что Тим стал для меня эдаким «донором душевной теплоты», которого я просто использовала, даже не всегда полностью осознавая, для чего на самом-то деле мне нужны были отношения с ним.

Единственное условие, которое я поставила перед Тимом, было молчание о том, что мы встречаемся:

– Это не мое сумасбродство, – объяснила ему я, – так захотел Ким. Он считает, что его бизнес пострадает, если все будут знать, что у меня кто-то есть.

– Но ты же не его собственность! Почему ты его просто не пошлешь? – обижался Тим.

– Я от него завишу и могу оставаться в Корее лишь до тех пор, пока он этого хочет. Когда поступлю в институт и поменяю визу с гостевой на студенческую – зависеть перестану.

– А когда ты сможешь поступить в институт?

– На зимний набор я уже опоздала, так что теперь подать документы можно будет только следующей осенью.

– Понятно. Хорошо, раз так надо – я никому о нас не скажу.

Прошла всего неделя после этого разговора, как один из парней задал мне вопрос:

– Ты же девушка Тима?

– Нет. С чего ты взял?

– Он сам мне сказал.

– Надо же! – ухмыльнулась я. – Наверное, ему просто очень хочется, чтобы я ею была, – соврала я, не моргнув и глазом. – Не одному ему подобного хочется, так что ж теперь – мне со всеми встречаться!?

Парень как-то странно на меня посмотрел, но ничего не ответил и вышел из бара.

Я же была просто в бешенстве! Нет, ну попросила ведь, английским языком попросила!

Тут я заметила, что в бар вошел Шпик и решительно направился в мою сторону.

– Так, только без драк! У меня настроения сейчас нет, – предупредила я строго.

– Да не-е, я просто так зашел, – отмахнулся он и тщательно пряча хитринку во взгляде принялся усердно прикуривать сигарету.

Я молча подала ему пиво и тут же, не удержавшись, поделилась последней новостью:

– Всё, с Тимом я расстаюсь! – вид при этом был у меня такой, будто это Шпик виноват в том, что Тим не смог удержать язык за зубами.

В ответ на мое громкое заявление Шпик весело рассмеялся, давясь дымом.

– И что тут смешного?! – сурово поинтересовалась я.

– Не получится у тебя ничего. По крайней мере, сегодня.

– Это еще почему?! – удивилась я.

– Сама увидишь.

Через минуту вошел Тим. Он подошел ко мне и зашептал что-то на ухо.

– Я не хочу сейчас с тобой разговаривать, – грубо перебила его я и отстранилась.

– Почему? Что-то случилось? – испугался он.

– Ты зачем всем рассказываешь, что мы встречаемся? Я же

просила! Раз ты не можешь выполнить простейшую просьбу – больше не о чем нам с тобой говорить!

– Да кто тебе такое сказал?!

Я описала парня, с которым говорила чуть ранее и вкратце передала наш разговор.

– Послушай, я ничего ему не говорил! Я клянусь! Я тебе потом все объясню. Ты сейчас только сходи на минутку домой. Ну, пожалуйста! – взмолился он. Вид при этом у него был такой, что я не смогла сказать «нет», и, прихватив ключи, побежала домой, благо идти до него было медленным шагом минуту.

Распахнув дверь и включив свет, я обомлела: на полу стояла огромная коробка с новеньким синтезатором! Как-то однажды я рассказала Тиму, что в детстве ходила в музыкальную школу и очень любила играть на пианино. Надо же, он это запомнил! Какой же он все-таки умница!

Вернувшись в бар, я с трудом сдерживала улыбку.

– Ну так я прощен? – заискивающе поинтересовался Тим.

– Пока нет, но ты к этому близок, – как можно строже ответила я.

Я изо всех сил старалась выглядеть серьезной и все еще разобиженной, но сияющие глаза выдавали меня с головой.

Конечно, я его тут же простила. Тем более он заверил меня, что никому ничего не рассказывал, а тот парень сам догадался, что мы с ним встречаемся, и просто попытался проверить свою догадку на мне.

31 декабря 2005 года.

По случаю праздника в баре было не протолкнуться, и я едва успевала с заказами.

Обернувшись на звук открываемой в очередной раз двери, заметила Кевина. В мои обязанности входила встреча каждого нового посетителя, поэтому я подошла и к нему.

Взяла заказ, принесла выпивку, – все спокойно, равнодушно и как-то… можно сказать – буднично, без эмоций.

– Ты отлично выглядишь, – попытался завести разговор Кевин.

– Спасибо, – все так же равнодушно поблагодарила я и, нацепив на лицо дежурную маску с оскалом, гордо именуемым «голливудской улыбкой», дежурно похвалила его в ответ. – Ты тоже ничего, молодец! – хотя на самом деле выглядел он неважно: со дня моего отъезда он сильно поправился, и, казалось, давно забыл, как пользоваться зубной щеткой и бритвой.

– Я о тебе постоянно думал… Ты прости, что все так вышло. Я, правда, от всей души желаю тебе счастья, и надеюсь, что все у

тебя еще будет хорошо!

– И я тебе желаю счастья! И детям – здоровья! И жене твоей – всего самого лучшего!… А у меня и так уже все хорошо, спасибо.

Он еще что-то бубнил о том, как ему жаль, но я не стала дослушивать и побежала обслуживать остальных посетителей.

Заглянул поздравить меня и Шон. Разумеется, не один, а со своей американской подругой.

Честно говоря, меня несколько озадачило то, как они вели себя по отношению друг к другу: не держались за руки, не целовались, не обменивались влюбленными взглядами… В общем, на встретившихся после долгой разлуки влюбленных эта странная парочка явственно не тянула! К тому же, едва войдя, они тут же разошлись по разным углам бара.

Шон поздравил меня с Новым Годом, мы выпили по бокалу шампанского и уже давно болтали о том, о сем, когда к нам, наконец, подошла его спутница.

– Познакомься, Кэт, это – Меган, – коротко представил он.

– Очень приятно, – я пожала протянутую ладонь.

Девушка была одета в строгое серое пальто, а в руках нервно теребила простую, но явно недешевую сумочку. В этот момент она показалась мне полной моей противоположностью: очень скромной, даже стеснительной, и какой-то слишком уж тихой, практически незаметной. К тому же, как выяснилось чуть позже, она, в отличие от меня, не пила и не курила. Вообще.

Едва перекинувшись с нами парой слов, Меган заняла прежнее место напротив большого экрана, где непрерывно транслировались видеоклипы.

– Она выглядит очень «правильной». Уверена, вы друг другу идеально подходите, – заметила я Шону с улыбкой и как можно более доброжелательно.

– *Ты* подходишь мне больше, – твердо, с многозначительным нажимом на первом слове, возразил он, глядя на меня исподлобья, как будто обижено.

– Нет, ну как ты можешь так говорить!? Она так далеко ехала ради тебя!

– Я ее не просил, она сама так решила, – засопел он сердито. – И я не обязан любить ее только потому, что она меня любит. Ну не заставлять же мне себя, верно!?

«Да-а, странные все-таки у них отношения» – размышляла я: «Зачем вообще ему это нужно: обманывать ее, оставлять ей призрачную надежду на счастье, не разрывая отношения полностью, если она настолько уж ему безразлична?! Не понимаю. Или на самом деле я другого не понимаю: того, что он обманывает не ее, а меня, да еще и в ее присутствии?! Но тогда

это – в высшей степени подло!… Хотя, и на подлеца он тоже вроде бы не похож». В общем, я окончательно запуталась и, чтобы не портить себе настроение, прервала обсуждение столь щекотливой темы, заявив, что мне нужно работать.

Рита, слышавшая наш разговор, назвала Шона неблагодарным мерзавцем, потому как говорить *так* о своей девушке как минимум неприлично.

– Согласна, некрасиво так говорить, – кивнула я. – Но, может, и правда я так сильно нравлюсь ему?

– Кать, оставь парня в покое! Не отбивай его, а!? Посмотри, какая у него девушка хорошая: не пьет, не курит, в даль такую в гости приехала…, – Рита так точно повторяла всё то, о чем я сама думала пару минут назад, что я даже испугалась: «уж не читает ли она мои мысли!?». – Прошу тебя, не дури парню голову! – попросила она.

– Да триста лет он мне снился! – обиженно буркнула я. – У меня, вон, Тим уже есть.

– Вот и правильно! Он у тебя тоже хороший.

После часу ночи, когда все посетители разошлись, я отправилась в ресторан Шпика. Тима поставили на дежурство, поэтому мы с Шоном, как два старых и практически одиноких волка, решили встречать Новый Год вместе.

Приняв пару стопочек водки, заблаговременной прихваченной из России, в моей голове созрела «гениальнейшая» идея и я предложила:

– А пошли за елкой!

– Куда?! Ночь на дворе! – возразил Шпик и налил себе очередной стопарик.

– Тут недалеко лесок есть. Я там что-то вроде елок видела. Пошли! – нетерпеливо потянула я его за рукав. В Корее никто не наряжал натуральных новогодних красавиц, а у меня, черт побери, вдруг ностальгия проснулась! И проснувшись, потребовала, чтобы в этот Новый Год все было по-настоящему, как в России!

Должна заметить, что на трезвую голову подобные идеи меня не посещали, но, учитывая количество выпитого за весь вечер…

Так что мы потеплее оделись (я даже варежки нацепила, при виде которых Шпик хохотал до упаду, так как не видел *этого* с тех самых пор, как перестал ходить в детский сад) и уже через пять минут были у того самого леска, одиноко возвышавшегося среди бескрайних рисовых полей, о котором я говорила. Кто и зачем оставил его там – понятия не имею, но именно он должен был спасти меня от приступа ностальгии.

– Что-то я не вижу тут елок, – с сомнением огляделся Шпик.

Я тоже пока не видела ничего подходящего, однако, задрав голову чуть повыше, мне удалось-таки обнаружить несколько пушистых веточек, притаившихся на самой макушке старой ободранной пихты.

– Придется лезть, – секунду подумав, вынесла я вердикт, и, поправив сбившуюся набок шапку и натянув повыше варежки, решительно ухватилась за ствол.

Повиснув на высоте около метра, я предприняла отчаянную попытку подтянуть свой увесистый зад чуть повыше, но… притяжение Земли оказалось сильнее, и под заразительный хохот Шпика моя тушка кулем плюхнулась вниз.

– Ты не умеешь. Давай я попробую, – все еще утирая слезы от смеха, предложил Шпик и, вытащив меня из сугроба, направился к многострадальному дереву сам.

Впрочем, его попытка закончилась тем же, чем и моя – падением в уже изрядно примятый сугроб.

– Ладно, Бог с ней, пускай себе растет, – вдоволь нахохотавшись, разрешила я, потому что кое-что вспомнила и резво устремилась вглубь леска, таща за собой отчаянно упирающегося Шпика. – Я там за забором еще одну видела, чуть пониже. С нее нам будет гораздо проще веточку отломать, – горячо убеждала его я по дороге.

– А нас не арестуют за это? – вдруг проявлял он редкостное малодушие, недостойное истинного ирландца.

– Не боись, не арестуют!… Ель эта – ничейная! – заверила я.

– Как это? Ты же сказала, что она – за забором!

– Ну да, за забором. Но забор-то – ничейный!

Мы довольно быстро нашли тот самый «ничейный» забор, «тихонечко» отломали увесистую еловую ветку и бегом помчались к Шпику домой, пока нас никто не заметил.

Притащив ветку в квартиру, мы уселись пить пиво, время от времени поглядывая на свой трофей, сиротливо жавшийся в углу комнаты.

– И зачем она нам? – несколько запоздало поинтересовался Шпик.

– Как – зачем?! Чтобы Новым Годом пахло!

– А-а, понятно, – протянул он и рассмеялся.

По большому счету, ветка эта была нам ни к чему (не настолько уж сильным был у меня приступ той ностальгии!). Просто мне вдруг захотелось, чтобы у нас обоих остались веселые воспоминания об этой ночи, вот я и придумала поход за елкой.

Кстати, идея и вправду оказалась хорошей, так как мы потом еще часто хохотали до слез, вспоминая об операции «Новогодняя

елка».

Глава 8

Изо дня в день Ким ворчал, что все кругом знают о моих отношениях с Тимом и это плохо для его бизнеса. Почему-то раньше, когда мой бывший муж еще был в Корее, и я всем говорила, что замужем – это бизнесу не мешало. А вот теперь – мешает и все тут!

Я попыталась объяснить ему, что самые хорошие наши клиенты – завсегдатаи – приходят не потому, что хотят за мной поухаживать, а ради обычного приятельского общения и им наплевать, есть у меня бойфренд или нет. Но у корейцев, увы, своя – непостижимая – логика (согласно ей мужчина в принципе не может дружить с женщиной, он всегда испытывает к ней вполне конкретный, мужской, интерес), и с ней не поспоришь.

Со временем я даже снова стала соглашаться на обеды с клиентами (что, разумеется, вызывало раздражение Тима), лишь бы Ким перестал ворчать на меня. Но и это не слишком-то помогало, потому что каждый раз находился какой-нибудь новый повод для выяснения отношений:

– И скажи своему Тиму, чтобы перестал цветы в бар таскать! Нечего всем вокруг видеть, что вы встречаетесь!… Совсем плохой бизнес из-за него стал! – бухтел он, видя у меня в руках очередной букет.

Все эти «разборки» мне жутко надоедали, но изменить пока что я ничего не могла.

В дополнение к прочим «радостям жизни», Ким сократил количество моих выходных с обещанных четырех в месяц до двух, да и то – каждый такой день нужно было буквально вымаливать у него.

Не скажу, что работа у меня была сверхтяжелая, но иногда все-таки хотелось заняться чем-то еще, кроме нее – в тот же Осан, например, съездить с друзьями или в Сеул. Однако с подобным графиком об этом нечего было даже мечтать.

Я активно возмущалась сложившейся ситуацией, но мой «хозяин» был непреклонен:

– Я и так плачу тебе больше, чем кто-либо в тауне платит барменам, поэтому и выходных у тебя будет только два, и только тогда, когда я разрешу!

– Но ты же мне обещал раз в неделю?!

– Мало ли, что обещал!

Ким упорно не хотел давать мне положенный выходной, видя, что клиенты уходят гораздо быстрее, когда меня нет, а завсегдатаи так и вовсе не появляются, потому что находятся в

это самое время рядом со мной в каком-нибудь другом, более интересном месте.

В итоге за прошедшие два месяца мне дали не восемь и даже не четыре, а всего-навсего три выходных.

Тиму, естественно, все это тоже не нравилось, но он молчал, боясь, что вмешательством своим сделает мне только хуже.

Со временем у меня появился еще один очень хороший друг, который гармонично вписался в нашу со Шпиком компанию. Звали его Тедом, и было ему двадцать три года.

Он пробыл в Корее уже полтора года, и мы давно были знакомы. Но подружились – лишь после того, как он расстался со своей русской подругой, которая работала в клубе в Осане.

– Она то соглашалась выйти за меня замуж, то вдруг передумывала, – жаловался он, рассказывая мне о Свете. – А пару раз я поймал ее на лжи в отношении денег, хотя и не придал в тот момент слишком большого значения этому… Скажи, а у вас и вправду сигареты стоят пять долларов?

– Что за бред?! Доллар, ну полтора – не больше.

– Правда?!

– Клянусь!

– А билет до Хабаровска, сколько стоит? – не унимался он.

– Туда и обратно долларов четыреста.

– А Света мне говорила, что только в один конец – восемьсот.

– Сколько-сколько?! – не поверила я ушам. – И ты, как лопух, повелся?

– Да нет, я сам потом посмотрел в Интернете, что за четыреста – пятьсот можно купить. А когда сказал ей об этом, она ответила, что это я неправильно ее понял.

Из его рассказов я сделала вывод, что девочка Светочка не слабо так «раскрутила» Теда на бабки, пока он не очухался. Мне было его искренне жаль, так как парень он – действительно замечательный: добрый, щедрый, отзывчивый…, да и Светку любил очень сильно. Но, к сожалению, он слишком многое ей прощал, пока не понял, наконец, что она им просто и беззастенчиво пользуется.

– …Кстати, я тебя на День Рождения свой приглашаю, – наконец «вынырнул» он из невеселых воспоминаний.

– А когда он у тебя? А то в марте я домой уезжаю.

– Двадцатого февраля.

– Тогда – успеваю.

Также он пригласил Шпика, Шона и прочих своих сослуживцев. К сожалению, Тим в этот вечер должен был стоять в карауле, так что я опять оставалась без кавалера.

День Рождения Теда мы решили отмечать везде: в каждом баре тауна, на какие хватило бы наших сил.

Начали, как всегда, с «Лос Лобоса». Выпили там по паре коктейлей и направились в «Парадайс». Ким как всегда был жутко недоволен, что мы не остались подольше, но мне, если честно, было уже все равно.

За вечер нами было выпито ну о-о-очень уж много всего: пиво, водка, текила – лились буквально рекой! Так что проснулась я поздно, с жуткой головной болью и зверским «сушняком». Рядом тихонько сопел Тим, не ставший будить меня по приходу.

Как и когда я вернулась домой – не помню. Совсем не помню.

Постанывая от боли, я прошлепала в ванную и глянула на себя в зеркало.

О, ужас! Помимо вполне ожидаемой безрадостной картинки, я обнаружила, что мое лицо украшает шикарный «фонарь», неизвестно как там оказавшийся. Я напрягла мозги, пытаясь вспомнить хоть что-нибудь, но, увы, безрезультатно – какая-то часть нашего «веселья» оказалась начисто стертой из памяти.

Шон был, пожалуй, единственным, кто смог бы помочь мне в восстановлении картины прошедшей ночи (в отличие от остальных, он пил очень мало), поэтому я послала ему СМСку: «Не подскажешь, откуда у меня взялся синяк?»

Вместо ответной СМС раздался звонок:

– Жива? – весело поинтересовался он неожиданно бодрым голосом.

– Не очень, – пожаловалась я. – Так откуда у меня синяк, не знаешь?

– Это вы с Тедом в «копейку» играли и стукнулись.

«Копейкой» американцы называли игру на попадание монеткой в стакан. Тот, кто не попадал, должен был сделать глоток пива.

– Слава Богу! А то я уж грешным делом подумала, что спьяну Киму морду набила.

– Да нет, все нормально. Я и сам вчера крепко напился, но достаточно хорошо обо всем помню.

Я поблагодарила его за ценную информацию и положила трубку.

– С кем ты разговаривала? – подал голос Тим.

– С Шоном. Не могла вспомнить, откуда у меня синяк.

– Не нравится он мне, – хмуро заявил мой бойфренд. – Он к тебе явно неровно дышит.

– И пусть себе дышит. Мне-то что?

– Просто я переживаю…

– Не надо переживать, – перебила я. – У нас с ним ничего нет, и не будет.

Вечером в бар пришел Шпик:

– Я этого засранца убью! – заявил он с порога.

– Какого?! – в шоке переспросила я, не понимая, о ком идет речь.

– Шона!

– За что?!

– Он знает, за что. Весь вечер, гад, крутился вокруг тебя, все пытался сам, лично, домой отвести! Заботливый он у нас, как же!

– Так может он из хороших побуждений, откуда ты знаешь!?

– Я его, конечно, пока мало знаю, так что точно ничего утверждать не могу, но мне эта идея совсем не показалась хорошей. Я ему так и сказал, что, мол, сам тебя отведу, куда надо, а он – ни в какую: «Сам отведу», и все тут! Пока не пригрозил, что шею намылю, – не отвязался. Так что увижу сегодня – убью!

– Не надо никого убивать! Пусть живет себе. Может, у него и в мыслях не было ничего *такого*. Просто, как друг, хотел убедиться, что я домой доберусь.

– Тоже мне – друг выискался! Знаю я таких «друзей»!…Ладно, если убивать нельзя, то покалечить хоть можно? – заискивающе попросил он.

– Нет.

– Что, даже руку нельзя сломать?! – шутливо возмутился Шпик.

– Ладно, – сжалившись, великодушно разрешила я. – Руку – можно. Но только одну!

Вскоре пришел и Шон, которого Шпик тут же, «ласково» так взяв под локоток, вывел на улицу.

Долго они о чем-то там разговаривали, после чего, хохоча и дурачась, вернулись обратно и угостили друг друга выпивкой.

– В который уж раз убеждаюсь, что все ирландцы – классные ребята! – с гордостью, широко улыбаясь, сообщил мне Шпик. – … У нас с ним, как оказалось, вообще много общего, – кивнул он в сторону Шона и воодушевленно принялся перечислять выявленные только что добродетели.

Я не верила своим глазам и ушам: еще каких-то полчаса назад он буквально упрашивал меня разрешить «хотя бы покалечить засранца», а теперь руку ему пожимает, выпивкой угощает, да при этом расхваливает на все лады!

– …А еще он пожарником раньше работал, – не унимался тем временем Шпик, продолжая петь дифирамбы. – Он вообще – славный малый! И умный. Но ты от него лучше подальше держись

– ирландцы, они такие: раз прицепятся, всю жизнь потом мучиться будешь! На меня вон посмотри – до сих пор на своей женат…

– Погоди-ка, погоди – не части! – кое-как вклинилась я. – Что-то я уже ничего не понимаю. А как же его безнравственное поведение, его грязные намерения по отношению к моей персоне? Или ты все забыл!?

– Да не, не было ничего такого! – замахал он руками. – Просто Шон не знал, что мы с тобой настолько уж близкие друзья, вот и переживал за тебя. Почти как я.

– Ну-ну…, – с сомнением покачала я головой и ухмыльнулась.

Эх, ежели бы я тогда знала, как оно все обернется, не стала бы терять драгоценное время и давно бы уж позволила Шону и домой меня проводить и еще много чего…

Виза уже заканчивалась, и я засобиралась домой. Ким обещал, что сразу же пришлет новое приглашение, чтобы я могла снова приехать, но перед этим все равно нужно было вернуться в Россию.

Перед самым отъездом Тим сделал мне предложение.

За моими плечами уже был развод, но в тот момент мне показалось, что Тим и надежнее, чем был Санни, да и относится ко мне не в пример лучше. Поэтому я подумала-подумала и согласилась. Но при одном условии: он должен продлить контракт в Корее, чтобы у нас было время, достаточное для оформления всех моих документов.

Любила ли я его? Все еще нет. Хотя надеялась, что со временем смогу полюбить.

Зачем тогда согласилась? Наверное, под влиянием распространенного в России стереотипа «в двадцать пять нужно быть замужем и активно рожать детей», я просто решила, что и мне давно уж пора и что дальше медлить нельзя.

Я сказала о нашем решении маме, ожидая поздравлений и радости, но…

– Зачем тебе это надо?! Ты же его не любишь! – набросилась на меня она.

– Люблю, и еще как! – горячо возразила я. Но не потому, что сама искренне в это верила, а потому, что уже все для себя решила.

Мама приводила кучу аргументов против нашего брака, но, вместо того, чтобы прислушаться к ним и согласиться, я убедительно доказывала ей, что решение это – правильное. Уж чего-чего, а упрямства мне с детства было не занимать!

В общем, в конце концов, я ее убедила, что поступаю

правильно. Оставалось убедить в этом саму себя.

Пробыв в России почти месяц, я получила долгожданный развод, оформила очередную визу на три месяца и вернулась в Корею. Было уже начало апреля.

Тим встречал меня в аэропорту вместе с Кимом:

– Я так по тебе соскучился! – крепко обнял меня мой бойфренд и попытался поцеловать.

Ким тут же его оттолкнул, и промычав: «Успеете еще натискаться», обнял меня сам.

На следующий день я вышла на работу, где меня уже поджидал Шон.

За последний месяц, что я провела в России, мы так часто общались по Интернету, что узнали друг о друге гораздо больше, чем за все предыдущие десять месяцев, что были знакомы. Мы болтали по несколько часов в день и всегда находили новые темы для разговоров.

Общаясь с ним, я, например, узнала, что, еще учась в школе, он прочитал всего Эйнштейна. Просто так, развлечения ради.

Признаться, это стало для меня настоящим открытием, ведь сама я не то, чтобы труды его изучать, – даже имя и то только по слогам могу выговорить!

Еще я узнала, что он с удовольствием изучал физику помимо школьной программы, а также увлекался трудами Маркса и Ленина. Наверное, из-за всего этого он слыл в школе «зубрилкой» и дружить с ним никто не хотел. И хотя со сверстниками ему было не очень-то интересно, такая ситуация его не устраивала. Поэтому, когда в старших классах его перевели в другую школу, он твердо решил, что станет «другим» человеком. Таким, какие нравятся большинству. Ради этого он стал притворяться, что ему интересны обычные подростковые забавы, игры и увлечения. Он боялся, что если вдруг вновь станет самим собой, то перестанет быть интересен для окружающих. И он так привык притворяться, что эта «маска» стала его лицом.

Мне же он был интересен именно своим нетипичным для среднего американца взглядом на жизнь, своими необычными увлечениями и поистине безграничными знаниями в самых различных областях.

И еще мне в нем нравилась какая-то трепетность и осторожность, с которой он ко мне относился: он ловил каждый мой взгляд, каждое слово, но при этом не перегибал палку, превращая подобное отношение в бездумное «обожествление», которое так часто раздражало меня в других мужчинах.

Именно тогда, общаясь с Шоном, я, наконец, поняла, чего мне

так не хватало в Тиме, – ума! Раньше его отсутствия я как-то не замечала, а если и видела, что что-то не так, то просто не придавала большого значения. Но все, как известно, познается в сравнении, и с некоторых пор я с нетерпением ждала новых встреч с Шоном. Тим же раздражал меня все больше и больше.

– Ты завтра что делаешь? – поинтересовался Шон прямо с порога.

– Пока планов не строила.

– Отлично, тогда мы вместе обедаем, – произнес он тоном, не терпящим возражений.

– Эй! На вопрос или приглашение это как-то не очень похоже, – заметила я с улыбкой.

– А я не спрашиваю и не приглашаю. Я просто тебя извещаю: завтра в двенадцать часов мы едем обедать. Где – можешь сама выбирать, – «разрешил» он и уткнулся в компьютер, давая понять, что разговор на сегодня окончен.

Я даже не сразу нашла, что ответить на подобную наглость, поэтому промолчала. А на следующий день, разумеется, никуда не пошла. Мне не хотелось обижать Тима, ведь мы не виделись целый месяц, а тут на тебе: не успела приехать, как уже собралась на обед с каким-то там Шоном!

Так что в пять часов я как обычно подошла к бару, открыла двери и… тут же закрыла. На своем излюбленном месте, возле компьютера, сидел Шон.

Надо же, а я даже «отмазку» заранее не придумала!

Я топталась на месте, не решаясь войти, когда откуда-то из-за спины раздался голос Кима:

– Плохая ты. Он пять часов прождал тебя на остановке.

Тут мне стало совсем уж нехорошо.

Наконец я собралась с духом, открыла дверь и направилась прямиком к Шону:

– Прости меня, пожалуйста! Я проспала, а потом подумала, что ты, наверное, уже ушел. Не сердись на меня! Ну пожа-а-алуйста!

Вид при этом у меня был такой виноватый-виноватый! Такой раскаивающийся-раскаивающийся! А голосок уж так дрожал, так дрожал…, что мне самой себя стало жалко!

Но Шон был непреклонен:

– Видишь эту черту? – указал он на линию, проходившую в метре от его стула.

– Ну, вижу, – тихо, чуть не плача от жалости к самой себе, вздохнула я.

– Вот и не заходи за нее. Я запрещаю тебе приближаться ко мне ближе, чем на один метр! – напустил он на себя строгий вид.

– Но если ты здесь, значит, обижаешься все-таки не слишком уж сильно? – осторожно поинтересовалась я, так как еще не была уверена: тронулся уже лед или надо продолжать извиняться.

– А я не к тебе пришел, а к мистеру Киму, – все еще строго проговорил он и отвернулся.

И хотя Шон очень старался, все равно от меня не укрылось то, с каким трудом он сдерживает себя, чтобы не улыбнуться. Поэтому я подошла к нему сзади, слегка приобняла за плечи и тихонько сказала: «Прости».

– Ладно, – улыбнулся все-таки он. – Но чтобы завтра такого не было. Пять часов ждать тебя я больше не буду… И вернись, в конце концов, за черту, – шутливо оттолкнул он меня. – Я тебя еще не простил.

Радостная, я вприпрыжку помчалась в кладовку за шваброй, чтобы начать уборку.

На следующий день я все-таки пошла на обед, заявив Тиму, что «мне надо и точка».

– Не нравится он мне! – злился Тим. – Ходит все вокруг тебя, хочет чего-то…

– Мы просто друзья, не переживай! – отмахивалась я, не прекращая собираться.

– …Кэт, не бросай меня только, пожалуйста, – вдруг жалобно попросил он.

– Что за глупости, никого я не брошу! – пока еще искренне в это веря, успокоила я и упорхнула.

Шон ждал меня на остановке.

– Я боялся, что ты опять не придешь, – сказал он после того, как мы заказали еду в привычной для меня «Валентайн-пицце». Он выбрал то же, что и я: спагетти с креветками в белом соусе.

– Ну что ты, второй раз я бы тебя так не подвела, – заверила я.

Когда принесли еду, я с жадностью на нее набросилась. Аппетит у меня в тот момент был просто зверский, да и спагетти были очень вкусными.

Шон же почти не притронулся к пище. Он был явно чем-то взволнован и собирался с мыслями, чтобы начать важный для себя разговор.

– Послушай, я знаю, что уже спрашивал, но все-таки… Я о тебе постоянно думаю. Ты мне очень нравишься. Пожалуйста, дай мне шанс сделать тебя счастливой, – проговорил он, глядя мне прямо в глаза.

– Шон, я не могу. Ты уезжаешь скоро. Зачем нам все это?!

– Просто скажи «да», и я сделаю все возможное, чтобы

остаться, – попросил он.

Я на время задумалась, и, тщательно подбирая слова, произнесла:

– Ты всегда говорил, что жить в Корее тебе не нравится, и я не хочу, чтобы ради меня ты здесь оставался… Ты мне тоже нравишься, но я не хочу давать тебе надежду на то, что у нас может быть что-то большее, чем просто дружба. Пойми, я не хочу еще раз обжечься.

– Если Санни поступил с тобой, как последняя скотина, то это не значит, что и я поступлю так же, – возразил он.

– Я знаю, но все равно боюсь повторения.

– Пожалуйста, я прошу всего лишь об одном шансе. Не говори сразу «нет», хорошо!? Пообещай мне хотя бы подумать!

– Хорошо, – ответила я, и мы направились к выходу.

– …Да, кстати, мы с другом, он с филиппинкой встречается, сняли квартиру в тауне. Завтра у нас новоселье. Приходи, если хочешь, – пригласил он.

Я обещала подумать.

После работы я заглянула к Шпику.

– Что-то случилось? – озабоченно поинтересовался он, едва я вошла. Видимо, что-то *такое* было написано на моем лице.

Я передала ему разговор с Шоном и рассказала о сомнениях, которые стали возникать у меня в отношении Тима. С момента моего возвращения из России не прошло и недели, а я все чаще замечала его недостатки, подчас даже те, на которые раньше не обращала внимания. Меня раздражали его детские рассуждения о нашем будущем, его слабохарактерность по отношению ко мне, его жуткая неаккуратность и лень, его постоянные попытки выпить за чужой счет… Все это совершенно неожиданно стало колоть мне глаза.

– Ты знаешь, – с осторожностью начал Шпик, выслушавший мой эмоциональный рассказ внимательно, не перебивая, – я сам, первый, не хотел тебе говорить, так как хорошо тебя знаю, и уверен, что ты бы мне не поверила и отнеслась к моим словам отрицательно. Но раз такое дело – скажу: мне Тим не нравится. Категорически! Пока тебя не было, он тут петухом ходил и всем подряд рассказывал, что вы жениться собираетесь. Я пытался его образумить, говорил, что не стоит об этом болтать, что Ким и так тебе нервы треплет, а он – ни в какую… Да и, если уж начистоту говорить, он вообще не слишком умен, как мне кажется… Короче, хоть он и получше Кевина будет, но тебе он – не пара. Думаю, если ты выйдешь за него замуж, то совершишь большую ошибку.

– И что же мне делать? – растерянно пробормотала я.

– Хочешь знать мое мнение?

– Да.

– Шон.

– Но ведь он скоро уедет! Как улетит, так и думать про меня забудет! А то я не знаю!?

– Ничего подобного! Такие, как он, *так* не поступают – уж я-то знаю! – категорично заявил Шпик. – К тому же парень, похоже, в тебя не на шутку влюблен.

– О, Господи! За что мне все это?! – схватилась я за голову.

– Ага, ты в дерьме по самые уши! – посмеиваясь, подтвердил Шпик.

– Ну, друг, спасибо – утешил!

В тот же вечер произошло непредвиденное: сослуживцы Тима устроили драку в баре Кунсана и весь взвод без исключения (хотя именно его в тот момент даже рядом не было), наказали, запретив покидать базу.

Тим был сильно расстроен, но сделать уже ничего не мог.

Я же его временному «заключению» даже обрадовалась, так как мне явно нужно было побыть в одиночестве и навести в голове порядок.

На следующий день в «Лобос», как обычно, пришел Шон:

– Так ты зайдешь вечером? – напомнил он мне о новоселье.

– Ладно, я постараюсь, – нехотя пообещала я и взяла заранее приготовленный им листок с адресом и подробным описанием дороги.

Найти квартиру оказалось легко: в тауне все было рядом, да и описание было уж очень подробным – с таким не заблудишься.

В окнах горел свет, а из-за двери доносились обрывки фраз и время от времени – хохот.

Я топталась под дверью уже минут пять и все не решалась войти: «Эх, не стоит мне сюда заходить! Зачем мне все это? Он через месяц уедет, забудет про меня. И вообще, у меня Тим есть» – размышляла я, меряя шагами порог. Наконец, я развернулась и решительно зашагала к своему дому. На полпути остановилась, обругала себя за трусость и поплелась обратно.

Тихо-тихо, в надежде, что меня не услышат, и я с чистой совестью смогу вернуться домой, я поскреблась в двери. Но, не тут-то было: Шон распахнул ее так быстро, будто ждал меня, стоя прямо за нею!

В квартире было всего пять человек, включая Шона, соседа и его филиппинку.

– И это называется – новоселье?! – не удержалась я от улыбки.

– Все остальные работают и не могут прийти, – ответил Шон, помогая мне снять рюкзачок. – А что у тебя там? – указал он на мою ношу.

– Сок томатный.

– Боже, какая гадость! И ты это пьешь?

– Да. И мне нравится! – с вызовом ответила я.

– В первый раз в жизни встречаю девушку, которая добровольно согласилась пить ЭТО, – рассмеялся он.

– Иди на фиг! Что хочу, то и пью, – отмахнулась я, усаживаясь на диван.

Он познакомил меня со своими друзьями, которые уже буквально через час мирно спали в соседней комнате, свернувшись калачиками в куче одеял на полу.

Мы с Шоном сидели на диване и тихонько разговаривали, стараясь никого не разбудить.

– … А ведь я тоже уже был женат, – рассказывал Шон.

– Да?! Тебе же всего двадцать три! Когда ты успел?

– Несколько лет назад. Правда, женат я был недолго. Мы дружили с самого детства. Со временем наши отношения переросли в нечто большее, и мы стали встречаться. Потом приняли решение пожениться… Странно, но стоило нам расписаться, как она стала совершенно другим человеком. Человеком, которого я не знал. Как-то раз мы поехали на вечеринку к друзьям. Буквально через полчаса после приезда она заявила, что хочет обратно домой. Я ответил, что не вежливо уходить со дня рождения вот так скоро, да еще и без предупреждения, а она закатила истерику и при всех наших друзьях стала меня оскорблять, бить в грудь кулаками. Тогда я решил, что нам действительно лучше уехать. Но через десять минут пути она захотела вернуться. Я никак не мог понять, чего же на самом деле она добивается: то ли это она «дрессировать» меня так пыталась, то ли еще что. Я просил ее успокоиться и не устраивать мне больше подобных сцен, просил ее дать нашим отношениям еще один шанс и попробовать все наладить, но с каждым днем она вела себя все более и более странно. А через какое-то время она вообще заявила, что у нее есть другой, и что она хочет переехать обратно к родителям. Для переезда ей потребовались деньги, причем сумма была названа – запредельная! Денег таких у меня, разумеется, не было, и я прямо сказал ей об этом. Тогда она заявила, что если я не дам ей нужную сумму немедленно, то она пойдет стриптизершей в клуб, где уже работает ее подруга. Я предупредил, что если она это сделает, то может забыть о нашем браке, но уже через два дня я узнал, что она действительно стала танцевать стриптиз. После

этого я отдал ей свое кольцо, выставил чемоданы на улицу и проследил, чтобы ноги ее в моем доме больше не было.

Я слушала его не перебивая, и удивлялась: «Почему так происходит, что мы любим тех, кто не любит нас? Тех, кто плюет на наши чувства и кто с легкостью обижает нас, даже не замечая этого?»

– С тех пор я больше не был особенно откровенен с девушками, – продолжал Шон. – Мне казалось, что если я открою кому-то из них свои чувства, они точно так же захотят меня ранить, обидеть. Но с тобой я забыл обо всех страхах. Ты поменяла мои взгляды на отношения. Раньше я думал, что нужно просто найти девушку, которая бы идеально подходила мне по каким-то параметрам, и влюбиться в нее. А она бы влюбилась в меня. Просто потому, что мы подходим друг другу. Вот я и искал кого-то определенного, некий придуманный образ… А потом, когда мы переписывались по Интернету, ты мне как-то сказала, что это невозможно – полюбить кого-то лишь потому, что он кажется тебе идеально подходящим партнером. Ты сказала, что когда встретишь действительно «своего» человека, то сразу почувствуешь и поймешь, что это – ОН. И ты уже не сможешь без него жить. И все между вами будет так естественно, будто вы знаете друг друга целую вечность. И ты не будешь больше пытаться кого-то из вас изменить: ни его под себя, ни себя под него. Возможно, этот человек будет сильно отличаться от того, кого ты себе мысленно нарисовал, но это уже не будет иметь для тебя никакого значения. Помнишь? Вот именно это я и чувствую, когда нахожусь рядом с тобой: я не хочу притворяться кем-то другим и кому-то что-то доказывать. С тобой я могу быть самим собой и рассказать о себе все-все! Рядом с тобой я просто счастлив и мне больше ничего не надо. Мне хочется лишь одного – чтобы ты была счастлива вместе со мной. Я не прошу тебя что-то менять в своей жизни или самой меняться ради меня. Я прошу тебя лишь об одном: дай мне шанс сделать тебя счастливой, и я сделаю все для того, чтобы ты ею стала!

– Шон, извини, но не все так просто. У меня есть парень, который хочет на мне жениться.

– Нет, я не верю тебе! Ты специально так говоришь, чтобы я от тебя отстал!

Я вздохнула и рассказала о Тиме. Странно, но слухи о том, что мы с Тимом собираемся пожениться каким-то образом обошли его стороной.

– Придется его бросить, – безапелляционно заявил Шон. – Он тебе не подходит, неужели ты этого не видишь!? Кэт, он же полицейский при базе! Да у них мозгов ровно столько, чтобы на

курок нажимать хватало!

– Может и так. Но он уже сделал мне предложение.

– И ты согласилась?!

– В данный момент я не думаю, что это было бы правильным, – дипломатично ответила я.

– Вот и хорошо, потому что ты за него не выйдешь, – сказал он твердо.

– Однако это еще не значит, что я даю шанс тебе, – быстро добавила я, пока он не расценил мой на редкость обтекаемый предыдущий ответ как согласие встречаться с ним, разорвав отношения с Тимом. – …Что ты вообще от меня хочешь? – устало спросила я. – Ты через месяц уедешь. И что будет дальше?

– Как это – что?! Буду делать тебе визу невесты. Я уже документы начал собирать, – ответил он деловито.

Я расхохоталась:

– То есть ты для себя все решил, а что я там отвечу – дело пятое?

– Ну, можно и так сказать. Ты меня непременно полюбишь, потому что я сделаю тебя самым счастливым человеком на свете!

– Дай мне время подумать, хорошо? – попросила я.

– Думай, конечно, но только недолго, – «разрешил» он.

За разговорами время незаметно подобралось к шести утра, когда первые солнечные лучики уже принялись заглядывать в окна.

Я ушла, но чем дальше отходила от его дома, тем сильнее тянуло меня назад. Я шла очень медленно, буквально физически преодолевая сопротивление сотни магнитов, тянувших меня обратно. К нему.

Именно в тот момент я поняла, что пропала.

Снова. Еще сильнее, чем когда-либо. Безвозвратно.

У нас с Шоном еще не было не то, чтобы «близости», у нас с ним еще вообще можно сказать ничего не было, но каким-то шестым чувством я уже понимала, что кроме него никто и никогда мне больше не будет нужен. Я действительно никогда прежде не испытывала к кому-нибудь столь сильного влечения. Ни духовно, ни физически. И от осознания этого мне было очень страшно. Ведь все могло кончиться для меня весьма и весьма плачевно.

Лишь находясь дома, одна, я хоть как-то еще могла мыслить трезво (рядом с ним эта способность начисто пропадала!). На расстоянии с меня словно спадал дурман, и я снова и снова убеждала себя, что так не бывает, что все это слишком уж напоминает дешевый слезливый роман, которому нет места в жизни. Я клялась себе, что больше к нему ни ногой! Прочь, прочь,

бежать!

Но он приходил, и я опять попадала под его воздействие. Он стал для меня своеобразным наркотиком, от которого не было сил отказаться.

Несколько ночей подряд я приходила к Шону в его съемную квартиру, и мы говорили, говорили, говорили… Обо всем на свете, часами.

Один раз я пришла туда даже со Шпиком, – Шон пригласил к себе нас обоих.

Мы посидели немного, поболтали, и Шпик уснул под наше размеренное бормотание.

Когда он проснулся спустя пять часов, мы все так же мирно сидели на диванчике подле него и разговаривали.

– Так, мне на работу пора, – засобирался Шпик.

– Ой, и мне тоже пора спать, утро уже, – побежала я следом за другом, цепляясь за него, как утопающий за соломинку.

Мы вышли на улицу, в прохладную утреннюю свежесть.

Шпик достал сигарету и прикурил, глядя на меня смешливыми глазами:

– Ты попала, подруга, – как всегда – коротко и ясно – резюмировал он.

– Почему это? – уточнила я, с трудом стряхивая с себя мысли о немедленном возвращении к Шону.

– Потому. Люди, которые находят о чем говорить на протяжении пяти часов подряд, просто-таки созданы друг для друга. Неужели ты об этом не знала?!

Впрочем, я и без него отчетливо понимала, что от судьбы мне, видимо, не убежать.

Все это время мне названивал Тим, которого не выпускали за территорию базы.

Я рассказала ему, что хожу в гости к Шону, но уверяла, что между нами ничего нет. В общем-то, я не врала, хотя и немного недоговаривала. Дело в том, что между нами пока не было лишь физической близости, но мысли мои постоянно были о нем. Так что душа моя уже давно изменила Тиму и ничуть об этом не сожалела.

Я была уверена, что в любом случае порву с ним, даже вне зависимости от того, будет у нас с Шоном что-то дальше или нет, просто пока не находила смелости сказать ему об этом.

Немного поспав после ночных посиделок, я позвонила Шону, и мы решили поехать в парк. Взобравшись на одну из сопок, мы разместились на живописной полянке и вновь стали о чем-то

говорить.

Я лежала на траве, подоткнув под голову куртку. Он сидел рядом.

– Так ты подумала? – спросил он.

– О чем? – прикинулась я «валенком».

– О том, чтобы дать мне шанс, – напомнил Шон.

– Мне страшно, – честно призналась я. И действительно – я просто до умопомрачения боялась, что он обманет меня, как другие. – …Если ты хочешь, мы можем заниматься любовью. Но не требуй от меня того, чего я дать не могу – мою душу.

– Пожалуй, тогда я подожду. Мне ведь не только тело от тебя нужно, – произнес он чуть слышно и ласково потрепал мои волосы.

Я отвернулась и заплакала: «Ну почему я не могу ему просто поверить?! Почему мне так трудно просто взять и сделать это?!» Я жутко злилась на саму себя, но изменить что-либо не решалась.

– Хотя тело у тебя – что надо! – весело продолжил он. – Отличное приложение к тому, что здесь и здесь, – он приложил руку сначала к моему лбу, а затем к груди, к сердцу.

Я рассмеялась, утерла слезы и взяла его за руку.

Так мы и пролежали рядом около часа, пока не настало время ехать обратно.

В тот же вечер я, наконец, решилась: «Дам я ему этот шанс, а там – будь что будет!». Я поняла, что от этого парня мне все равно никуда не деться, так что позволила себе рискнуть.

Шон весь вечер смотрел клипы на большом экране, периодически поглядывая на меня. Когда в баре почти никого не осталось, я подошла к нему и незаметно передала ключ от квартиры.

– Ты же знаешь, где я живу? – тихонько уточнила я.

– Да.

– Иди туда. Я приду, как только освобожусь.

– Хорошо.

Кое-как дождавшись ухода последнего клиента, я побежала домой.

Не включая свет в комнате, Шон лежал на кровати.

– А чего ты в темноте сидишь? – удивилась я.

– В тауне каждый патрульный знает, что это – твоя квартира и быть сейчас здесь никого не должно. А мне – так тем более нельзя здесь находиться. Я, кстати, чудом встречи с одним из них избежал. Прямо здесь, около дома.

– Думаю, это Тим попросил, чтобы меня покараулили, пока он «невыездной».

– Может быть. Не знаю.

– А, Бог с ними, с этими патрульными, – отмахнулась я. – Я хочу, чтобы ты посмотрел со мной один фильм. Он снят по моей любимой книге – «Мастер и Маргарита». Но предупреждаю сразу – он длинный. Ты готов?

– Конечно! – радостно согласился он.

Я достала свой ноутбук, вставила диск с фильмом и принялась переводить диалоги по мере просмотра.

Посмотрев пару серий, мы перешли к тому, от чего чуть ранее днем он отказался.

Мы упивались друг другом, с жадностью впитывая каждую клеточку того, что упустили, чего не касались ранее пальцы, кожа, губы… Если бы в тот момент я могла превратиться в каплю, я бы утонула, растворилась в нем без остатка!

После этого в моей душе не осталось ни тени сомнения, ни намека на сожаление. Не было больше ни душевных метаний, ни чувства беспомощности. Я была просто СЧАСТЛИВА!

Я почувствовала мир и согласие с самой собой и поняла, что все у нас будет хорошо. Я осознала, что именно Шон – та самая моя половинка, которую я так долго искала.

Похоже, именно для встречи с ним я возвращалась в Корею снова и снова. Наверное, я знала, я чувствовала: где-то здесь, в этом рисовом болоте, осталось ненайденным что-то очень важное, очень ценное для меня, такое, что нигде и никогда найти больше не смогу!

И именно поэтому я в кого-то влюблялась, с кем-то встречалась, о ком-то грустила и столько страдала, – чтобы понять всю глубину, всю прелесть этого нового, неизвестного ранее чувства, охватившего сейчас меня всю целиком, без остатка.

Наутро я позвонила Тиму. Сказала, что нам нужно поговорить и что сегодня я приеду на базу.

Видит Бог, я не хотела говорить об *этом* по телефону, считая, что он заслуживает, чтобы я объяснила все лично, однако он захотел объясниться немедленно.

– Нам нужно расстаться, – спокойно произнесла я. – Я тебе изменила и не хочу обманывать.

Конечно, это было жестоко с моей стороны, но другого выхода я не видела.

Просто так, без весомой на то причины, сообщить ему, что свадьбы не будет и нам не стоит больше встречаться, было бы недостаточно, – он стал бы уговаривать меня еще раз обо всем подумать и не торопиться, и наши мучения продолжались бы бесконечно. Ведь даже после весьма жестокого чистосердечного

признания в грехопадении он звонил каждые полчаса, упорно спрашивая: «Почему ты это сделала?» и «Что я сделал не так?».

Но как я могла ему объяснить? И он продолжал мучить себя и меня.

А один из его звонков вообще вывел меня из себя:

– Что, если ты беременна? – неожиданно предположил он. – Вдруг у тебя будет ребенок?

– Даже если и будет, то вряд ли от тебя, – грубовато заявила я, не зная, как еще на *это* можно ответить.

– Откуда ты знаешь? Как ты можешь быть настолько уверена?!

– Черт возьми, Тим! Что за детский сад? Какой еще ребенок?! Я не беременна! – вспылила я.

– Я просто подумал, что может, это могло бы как-то все изменить…

– Тим, не мучай меня и себя. Просто мы друг в друге ошиблись. Бывает такое. Ты обязательно встретишь свою половинку. Но я – точно не она. Пожалуйста, не звони больше.

Но он все равно звонил. Часто-часто.

Я перестала брать трубку.

Вечером в «Лобос» пришел Шпик. Я ему рассказала о последних событиях.

В ответ он просиял так, будто я ему сообщила, что он только что выиграл миллион:

– Я так рад! Давно надо было! А на свадьбу вы меня пригласите?

– Сдурел, да!? Какая свадьба?

– Стерва, что сказать. Так и думал, что не пригласишь, – отмахнулся он и заказал пиво.

После этого мы с Шоном уже не расставались.

Лишь пару часов в день ему надо было проводить на базе, готовя документы к отъезду.

Он попытался подать прошение о том, чтобы остаться на второй год в Корее, но было уже слишком поздно и ему отказали (приятели, которые ничего не знали о нас, никак не могли понять, с чего бы это Шон, который терпеть Корею не мог, решил вдруг остаться!).

– Знаешь, может это и к лучшему: уедешь в Штаты и про меня забудешь. Ты еще не представляешь, что это такое – визу ждать, – «утешала» его я. – Это же растянуться может на годы!

– Неправда. Смотря как все делать. Можно делать абы как, пуская все на самотек, а можно подгонять и нервировать всех настолько, что они сами захотят сделать все быстро, – серьезно

ответил он.

Шон уже подготовил, чтобы взять с собой, все мои документы, их копии, анкеты, переводы и так далее. Оказалось, многое из того, что нужно будет для консульства с его стороны, он уже оформил с месяц назад.

– И откуда у тебя была такая уверенность, что я соглашусь?! – притворно возмущалась я.

– Ты веришь в то, что люди после смерти продолжают существовать? – вместо ответа спросил он, как мне показалось, немного не к месту.

– Ну, верю, – осторожно ответила я.

– У меня недавно бабушка умерла. Так вот, пару месяцев назад, когда я уже готов был сдаться, так как ты мне без конца отказывала, мне приснилась она и сказала, что я должен за тебя бороться, потому что ты – моя судьба, – ответил он серьезно.

По моей коже пробежали мурашки: «Ну, раз даже бабушка сказала, то точно никуда уж не денешься!»

Тут у меня зазвонил телефон. Я с тоской отметила, что это опять Тим и отменила звонок.

Через минуту телефон ожил снова. Я вновь нажала отмену.

Мне было ужасно жалко его, и я чувствовала себя последней сволочью, вспоминая о том, как с ним поступила, но сказать ему мне было больше нечего. Каждый раз, когда он звонил, у меня на глаза наворачивались слезы, ведь мне самой было прекрасно известно, каково оно – быть на его месте. И больше всего я сожалела о том, что не могу сделать так, чтобы ему стало легче.

Шон, видя эти метания, выхватил у меня из рук телефон, вынул батарею и положил в карман:

– Проблема решена, – коротко сказал он. А чтобы мы могли поддерживать связь, когда он уезжал на базу, отдал мне свой телефон.

Все происходившее с нами казалось мне нереальным, слишком хорошим, чтобы быть правдой. Время от времени я думала, что вот-вот проснусь, и все окажется обманом…, да так до сих пор и просыпаюсь.

А за неделю до отъезда Шона и вовсе чудо произошло.

Нам очень хотелось провести вместе весь день, сходить куда-нибудь, но Ким уперся и никак не давал выходной. Пока однажды я не увидела, как Шон о чем-то разговаривает с ним на улице. Спустя минуту они оба вошли внутрь.

Шон сел на свое обычное место у компьютера – выбирать и скачивать музыку из Интернета, а Ким подошел к барной стойке и плюхнул на нее восемьдесят долларов:

– Выпивку! Всем! За счет заведения!

Мы с Ритой обалдело переглянулись: *такого* не было с ним ни разу.

Тем временем Ким, обращаясь уже ко мне, удивил нас снова:

– Завтра у тебя выходной, – сказал он просто, даже как-то обыденно.

Я осела на стул, непонимающе переводя взгляд то на Шона, то на мистера Кима. Они же, как ни в чем не бывало, продолжили заниматься своими делами.

Лишь позже я поняла, что Шон просто дал моему боссу денег, чтобы я могла отдохнуть без ущерба для бизнеса.

– Но как ты его уговорил?! – спросила я вечером после работы.

Вместо ответа Шон показал, что будто бы он держит в руках пачку денег, от которой при каждом слове отгибает купюру за купюрой:

– Завтра. Кате. Нужен. Выходной. Как раз восемьдесят и вышло: четыре слова по двадцатке.

Я рассмеялась.

– Но все равно это странно, что он согласился. Да еще и так дешево.

За мой выходной и Шпик, и Тед не раз предлагали и сто, и двести долларов, но Ким каждый раз категорически отказывался меня отпускать.

– Надо просто знать, как просить, вот и все, – пожал он плечами.

На мои дальнейшие расспросы он просто отмахивался.

В выходной, устроенный Шоном, мы решили пройтись напоследок по барам тауна.

Мы играли в бильярд, танцевали, целовались у всех на виду… Мне было все равно, увидит нас кто или нет. Даже если на следующий день Ким сказал бы мне «ты уволена», мне было бы наплевать! Я не могла позволить кому-то или чему-то испортить те последние дни, что остались у нас в Корее до предстоящей разлуки. Ведь мы понятия не имели, сколько она продлится.

Утром следующего дня Шон уехал по делам на базу и вернулся через пару часов. Я все еще валялась в кровати, греясь под легким шелковым одеялом.

Счастливо смеясь, он прилег рядом со мной и обнял. Его лицо оказалось напротив. Близко-близко! Я не могла пошевелиться, так как его объятия были столь крепки, что казалось – он хочет прижать меня к себе так, чтобы один раз и на всю жизнь. Долгим любящим взглядом он изучал каждую

родинку, каждую веснушку и самую мелкую морщинку на моем лице. Его глаза излучали такую невыразимую нежность, что мне захотелось раствориться в ней без остатка! «Боже, дай мне сил не взорваться от счастья», – думала я. На меня еще никто и никогда не смотрел *так*!

Может, вы до сих пор помните сами, а может, видели этот взгляд у ребенка, который в Новый Год находит под елкой подарок. Но не абы какой, а тот самый, долгожданный! Именно тот, просьбу о котором нацарапал он на бумажке и сунул под подушку, в надежде, что Дед Мороз прочтет и принесет именно *это*.

Безграничное, ни с чем не сравнимое счастье, охватывающее с головы до ног, до последнего волоска, прерывающее дыхание и щекочущее мягкий от слабости живот – вот что было в его взгляде. Я завидовала самой себе, все еще не веря, что это худющее чудо, которое смотрит на меня *такими* глазами – мое!

Он уткнулся лицом в мое плечо, подождал там немного, отодвинулся и еще раз посмотрел на меня, словно убеждаясь, что я никуда не исчезла.

Затем он нашарил мою руку под одеялом:

– Ты выйдешь за меня замуж?

Я внимательно посмотрела на него:

– Может быть.

Он напрягся, вздохнул и тихо, но твердо произнес:

– Мне нужно либо «да», либо снова «да».

– Да! – выдохнула я и почувствовала, как он надел мне что-то на палец.

Вынув руку из-под одеяла, я обнаружила на нем обручальное кольцо из белого золота.

– Я так счастлива!

– Спасибо.

– За что?!

– За то, что даешь мне шанс… Всего-то несколько месяцев поуговаривать пришлось, – рассмеялся он.

– Да ладно, главное – результат! Ну и прости, конечно, что я так долго упорствовала.

– Ничего. К сожалению, на базе ничего лучше этого кольца не нашлось. Но это так, на первое время. Потом мы это поправим.

– Что за глупости?! – возмутилась я. – Не надо другого, мне это нравится!

Оставшуюся неделю мы старались проводить вместе каждую минуту. Мы гуляли по парку, по тауну, ходили в кафешки на обед либо просто играли в бильярд в «Лобосе», когда у меня была такая возможность.

День отъезда приближался неумолимо.

Мы старались об этом не думать, но этот день однажды настал.

Мы оба ходили как тени. Я пыталась держаться, отпускала дурацкие, даже совсем не смешные, шуточки, чтобы хоть как-то его подбодрить, но и это не помогало.

Неожиданно он заплакал:

– Я не хочу уезжать! Я сделал все, что мог, кого только не просил, чтобы меня оставили…!

– Перестань, прошу тебя, – у меня самой слезы наворачивались на глаза.

Увидев, что я тоже вот-вот расплачусь, он быстро взял себя в руки, и даже постарался изобразить улыбку:

– Ну, кажется, мне пора, – вздохнул он и смахнул непрошеную слезинку.

Я помогла собрать его немногочисленные вещи, и мы поплелись на остановку.

Мы простояли там минут пять, обнявшись, и всё не решаясь сделать первый шаг к расставанию, наконец, Шон оторвался от меня и сел в такси.

– Я тебя люблю! – крикнул он, высунувшись из окошка.

– Я тебя тоже люблю!

Я постояла немного, глядя ему вслед и ожидая неизвестно чего, а затем направилась к Шпику. Дома его не оказалось, но он предполагал, что я приду, и оставил дверь квартиры открытой. Я включила телевизор и невидяще уставилась на экран.

Через полчаса раздался настойчивый стук в дверь.

– Никого нет дома, – крикнула я по-английски.

Стук повторился. Я решила все-таки открыть и посмотреть, кого там принесло. На пороге стоял Шон. Сперва я подумала, что у меня галлюцинации начались, но когда он меня поцеловал, я поняла, что это действительно он.

– Что ты здесь делаешь? – тупо спросила я.

– Я пришел, а тебя дома нет. Решил, что ты – тут.

– Ну конечно, где же еще мне быть!

– У меня появился свободный час до отъезда, и я решил вернуться. Как-то по-дурацки мы попрощались – слишком грустно.

– Это точно. Ну, тогда пошли к нам – прощаться еще раз! – весело потянула я Шона за руку, растирая по дороге опухшее от слез лицо. – Как же здорово, что ты вернулся! Пусть ненадолго, всего на час, но вернулся!

На этот раз мы попрощались так, будто расставались всего на

пару часов.

– Вот так-то лучше, – бодро подтвердил Шон, поцеловал меня еще раз и сел в такси.

– До скорого. Я тебя люблю!

– До скорого. И я тебя тоже!

Мне стало легче.

Да, он уехал. Да, мы не скоро увидимся. Но я твердо знала – он вернется. Один раз он уже вернулся ко мне, а значит – вернется еще.

В тот вечер меня пришли поддержать и Шпик, и Тед. Они ничего не спрашивали, лишь иногда кто-нибудь из них говорил: «Он дождется тебя, вот увидишь». И я им верила.

Глава 9

На следующий же день Шон позвонил мне и сообщил, что доехал нормально.

До службы в Корее он жил с Меган, поэтому все его вещи были в ее квартире.

По приезду он сразу рассказал ей о наших отношениях. Конечно, счастлива она не была, но в какой-то мере уже и сама догадывалась, что чувства Шона ко мне были больше, нежели просто дружеские.

Ему пришлось пожить там пару дней, занимаясь оформлением перевозки своих вещей и мебели, а в тот день, когда он покидал ее дом, Меган написала мне: «Я хочу предупредить тебя, что он – лжец и изменник. Он изменял мне до тебя, а потом и с тобой. Я просто хочу, чтобы ты знала – с тобой он поступит точно также. Будь осторожна, он не тот, за кого себя выдает». Дальше прилагалась фотография из какого-то бара, на которой Шон находился рядом с какой-то, неизвестной мне, филиппинкой. Ничего *такого*, что доказывало или хотя бы намекало на то, что их связывают какие-то отношения – не было. Просто они были запечатлены рядом.

Не скажу, что меня это письмо обрадовало, но и сильно я не расстроилась. Что мне ее предупреждения? Я любила так, что мне «море по колено, горы по плечу»!

Буквально через пять минут после прочтения письма позвонил Шон:

– Кэт, ты почту уже проверяла? – взволнованно спросил он.

– Да.

– А тебе Меган, случайно, не написала?

– Написала. Как она мой адрес узнала?

– Не знаю. Я с ее компьютера почту проверял и возможно в нем остался пароль от моего ящика. Она и с фотоаппарата скачала все, что там было. Ты злишься? Что она тебе написала?

Я коротко изложила суть письма.

– Боже мой, мне так жаль, что она тебя расстроила! Я клянусь, не было у меня ничего с этой филиппинкой! Просто у друга моего там подружка, вот мы и ходили иногда в этот бар.

– Шон, не надо передо мной отчитываться. Ты сказал, что у вас ничего не было и этого вполне достаточно – я тебе верю. Все в порядке, правда.

– Ты не обиделась? Честно?

– Честно, – подтвердила я и улыбнулась.

– Ну и хорошо, а то я так сильно переживал! Я тебя люблю,

очень-очень!

– Я тебя тоже!

Через неделю Шон выслал мне телефон, который подключается к Интернету. По нему мы могли бы говорить часами совершенно бесплатно, оплачивая только трафик.

– Но у меня же в комнате нет Интернета! Я Киму говорила, чтобы провел, а он все только обещает и ни черта не делает, – с обидой пожаловалась я.

– А ты сделай так же, как я с выходным – «купи». Я же тебе банковскую карту оставил? Так ты пойди, сними с нее деньги и отдай Киму.

Я же сделала проще: сама пошла в офис, занимающийся подключением, и на пальцах, с невнятным мычанием, повизгиванием и чудодейственным повторением международного слова «Интернет» добилась того, что мне нужно.

Мне очень не хотелось идти туда одной, так как корейского я совсем не знала, но и от Кима я бы слишком долго ждала оказания даже такой мелкой услуги. Даже за деньги.

Я давно рассказала маме о том, что Шон сделал мне предложение, но о том, что я к нему чувствую и насколько все серьезно с моей стороны, промолчала – боялась, что она меня не поймет. Кроме Шпика и Теда вообще никто не знал, что я чувствую.

– Ты чего грустная такая? Парня себе нового еще не нашла? – бодренько поинтересовалась она, когда я в очередной раз позвонила.

– Нет.

– А чего так?!

– Не хочу, – буркнула я.

– Что-то ты мне, подруга, не нравишься. Что случилось-то? – продолжала она настаивать.

И тут меня прорвало: я разрыдалась, заявив, что нужен мне только Шон, что никого другого искать я не собираюсь, и что поделать с собой ничего не могу.

– О Господи! А чего ревешь-то тогда?

– Ну, как же! Так неожиданно все произошло, мы совсем недолго встречались… Я и сама не понимаю, как я так умудрилась!? – рассказывала я сбивчиво, прерываясь на всхлипы.

– Катюша, не плачь! Он дождется! Все у вас будет хорошо!

– То есть сейчас ты не против, чтобы мы поженились?! Но как же! Ведь против Тима ты была настроена именно потому, что мы были мало знакомы и тебе казалось, что я его не люблю! Сейчас-то что изменилось?

– Не знаю. Наверное, тогда материнское чутье мне подсказывало, что ты его не любила. А в этот раз я почему-то уверенна, что у вас все будет отлично… Мне, кстати, и Санни твой никогда не нравился, и я не верила, что у вас что-то получится. А сейчас почему-то верю, – проговорила она, и мне сразу же стало легче.

– Спасибо, мамуль!

– Не за что. Беда мне с тобою!

Подключив телефон, мы болтали с Шоном по пять-шесть часов в день. Я буквально засыпала с трубкой в руке и просыпалась с нею же. Лишь благодаря этому время летело более-менее быстро.

Как-то Шон мне сказал, что выслал подарок, который я должна буду открыть только в присутствии Шпика и его самого (на телефоне).

Я с нетерпением ждала, когда же, наконец, получу посылку (Шон отправил ее на адрес Шпика, так как своего я не знала), как однажды утром в дверь постучали.

– Кто там? – сонно спросила я.

– Служба доставки, – послышался радостный голос Шпика.

Я бросилась открывать принесенную им коробку, одновременно набирая телефон Шона:

– Привет! Посылку получила. Открываю, – докладывала я.

На дне коробки под кучей специального упаковочного материала находилась еще одна: маленькая, бархатная.

Затаив дыхание, я открыла и ее:

– Аааааааа! – пропищала я, радуясь натуральным, простым, «бабьим» счастьем.

Внутри лежало кольцо с довольно крупным бриллиантом.

– Зачем ты такую дороговизну купил?! – все еще не веря глазам, напустилась я. – Оно же кучу денег стоит!

– Кучу, – согласился Шон, посмеиваясь. – Почти столько же, сколько мой мотоцикл. Потеряешь – голову откручу!

– Не потеряю, – заверила я, надев кольцо на палец и вертя им перед носом у Шпика. Он ухмылялся, явно радуясь за меня.

– Вообще-то мне на работу пора, – через какое-то время напомнил Шпик и поинтересовался. – Теперь-то уже можно уйти?

Я переадресовала вопрос Шону и тот «великодушно» его отпустил.

– А зачем он тебе вообще был нужен?

– Чтобы лично, сам, убедился, что его лучший друг в надежных, обеспеченных руках. Я, конечно, не миллионер, но прокормить тебя точно смогу.

– Я много ем, – предупредила я весело.

– Ничего, я справлюсь! – заверил мой будущий муж.

Наступил июль. Моя виза закончилась, и я вернулась в Хабаровск.

Я планировала оформить очередную визу, чтобы вновь приехать в Корею, но Шон все-таки убедил меня не делать этого. Он видел отношение Кима и Риты ко мне, которое становилось все хуже и хуже: они считали меня бесконечно обязанной им лишь потому, что делали приглашение. А то, что я приносила им выгоду одним своим присутствием, тем, что клиентам нравилось со мной общаться за чувство юмора и простое, веселое обращение – они за «расплату» видимо не считали. Так что, несмотря на то, что в Корее тогда остались (да и до сих пор, кстати, находятся там же, в квартире Шпика) почти все мои вещи, отчасти я была даже рада, что на этот раз не вернусь. Хотя бы потому, что теперь они наконец-то увидят, в чем была для них моя ценность и сколько посетителей приходит к ним без меня.

Впоследствии от Шпика я узнала о результатах своего невозвращения: половина постоянных клиентов «Лобоса» вообще перестали в него ходить, а те, у кого в баре оставались долги – даже не зашли оплатить их перед отъездом. Ага, забыли, наверное! Видимо, кроме меня напомнить им было некому.

Вернувшись домой, я хотела было устроиться на работу и сказала об этом Шону, но он возразил:

– У нас разница во времени такая, что когда я буду дома, ты – на работе, и наоборот. Мы просто не сможем разговаривать как раньше, часами. А мне этого будет очень не хватать.

– Шон, я все понимаю, но мне надо на что-то жить, тот же Интернет оплачивать.

Высланный им ранее телефон в России был бесполезен, так что теперь нам пришлось купить наушники с микрофоном и пользоваться Интернет-сервисом Skype, о котором я раньше, признаться, даже не слышала.

– Хорошо, тогда ты будешь работать на меня. Сколько у тебя была бы зарплата, пойди ты сейчас работать?

– Ну, долларов двести – триста, не больше.

– О'кей, продано! За триста долларов в месяц, – будешь снимать их с карточки. Счета за Интернет тоже оплачивать буду я, – сказал он так, как всегда говорил в тех редких случаях, когда я сомневалась: твердо, не оставляя возможности возразить или засомневаться.

Прошло всего два месяца, как мы собрали и отправили все

документы, когда Шон сам, без моего напоминания, написал сенатору. Как оказалось, для этого вовсе не нужно собирать какие-то подписи, достаточно лишь сесть за компьютер и отправить письмо по е-мэйл. Сенатор (наверняка не он лично, а один из его помощников, но это – не важно) тут же ответил, что постарается нам помочь, но не раньше, чем пройдут официально установленные эмиграционной службой сроки оформления документов (три месяца со дня их подачи).

Ровно через три месяца и один день Шон снова повторил свою просьбу, и это дало результат: еще через полтора месяца – в ноябре – у меня уже было приглашение из консульства на собеседование, которое состоится в Москве в январе 2007 года.

Я не могла поверить, что все получилось настолько быстро и очень скоро мы снова увидимся!

После стольких лет безуспешной борьбы за получение визы, пока я была с Санни, я уже почти не верила, что вообще когда-либо ее получу. Особенно учитывая то, что я уже была замужем за американцем и в консульстве по идее меня должны были рассматривать исключительно как «желающего просто свалить в Америку» и не давать ее ни при каких обстоятельствах.

Еще за месяц до назначенной даты я купила билет до Москвы, забронировала гостиницу и сто раз позвонила в консульство, чтобы лишний раз убедиться: все необходимые документы собраны.

Меня, как всегда, проводили, пожелав удачи на собеседовании, родственники и подруги.

В Москву я прилетела за два дня до знаменательного события – восьмого января две тысячи седьмого года. Погода стояла отвратительная: хмурые тяжелые тучи висели над городом, вызывая если не депрессию, то, как минимум, ужасное настроение. Радовало лишь одно – по сравнению с Хабаровском было очень тепло.

Выйдя из самолета в аэропорту «Домодедово» и получив багаж, я едва начала искать глазами стойку такси, как меня тут же окружила толпа из мужчин, предлагавших услуги извозчика:

– Девушка, вам куда? Недорого возьму, с ветерком доставлю! – наперебой кричали они.

Называя адрес, я постаралась выглядеть как можно более «местной», всезнающей, чтобы не запросили больше, чем эта поездка стоила на самом деле. Но, то ли мне это не удалось, то ли и вправду цены в Москве такие высокие, потому как единодушно названная ими цена в две тысячи рублей повергла меня в полнейший ступор. Нет, конечно, я понимала, что цены

будут отличаться от хабаровских, но чтобы настолько!?

– Спасибо, не надо, – уныло отказалась я.

– Дешевле все равно никто не повезет! Государственные такси вообще только за три в такую даль возят, – продолжали они уговаривать.

На меня стало нападать отчаяние:

– Да я все понимаю, но у меня нет таких денег! Не могу же я их напечатать?!

Я надеялась, что после признания в отсутствии денег они, наконец, оставят меня в покое и дадут возможность прийти в себя и оглядеться, но… не тут-то было! Таксисты не отступали от меня ни на шаг, следуя по пятам. Я же заметалась по аэропорту, сама толком не зная, кого или что я ищу.

Откуда-то из подсознания неожиданно всплыла здравая мысль, что надо найти метро, а там уже я разберусь и до любого места доеду. Поэтому я принялась за поиски стойки со справочной информацией.

Милая девушка, которая любезно сообщила, на чем можно добраться до метро, на каких станциях сделать пересадки и на каком после всего этого троллейбусе ехать до нужного мне адреса, нашлась быстро. Но вот как проделать все эти операции, волоча за собой тридцатикилограммовый чемодан, – она почему-то не уточнила. Так что метро отпало само собой. В отчаянии я застыла посреди зала, не зная как быть дальше.

– Девушка, давайте я вас за тысячу довезу. Мне все равно по пути – я в Шереметьево за клиентом поеду, – предложил последний, самый стойкий из ходивших за мной по пятам таксистов, все еще маячивший у меня за спиной. Все остальные уже сдались и разбрелись по залу в поисках более сговорчивых клиентов.

– Ладно, – вздохнув, согласилась я и потопала с ним на выход.

Деньги у меня, конечно же, были, но отдавать за поездку две тысячи – «жаба давила». Тысяча – тоже немалая сумма (дома на эти деньги я могла жить неделю!), но с ней я все же смогла расстаться.

Через сорок минут я стояла в фойе гостиницы «Саяны». Ее рекомендовала мне Таня, жившая здесь, когда она так же как я приезжала на собеседование.

Гостиница оказалось действительно неплохой: окна моего довольно уютного номера выходили на парк, а в комнате был телевизор, телефон, большой холодильник, односпальная кровать, шкаф и кресло. Стоило все это «удовольствие» совсем недорого: чуть больше тысячи рублей за сутки. Насколько мне

известно, для Москвы подобные цены – редкость.

Едва затащив чемодан в комнату, я бросилась вниз в поисках междугородной карточки.

На звонок Шон ответил практически сразу:

– Привет! Как долетела?

– Нормально. Устала только, как собака после забега… Цены на такси тут какие-то неземные, – пожаловалась я.

Шон удивился, услышав, сколько запросили с меня за поездку:

– Надо же, даже в Америке таких цен нет! – присвистнул он.

После звонков Шону и маме я собиралась заняться поисками клиники, в которой назавтра мне предстояло пройти медосмотр. В Хабаровске я этого сделать не могла, так как консульство сотрудничает только с четырьмя клиниками по всей России и хабаровские в их число не входят.

Так что я приняла душ с дороги, спустилась в фойе к газетному лотку, и, вооружившись схемой метро, вышла на улицу. «И куда теперь мне идти?» – задумалась я, впав во временную топографическую прострацию недалеко от входа в гостиницу. К счастью, длилась это состояние недолго и уже через минуту я обращалась к первому попавшемуся прохожему с вопросом: «Подскажите, пожалуйста, как мне попасть в метро».

Признаться честно, я до жути боялась ехать в Москву. Мне казалось, что москвичи будут не слишком-то доброжелательны ко мне – провинциалке – и я попросту здесь заблужусь. Но ничего такого не произошло, и с помощью местных жителей я всегда достаточно быстро находила нужный мне адрес.

Вообще, москвичи удивили меня своей потрясающей отзывчивостью и желанием помочь. Достаточно часто они сами, буквально за ручку, доводили меня до нужного места, отвлекаясь от своих дел и сворачивая с прежней дороги, хотя еще минуту назад явно куда-то спешили. А однажды было даже такое: какая-то женщина, рассказывая о том, на какой автобус мне нужно сесть и на какой остановке выйти, ошиблась, но свою оплошность вовремя исправила, догнав меня метров через пятьсот, уже буквально на входе в него. После этого она не поленилась остаться и самолично проследить, чтобы я села именно на тот маршрут, который был нужен.

Так что вскоре я без особого труда отыскала клинику, где назавтра мне предстояло пройти медосмотр.

Хорошенько запомнив, как именно туда добираться, по дороге в гостиницу я зашла в супермаркет и купила кое-каких продуктов на ужин.

Вернувшись, снова позвонила Шону:

– Привет. Все, я нашла это место. Завтра встаю в пять утра и еду. Я решила выйти пораньше, чтобы гарантированно не опоздать.

– Молодец, правильно мыслишь! – похвалил он.

Должна заметить, его одобрение очень многое для меня значит. К тому же, всегда приятно услышать, что твои старания кто-то заметил.

Ему тоже нравилось слышать от меня похвалу. Он мне как-то сказал, что в детстве у отца вечно не хватало времени на то, чтобы заниматься им, и его успехи в школе, его стремление к знаниям слишком часто оставались не замеченными. Поэтому даже сейчас Шон был неравнодушен к любым комплиментам.

– Документы все приготовила? – устроил мне проверку жених.

– Все.

– Деньги сняла?

– Сняла, – как солдат, отчитывалась я.

– Тогда все в порядке. Я тебя люблю!

– Я тебя тоже, – улыбаясь и уже представляя себе нашу скорую встречу, ответила я.

– Кстати, десятого я пойду квартиру оплачивать. Тебе она точно понравилась? – уточнил Шон, имея в виду двушку, которую мы решили снять для жилья. Он заранее выслал мне ее фотографии, чтобы убедиться, что я не разочаруюсь.

– Да. Очень, – заверила я.

Квартира действительно выглядела уютно, хотя мебели там пока не было: комнаты были отделаны в мягких бежевых тонах; на полу – ковровое покрытие цвета кофе с молоком; а в стене – камин, который меня очень радовал, пока я не я вспомнила, что Лас-Вегас находится в пустыне, и мы вряд ли когда-нибудь его разожжем.

– Тогда в пятницу я туда мебель перевезу. Брат обещал помочь.

Последнее время Шон не арендовал квартиру, а жил с родителями, стараясь накопить немного денег к моему приезду. Из собственной мебели у него пока были лишь кровать да шкаф для одежды, но все остальное мы решили покупать вместе, когда я приеду.

– Хорошо. Ты меня завтра разбуди, ладно, – попросила я.

– Конечно, разбужу!

– Я тебя люблю, «почти муж», – улыбнулась я.

– Я тебя тоже люблю, «почти жена», – по голосу я поняла, что и он улыбается.

«Почти женой» он начал называть меня еще в Корее. Я ему

объясняла, что в русском языке такого словосочетания нет, зато есть слово «невеста», но ему все равно нравилось называть меня именно так, и именно по-русски. В ответ я стала называть его «почти муж», и нам обоим это понравилось.

Утром, как и обещал, Шон разбудил меня звонком по телефону, и я стала собираться в клинику. Приехала я туда на полтора часа раньше, чем было назначено.

Надо сказать, не одна я приехала в такую рань. В течение каких-то десяти минут за мной заняли очередь еще четверо: две молодые девушки и женщина слегка за тридцать с дочерью-подростком.

– Вы тоже по визе невесты? – спросила я женщину, чтобы хоть как-то скоротать время.

– Да, – ответила она. – Меня Валей зовут. А вас?

– Катя.

Ожидая открытия кабинета, мы разговорились.

С женихом своим Валя познакомилась по Интернету, и он уже приезжал пару раз в Москву, чтобы встретиться с ней. Сама она не из столицы, но откуда точно – не помню. Валя рассказала, что до сих пор живет с мужчиной – англичанином, давно обосновавшимся в России. И все-то у них вроде бы хорошо: и богат он, и красив, и ее вроде бы любит, но… он женат на англичанке, и разводиться, судя по всему, не собирается. Вот Валя и решила попробовать создать семью с помощью компьютера.

Сама же она пока еще не определилась, стоит им ехать в Америку или нет, даже если дадут визу: вроде и в России неплохо, хотя и нормальной семьи в то же время хочется.

За разговором время пролетело быстро, и вскоре я заходила в кабинет врача.

– Льюис Ада? – спросила меня молодая женщина в халате.

– Да.

Господи, как же мне уже надоело откликаться на это чуждое имя – Ада! В Америке при первой же возможности надо будет сменить его обратно на Кэтрин. Тем более Кэтрин Бэйли – звучит гораздо лучше, чем Ада Льюис и даже чем Ада Бэйли.

У меня измерили давление, послушали легкие.

– Как они там, еще на месте? – несколько неуклюже пошутила я, пытаясь избавиться от собственного нервного напряжения.

– На месте. Куда ж им деваться?! – улыбнулась она. – Курите?

– Да, – честно призналась я, наблюдая, как она отметила галочкой соответствующий вариант ответа в лежащем на столе бланке.

– Алкоголь употребляете?

– Иногда. По праздникам, так сказать.

– В умеренных количествах, значит, – задумчиво протянула она и поставила очередную «птицу». – Врожденные болезни имеются?

– Нет.

– Аллергии?

– На пенициллин только.

– Травмы головы были?

– Была. Машина меня сбила как-то.

– Операции?

– Аппендицит вырезали.

Я ответила на массу вопросов, которые казались мне глупыми и ненужными.

Чуть позже медсестра проговорилась, что по снимкам и анализам они посмотрят, наврала я с ответами или нет. Так что я лишний раз порадовалась, что не стала прикидываться непьюще-некурящей «овечкой» с богатырским здоровьем, а поведала о себе хоть местами и горькую, но все-таки правду.

Сдав кровь на анализ, и сделав снимок остатков моих прокуренных легких, я пошла прогуляться. Мне нужно было как-то убить три часа до того, как я смогла бы забрать готовый результат медосмотра.

Вместе с Валей и ее дочерью мы пообедали в «Ростиксе», побродили немного по магазинам и вернулись в клинику.

Пакет казался огромным из-за гигантского (по-моему, он был сделан в натуральную величину!) снимка легких, который прилагался к конверту, но никому, в сущности, не был нужен. Нас заранее предупредили, что самостоятельно вскрывать конверт с результатами нельзя ни в коем случае, потому что открыть его должны будут на границе, уже в США.

По дороге в гостиницу я снова зашла в магазин и купила немного еды.

Взяв ключ, я поднялась в номер и позвонила Шону – обрадовала, что медосмотр пройден.

Следующий день обещал быть нелегким: несмотря на то, что все документы были в порядке, мне все еще могли отказать. Сказать, что я волновалась – вообще ничего не сказать. Я просто места себе не находила!

– Ты главное не паникуй, – успокаивал меня Шон. – Представь, что виза уже у тебя. Главное теперь – не потерять ее. Ведь в принципе, так оно и есть: если тебя пригласили на собеседование, значит уже готовы разрешить въезд в Америку. Просто ответь на все вопросы спокойно, как будто это – простая формальность.

– Ага, тебе-то легко говорить…

– И тебе должно быть легко. Все будет хорошо. Обещаю. Они на одну только «книгу» посмотрят и сразу визу дадут, – смеясь, добавил он.

«Книгой» в шутку мы называли огромную папку с бумагами, которую Шон сам для меня собирал. Да она, в сущности, и была для нас, словно настольная книга: так часто мы в нее заглядывали, чтобы убедиться, что все на месте. Каждый документ в ней имел свой отдельный «файл», подписанный рукой Шона, который в свою очередь делился на три отделения: для оригинала, копии и перевода.

На следующее утро меня разбудил телефонный звонок:

– «Книга» готова? – спросил он, чтобы убедиться, что я ничего не забыла. Память у меня ужасная: вечно что-то забываю или теряю.

– Готова.

– Медосмотр?

– Тоже, – не глядя на конверт, но, зная, что он где-то тут, возле кресла, ответила я.

– Тогда – удачи!

– Спасибо. Я тебя люблю, почти муж.

– Я тебя тоже люблю, почти жена.

Приняв душ, я оделась и стала шарить глазами по комнате в поисках конверта с медосмотром. Осмотрев все возле кресла, в коридорчике и вообще везде, где только можно, поняла – его нет. Я прямо почувствовала, как кровь отхлынула от моего лица, и мне стало дурно. Я постаралась взять себя в руки и еще раз, не спеша, обошла номер. Конверта по-прежнему нигде не было.

Лихорадочно я стала припоминать вчерашний вечер, чтобы понять в каком месте могла его потерять. Вскоре я отчетливо вспомнила, как он мне мешал по дороге из магазина: в руках были пакеты с продуктами, и конверт все норовил выскользнуть. Значит, я оставила его где-то в гостинице.

Я бегом спустилась по лестнице вниз и подбежала к «столу регистрации»:

– Простите, вы вчера тут пакет не находили? Картонный такой, – спросила я у дежурной.

На часах было пять утра. Полусонная женщина посмотрела куда-то сквозь меня и, кажется, ничего не услышала. Однако через минуту ее вдруг «осенило»: она подскочила, пошарила где-то в столе и вытащила злополучный конверт.

– Этот?

– О Господи, слава тебе…, – с облегчением вздохнула я. – Вы не представляете, как он для меня важен!

– Ну, тогда больше не теряйте, – улыбнувшись, посоветовала она.

– Спасибо огромное!

Я схватила пакет, вернулась в номер за «Книгой» и побежала на остановку. Всю дорогу до консульства я благодарила Бога за помощь. Сама себя особо верующей назвать не могу, но в тот момент, по-моему, я даже пообещала Ему, что стану ею, лишь бы этот случай оказался единственной неприятностью на сегодня.

У консульства уже образовалась очередь человек из десяти, хотя до открытия оставалось почти два часа. Все мы стояли на улице. Как назло, вскоре заморосил мелкий, противный дождик.

Я в который раз поразилась московской погоде: в Хабаровске в это время было минус двадцать, а тут – дождь!

К моменту открытия в очереди стояло уже человек сто. Моя знакомая – Валя – тоже была в ней, но где-то в хвосте. Хорошо все-таки, что я не поленилась встать и приехать так рано!

Запускали внутрь людей медленно, небольшими партиями, тщательно проверяя паспорта, ощупывая одежду и сканируя сумки.

Оказавшись внутри, нужно было подойти к автомату и получить номер. По этим номерам нас потом вызывали к окошкам, где сдавались основные документы: свидетельства о рождении, браке, разводе и так далее. Сдав документы, мы расселись в маленьком помещении с множеством стульев, и принялись ждать своей очереди. По тем же самым ранее выданным номерам, нас подзывали к консулам для непосредственно собеседования, которое проводилось по выбору: на русском или английском языке.

Я сидела, внимательно слушая ответы тех, кто был впереди меня. Особого труда это не составляло, так как комната, где находились ожидающие, ничем не была отделена от окошек, где честные американские граждане «допрашивали» тех, кто тоже хотел попасть в Штаты.

Девушка, которую собеседовали в «моем» окне непосредственно передо мной, привлекла внимание тем, что вчера я с ней уже встречалась – в очереди на медосмотр. А, прислушавшись к ее ответам и уловив знакомое слово «Корея», я вообще ни на что больше не отвлекалась. Тем более что и ее история показалась мне до боли знакомой.

– С мужем в Корее познакомились? – довольно строго спросил ее молодой американец по-английски – видимо, девушка выбрала этот язык для вопросов.

– Да.

– А что вы там делали?

– Я там танцовщицей работала, – заметно заикаясь, по-английски отвечала она.

Странно, раньше я за ней подобного не замечала, так что это, скорее всего, просто от нервов.

– Танцовщицей? Стриптиз, наверное? – судя по интонации, ухмыльнулся он.

– Нет! Мы в костюмах танцевали! – от ужаса округлив глаза, активно запротестовала она.

– А муж чем занимается? – перевел он разговор на другую тему.

– Он – военный, на самолетах работает, – робко объяснила она.

Затем консул снова вернулся к ее работе.

Я-то сразу поняла, что она – бывшая хостесс. И он это тоже понял. Но девушка явно не хотела в этом признаваться, зная отношение большинства людей к подобной профессии, и понесла совсем уже околесицу: якобы в ее обязанности входило развлекать американцев песнями да плясками, ничего за это не получая.

Я мысленно сплюнула: «Тьфу ты! Ну надо же было мне попасться к нему, да прямо после этой девицы!? Обязательно сейчас докопается. Еще бы – вторая танцовщица подряд!».

В анкете нужно было указать все места работы за последние пять лет. Туда, разумеется, вошла и Корея. «Хостесс», естественно, мы тоже писать не стали, заменив его, как нам показалось вполне нейтральной «танцовщицей». Ага, оказывается не мы одни тут такие умные!

Настала моя очередь.

Я подошла к окошку с тем же самым мужчиной внутри, протянула свои документы, открыла «книгу» и стала ждать, чего он еще от меня потребует.

– Ха! Еще одна танцовщица, – усмехнулся он, поглядывая на меня с неприкрытой издевкой. – А вы там *как* танцевали? В бикини?

Я, на хамство привыкшая отвечать тем же, не растерялась:

– А я – в платье до пят. Русские народные танцы только так и танцуют. Но, вообще-то, танцы не были моей основной обязанностью. Я, скорее, была официанткой: разносила напитки, принимала заказы.

– Жених-то ваш в Вегасе, как я вижу. Там тоже будете русские народные танцевать? – продолжил он хамский «наезд». – В этом городе стриптиз-клубов много, а в них можно хорошо заработать. Подумайте над этим.

Я поняла, что меня пытаются сбить с толку, расстроить,

чтобы я тоже начала чушь нести, и он смог бы поставить «отказ».

Однако в критических ситуациях, особенно тех, где меня пытаются оскорбить, я научилась реагировать быстро:

– Да нет, спасибо – за большими деньгами я не гонюсь. В Вегасе планирую поступить в колледж дизайна, и уже подыскала вуз, который мне больше подходит, – сказала я спокойно, нацепив на каменное лицо голливудскую улыбку во все тридцать два зуба.

В свою очередь с его лица ухмылка сошла. Было видно, что мое нежелание расстраиваться и терять голову ему не очень понравилось.

– У вас это будет второй брак. А с первым мужем вы где познакомились? – решил он подобраться ко мне с другой стороны.

– Тоже в Корее.

– И он был тоже военным?

– Да.

– Очень интересно! – оживился он. – А вам не кажется, что это как-то уж слишком – оба военные, с обоими в Корее познакомились!? Хм, однако, в Америку в первый раз, я вижу, вы так и не попали. А почему? И развелись почему?

– Мой бывший муж, очевидно, не слишком хотел, чтобы я с ним была, иначе не возился бы с документами так долго. А развелась я с ним потому, что он мне изменил.

– И откуда вам это известно!? Может, у вас и фотографии есть!? – видимо, консул решил надавить на меня побольнее, чтобы я гарантировано «поплыла». Ага! Не дождетесь!

– Фотографий, уж извините, нет, зато есть его переписка с любовницей. Показать? – ничуть не смутившись, предложила я.

Он тут же сник:

– Не надо.

Дальше пошли вопросы о том, как я познакомилась с Шоном, о его семье, о наших планах на будущее. На все вопросы я отвечала спокойно, уверенно, хотя у самой от волнения аж футболка на спине взмокла.

– Надеюсь, у вас это будет последний брак, – наконец сдавшись, проговорил он, и я поняла, что визу мне все же дадут.

– Уверяю вас, сэр, что сама на это надеюсь и даже более того – я уверенна, что этот брак будет последним.

– Ну что ж, поздравляю и счастливого пути. Паспорт с визой вы получите по адресу, который указали на оплаченном конверте, – закончил он собеседование.

Окрыленная, я неслась по улицам Москвы обратно в гостиницу, чтобы сообщить Шону радостную новость.

Рассказала я ему и про мерзкого консула, который задавал каверзные вопросы.

– А паспорт-то тебе когда отдадут? – уточнил Шон, выслушав весь мой рассказ.

– Сказал, что по почте вышлют. Я на конверте, который вчера оплатила, указала адрес офиса DHL. Это вроде как «до востребования». Буду звонить туда, и узнавать, пришли документы или нет. Мне сказали, что дня два как минимум это займет.

Пока же мне оставалось только сидеть и ждать. Я даже не могла купить или забронировать билеты заранее, так как не знала точную дату вылета.

– Не забудь, тебе нужен билет до Лос-Анджелеса, – напомнил Шон.

– Да помню я, помню. Я уже обзвонила агентства: в одном из них можно купить его всего за четыреста долларов. У них предусмотрены большие скидки для молодежи до двадцати шести лет. Слава Богу, мне двадцать шесть только через полгода.

– Старушка ты моя, – поддел Шон.

– Сам такой!

– Я на два года моложе!

– Это поправимо.

– Как?!

– Ну, раз я имя и фамилию поменяла, значит и дату рождения можно.

– Ладно-ладно. Я пошутил.

Два дня я промаялась в гостинице. Вышла лишь пару раз, чтобы сфотографировать для Шона Красную Площадь, да сходить за продуктами.

Остальное время я караулила телефонный звонок из DHL, хотя и сама звонила туда по пять раз на дню.

Наконец, в один из звонков мне ответили, что курьер забрал пакет из консульства и в течение часа доставит его в головной офис. Времени было уже пять часов, а агентство по продаже билетов закрывается в семь.

Каким-то чудом, несмотря на безумные вечерние московские пробки, курьер DHL приехал достаточно быстро, так что я успела не только забрать свой конверт с паспортом, но и даже купить билет на другом конце города. Хотя для этого мне пришлось ох как побегать!

Просто если бы я не успела купить билет на завтра – субботу, 13-ое января, то зависла бы здесь еще на три дня, так как рейсы до Лос-Анджелеса были не каждый день.

Наутро, собрав чемодан и вызвав такси, я спустилась на улицу и принялась ждать машину. Таксиста все не было. Стоя на крылечке, я нервно курила, заходила внутрь, выходила обратно, снова курила… Наконец, через пятнадцать минут подъехал мой извозчик и я, счастливая, погрузила вещи в багажник.

В аэропорту я дождалась объявления регистрации, когда вдруг обнаружилось нечто ужасное: я умудрилась где-то оставить папку с документами – «книгу». В ней же находился и пакет из консульства, который я должна буду предъявить эмиграционной службе в Лос-Анджелесе.

Описать охвативший меня ужас невозможно. Я никогда не смогу передать весь кошмар, обрушившийся на меня: дикая злость на себя, дуру безмозглую, отчаяние, страх, обида…

На то, чтобы восстановить все документы и визу ушла бы как минимум пара месяцев. И я не могла себе даже представить, что сделает со мной Шон, когда узнает о том, что я по своей глупости потеряла где-то почти святое для нас – «КНИГУ»!

Я постаралась взять себя в руки, отыскала телефоны гостиницы и стала звонить. Я точно знала, что поставила пакет с документами прямо возле входа в нее, когда прикуривала сигарету. Там он видимо и остался. Территория вокруг гостиницы была огорожена забором и охранялась, так что оставалось надеяться на то, что из-за раннего часа никто чужой его не прихватил, а охранник вовремя заметил одиноко стоящий на крыльце сверток.

Мне повезло и на этот раз: охранник быстро нашел пакет и вернул на рецепшн.

– Пожалуйста, отправьте кого-нибудь с ним в Шереметьево! – просила я, утирая слезы. – У меня самолет через два часа. Без этих документов я не смогу вылететь. Я вас умоляю!

– Так никого нет, сегодня же праздник! Да и суббота – почти все выходные.

– Я вас очень прошу! Я любые деньги заплачу, только отправьте кого-нибудь сюда. Хоть и охранника вашего.

– …Ну, хорошо. Он выезжает. Ждите у входа, – ответила она, после того как посовещалась с мужчиной, который стал буквально моим спасителем. – Но если на МКАД будет пробка, то он не успеет. Он, конечно же, постарается, но гарантировать здесь ничего нельзя.

«Все-таки есть Бог на свете! С оригинальным чувством юмора, но есть! Наверное, мне помогло еще то, что улетаю я в Город Ангелов» – думала я, глядя на бегущего мне навстречу охранника спустя всего сорок минут.

Я горячо поблагодарила его, отдала названную им сумму и

взяла свой пакет.

Убедившись, что все документы теперь на месте, я побежала на регистрацию. Сердце мое постепенно стало биться чуть реже и уже не так громко.

Перелет занял тринадцать часов, в течение которых я и поспала, и прочла «Парфюмера» от корки до корки, и даже музыку послушала. От долгого сидения ноги распухли, тело затекло, но в целом все было не слишком уж плохо. Самолет был практически новым и кресла оказались довольно удобными.

Наконец, объявили посадку, и народ потянулся на выход. Я прошла эмиграционный контроль, снова ответив на кучу вопросов о целях поездки, занятиях жениха и так далее. После этого сотрудник аэропорта вскрыл пакет из консульства, проверил результаты медосмотра и разрешил мне идти.

Я вышла на улицу, чтобы размять ноги и подышать свежим воздухом. Выкурив две сигареты подряд, у меня закружилась голова, но почувствовала я себя намного лучше.

Вернувшись обратно, я нашла, где можно купить билет до Лас-Вегаса, купила его и пошла искать телефон-автомат. До вылета оставалась всего пара часов.

– Привет! Я долетела и уже купила билет до Вегаса, – сообщила я радостно Шону. – Через два часа вылетаю.

– Отлично! Тогда я заезжаю за родителями и сразу в аэропорт.

– Хорошо. Я даже не верю, что все скоро закончится. Господи, да оно УЖЕ закончилось! Как же я по тебе соскучилась!

– Я тоже, почти жена. До встречи.

Выпив кофе и побродив немного по аэропорту, я удивилась: по сравнению с Сеульским «Инченом» этот казался просто гадюшником, хотя и считался одним из наиболее крупных аэропортов Америки. Не слишком-то чисто, недостаточно ново, не так светло и высоко-технологично, как в Корее… «И чего все в таком восторге от этой Америки? Не понимаю» – думала я.

Хотя вот ведь странность: все жалуются, что и работу найти здесь сложно, и цены на все высокие, а медобслуживание так вообще такое дорогое, что кажется, будто врачи к пациентам из космоса прилетают, и, тем не менее, никто обратно в Россию возвращаться не хочет. Вот не знаю я таких и все тут! Хотя теперь и у меня есть возможность понять этот феномен Америки и узнать, что же такого в ней притягательного, отчего столько эмигрантов со всего мира едут сюда, невзирая на все препоны.

Самолет оказался забит до отказа, разве что в проходах никто

не стоял: в Вегас народ летает толпами каждый день. А по пятницам, на выходные, Город Грехов принимает до трех миллионов туристов, хотя общее число местных жителей составляет всего то ли два, то ли три миллиона.

Вот и настал долгожданный момент. Я – в Вегасе!

Я шла, волоча за собой чемодан и крепко сжимая в руке «книгу». Мой взгляд скользил по лицам встречающих, пока не отыскал, наконец, в этой безумной толпе Шона, державшего в руке букет роз, и его родителей.

Он меня крепко обнял, поцеловал и вручил цветы. Следом обняли и родители, проговорив «Добро пожаловать домой».

Я была немного смущена, да и Шон, кажется, тоже. Не знаю почему, но после долгой разлуки всегда чувствуешь себя несколько странно. Возможно, мы просто настолько привыкли лишь слышать друг друга, а если и видеть, то только на экране монитора, через веб-камеру, что возможность ощущать, осязать друг друга казалась теперь почти нереальной.

Всю дорогу домой мы с Шоном на заднем сиденье тайком обменивались короткими, но жадными поцелуями, вспоминая родной и любимый запах, вкус. Чувство неловкости проходило так же, как это бывает при возвращении домой: сперва ты присматриваешься, не изменилось ли чего, пока тебя не было, а потом уже наслаждаешься пребыванием дома на всю катушку.

Наконец я была снова счастлива! В полном смысле этого слова, безо всяких там «но» и «кабы не». Я чувствовала, что нахожусь в правильном месте и с правильным человеком. Я была ДОМА!

Шон взял месячный отпуск, в течение которого мы сделали все покупки для дома, подготовились к свадьбе и, наконец, поженились.

Свадьба была скромной: мы пригласили лишь родителей Шона.

Во время церемонии мы ни секунды не сомневались, точно зная, что «ДА» – единственно верный ответ и мы оба ни разу не пожалеем об этом.

Многие интересуются, нашла ли я там себе новых друзей, общаюсь ли с русскими…

Нет, отвечаю им я, не нашла. Да я и не искала. Мне вполне хватает общения с мужем, с моей семьей, которая осталась в Хабаровске, да с подругами, которые живут сейчас кто где: в Америке, Японии, России и Корее.

А в последнее время и вы, мои читатели, стали самыми близкими моими друзьями. Я делилась с вами своим счастьем,

своим прошлым и настоящим, своими горестями и радостями так, как если бы знала вас с детства. Я искренне надеюсь, что хоть кому-то из вас мой рассказ поможет поверить в то, что рано или поздно все будет хорошо. Ведь как бы ни было плохо сейчас, как бы ни было тяжело, нужно верить, что все это – временно.

Просто Судьба посылает вам испытания, которые НУЖНО пройти, чтобы разглядеть и оценить по достоинству то светлое и хорошее, что еще ждет впереди.

Я знаю, кто-то из вас не поверит моему рассказу, решит, что я что-то утаиваю, приукрашиваю или недоговариваю. Это – его право. Ведь каждый верит лишь в то, во что он сам хочет верить. И если это так, то я сожалею, что он потратил зря деньги и время на эту книгу.

Всех остальных: кто поверил, кто искренне сопереживал, кто «прожил» вместе со мной еще раз все, что уже было, – благодарю за внимание и потраченное время. Надеюсь, что после этого мы с вами стали чуточку ближе.

ЭПИЛОГ

Здесь я хочу внести некоторую ясность о дальнейшей судьбе тех, кто был описан в этой книге. Не всегда информацию удавалось получить из первых уст, но явные сплетни я постаралась отсечь.

«Стерео». Хоть это не человек, а всего лишь клуб, но он оставил важный след в моей жизни, поэтому и о нем скажу. Он жив, стоит на прежнем месте, «радуя» посетителей все тем же отсутствием ремонта и пышнотелыми филиппинками.

Джерамайа, мой вечно пьяный знакомый, который в первый же день нашего приезда в таун советовал никому не верить. Он женился-таки на русской девушке, которую полюбил еще тогда и ради встреч с которой каждые выходные ездил в Пусан. Они до сих пор вместе и в данный момент проживают в Японии.

Света по-прежнему живет с мужем и ребенком в Хабаровске. Насколько я знаю, она счастлива в браке и я за нее искренне рада. К сожалению, последний год моего пребывания в России мы не общались, так что каких-либо более точных подробностей ее жизни мне не известно.

Моя подруга Лена, фиктивно вышедшая замуж за японца, получила, наконец, вид на жительство и теперь может оставаться в своей любимой Японии хоть всю жизнь. Увы, свою «половинку» она пока не нашла. Но я уверенна, что уж кто-кто, а она вполне заслуживает счастья и все у нее получится. Она постоянно работает (в отличие, кстати, от своего фиктивного мужа) и второй год ходит в колледж, изучая японский.

С Таней мы «не разлей вода» и очень часто общаемся. Они с Джеком и маленьким Колей живут в США и этим летом собираются приехать к нам в гости. Более счастливой пары (кроме своей, конечно) я в жизни еще не встречала.

Юля, наша мастерица рассказывать истории так, как никто другой не мог, продолжает ездить в Корею. Она купила квартиру в своем любимом Амурске, но «порвать» с Кореей пока не смогла. Так что ее ребенок чаще всего живет с бабушкой, Юлькиной мамой. Пробовала она как-то ездить в Японию, но что-то у нее там не получилось. В последний раз, когда я ее видела, она пыталась оформить студенческую визу в Корею. Что из этой истории вышло – не знаю. Но одно я поняла наверняка: пока Юля окончательно не «осядет» в Корее – не успокоится. Уж очень ей там понравилось.

Юлина подруга – Вика – поступила в пединститут и вроде бы открыла собственный бизнес по перевозке грузов. Встречается с

каким-то известным российским велосипедистом. Хотя обо всем этом я знаю не от нее лично, а лишь по слухам, так что за достоверность ручаться не могу, но на нее это похоже.

Инна-«Деревня» тоже недавно приехала в Америку вместе с дочерью. Она оказалась здесь на месяц раньше меня и замуж вышла тоже в Лас-Вегасе. Сейчас не работает, дочку устроила в школу. Судьбой своей в целом довольна и по телефону показалась мне вполне даже счастливой.

Наташка, которая наша «Барби», продолжает работать в Корее. Возвращается домой в Комсомольск-на-Амуре лишь для того, чтобы оформить новую визу. До сих пор пьет по-черному. Удивительно, но на ее кукольной внешности это пока никак не сказывается. Замуж ни за кого не вышла, хотя возможностей было – масса! Но видимо пьянство для нее пока что важнее.

Миранда, из-за которой меня чуть было не «продали» в «Ориенталь», тоже вышла замуж за американца и сейчас вместе с мужем находится в Корее. В мае они собираются приехать на время в Лас-Вегас, так как моей старой знакомой очень хочется увеличить грудь, а здесь это дешево. Ну что же, у каждого свое понимание счастья.

Обе узбечки, работавшие со мной в «Стерео» – Рита и Ира – тоже вышли замуж, и тоже за американцев. За тех самых, кстати, с кем при мне познакомились. Обе очень счастливы, ну и я заодно за них! Ира, живет вместе с Брайаном, тем самым экс-поваром, который научил меня правильно резать овощи, здесь, в Америке. Она давно получила гражданство и сейчас ждет ребенка. А Рита хоть и не сразу, а почти через три года, но вышла-таки замуж за Брука. Сейчас она находится у его родителей в Америке и ждет итальянскую визу, чтобы приехать к мужу, работающему по контракту в Италии.

«Идеальная» по слухам недавно разошлась в США со своим Джимом и выскочила замуж за какого-то миллионера. Впрочем, это всегда было ее целью, и она ее не скрывала.

«Паприка» сейчас в Хабаровске. Не замужем. Работает медсестрой и воспитывает ребенка.

Ира – девушка, напугавшая меня когда-то своим откровенным признанием о «бангладешах», – живет с мужем-«сусликом». В данный момент она беременна их вторым совместным ребенком. Итого у нее будет трое детей. Честно признаться, мне их жаль. Всех.

Ее подруга – Наташа – уехала с мужем в Исландию (на несколько лет его «перебазировали» туда). Ее бывший муж разрешил вывезти из России сына в обмен на пять тысяч долларов. Вот такие дешевые у нас нынче дети! С ней я не

разговаривала года два, но вроде бы, опять же – по слухам, у нее все отлично: работает, за домом ухаживает, мужа любит. Мне она всегда казалась очень домашней, несмотря на разбитной нрав и вечные фривольные шуточки. Видимо Наташа – одна из тех женщин, что гуляют долго, много и разнообразно, а потом, как нагуляются – становятся идеальными женами.

Ольга, как вы помните, уехала в Россию, чтобы выйти замуж за Криса, но… через месяц он передумал жениться. Спустя почти год он возобновил прерванное с невестой общение и пригласил ее приехать в Италию, где проходит сейчас службу. Да, она ему очень нравилась, но в тот момент он все-таки не был уверен, что хочет связать с ней судьбу: они еще недостаточно хорошо были знакомы, да и общались все это время больше жестами и эмоциями (английского Оля почти не знала, как и он – русского). Поразмыслив же немного, он все-таки решил провести с ней чуть больше времени, чтобы полностью убедиться, что она – именно *его* женщина. В последний раз я разговаривала с ним пару месяцев назад, когда он ожидал приезда Оли. После этого мы не общались, но я надеюсь, что все у них будет хорошо.

Рита. Вот – мой любимейший из персонажей! Вот за кого я искренне, неподдельно рада! (Прости меня, Господи, за то, что радуюсь чужим несчастьям, но не могу удержаться!) Все так же, изо дня в день, из года в год, живет со своим «любимым» мужем-«Ди Каприо». Ох, писал мне Шпик, что «грызутся они как собаки» и все о том же: кто кому денег недодал, али передал. Живите, голубки мои, вместе долго-предолго! Вы так друг друга заслуживаете, так дополняете, что лучшей пары и вообразить себе невозможно.

Чуян. Из-за ее запоев пришлось закрыть ресторан Шпика, который в последнее время стал приносить одни убытки (правильно, если управляющая кормит всех друзей на халяву и по пол дня валяется пьяная здесь же!). Шпик предлагал ей погасить все долги по аренде и налогам, которые «повисли» на Чуян как на официальной владелице заведения в обмен на то, чтобы она переписала бизнес на кого-то другого, кого подыскал Шпик. Но Чуян затребовала сверху еще пять тысяч долларов, поэтому они не договорились. Впоследствии ее ждут большие неприятности с законом, но вечно пьяная Чуян, кажется, этого не до конца понимает.

Кристин. Как я и говорила, она замужем за корейцем. Он давно потерял одну руку, но, тем не менее, продолжал заниматься ремонтом квартир. В последнее время он открыл собственный бизнес и уже управляет целой бригадой таких же, как он, мастеров. От заказчиков нет отбоя, поэтому и Кристин

пришлось бросить работу, чтобы начать помогать мужу.

К Шпику все-таки приехала жена из Америки. Но задержалась она там всего лишь на пару месяцев. Скучно ей стало, и она уехала в Японию к родственникам. Уж так ее Шпик ждал, так лелеял надежду на возвращение! Вернуться-то она вернулась, но как не было у них близости все это время, так с ее приездом и не прибавилось. И хоть жаловался мне Шпик, что нет у жены для него ласки, любить ее от этого меньше он не стал. И все надеется он и ждет, что все у них станет, как прежде. Я же, скрестив за него пальцы, молюсь, чтобы надежды его оправдались, и чтобы случилось это несколько раньше, чем закончится его корейский четырехлетний контракт.

Билл. Человек, давший в свое время Шону взаймы на открытие ресторана. Они с Шоном дружили лет тридцать, поэтому денег друг для друга никогда не считали. Билл давным-давно женат на филиппинке, которая продолжает жить у себя на родине. Он же приезжает к ней время от времени. В таком виде брак существует достаточно долго и все стороны он устраивает. Билл высылает ей тысячу долларов в месяц и на эти деньги она может жить в огромном доме, иметь большой штат прислуги (даже есть специальный «мальчик», который повсюду носит сумочку за «госпожой») и вообще – чувствовать себя королевой. В скором времени Билл собирается перебраться к жене, чтобы построить там собственный отель и заниматься туристическим бизнесом, весьма прибыльным в этой стране.

Тед. После Кореи перевелся во Флориду. Он все так же безумно доверчив и периодически влюбляется в девушек (чаще всего – экс-россиянок), которые, ничуть не смущаясь, залезают в его карман. Но он не унывает и верит, что когда-нибудь найдет свою «русскую принцессу», которая полюбит не только его деньги, но и его самого.

Санни. Продолжает работать здесь же – в Лас-Вегасе. Желания увидеться и пообщаться ни у кого из нас не возникало. При случайной встрече на авиа-шоу мы оба, не сговариваясь, сделали вид, что незнакомы и просто прошли мимо. К счастью, мой муж тоже не пересекается с ним по работе. В общем, эту страницу своей жизни я перевернула и благополучно забыла.

Тим, Кевин, Джейсон. Давно ничего о них не слышала. Да и слышать, в общем-то, не хочу.

Чарли. Перебазировавшись в Италию, завел там интрижку, результатом которой стал ребенок. На матери ребенка он не женился. Впрочем, он вообще еще ни на ком не женился. Там же, в Италии он подал рапорт об отставке, выучил итальянский и работает в какой-то турфирме.

Стэн после Кореи также перевелся в Италию. Женился на итальянке и уже воспитывает своего сына. По сей день он находится там и вроде бы счастлив.

Эля с Ирой все так же живут в Корее. Ругаются со своими мужьями и сидят взаперти. Менять в своей жизни ничего не хотят.

Валя, моя московская знакомая с дочкой. Приехала-таки в Америку, замуж вышла, но жизнью не слишком довольна: сразу после ее переезда муж стал ограничивать их в средствах, уезжая на заработки на месяц и оставляя на еду долларов по сто-двести. При этом он постоянно грозится отправить ее обратно в Россию и как-то уж слишком «по-доброму» посматривает на ее дочь тринадцати лет. Но, тем не менее, возвращаться она не хочет, так как дочка уже ходит в местную школу, обзавелась новыми друзьями и жизни своей без Америки больше не мыслит.

Вета тоже сейчас в Америке. Детей у них пока нет. Она учится в колледже и работает. За «холодцом» мы пока не встретились, но думаю, что все у нас еще впереди!